Трактат о двух Сарматиях

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИЗВЕСТИЯ ИНОСТРАНЦЕВ О НАРОДАХ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

МАТВЕЙ МЕХОВСКИЙ

ТРАКТАТ
о двух Сарматиях

ВВЕДЕНИЕ, ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИИ
С. А. АННИНСКОГО

1 . 9 . 3 . 6

НАПЕЧАТАНО ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Непременный секретарь акад. *Н. Горбунов.*

Сентябрь 1936 г.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
акад. Б. Д. ГРЕКОВ

Технический редактор А. Покровский

Ученый корректор А. Мирошников

Переплет и суперобложка
худ. А. Ушина

Ц. 8 р., пер. 1 р., 50 к.

Сдано в набор 3 марта 1936 г. Подписано к печати 5 октября 1936 г.
Формат бум. 62 × 94 см., 18¾ печ. л., 20.42 уч., авт. л. 43.560 тип. зн.
Ленгорлит № 22315., АНИ № 1207. зак. № 949., тираж 3200.

Типография им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57.

Содержание

Стр.

Предисловие VII

Введение 1

ТРАКТАТ О ДВУХ САРМАТИЯХ, АЗИАТСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ, И О НАХОДЯЩЕМСЯ В НИХ (перевод, стр. 41)

Письмо Матвея из Мехова Станиславу Турсону 45

КНИГА ПЕРВАЯ

Трактат первый. О Сарматии Азиатской 47

Главы: О том, что есть две Сарматии (47). О появлении и нашествии татар (47). О жестоком опустошении Польши и Венгрии татарами (49). О кровавом опустошении Венгрии Батыем, императором татарским (53). Как папа Иннокентий IV послал к хану татарскому просить, чтобы он не преследовал христиан, и как хан принял веру Магомета (57). Об обычаях татар и о находящемся в их землях (59). О границах владений заволжских татар (61). О генеалогии императоров, живущих за Волгой (63). О том, что народы Скифии беспокойны и всегда склонны к грабежу (56).

Трактат второй 68

Главы: Какие племена и какой народ живет в Скифии, называемой Татарией (68). О готтах (70). Об аланах, вандалах и свевах (72). Продолжение о вандалах, аланах и свевах (75). О юграх (79).

Трактат третий. О последовательном распространении татар по родам 85

Главы: О турках (85). О роде татар уланов или перекопских (89). О татарах казанских и татарах ногайских (92).

КНИГА ВТОРАЯ

Трактат первый. Об описании верхней Европейской Сарматии . . . 94

Главы: О Руссии, ее округах, изобилии и о находящемся в ней (94). О Литве и Самагиттии (98). Об обширности великого княжества Литовского и о находящемся там (105).

Трактат второй 112

Главы: О Московии (112). Об областях Скифии—Перми, Югре и Кореле, покоренных князем Московии (117).

Письмо Матвея из Мехова Иоанну Галлеру 119

Стр.

TRACTATUS DE DUABUS SARMATIIS, ASIANA ET EUROPIANA, ET DE CONTENTIS IN EIS (латинский текст, стр. 123)

Примечания 199

Приложения:

Указатель личных имен 267

Указатель имен географических 274

Предисловие

Археографический сектор Института истории Академии Наук СССР настоящей книжкой начинает серию памятников „Известия иностранцев о народах СССР“.

Трактат Матвея из Мехова De duabus Sarmatiis был известен давно: начиная с XVI в., им пользовался целый ряд иностранных писателей, говоривших о России. Совершенно понятно и наше внимание к этому произведению, долгое время служившему важным источником сведений о народах нашей страны.

Эта книжка написана автором-поляком в очень интересное время.

К началу XVI в. Польша уже не могла безразлично смотреть на европейский восток, где происходили грандиозные события, сильно затрагивавшие интересы западных соседей.

Две „Сарматии“, о которых трактует Матвей Меховский, в это время переживали разную судьбу. Одна — Татария, как Золотоордынское ханство, после длительной агонии только что прекратила свое существование и разбилась на несколько мелких частей; другая — Московия очень решительно и быстро шла к своему расцвету. Это было время, когда союз великокняжеской власти со всеми элементами, враждебно настроенными к феодальной раздробленности, привел в Москве к торжеству нового строя, к созданию большого и сильного централизованного государства, когда Москва весьма определенно поставила перед собой задачи, далеко не безразличные для Западной Европы и прежде всего для Польши и Литвы.

Трактат Меховского появился в печати в 1517 г., то есть три года спустя после взятия московскими войсками в итоге войн с Литвой Смоленска (1514) — политического события, совершенно ясно показавшего, что новая прибавка к титулу московского великого князя „и всея Руси“ — не слова, а реальная программа новой „колоссальной империи“.

Меховский, сторонник крепкой централизованной власти в своем отечестве, мечтавший о расширении границ его между прочим и за счет русских земель, должен был переживать трудные моменты: с одной стороны, он не мог не видеть ослабления в Польше королевской власти, которую ему хотелось видеть сильной; с другой стороны, он наблюдал непрерывный рост Москвы и ее победоносное насту-

пление на запад. Факты, явно грозившие политическим мечтам автора. Отсюда — критическое отношение Меховского к правящим кругам Польши (в Трактате, впрочем, не выявленное), отсюда и его определенная позиция по отношению к Москве, успехам которой он не мог сочувствовать, но вынужден был их признавать.

В отдельных случаях политическая тенденция Меховского даже в относительно бесстрастном Трактате ведет к искажению или, по крайней мере, к своеобразному освещению им фактов, которые он должен был хорошо знать, поскольку они были в его время свежи и даже общеизвестны. Так, он изобразил, например, в несколько преувеличенном виде военные и политические подвиги Витольда, по его словам, „человека энергичного и смелого в бою", который „присоединил к Литве княжество Псков, называемое Плесковией, а затем другое княжество Новгородское, называемое Нугардией (Трактат, стр. 103). Источники, которыми мы владеем, не подтверждают этого сообщения. Справедливость, впрочем, требует сказать, что Меховский признает кратковременность этих „успехов" Витольда. В конце той же главы автор отмечает, что в самые последние годы правления Казимира Литовского „князь Московский Иван отнял и присвоил себе княжество Новгородское", что он же „захватил княжество Можайское", а при короле Сигизмунде, современнике Меховского, „князь Московии Василий завоевал и занял княжество Псков, называемое Плесковией, и Смоленское княжество".

Политические симпатии и антипатии Меховского проявлены здесь с достаточной определенностью. В своих политических увлечениях он видит то, чего на самом деле не было: ни Псков, ни Новгород никогда не были ни литовскими, ни польскими землями, но, несомненно, известные круги польского общества имели определенные притязания и на Псков и на Новгород. Нам хорошо известно, что и в среде новгородского боярства, являвшегося упорным оплотом старого феодального строя и тем самым — врагом растущей центральной московской власти и образующейся великорусской нации, тенденции к сближению с Литвой находили себе серьезный отклик.

Нужно, впрочем, признать, что Трактат достаточно богат и объективно ценными сведениями, несмотря на ряд несомненно ошибочных сообщений.

Меховский не историк, хотя ставит перед собою исторические задачи: они оказываются ему не всегда по силам. Как и большинство его современников, он не в состоянии дать себе отчет в том, что именно с точки зрения исторического процесса происходит в Москве, Татарии, Литве и даже в родной ему Польше. Но, как сын своего общества

как человек своего времени, этот внимательный наблюдатель, замечая многое, реагирует на происходящее по-своему, под своим углом зрения.

Меховский говорит не только о прошлом, но очень часто и о настоящем, ему известном, как современнику. Для нас в таких случаях он особенно интересен. Наше дело проверить его показания, но не считаться с его сообщениями наша наука не может. Так, автор, например, говорит о плодородии и технике земледелия в Подолии (стр. 94—95), о богатстве Украины красящими растениями, об их торговом значении и падении вывоза (стр. 96); сообщает интересные сведения о городе Москве, Кремле и московских постройках, любопытные и ценные данные о Новгороде и Пскове (между прочим, о немецком платье псковичей); дает описание рек Московии, Руси и Литвы, впервые в литературе называя их подлинными именами, вместо принятых в средневековой географии античных имен. Очень любопытно, но мало правдоподобно замечание Меховского относительно техники земледелия в Московском государстве. Он уверяет, что там „пашут и бороздят землю деревом без применения железа и боронят, таща лошадьми по посеву древесные ветви" (стр. 114). Замечание — верное, может быть, лишь по отношению к очень далеким от Москвы районам, но отнюдь не соответствующее тому, что нам по этому предмету хорошо известно, как для центральных частей Московского государства, так и для Новгорода и Пскова. Тут в середине XV в. совершенно ясно господствует трехполье, легшее в основу обложения всей страны. Утверждению Меховского противоречат и археологические показания — наличие железных наконечников сох во всяком случае в XII—XIII вв. Противоречит Меховскому и хорошо нам известный факт хозяйственного подъема России именно в конце XV и первой половине XVI в., нашедшего свое выражение в целом ряде вполне проверенных наблюдений (между прочим, увеличение производства хлеба в связи с ростом внутреннего рынка), без чего немыслимо было и самое образование Московского государства. Это ошибочное представление Меховского (как и вообще очень многое из его сообщений) оказало известное влияние и на Герберштейна.

Ошибочных сведений у Меховского немало, но рядом с ним много и метких, вполне достоверных наблюдений. Так, он отмечает, что „в государстве москов, как и в землях турок, людей перебрасывают с места на место, из области в область для заселения, а на смену им посылают и размещают других" (стр. 116). Меховский, правда, не понял политического смысла этих „переселений": он не понял, почему Иван III вывел во внутренние области бояр из Нов-

города, а Василий III то же сделал по отношению к Пскову, но факт отмечен им совершенно правильно.

Очень много места уделяет Меховский в Трактате народам, частью (по его мнению или в действительности) населявшим когда-то нашу страну, частью и сейчас входящим в наш Союз: скифам, сарматам, готам, вандалам, аланам, свевам, половцам, татарам, калмыкам, черкесам, югре, пермякам, карелам, черемисам, евреям (между прочим евреям-земледельцам), литовцам и др.

Нельзя сказать, что автор вполне справился и с этой своей задачей — дал нам более или менее удовлетворительный историко-этнографический очерк. Можно сказать больше: у Меховского есть положения с научной точки зрения совершенно фантастические и не выдерживающие никакой критики (вандалы, свевы, бургунды у него считаются поляками и говорят по-польски; югра — это венгры и т. д.). Эти исторические экскурсы Меховского любопытны, однако, как типичный и очень показательный образчик современной ему историографии, а иногда — как выражение политической тенденции автора. Как на пример такого пристрастного отношения к отдельным народам можно указать на главу о татарах перекопских. Но и этой своей стороной, позволяющей следить за образом мыслей польского ученого XVI в., труд Меховского нам не менее интересен, чем своим фактическим содержанием.

Меховский убежден, что своим Трактатом он сделал „известными миру народы, живущие у Северного океана к востоку", якобы „открытые войсками короля Польского". Это убеждение понятно у автора первой печатной книжки о „Сарматиях", притом автора-поляка. Новизна его сведений для XVI в. несомненна, для нас же книжка имеет иное значение. Хотя, как первоисточник, она дает нам сравнительно немного фактов, но интересна, как произведение долгое время бывшее одним из главных источников изучения нашей страны, как выразительный памятник в истории науки и, наконец, как показатель обостренного и вполне естественного политического интереса западных соседей к растущей Московии, к ее прошлому, к ее быту, богатствам и возможностям развития. Польский патриот не мог не заговорить о Сарматиях после того, как одна из них (Москва) весьма громко заявила миру о своем существовании.

Б. Греков.

Descriptio Sarmatiarum Asianae ꝛ Europianae ꝛ eorũ quae in eis cõtinent.

¶ Sola sub occiduo vir/tus manet orbe perennis

¶ Omnia mortali cetera sorte cadunt.

Spes mea Christus.

ANNO M DXXI.

Титульный лист третьего издания Трактата 1521 г. в Кракове.

Введение.

Трактат Матвея Меховского „О двух Сарматиях“ впервые напечатан в Кракове в 1517 г.

Эта небольшая и скромная книжка[1] произвела чрезвычайно сильное впечатление, немедленно стала центром ученых споров, выдержала одно за другим ряд изданий, долгое время оставалась одной из самых читаемых вещей и источником постоянного заимствования для многих.

Автор едва ли предвидел такой успех, но принципиальное значение книжки понимал совершенно и первый определил его в своем предисловии. Он говорит там: „Южные края и приморские народы вплоть до Индии открыты королем Португалии. Пусть же и северные края с народами, живущими у Северного океана к востоку, открытые войсками короля польского, станут теперь известны миру“.

В этом именно был главный смысл Трактата. Он, действительно, впервые развертывает перед европейским читателем новую страницу в книге „великих открытий“ и оказывается не только первой печатной, но и вообще первой по времени работой, специально посвященной обзору стран и народов северо-восточной Европы.

Этим прежде всего интересен Трактат и для нас, но, как увидим, не этим одним.

I

Биограф Меховского располагает весьма немногочисленными источниками. Кроме отрывочных автобиографических замечаний, изредка встречающихся в сочинениях Меховского, первоначальной и долгое время единственной основой для его жизнеописания была надгробная надпись в Краковском кафедральном соборе, довольно подробная, составленная в недурных латинских стихах Николаем из Велички.[2] Ни самой гробницы, ни надписи давно уже и следа

---

[1] Всего 36 ненумерованных листов in 4°.

[2] Один из питомцев Меховского, учившийся за его счет в Болонье, доктор медицины.

нет, но стихи надгробия сохранены Старовольским в его ценном для польских древностей издании Monumenta Sarmatarum, Cracoviae, 1655.

Другим источником ныне являются скудные документальные данные, содержащиеся в изданиях по истории Краковской академии и Ягеллонского университета,[1] в изданиях, относящихся к истории медицины в Польше,[2] и, наконец, в немногих работах, посвященных Меховскому как историку.

Из современников о Меховском писали: известный историк, секретарь Сигизмунда I, Юст Деций[3] и Франческо да Колло, посол Империи к Василию III.[4]

Все эти источники дают сравнительно немного, зачастую оставляют без всякого ответа весьма важные вопросы, но все же с достаточной отчетливостью рисуют замечательную фигуру человека, ученого и общественного деятеля, бесспорно выделяющегося из общего уровня.

Лучшая и последняя по времени биография Меховского принадлежит Мартину Гойскому.[5] Более ранняя, но сохраняющая ценность по богатству документаци, включена Ф. Бостлем в его исследование Zakaz Miechowity.[6] Кроме того есть биографические очерки Ф. М. Собещанского,[7] С. Лукаса,[8] Г. Корбута[9] и др. На русском языке наиболее тщательно, хотя по тому времени и по неполным материалам, написана биография Меховского в Отечественных записках за 1854 г.[10]

Матвей Меховский родился в 1457 г. в бедной мещан-

---

[1] Sołtykowicz, O stanie Akademii Krakowskiej od założenia iej w roku 1347 aż do teraznieyszego czasu, Kraków, 1810; H. Zeissberg, Das älteste Matrikelbuch der Universität Krakau, Innsbruck, 1872; Josef Muczkowski, Statuta necnon liber promotionum, Cracoviae, 1849; K. Morawski, Historya uniwersytetu Krakowskiego, II, Kraków, 1900; W. Wisłocki, Acta uniwersytetu Jagellonskiego, I.

[2] Gąsiorowski, Zbiór wiadomosci do historyi sztuki lekarskiej w Polsce, I, str. 177—178; Kośmiński, Slownik lekarz. polskich (318).

[3] Cp. Hirschberg, O życiu i pismach Justa Ludw. Decjusza, Lwów, 1874.

[4] Trattamento di pace tra il serenissimo Sigismondo, re di Polonia, et gran Basilio, prencipe di Moscovia... Padova, 1603.

[5] Wielka encyłopedya powszechna ilustrowana, serya I, t. XLV—XLVI, Warszawa, 1911, str. 1007—1010.

[6] Ferdynand Bostel, Zakaz Miechowity (Przewodnik naukowy i literacki, Lwów, 1884, XII, str. 438—444 и отдельно).

[7] Encykłopedya powszechna Orgelbranda, t. 18, str. 497—500.

[8] S. Lukas, Rozbiór podługoszowej części Kroniki Bernarda Wapowskiego, Kraków, 1880, str. 19—35.

[9] G. Korbut, Literatura Polska od początków do wojny światowej, t. I, wyd. 2, Warszawa, 1929, str. 152—153: краткая заметка, использующая старые материалы.

[10] Отеч. записки, т. XCVII, отд. II, Библиографические отрывки: III, Матвей Меховский и его сочинение „О двух Сарматиях", стр. 138—141.

ской семье[1] в Мехове, небольшом старом городке краковского воеводства, по которому впоследствии и прозван был de Miechow, a Miechow, Miechowita.[2]

Что помогло ему пробиться к науке, мы не знаем; известно лишь, что 16 лет от роду он пришел в Краков и в 1473 г., уплатив 8 грошей вступительного взноса, был включен в список студентов университета. Начав с Аристотеля и философии, он в дальнейшем все более склоняется к медицинским наукам. В 1476 г. он уже бакалавр, в 1479 г. магистр, а 1480—1485 гг. проводит заграницей, работая в немецких и итальянских университетах — в Праге, Флоренции, Падуе и др. По возвращении в Краков, уже в звании доктора медицины, Меховский становится профессором университета и с этих пор почти не покидает Кракова. Исключением были: его путешествие в Рим в 1499 г. на торжества юбилея, объявленного Александром VI; в Буду, в качестве посла,[3] и немногие другие, недальние поездки[4].

Наиболее яркий период университетской деятельности Меховского приходится на 1501—1519 гг., когда он девять раз, с перерывами, избирался ректором и в течение двух лет был вице-канцлером, причем канцлером по положению был важнейший сановник города — краковский епископ.

Правил Меховский в университете твердой рукой, вводя суровый порядок, но замечательно, что эта суровость направлялась не на молодежь, а на избалованную и чванную

---

[1] В упоминавшейся эпитафии сказано: Mortuus a. d. MDXXIII die VIII septembris, aetatis vero suae LXVI (Starowolski, o. c., str. 25; F. Bostel o. c., str. 439), что устанавливает, как дату рождения, 1457, а не 1456 г., как говорится у С. Лукаса (о. с., стр. 19) и др.

В той же эпитафии дважды упомянуто, что Меховский был оторван судьбой „от полей" (ab agro, ab agris). Отсюда биограф его в Отеч. записках умозаключил, „что, следовательно, он принадлежал, по рождению своему, к сословию хлебопашцев, то есть поселян". Это едва ли правильно. Новейшие исследователи (М. Гойский, Ф. Бостель) говорят о мещанском происхождении Меховского, и это отнюдь не противоречит связи семьи его с землей. Ср. М. К. Любавский, Очерк истории литовско-русского государства, изд. 2-е, М., 1915, стр. 115—117 и 149 („... мещане незначительных мест... занимались главным образом земледелием и мало специализировались на торговле и ремесле").

[2] Мехов, б. уездный город Келецкой губ. (50° 21′ 8″ с. ш., 37° 40′ 2″ в. д.), при старой дороге Кельцы — Краков, в одной трети расстояния от Кракова и в двух третях — от Кельц. От Пржемыслава, князя Великопольского и Краковского, город в 1290 г. получил магдебургское право и, хотя позднее, при Владиславе Локетке, его самоуправление подверглось некоторому ограничению, но свобода мещан от повинностей была вновь подтверждена. Богатым город никогда не был. См. Wielka encykłoped., t. XLV—XLVI, str. 1010; M. Baliński, Starożytna Polska, Warszawa, 1844, t. II, str. 154—157.

[3] Ср. упоминания в его Хронике (изд. 2-е, 1521 г.), кн. IV, гл. LXXIX, стр. 360, и гл. LXXXIV, стр. 375.

[4] В Мехов, в Петроков (в 1518 г., по словам Франческо да Колло) и др.

профессуру. Пользуясь и своей властью, и поддержкой канцлера-епископа, Меховский увеличил университетскую казну, что позволило ему широко помогать менее обеспеченным академическим коллегиям.

Особенно заботливо относился он к медицине, представлявшей наряду с астрологией его любимый предмет.

Уже к 1501 г. Меховский пользовался громкой известностью, как врач, и был придворным врачом и астрологом Сигизмунда I польского и Владислава чешско-венгерского. По его почину и в значительной степени на его средства учреждается в университете новая медицинская кафедра, при чем в устав ее, по настоянию Меховского, вносится обязательство еженедельно принимать хоть одного неимущего больного, ходить за ним и лечить бесплатно.

В эти же годы расцвета Меховским написаны и его ученые работы — медицинские и исторические сочинения.

С 1511 г. он получает почетную и весьма доходную должность каноника при церкви св. Флориана в Кракове. В это время он уже не только знаменитый врач, королевский протомедик и астролог, не только член краковского городского совета и уважаемый ученый, но, без сомнения, и богатый человек. На что же он употребляет свои богатства? У него большая и прекрасная библиотека, но еще больше маленьких, опекаемых им учреждений, которым он дарит свои книги. У него, по положению каноника, есть каменный дом, но этот дом он уступает историку Ваповскому.

Его биографы приводят длинный список сооруженных или перестроенных и расширенных им школ в Мехове и Кракове, общежитий для больных студентов и клириков, для бедных профессоров и ученых. В этом списке нет церквей и нет дарений в монастыри: странный краковский каноник предпочитает делать большие пожертвования на госпитали, библиотеки и школы, а бедноте, особенно неимущей молодежи, он постоянно помогает и лечением, и деньгами, и своим влиянием.

Умер Меховский 8 сентября 1523 г. в Кракове, и его похороны превратились в большую манифестацию, где рядом с ученым миром, сановниками и городскими властями, участвовала многотысячная масса бедноты.

II

Ученая и учено-литературная деятельность Меховского принадлежит к двум разным областям науки. По образованию, вкусам, педагогической и вообще практической работе он был прежде всего и по преимуществу

медиком, а вместе с тем, как часто в то время бывало, и астрологом. С другой стороны он известен, как историк, автор двух исторических работ.

К числу его медицинских сочинений относятся: Contra sevam pestem regimen, Краков, 1508, 1513, 1527 (о профилактическ х мерах при чуме); De sanguinis missione, ibid., 1508 (о кровопускании); Conservatio sanitatis, ibid., 1512, 1522, 1535 (руководство по гигиене жилища и быта); De Eufrasie aqua (лекарство для глаз).

Два его исторических сочинения это — Chronica Polonorum и Tractatus de duabus Sarmatiis.

Хроника впервые издана была в Кракове у Иеронима Виетора (Vietor) иждивением Юста Деция в 1519 г., второй раз там же в 1521 г., затем — у Пистория в Scriptores rerum Polonicarum, I, и в четвертый раз в коллекции Митцлера [1]; в итальянском переводе Аннибала Маджи она вышла в Венеции в 1562 г.

Сочинение это, содержащее историю Польши от начала ее до 1506 г., единственная, кажется, из всех работ Меховского, неоднократно подвергавшаяся научному разбору и оценке [2]. Наиболее ранний отзыв Брауна, разделяемый Голембиовским и кое-кем из позднейших (Dr Z. Kniaziołucki), — отзыв отрицательный. Меховский квалифицируется, как компилятор, обвиняется в хищениях у Длугоша, а иногда и в искажении фактов. Обстоятельная работа Боржемского дает более беспристрастную и более объективно правдоподобную оценку. То, что Меховский — компилятор и во многом повторяет Длугоша, не подвергается никакому сомнению, но при этом важно учесть следующие обстоятельства: во первых, История Длугоша заканчивается 1480 годом, тогда как Хроника Меховского доведена до 1506 г.: если в первой части он лишь сухо повторяет Длугоша, то во второй — самостоятелен; затем, система расположения материала у Меховского вообще несколько иная, чем у Длугоша, и, наконец, достоинством Хроники признается большая точность хронологии. Что касается

---

[1] Laur. Mitzler a Koloff, Historiarum Poloniae et magni ducatus Lithuaniae collectio, Varsoviae, 1761—1769.

[2] О ней писали: D. Braun, De scriptorum Poloniae virtutibus et vitiis, Coloniae, 1733; Bentkowski, Historya Literatury Polskiej, Warszawa i Wilna, 1814; ks. Ignacy Chodynicki, Dykcyonarz uczonych Polaków, Lwów, 1833, t. II, str. 111—116; Dubois, Essais sur l'histoire littéraire de Pologne, Berlin, 1778; L. Golębiowski, O dzieiopisach Polskich, ich duchu, zaletach i wadach, 1825, str. 90—96; Sołtykowicz, o. c.; S. Lukas, o. c.; F. Bostel, Zakaz Miechowity—(Przew. nauk. i liter., Lwów, 1884, XII и отдельно); Borzemski, Kronika Miechowity (Rozpr. Akad. Umiejetn., Wydz. hist.-filoz., ser. II, t. I, Kraków, 1891 и отдельно) с рецензией Dr F. Papée (Kwart. histor., 1894); Al. Hirschberg, o. c.

бесспорного ее недостатка — чрезвычайной сухости, с которой факты не столько излагаются, сколько отмечаются, Боржемский склонен объяснять это качество либо отсутствием у Меховского таланта исторического изложения, либо, что и вероятнее и важнее, самым назначением хроники: она писалась, как университетский учебник, пособие для студентов; автор отнюдь не претендовал на создание чего-то нового и совершенно самостоятельного.[1] Отметим, что История Длугоша впервые, и то не полностью, напечатана лишь через 135 лет после смерти автора, а во время Меховского была еще в рукописи, да и в этом виде едва ли могла особенно распространяться в силу враждебного отношения к ней правительственных и церковных кругов. Таким образом Меховский своей Хроникой, хотя бы частью и компилятивной и даже сухой, восполнял крупный пробел. Как бы то ни было, его Хроника — это первая история Польши, появившаяся в печати.

Что же касается обвинения в недобросовестном обращении с фактами, то любопытным противовесом этому может быть подобное же обвинение, выдвинутое против Меховского правящими кругами родовой и церковной аристократии, вскоре по выходе первого издания Хроники. В то время истинной подкладкой обвинения была „излишняя“ правдивость Меховского: излагая, как современник, историю царствования Александра Ягеллона, он не пожелал ни скрыть, ни смягчить ряд фактов, бросавших очень невыгодный свет и на самого Александра, и на многих ближайших его сотрудников, а между тем иные из этих лиц были еще в живых и у власти (например, Ян Лаский, примас Польши), о других же и о „чести династии“ позаботились наследники. Книга подверглась конфискации в 1521 г., а новое издание в том же 1521 г. было выпущено уже с изъятиями и заменами, редактированными, как думают, одним из крупнейших заинтересованных лиц, Яном Ласким.[2]

III

Другая историческая, точнее историко-географическая работа Меховского, здесь наиболее нас интересующая, это Трактат о двух Сарматиях.

Известны следующие его издания: 1) Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis, Cracoviae,

---

[1] См. In Chronicam praefatio автора.
[2] О Хронике см. ниже, гл. VI.

1517 [1]; 2) Idem, Augustae Vindelicorum, 1518 [2]; 3) Descriptio Sarmatiarum Asianae et Europianae et eorum, quae in eis continentur, Cracoviae, 1521 [3]; 4) Novus orbis regionum et insularum veteribus incognitarum (Grynaei), Parisiis, 1532 и в дальнейших переизданиях [4]; 5—6) Basileae, 1537, 1582; 7) Venetiis, 1542; 8) у Пистория — Polonicae historiae corpus, Basileae, 1588 [5]; 9) в коллекции Митцлера. Второй трактат II книги (о Московии), кроме того, отдельно напечатан — а) в Rerum moscoviticarum auctores varii, Francofurti, 1600 и б) у Старчевского в Historiae Ruthenicae scriptores saeculi XVI, Petropoli et Berolini 1851, т. I (из сборника Пистория).

На другие языки Трактат переводился не раз. Отметим: 1 -2) немецкий перевод, сделанный немецким гуманистом Иоганном Майр фон-Экк: Traktat von baiden Sarmatien und andern anstossenden landen in Asia und Europa von sitten und gepräuchen der völker so darinnen wonen, Augspurg,

---

[1] Печатано у Иоганна Галлера: 4° (20.5 см × 15 см), 34 ненумер. листа, шрифт круглый, типа гуманистического минускула. Дата в конце: Impressum Cracoviae opera et impensis providi viri domini Ioannis Haller, civis Cracoviensis. Anno Christi 17 supra millesimum quingentesimum. In vigilia omnium sanctorum. По краям титульного листа — украшение, оттиснутое с деревянной доски, представляющее арку из лавровых листьев на двух колоннах, под которой, вверху над заглавием, щит с монограммой Галлера.

[2] В конце последней страницы: Excusa Augustae Vindelicorum. Anno virginei partus M. D. XVIII, die vero .IIII. mensis augusti; 4° (22 см × 16 см), 29 ненумер. листов, шрифт готический; на титульном листе рамка (дерев. гравюра) из арабесков, цветов, грифов и т. п., без монограммы.

[3] В конце последней страницы: Cracoviae apud dominum Ioannem Haller. 1521; дата Anno MDXXI есть и на титульном листе; in 4° (19.5 см × 14 см), 36 ненумер. листов, шрифт основного текста круглый, приложений в начале и конце — готический; на тит. листе изображение (дерев. грав.) боя рыцарей с татарами в рамке из гирлянд и колонн; между заглавием и упом. изображением два изречения: 1) Sola sub occiduo virtus manet orbe perennis, omnia mortali cetera sorte cadunt; 2) Spes mea Christus. Кроме имеющегося и в первых двух изданиях посвятительного письма к епископу ольмюцскому, в это издание включены: 1) письмо от Иоанна Магнуса к автору о готах; 2) ответ ему Меховского (оба эти письма идут непосредственно вслед за посвящением); 3) письмо Меховского к Иоанну Галлеру о северных странах, помещенное в самом конце книги.

Прекрасное описание изданий 1517, 1518 и 1521 гг. дано в Отеч. записках (о. с., стр. 153—155).

[4] См. J. Ch. Brunet, Manuel de libraire et de l'amateur de livres, Paris, 1862, IV, стб. 132: Basileae, 1537, 1555 etc.

[5] В этом издании допущены странные изменения в тексте Меховского, начиная уже с посвятительного письма. Вместо обращения к Станиславу Турсону, оно адресуется к безличному bone lector; по содержанию, частью урезано, частью фразеологически переделано с устранением всех резких выражений оригинала. Так же вольно редактирован и основной текст. Об этих изменениях упомянуто в отмеченной статье Отеч. записок (о. с., стр. 156): автор статьи полагает, что целью изменений была погоня за изящной латынью. Надо сказать, что если цель действительно была такова, то она не достигнута, в частности и по сравнению со стилем самого Меховского.

1518;[1] 2-е издание 1534 г.; 3—4) польский перевод Андрея Глабера из Кобылина: Polskie wypisanie dwojei krainy swiata: ktora po łatinie Sarmatia, takież y lud tam przebywaiący zową Sarmate, iakoby zawsze gotowi a zbroyni. Gdzież też obiawione są niektore dawne dzieje polskie. Z wypisania doktora Matieia Miechowity dopiero wyłożone, Krakow, 1535 с повторением в 1541 г.; 5) тот же перевод под заглавием Wypisanie Dwoiey Sarmatskiey krainy: Jedney ktora leży w Azyiey sciągaiąc się ku wschodu słońca, Drugiey ktora w Europi ku połnoci, a ku zachodowi się sciągaiąc. Przez doktora Macieia Miechowitę łacina wypisane a ku pospolitego człowieka pożytku na polską rzecz wyłożone; в конце книги: Prasowano w Krakowie przez Marka Scharffenberga Bibliopolę, Krakow. Lata Bożego 1545;[2] 6—10) итальянский перевод Annibale Maggi:[3] Historia delle due Sarmatie tradotta per il signor Annibale Maggi bresciano, in Vinegia, 1561, 8°; Idem, ibidem, 1562; Historia delle due Sarmatie di Matteo Michevo dottor fisico et canonico Cracoviense tradotta per il signore Annibal Maggi. Di novo ricorretta et ristampata. In Venetia. 1584; Idem, ibidem, 1634; во втором томе Рамузио Delle navigazioni et viaggi, Venetia, 1606.

На русский язык Трактат до сих пор целиком не был переведен. Частичные переводы имеются следующие. В Отеч. записках (о. с., стр. 141—151) переведены следующие части Трактата: книги первой первого трактата глава 1 (I.I.1), кроме последней фразы; гл. 2 — целиком; из гл. 3 (кроме первой фразы) — рассказ о Киеве; из II.I.3 часть, относящаяся к Новгороду, Пскову, Полоцку и Смоленску; II.II.1 (о Московии) — целиком; из письма к Галлеру — не-

---

[1] Кроме указанного заголовка, на титульном листе еще: Ain anders von den landen Scithia und den innwonern desselben lands genannt Ciarchassi vast wunderparlich zu hören. Mit Kö. Kays. Mayestat freyhait. На последней странице: Getruckt und vollendet in der kayserlichen statt Augspurg nach der geburt christi unsers herren tausent fünffhundert und in Achtzehenden jar. Формат книги 4° (18 см × 13.5 см), 34 ненумер. листа. Титульный лист в рамке (перев. грав.) в виде арки с двумя поддерживающими капители колонн ангелами; под капителями два медальона с какими-то портретами. На обороте заглавного листа находится посвящение от переводчика, где он именует себя Johann Mair von Eckh. Вслед за Трактатом напечатан перевод обозначенного в заголовке сочинения Giorgio Interiano, De Zychi altrimenti Circassi, Venezia, 1502.

Ср. тщательное описание в Отеч. записках, о. с., стр. 157—158.

[2] О польских переводах см. Отеч. записки, о. с., стр. 156—157, и Габр. Корбут, о. с., стр. 153.

[3] В нашем распоряжении было лишь издание 1584 г., appresso i Gioliti, 8° (16 × 10.5 см), 10 ненумер. листов и 132 стр.; с указателем — Tavola delle cose notabili contenute nell'historia delle Sarmatie. Характеристика искажений в именах правильно дана в Отеч. записках, о. с., стр. 158—159. Другие издания указываются по Отеч. запискам (там же) и Габр. Корбут, о. с., стр. 153.

большой отрывок от In regionibus septentrionalibus, кончая ad candelas decantant et perficiunt. Перевод Отеч. записок, в упоминавшейся уже анонимной статье, принадлежащей как полагает М. П. Алексеев[1], М. Корфу, обладая большими достоинствами со стороны литературной (это, пожалуй, самый изящный из существующих русских), к сожалению, не отличается точностью. Наши разногласия с ним указаны в примечаниях. В журнале „Землеведение", т. XXX, вып. IV, Гиз, 1928, статья Б. Дитмара „Трактаты о двух Сарматиях Матвея Меховского" (стр. 62—75) содержит перечень заголовков по главам Трактата, иногда с кратким означением содержания главы, и перевод нескольких отрывков, в том числе: бо́льшая часть посвящения с пропуском некоторых фраз и без конца; I.I.1 — так же, как и в Отеч. записках, без последней фразы; I.I.7 — маленькие отрывки о границах заволжских татар, о Доне и Волге; II.I.3 — небольшие отрывки из описания Новгорода, Пскова, Полоцка и Смоленска; II.II.1 (о Московии) — целиком; II.II.2 (о Перми, Башкирии, Югре и Корелии) с пропуском сравнения югров с венграми и последней фразы главы. Достоинством перевода Б. Дитмара надо признать его стремление к точности, иногда оправдываемое и результатами, но в общем он мало удовлетворителен, а местами весьма ошибочен (см. наши примечания).

Тот же отрывок о северных народах, что у Дитмара (II.II.2), переведен и В. Н. Дурденевским в упоминавшейся книге М. П. Алексеева (о. с., стр. 79). Этот перевод точен и имеет всего одну погрешность, и то только по недоброкачественности использованного переводчиком издания текста.

К этому перечню необходимо добавить, что Е. Замысловский, много занимавшийся Меховским для своих сочинений о Герберштейне и Себастиане Мюнстере, в обоих этих работах приводит немало отдельных фраз из Трактата в собственном переводе, чаще всего вполне точном.[2]

IV

Трактат о двух Сарматиях в свое время много читали, издавали и переводили, из него многое заимствовали,[3] упоминая автора то с похвалой, то с порицанием, а чаще

---

[1] Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, т. I, Иркутск, 1932, стр. 79.

[2] Ср. Е. Замысловский, Герберштейн и его истор.-геогр. известия о России, СПб., 1884; его же, Описание Литвы, Самогитии, Руссии и Московии Себастиана Мюнстера, ЖМНП, 1880, сентябрь, стр. 66 и сл.

М. П. Алексеев (о. с., стр. 79) указывает еще (нам неизвестный) „неточный и неполный перевод отрывка... относящегося к сев.-востоку" А. Оксенова в Томских губ. ведомостях, 1882, № 6.

[3] Назовем Альберта Кампензе, Павла Иовия, Герберштейна, Мюнстера.

и вовсе не упоминая, но изучением Трактата не занимались. Исследований о нем почти нет, а специальных и вовсе нет. Те, кто в своих работах касались его,[1] ограничивались большею частью либо отдельными замечаниями по частным вопросам, либо, наоборот, общими обзорами содержания, иногда с добавлением некоторой, суммарной же, оценки его значения, либо, наконец, включали его как деталь в какую-либо общую систему мыслей исторического, историко-литературного или библиографического характера.

Не предполагая именно здесь восполнить этот пробел и еще в меньшей степени претендуя на исчерпывающий смысл наших ниже помещаемых замечаний, мы считали бы нужным коснуться вопросов: о задачах, плане и конструкции Трактата, об источниках его, о мировоззрении автора, об обстановке появления книги и причинах ее успеха, о ценности Трактата в настоящее время. Большинство этих вопросов, и в частности вопрос об источниках, до сих пор еще не разрешены.

В предисловии и первой главе Трактата автор ставит себе задачей кратко описать, открыть науке и миру страны, в его время именовавшиеся, по Птолемею, Сарматией Европейской и Сарматией Азиатской, т. е. территории восточной Европы между Вислой и Доном с одной стороны и между Доном и меридианом Каспийского моря с другой. Он хочет рассказать о народах, населяющих эти страны, „о их государственном строе, происхождении, вере и обычаях, обширности земель“ и т. д. Иначе говоря, цель Трактата — историко-географическое и этнографическое описание. Цель эта достигнута автором, но не в одинаковой степени по всем предметам его изучения.

Конструктивно opusculum Меховского состоит из двух книг, разделяющихся — первая на три трактата (из 9, 5 и 3 глав), вторая — на два (из 3 и 2 глав), т. е. всего из 22 глав, образующих 5 трактатов или 2 книги.[2] Первая книга посвящена Сарматии Азиатской и содержит трактаты: 1) О первом появлении татар, их местожительстве и нравах; 2) О населении Азиатской Сарматии до татар — готах, вандалах и гуннах (юграх); 3) Об истории турок и татар. Вторая книга — о Европейской Сарматии состоит

---

[1] C. Meiners, Vergleichung des ältern und neuern Russlandes, Leipzig, 1798, стр. 4; Fr. Adelung, Kritisch-literärisches Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, I, St. Petersb. — Leipzig, 1846, стр. 179 и сл.; Отеч. зап., о. с.; Е. Замысловский, о. с.; В. О. Ключевский в „Сказаниях иностранцев“; Б. Дитмар, о. с., и М. П. Алексеев, о. с.

[2] Изменение заглавия всего сочинения в 3 издании: Descriptio Sarmatiarum, вместо Tractatus, вызвано было очевидным неудобством называть трактатом целое и часть. Мы сохраняем название „Трактат“, как более укоренившееся.

из трактатов: 1) О Руси, Литве и Самогитии, 2) О Московии и ее северо-восточных владениях. К этому присоединены: предисловие в виде посвятительного письма к епископу ольмюцскому Станиславу Турсону, где между прочим подвергаются критике ложные известия древних и новых писателей о Сарматиях, и заключительное письмо к издателю Иоганну Галлеру,[1] вкратце резюмирующее сообщение о северной зиме и, рядом с опровержением ложных слухов о севере, приводящее bona fide и от автора несколько не менее баснословных сведений.

Расположение материала, довольно последовательное в общей группировке, гораздо более сбивчиво в частных подразделениях. Тут встречается немало повторений, одна и та же тема не раз перебивается другой. Так, рассказ о нашествиях татар, начатый во 2—4 главах первого трактата первой книги (I.I.2-4), заканчивается после перерыва только в 9 гл.; история татар („генеалогия их императоров") излагается в I.I.8, но продолжается и в I.III.2-3; о юграх (как гуннах и венграх) говорится в I.II.5 (в описании Азиатской Сарматии), о них же (в современной автору Югре) — в II.II.2 (при описании Европейской Сарматии) и т. д.

Иногда причиной такой сбивчивости бывает условность принятой автором этногонической и политической концепции: поляки — вандалы, и речь о них — в главе о вандалах; турки — ветвь татарского племени, и история их излагается вместе с историей последнего; Новгород и Псков — литовские города, и говорится о них в II.I.3. Повторения в некоторых случаях объясняются тем, что, сообщая о территориях, рассматриваемых им обособленно (политически или исторически), автор имеет дело с тождественными географическими условиями (степи Алании и татарские степи, реки Руси, Литвы и Московии, и т. п.), или тем, что он хочет неизгладимо закрепить нечто в памяти читателя (отрицание существования Рифейских и Гиперборейских гор). Вообще же надо признать, что стройность изложения, систематика Трактата со стороны внешней, далеко не всегда выдержана и производит впечатление скорее несколько поспешной, чем обдуманной и намеренной.

Неравномерно отношение Меховского и к самому существу его материала. Об одних темах он говорит охотно и много, хотя непосредственного отношения к его задаче они не имеют; другие едва задевает; о третьих, иногда

---

[1] Это любопытное письмо появляется только в 3 издании Трактата, как и два письма о происхождении готов (Иоганна Магнуса и ответное — Меховского), не помещаемые нами за отсутствием в них интереса в настоящее время.

весьма важных, вовсе молчит. В результате — дефекты Трактата и в смысле внутренней стройности. Главным, казалось бы, объединяющим весь материал фундаментом является тут определенный географический отрезок: имеются в виду вполне конкретные территории, которым желательно дать этно-географическую и историческую характеристику. Пока дело идет о географии и этнографии, все обстоит lege artis: с равной обстоятельностью говорится и о татарах, и о Литве-Руси, и о Московии, но, переходя к истории, автор теряет установившуюся симметрию: наряду с историей татар, литовцев и югров, находящихся целиком в заданном плане, очень подробно излагается история вандалов, при том отнюдь не на изучаемой Трактатом территории; правда, вандалов автор считает предками поляков, но и польские земли он описывать не собирался; еще с бо́льшими подробностями рассказана история гуннов (по Меховскому — югров), опять-таки не на территории Югры, откуда они будто бы вышли, а в Западной Европе; совершенно условно включена и пространно изложена история османов. В то же время нет почти ничего о прошлом Руси и Московии. Все это легко объяснимо — частью отсутствием всякого материала (об истории Югры, о вандалах или готах до нашествия их на Италию и т. д.), частью неизвестностью автору одних материалов (по русской истории) и, наоборот, известностью других (о турках, о происхождении поляков и т. п.)

Как бы то ни было, оказывается все же, что и с внутренней стороны Трактат страдает рядом недостатков, отступлений в сторону и большой неравномерностью в рассмотрении разных частей темы.[1]

V

Круг тем, интересующих Меховского в Трактате, требовал пользования рядом источников, как устных — в описании современности, так и письменных — в исторических экскурсах.

Источников у него действительно было довольно много, однако, надо заранее сказать, далеко не так много, как может казаться по его ссылкам.

---

[1] Старинный, еще не отживший в XVI веке и тоже дававший своеобразное объединение материалу, принцип средневековых хронографов — возводить всю цепь событий к библейской древности, вавилонскому смешению языков и Ноеву ковчегу, не отрицается Меховским, но и он применяется не последовательно, а как-то мимоходом: желая „изложить полнее" историю вандалов, будто бы предков поляков, Меховский говорит о сыновьях Ноя и о происхождении славян от Иавана.

В разных местах Трактата упомянуто более 20 авторов, одни из них при этом иногда цитируются или опровергаются, другие же только упоминаются. В этом числе: Геродот, Аристотель, Гиппократ, Клавдий Птолемей, Солин, Помпоний Мэла, Плиний Старший, Светоний, Тацит, Иосиф Флавий (Iosephus), папа Григорий I, Поссидоний, Орозий, Павел Диакон, Сигеберт, Винцентий из Бовэ (Vincentius), Иакопо Филиппо да Бергамо (Bergomensis), Мартин Поляк (Martinus), Эней Сильвий Пикколомини, Флавий Блонд, Пьетро д'Абано (вместо него, названо его сочинение Conciliator) и 'Ali Ibn Ridwân (Haly Rodham).[1]

Некоторые имена этого списка имели в Трактате только декоративное значение, в лучшем случае весь их вес — в одной цитате. Таковы — Иосиф Флавий (о потомстве Ноя, что могло быть взято и еще из многих авторов), Тацит (о вандалах — одна фраза), Светоний (может быть, читанный в одном издании с Евтропием и Павлом Диаконом), Гиппократ (одна фраза о Севере), папа Григорий I (декоративное дополнение к основному известию Павла Диакона), Мартин Поляк (одна фраза о переселении германских племен на Рейн).

Если судить по общему характеру цитат и ссылок в Трактате, то можно предположить, что и во всех случаях заимствования там столь же ничтожны, как и в только что указанных. На самом деле, чаще всего положение совершенно иное: ссылка делается по пустяшному поводу, а источник действительно читан, использован серьезно и в бóльшей мере, чем показано.

Несомненно, Меховский, как врач и астролог, не случайно цитирует Птолемея, Пьетро д'Абано, Али и Аристотеля: он их читал и знал. Взгляды Птолемея на соотношение небесных светил и судеб человечества — это часть мировоззрения нашего автора, как и суждения Пьетро и Али о духах. Что касается Аристотеля, то позволительно предположить, что из него заимствовано не только известие о поденках, но и некоторые данные о Рифейских горах и др.

О Винцентии из Бовэ Меховский отзывается критически, предостерегая читателя от излишнего доверия к его сообщениям. Между тем, весь рассказ о посольстве Иннокентия IV к татарам, за которым и следует это предостереже-

---

[1] Обыкновенно очень внимательный автор статьи о Меховском в Отеч. записках (о. с., стр. 140), в суждении об источниках Трактата допустил недосмотр. Он говорит: „Меховский очень редко упоминает о своих источниках. Только в смелых и сбивчивых повествованиях о вандалах, готах, аланах и т. д. он ссылается иногда на Орозия, Павла Диакона и других древних писателей".

ние, заимствован именно из Speculum Historiale, в частности из сообщения Плано Карпини, включенного Винцентием в рассказ о посольстве. При этом, так как у Винцентия в начале рассказа упомянуто имя Асцелина и лишь потом назван Плано Карпини, Меховский ошибочно приписывает первому маршрут второго.[1] „Недостоверность" рассказа в Speculum это, очевидно, наличие там известий о псоглавых и других чудовищных людях. Эти места наш автор также использовал, как источник, можно сказать, отрицательный: в числе безымянно опровергаемых им авторов баснословных известий о Сарматиях, без сомнения, имеется в виду и Винцентий.

Для истории готов, вандалов и гуннов Меховский использовал нескольких авторов, как оригинальных, так и компиляторов, в том числе: Орозия, Павла Диакона, Сигеберта, Иакопо да Бергамо, Энея Сильвия. Сюда же относятся мелочи из выше упомянутых Светония, Тацита, Иосифа Флавия, Мартина Поляка, папы Григория I и др. На первых четырех сделаны и ссылки.

Главным источником тут были Gesta Romanorum (Historia miscella) Павла Диакона. Этот автор трижды упомянут в ссылках (I.II.4): в рассказе о Гензерике, о смерти бл. Августина (с дополнительной ссылкой на Поссидония) и о казнях Гонорика (с дополнительной ссылкой на Диалоги Григория I), но из него же заимствованы сведения о походе готов с Радагазием (I.II.2), о Стилихоне и вандалах в Африке, о Тразамунде и Гильдерике (I.II.4) и особенно известие об Аттиле (I.II.5). Описание Каталаунской битвы, ухода Аттилы в Паннонию, осады Аквилеи, нашествия на северную Италию, посольства папы Льва и смерти Аттилы взяты непосредственно у Павла Диакона. Местами можно заметить в мелочах стиля даже подчиненность нашего автора источнику. Такие выражения, как (в рассказе об Аквилее) avem, quae Cyconia vocatur, avem praesciam futurorum или (о смерти бл. Августина) — sub hoc turbine... ne suae civitatis ruinam cerneret или, в рассказе о смерти Аттилы, объяснение, почему император Марциан в ночь смерти Аттилы видел во сне сломанный лук (ибо луком больше всего пользуются гунны в бою), — прямо ведут нас к тексту Павла Диакона

[1] Сравн., напр., Speculum Historiale fratris Vincentii ord. predicat. impress. per Ioh. Mentellin a. d. 1473, кн. XXXII, гл. II; далее — из Плано Карпини, главы XI—XIX и др.

Б. Дитмар (о. с., стр. 66), давая обзор содержания Трактата, подтверждает и усиливает эту ошибку. Он считает, что „эта глава (I.I.5) является кратким пересказом путешествия доминиканского монаха Асцелина, участвовавшего в посольстве Иоанна де Плано Карпини в 1245 г."; и ниже: „К сожалению он (Меховский — *С. А.*) не знал о существовании отчетов о путешествии Плано Карпини..." Ср. ниже наше примечание 42.

(сравн. Migne, Patrologiae t. XCV, Paris, 1851, стб. 957, 965, 966).

Другим источником по тем же сюжетам была для Меховского замечательная хроника Сигеберта. Компилятивная, и в этой части основанная между прочим и на Павле Диаконе, она, наверное, была очень удобна для использования, давая наиболее нужные выдержки из авторов, которые можно было при желании проверить и по подлинному тексту (Павла Диакона, как мы видели, Меховский читал), но можно было заимствовать и непосредственно. Сигеберт упоминается в Трактате лишь однажды (I.II.4), и то с упреком по тому поводу, что он считал вандалов, бургундов и др. скифами, а не германцами.[1] Использован же во многом, частью для связи, частью — в дополнение к Павлу Диакону. В этом нетрудно убедиться, сравнив рассказы о Стилихоне, королях вандалов — Модигизиле, Гундерике, Гензерике, Гунтамунде, Тразамунде, Гильдерике, о выходе гуннов, осаде Реймса, о Венеции (I.II.4-5) с соответствующими местами хроники Сигеберта (Migne, Patrol., t. CLX, стб. 61, 64, 75, 79, 80—81, 84—86, 90, 92, 94, 98 и др.).

На Орозия в Трактате имеются две ссылки в рассказе о бургундах (I.II.3), но заимствовано у него и еще кое-что, правда, сравнительно немногое, в частности, мелочи о Рифейских горах (Migne, Patrol., t. XXI, стб. 675), о Танаисе и Меотидах; может быть, детали о Радагазии (ibid., стб. 1158—1161), об Амазонках (ibid., стб. 685, 724—729).

Иакопо да Бергамо (Bergomensis), как и Орозий, дважды упомянут по поводу бургундов (I.II.3). Кроме того, у него почерпнуты сведения об аланах (I.II.4), о постройке Венеции, о происхождении гуннов из Рифейских гор (Supplementum chronicarum, Venetiis, 1510, листы 155, 169, 170^{v}) и другие по иным темам (см. ниже).

У Энея Сильвия взяты: сопоставление югров с венграми (I.II.5) и ссылки на Плиния о вандалах (I.II.3).

Генеалогия османов и история их завоеваний (I.III.1) имеют у Меховского два главных источника: Энея Сильвия (Космография, гл. XXIX, и Европа, гл. IV) и Иакопо да Бергамо (о. с., л. 149).

Тема о баснословных известиях древних и новых писателей о Сарматиях, много раз звучащая в Трактате, связывается автором (в письме к Галлеру) с именами Геродота, Солина, Помпония Мэлы, Плиния, и надо признать, что это отнюдь не декоративная ссылка. Из самого характера отвергаемых Меховским сообщений

---

[1] Сигеберт заимствовал это из Павла Диакона, но не из Historia miscella, а из De gestis Langobardorum, кн. I, гл. 2 (ср. Migne, о. с., стб. 437 и сл.), чего, повидимому, Меховский не читал.

совершенно ясно, что о стране блаженства на севере, о золоте, аримаспах и грифах, о Рифейских и Гиперборейских горах, о постоянном снеге в северных областях и мн. др. он читал у этих и, вероятно, еще у иных авторов, так же как и многие другие известия, им признаваемые и повторяемые (см. ниже наши примеч.)

Так обстоит дело с называемыми автором источниками. Заметим, однако, что важнейшими или, по крайней мере, наиболее повторяемыми им оказываются не названные вовсе: Длугош (Historiae Poloniae libri XII; у нас по краковскому изданию 1873 г.), Ioh. Thwrocz (Chronica Hungarorum, у нас по Schwandtner'y, Scriptores rerum Hungaricarum, pars I, Vindobonae, 1766), Рогерий Венгр (Rogerii Hungari Miserabile carmen, у нас по Schwandtner'y), а в отдельных частностях также Филипп Каллимах (Буонаккорси, Vita Attilae seu de gestis Attilae, у нас по A. Bonfinii, Rerum Hungaricarum decades..., Hanoviae, 1606, стр. 856—861), Бартоломей Английский (см. ниже примеч. 211) и, может быть, также Петр Рансан (Petrus Ransanus; его Epitome Rerum Hungaricarum Иоанна Самбука — см. у Schwandtner'a, ibidem).[1]

У Длугоша заимствовано многое, в частности, почти вся глава о нашествии Батыя на Русь (I.I.2 — Длугош, о. с., кн. IV, стр. 193—195), сведения о нашествиях татар на Польшу (I.I.3, 9 — Дл., VII, 266—279, 373—375, 481, 489—490), частично о нашествии на Венгрию (I.I.4 — Дл., VII, 280—281, 283, 290—291); отчасти известие о Шейх-Ахмеде (I.III.2 — Дл., XII [XIII], 119, 216); о королеве Ванде и реке Вандале (I.II.3 — Дл., I,10; 70—73); о Лехе и Чехе (I.II.3 — Дл., I,6—8), о Сигизмунде и Баязиде (I.III.1 — Дл., X, 512); о битве при Варне (ibid., Дл., XII, 720—729); о взятии Константинополя, походе турок на Каринтию, взятии Нигропонта и Крыма, борьбе с Узун-Гассаном (ibid., Дл. XII [XIII], 143 и др.); о Литве (I.I.1 — Дл. IX—XI) и т. д. Короче говоря, Длугош является основным источником нашего автора для истории Руси, Литвы[2], польско-литовских и польско-татарских дел. Повторяя Длугоша, Меховский кое-где копирует и его ошибки, а иногда и фразеологию; в некоторых случаях, сокращая Длугоша, делает свою фразу менее ясной; соединяя вместе то, что у Длугоша отнесено к нескольким годам, изредка путает хронологию (I.I.9: вместо 1259, 1275 и 1287 гг. Длугоша, все под 1254 г.); еще реже — факты:

---

[1] Нужно заметить, однако, что не названные в Трактате Thwrocz, Рогерий и Каллимах упоминаются в числе источников в Хронике.

[2] В рассказе о Литве Меховский упоминает и Энея Сильвия с осуждением (II.I.2), имея в виду прежде всего его ошибку относительно смерти Сигизмунда Стародубского (Европа, гл. XXVI).

упоминая Василько Галицкого (I.I.9), называет его сыном Даниила, а не братом, как (правильно) Длугош.[1]

Для истории венгров и гуннов, которых Меховский считает предками венгров, он использовал Thwrocz'a и Рогерия Венгра. Нашествие Батыя на Венгрию изложено по Рогерию (I.I.4 — Рогерий, о. с., гл. XIV, XVI, XXII, XXVIII, XXIX, XXXII, XXXVIII, XXXIX, стр. 377—379, 382, 386—388, 391, 399—401) с заимствованиями и стилистического характера. История Аттилы вплоть до смерти его, кроме Павла Диакона и др., читана, конечно, и у Thwrocz'a (о. с., ч. I, гл. IV, X—XVI, XVIII—XXIV, стр. 59, 69, 71—96) и у Филиппа Каллимаха (об имени гунны, о женщине с десятью дочерьми, о милосердии Аттилы, о шутке с именами Лупа и Льва; см. ниже наши примечания 109, 110 и 113). Главным образом у Thwrocz'a взяты известия о разложении царства Аттилы, о czakle, возвращении гуннов в Паннонию, о Кузиде и Святоплуге, о близости венгров и югров и др. (о. с., ч. II, гл. I—III, стр. 99—102; ч. I, гл. IX, стр. 69; гл. V, стр. 62). Не исключена также возможность, что суждения Меховского о тождестве югров, гуннов и венгров основаны между прочим и на Петре Рансане (см. ниже примеч.).

Прежде чем покончить с вопросом о письменных источниках Трактата, необходимо остановиться еще на одном немаловажном пункте. В четвертой главе второго трактата первой книги, говоря о распространенности славянской речи, Меховский кончает так: „Все это — славы и винделики, и занимают они обширные области; теперь, впрочем, уже и литовцы говорят по славянски. Сюда же относятся нугарды, плесковиты и огульки, смотри их хроники и космографии". Из этого не вполне ясного места можно, при желании, вывести заключение, что автор пользовался русскими летописями[2] или хоть читал их,

[1] В Хронике, впрочем, этой последней ошибки нет, а из упомянутых нами хронологических дат — вместо 1254 г. правильно указан 1259 г.

[2] К этому месту Трактата Б. Дитмар (о. с., стр. 75) делает следующее замечание: „Но Меховский нигде не говорит, что он пользовался русскими летописями, а только славянскими летописями и космографиями (кн. 1, тр. II, гл. IV), а русскими летописями он мог бы пользоваться только в России, как пользовался ими Герберштейн". Тут две неточности. Во первых, в тексте Меховского слово „их" (хроники) все же скорее можно относить к новгородцам, псковичам и вогулам, чем к предшествующему длинному перечню славян, то есть противоположение, сделанное Дитмаром („славянскими, но не русскими"), оказывается, по меньшей мере, сомнительным. Во вторых, соображение о невозможности вне пределов Руси пользоваться русской летописью, странное вообще, опровергается в частности примером Длугоша, имевшего, как известно, и русские летописи в числе своих источников. Ср. К. Н. Бестужев-Рюмин, О составе русских летописей до конца XIV в., 1868; H. Zeissberg, Die polnische Geschichtschreibung des Mittelalters, Leipzig, 1873, стр. 298, 299, 325; A. Semkowicz, Krytyczny rozbiór dziejów polskich Jana Długosza, Kraków,

а это имело бы серьезное значение в оценке всей его работы. Однако, при проверке по излагаемым в Трактате фактам, такое заключение не находит достаточной опоры или находит лишь весьма сомнительную. Уже говорилось о том, что ни истории России, ни истории Московии у Меховского нет. Это уже само по себе достаточно показательно, в то время как история Литвы, татар и даже турок излагается. Отдельные факты русской истории передаются Меховским лишь в связи с польскими или татарскими делами и заимствуются почти исключительно из Длугоша.

Единственное место, где, хотя бы с большим сомнением, можно предполагать влияние русского летописного источника, это рассказ о нашествии Батыя на Русь. О комете Длугош не упоминает и о разорении Рязани, Суздаля, Чернигова не говорит. Между тем, рассказ о комете имеется в русских летописях, Лаврентьевской (ПСРЛ$^{2-е}$,I,447), Новгородской 4-й (ПСРЛ$^{2-е}$, IV, 202) и Густинской (ПСРЛ$^{1-е}$, II, 334),[1] как, разумеется, и сведения о Рязани, Суздале и Чернигове. Некоторые стилистические мелочи (см. наши примечания 9, 14, 20), в том же рассказе у Меховского отчасти подтверждают возможность русского влияния, но все это, во первых, недостаточно определенно для решительного вывода, а во вторых, при любом решении вопроса не может, по своей видимой случайности, иметь какого-либо общего значения в оценке Трактата. Тем не менее мы не желали бы совершенно исключить русскую летопись, как возможный источник его, тем более, что и А. Боржемский (о. с., стр. 19 и таблица источников там же), перечисляя источники Хроники, для двух случаев указывает, правда с осторожной оговоркой (zdaje się), Ипатьевскую и Волынскую летописи.

Следов пользования „славянскими хрониками" в фактах Трактата мы отметить не можем, но, говоря вообще, Меховский, наверное, знал такие материалы.[2]

Особый вопрос — об иных, помимо письменных, источниках Трактата. Многие главы его не находят себе соответствия в известных нам письменных источниках, а в то же время, при проверке, оказываются в достаточной сте-

---

1887, str. 52—55, и рецензия И. А. Линниченко в ЖМНП, 1887, декабрь, стр. 350—362. Новейшая работа E. Perfeckij, Historia Polonica Jana Długosze a ruské letopisectví, v Praze, 1932 (Práce Slovanského Ustavu v Praze, svazek VII).

[1] В последней чрезвычайно схоже с Меховским.

[2] См. перечень польских летописей у А. Боржемского (о. с., стр. 20 и примеч.), а также таблицы источников Хроники. Наоборот, актовыми материалами Меховский, повидимому, вообще не интересовался. Ср. А. Боржемский, о. с., стр. 17.

пени фактически точными. Естественно предположить, в качестве их основы, либо личное наблюдение автора, либо использованные им устные сообщения. Это относится к главам, посвященным быту и нравам татар, природе и быту Руссии, Московии, Югры и русского севера, а также к некоторым фактам из польско-литовских и литовско-русских отношений конца XV — нач. XVI века. Если последние могли черпаться автором-современником из личных наблюдений, то все, что касается Татарии, Руссии и Московии, едва ли.

Как мы уже говорили в биографическом очерке, Меховский после возвращения из заграницы только дважды выезжал из пределов Польши — в Рим и в Буду. В России он не был. К. Мейнерс, утверждавший обратное,[1] вообще в суждении о Трактате допускает ошибки, странные для ученого с такой славой фактолога, в данном же случае, не зная подлинника, он, очевидно, как и полагает автор статьи в Отеч. записках, был введен в заблуждение итальянским переводом, неправильно истолковавшим соответствующее место Трактата.

Меховский в посвятительном письме говорит: „Scimus quidem et visu cognoscimus praefata flumina tria (magna siquidem) Boristhenem, Tanaim et Volham ex Moscovia oriri“. Поняв, видимо, visu cognoscimus, т. е. „видим“, „можем видеть своими глазами“, как visu cognovimus — „видели своими глазами“, издатель итальянского перевода Трактата (см., напр., изд. 1584 г., л. 7 ненумер.) заявляет в предисловии: Ma il presente auttore, havendo voluto dismascherar questa figura, ha veduto co' propri occhi queste regioni“.

В этом корень ошибки Мейнерса. Фр. Аделунг (о. с., стр. 179) лишь буквально повторяет Мейнерса.

Итак, личные наблюдения автора по отношению к Руси и Московии необходимо исключить и остается считать единственным неписьменным источником сведений о них рассказы поляков и вообще иностранцев, бывавших там, русских приезжих или эмигрантов, бежавших в Литву и Польшу, русских пленных в Польше и т. д. Последнее (о пленных) подтверждается не раз уже упоминавшимся в печати отрывком из донесения Франческо да Колло, посла Империи в Москве в 1518 г.[2] Доказывая, что Дон течет из Рифейских гор, да Колло говорит: „И хотя, по

[1] О. с., стр. 4: Dieser Irrthum ist um desto sonderbarer, da Matthäus von Michow selbst in Russland gewesen war und, wie er versichert, die Quellen des Dneper, des Don und der Wolga mit eigenen Augen gesehen hatte.

[2] Trattamento di pace tra il serenissimo Sigismondo, re di Polonia, et gran Basilio, prencipe di Moscovia... Padova, 1603, листы 55v—56. Ср. Летопись занятий Археографич. ком., вып. XII, 1901, стр. 134—135; Отеч. зап., о. с., стр. 139—140; Б. Дитмар, о. с., стр. 175; М. П. Алексеев, о. с., стр. 84.

мнению нынешнего краковского писателя, составившего Трактат о двух Сарматиях, ...эта река берет начало в государстве названного князя Московии, в княжестве Рязанском из некоего водного бассейна, а не из гор...это — его ошибка: он был введен в заблуждение, как сам мне подтвердил в присутствии короля Сигизмунда, когда, возвращаясь из тех стран, я был в городе Петрокове; он утверждал, что получил это известие от каких-то пленных московитов" (перев. наш — *С. А.*).

В одном случае это могли быть московиты, в другом — поляки, литовцы или татары, но наличие устных источников у автора Трактата, таким образом, явствует не только из качества сообщаемых им фактов, но также из этого документального свидетельства. Незачем доказывать, что для нас чрезвычайно интересны и те данные, что получены устным путем.

Отношение Меховского к его источникам, как мы видели, неодинаково. Одни из них представляют для него опору, давая положительное содержание его работе. Этими он пользуется с полным доверием, добросовестно их пересказывая. Другие, наоборот, если и можно считать опорой, то лишь в отрицательном смысле: отвергая их сообщения, автор устанавливает собственную точку зрения.

К числу первых (кроме устных известий) в большинстве принадлежат те же писатели, каких и современная наука считает первоисточниками в истории раннего европейского средневековья, истории Польши, Литвы и Венгрии (но, впрочем, также и их компиляторы). Ко второй группе относятся освященные древностью, но баснословные известия о восточной Европе античных авторов.[1]

Если в первом случае Меховский является преимущественно человеком традиции и компилятором, то во втором это — разрушитель авторитетов и новатор, идущий против течения.

Эта двойственность не случайна: она окрашивает все творчество Меховского и коренится в самой системе его жизненных и научных взглядов — в его мировоззрении.

VI

Мировоззрение Меховского по многим причинам не могло быть ни цельным, ни простым, ни элементарным.

---

[1] В том, что Меховский не всегда называет свои источники, он, как и кое в чем другом, напоминает скорее средневекового хрониста, чем гуманиста-историка, но на общем фоне эпохи он отнюдь не является исключением. Длугош также не делает ссылок, да и вообще до половины XVI в. это еще не в обычае. М. Кромер был одним из первых европейских историков, вступивших на новый путь в этой области. Ср. А. Боржемский, о. с., стр. 7.

Современник переходной эпохи, полной быстрых и резких перемен в хозяйстве, политике и идеологии, человек, у которого происхождение, интеллектуальная культура и общественное положение стояли в своеобразном противоречии, при том ученый и писатель, т. е. не только носитель, но и распространитель идеологических ценностей, Меховский, можно a priori сказать, был в своей жизненной философии не менее сложен, чем его бурное время.

Судить о его мировоззрении по тексту Трактата нелегко. Если научно-философские взгляды автора выступают там еще сравнительно отчетливо, то общественно-политические — как будто намеренно скрыты.

Несмотря на основную, казалось бы, полемическую установку сочинения, противополагающего традиционным и отжившим историко-географическим понятиям о северо-восточной Европе новую радикальную точку зрения, изложение в Трактате почти везде выдержано в тоне совершенного бесстрастия. Собственные оценки изображаемых лиц и событий почти отсутствуют. Тенденциозность автора проскальзывает лишь в некоторых национальных пристрастиях (ср. суждения о поляках и о татарах), вообще же симпатии и антипатии автора скрыты. Полемические выпады по адресу противников в чисто научной области, бесспорно, носящие некоторую политическую окраску,[1] резко выделяются на общем нейтральном фоне, но все же дают слишком мало и, для решения интересующего нас вопроса, вынуждают искать иных материалов, вне Трактата.

Тут наше внимание прежде всего останавливается на другой выше упоминавшейся работе Меховского, его Chronica Polonorum, очевидно, не столь бесстрастной, как Трактат, хотя бы уже судя по тому, что она была запрещена и конфискована правительственной цензурой.

Прежде, однако, чем обратиться к содержанию Хроники, нелишним будет затронуть вопрос о генетическом соотношении ее с Трактатом.

При сличении текста Трактата с Хроникой[2] прежде всего обнаруживается ряд крупных текстуальных совпадений. Таковы: 1) рассказ о комете, нашествии татар и битве при Калке (Трактат, I.1.2; Хроника, кн. III, гл. XXXI, стр. 120—121); 2) о разорении Рязани и Суздаля (Тр., ibid., в непосредственной связи с рассказом о битве при Калке; Хр. III, XXXVI, 129); 3) рассказ о разорении татарами Польши, о битве при Лигнице (Тр. I.1.3; Хр. III, XXXVIII, 131—134); 4) о посольстве Асцелина (Тр. I.1.5; Хр. III, XLIII,

---

[1] См. ниже примечание.

[2] Мы пользовались 22-м изданием Хроники (1521 г.), экземпляром Академии Наук СССР

142); 5) о татарских нашествиях на Польшу и событиях 1259, 1275, 1285 гг. (Тр. I.I.9; Хр. III, XLIV, 144; III, LVII, 172; III, LIX, 177—178; III, LXII, 182); 6) о происхождении славян (Тр. I.II.3; Хр. I, I,1—2); 7) о королях вандалов (Тр. I.II.4; Хр. I, XVIII, 19—20); 8) о крещении Литвы; (Тр. II.I.2; Хр. IV, XXXIX, 270—271); 9) о крещении Самагитии (Тр. II,I.2; Хр. IV, XLV, 283—284); 10) о поселении Витовтом татар в Литве, о битве при Ворскле (Тр. II.I.2; Хр. IV, XLI, 274); о Свидригайле (Тр. II.I.2; Хр. IV, XLVIII, 279).

Заметив эти совпадения, А. Боржемский, автор лучшего общего исследования о Хронике, решил, что в компановке ее Меховский использовал Трактат. Он говорит: „Miechowita używał tego dzieła (Трактат) przy pisaniu swej kroniki. Całe ustępy dosłowine z niego odpisywał. Odnosi się to szczególniej do owych miejsc, gdzie mowi o stosunkach etnograficznych lub geograficznych. Ztamtąd też wział niektóre szczegóły o Tatarach, Litwinach i dotyczące początkow Słowian“.[1]

Это мнение, на первый взгляд совершенно основательное, по ближайшем рассмотрении оказывается плодом недоразумения: оно вызвано простым, но неправильным сопоставлением дат выхода в свет Трактата (1517) и Хроники (1519), при чем странным образом упускаются из виду соображения о времени написания Хроники, с большой вероятностью формулированные и Лукасом,[2] и Бостлем,[3] и самим Боржемским.[4]

Вкратце эти соображения сводятся к следующему. Глава LXIV книги IV, с которой начинается самостоятельная часть Хроники Меховского, написана между ноябрем 1515 г. и мартом 1516 г.; глава же LXXVII и последующие относятся уже к 1519 г. Иначе говоря, если главы LXIV—LXXVI написаны в течение 1515—1518 гг., а последние LXXVII—LXXXV—в первое полугодие 1519 г., то начало Хроники (книги I—III и главы I—LXIII книги IV) правильнее всего относить ко времени до 1515 г.

Между тем Трактат написан в 1517 году, как это явствует из двух дат в тексте: 1) I.II.2: „... татары пришли и заняли Азиатскую Сарматию или Скифию 306 лет тому назад“, что, при сравнении с датой прихода татар (1211) в I.I.2, дает 1517 год; 2) I.III.3: „Сыновья его (Ок-

---

[1] Antoni Borzemski, Kronika Miechowity. Rozbiór krytyczny (Rozprawy Akad. Umieiętnosci. Wydz. hist-filozof., ser. II, t. I, 1891 [у Корбута ошибочно т. II], стр. 149). Перечень сюжетов, таким образом, несколько неточен или неполон.

[2] O. c., 27.

[3] O. c., 447—448.

[4] O. c., 151.

каса) поселились окола замка Сарай, примерно, лет за 70... до нынешнего 1517 года".

Таким образом, в известной части Хроника предшествует Трактату, а так как из приведенного нами перечня текстуальных совпадений видно, что они все относятся именно к первой, так назыв. длугошевской части Хроники, составленной, как сказано, до 1515 г., становится очевидным, что заимствования сделаны автором из Хроники в Трактат, а не обратно.

Полное подтверждение этому находим в текстологическом анализе этих заимствований. При всем сходстве соответствующих мест в Трактате и Хронике, в них обнаруживаются некоторые весьма характерные различия. Наиболее общее — это, во первых, упрощение латинских конструкций в Трактате, сравнительно с Хроникой, путем замены цицероновской расстановки слов во фразе — современной, путем упрощенной постановки эпитетов, вставки или опущения слов для облегчения понимания сложной латинской фразы и т. п.;[1] во вторых, наличие в Трактате, с одной стороны, таких мест, где, несомненно, имеется сокращение более подробного текста Хроники (напр., Тр. I.I.9 — о Петре Крампе при взятии Сандомира — Хр. III, XLIV, 144; перечень спутников Ягелло при путешествии в Литву: Тр. II.I.2; Хр. IV, XXXIX, 270 и мн. др.), с другой стороны таких, где связный рассказ собран из разных глав Хроники (Тр. I.I.9 — Хр. III, IV, 144; III, LVII, 172; III, LIX, 177—178; III, LXII, 182).

Наиболее доказательны, однако, не эти моменты, а те, так сказать, рудиментарные остатки основного текста, какие обнаруживаются в тексте Трактата. Рассказ о взятии Киева и походе татар на Польшу начинается словами: „После вышесказанного надлежит по порядку изложения перейти к ужасному татарскому опустошению". В Трактате слова эти совершенно непонятны, так как в предшествующей главе именно и говорилось об опустошении татарами северо-восточной Руси. Наоборот, в Хронике (III, XXXVIII, 131) они были на месте, так как до того говорилось не о татарах, а о Генрихе Набожном, о событиях в Польше 1239 и 1240 гг. и т. п.

В рассказе о взятии Сандомира в 1259 г.[2] автор Трактата, опустив отрывок о Петре Крампе и о заключении

---

[1] Сюда же можно отнести некоторые лексические изменения, легко объяснимые, как улучшение текста Хроники, и совершенно непонятные, если стоять на точке зрения Боржемского. Наиболее типичен в этом роде перевод в Трактате слов „Biegajcie, biegajcie" латинским „Fugite, fugite", что, конечно, правильнее, чем „Currite, currite", как читается в Хронике.

[2] В Трактате ошибочно 1254 г.

перемирия, оставляет непонятными для читателя слова о нарушении мира татарами (fide violata).

В кратком сообщении Трактата об изгнании Свидригайло Сигизмундом Стародубским (I.I.2) неизвестно почему упоминается о небольшой комете: оказывается, в соответствующем месте Хроники (IV, XLVIII, 289) эта комета упомянута весьма кстати, как предвестие гибели Свидригайло.

Этих примеров, полагаем, достаточно для того, чтобы считать доказанным наше утверждение: Трактат, написанный позднее первой части Хроники (кончающейся LXIII главой IV книги), включает ряд заимствованных из Хроники мест. Что же касается обратного — влияния текста Трактата на позднейшие части Хроники, то следов этого не обнаруживается.

Из сличения заимствованных мест в Трактате с Хроникой можно сделать еще один вывод, отчасти подтверждающий выше высказанное нами соображение о некоторой поспешности в компановке Трактата. Не говоря об отмечавшихся уже неясностях, возникших при механическом переносе частей текста из Хроники, характерна в этом отношении странная ошибка Трактата (I.I.9) в обозначении Василько (Романовича), как сына Даниила Галицкого, рядом со Львом. Эта ошибка только и может быть результатом слишком беглого прочтения латинской фразы Хроники, где отношения установлены правильно. Другой пример в том же роде — разногласие Трактата и Хроники о конце московской деятельности митрополита Исидора: в Трактате говорится, что он был предан смерти русскими, хотя в Хронике (IV, LVII, 309) правильно (по Длугошу) указывалось: per fugam salvatus erat.

Переходя теперь к основному нашему вопросу об общественно-политическом мировоззрении автора Хроники, нельзя не заметить прежде всего, что „бесстрастный“ тон, присущий ему в Трактате, оказывается действительно несколько *иным в Хронике*. Здесь кое-где проглядывают и определенные симпатии и определенные оценки, как в собственном изложении автора, так и в его манере сокращать клерикально-партийного Длугоша. Здесь сообщаются с внешней „объективностью“ такие факты, которые отражают уже не отвлеченные, „теоретические“ воззрения автора, а некую свойственную ему „партийность“ в отношении к событиям современности.

Интересная работа Ф. Бостля Zakaz Miechowity, детально и весьма тщательно анализирующая изъятые цензурой места 1-го издания Хроники и сделанные при этом замены

или дополнения, содержит именно в текстах изъятых мест ряд данных, небесполезных для выводов и по нашему вопросу.

В решении о запрещении Хроники не указано мотивов: она запрещена nonnulla ex causa[1], но, судя по характеру изъятий и поправок, внимание Яна Лаского и его группы привлекли места, с „излишней" прямотой касавшиеся 1) династии Ягеллонов, 2) государства, 3) нации, 4) частных лиц.[2] Для характеристики интересующей нас стороны нет надобности привлекать все отмеченные Бостлем места. Остановимся лишь на следующем.

Составленная Меховским самостоятельно, как современником событий, часть Хроники охватывает 1480—1506 гг. Из трех царствований, относящихся к этому периоду — Казимира III, Яна Ольбрахта и Александра, к последнему Меховский относится с особенной суровостью. Говоря уже об избрании Александра королем на Петроковском сейме (Хроника, IV, LXXX), он отмечает, что случилось это под влиянием некоторых представителей можновладства — Фридерика, архиепископа гнезненского, и Креслава из Курозвенк, епископа куявского, государственного канцлера, „побуждаемых корыстными надеждами".[3] В дальнейшем Александр изображается, как слабый, нерешительный и недальновидный государь: в 1500 г. он предпринимает поход на Москву, но оказывается, что уже в момент выступления у него нечем платить войску; воевода бросает свой шлем под ноги вел. князю, войско, недалеко ушедшее, возвращается в Вильну и грабит окрестности.

Роль Александра в деле Шейх-Ахмеда, хана заволжского (золотоордынского), характеризуется чертами двуличия, вероломства и предательства.[4] Упоминая об аресте 80 заволжских послов, Меховский восклицает: „О лютая жестокость! Бросить в тюрьму друзей и союзников! О безумное решение! Поверить вероломному и вечно ненасытному врагу больше, чем присяге и союзу! Верность и присягу надо соблюдать по отношению и к варварам или неверным".

Общая оценка деятельности Александра дается в таких выражениях: [5] „В войнах он лишен был счастья, никогда не выигрывал. В царствование его происходили величайшие нападения, грабежи, захваты людей, скота и имущества. Враги всегда, когда хотели, свободно приходили

---

[1] См. A. Hirschberg, o. c., стр. 22, прим. Ср. F. Bostel, o. c., стр. 448 и прим.

[2] F. Bostel, o. c., стр. 650.

[3] Цитаты изъятых цензурой мест переводим с польского текста, даваемого Бостлем (разрядка наша — *С. А.*)

[4] При том (в изображении Меховского) бесполезного, заметим в скобках.

[5] Хроника, IV, LXXXII.

и уходили, не неся никакого урона, а больше всего обречены были терпеть нападения и грабежи Литва и Русь. Поэтому часто возносилась такая молитва: „Боже всемогущий, мы желаем спасения королю Александру. Возьми его и пошли нам лучшего защитника".

О Яне Ольбрахте, гораздо более решительном и твердом правителе, Меховский высказывается скорее положительно, по крайней мере извиняя его неудачи (см. ниже), но царствование его иногда также описывает мрачными красками. Характерны в этом отношении сообщения: 1) о позорном для поляков походе на Валахию 1497 г. (Хр. IV, LXXV); 2) об опустошительном татарском набеге на Русь 1498 г., не встретившем никакого отпора, так как Ян Ольбрахт „ничего не сделал, а у Сандомира, где уже все было уничтожено и сожжено, распустил шляхту по домам"; 3) о таком же опустошении татарами русских, литовских и польских областей в 1500 г., „в то время как все паны малодушно (podle) спали", а воеводы Петр Мышковский и Николай Каменецкий со шляхтой, „хотя их было очень много, трусливо уклонились от боя с татарами".

О виднейшем деятеле царствования Александра, сохранившем власть и при Сигизмунде, Яне Ласком, Хроника упоминает вскользь и, наоборот, не скрывает (правда, и не подчеркивает) заслуг злейшего врага Лаского — Михаила Глинского. Немудрено, что сенат, т. е. королевский совет из крупнейших вельмож государства, оценил такие высказывания, как враждебные. В новом издании антидинастические выпады или смягчены или даже превращены в положительные оценки. Такова же судьба замечаний о трусости вождей и шляхты. Политические соперники Лаского (Глинский и др.) по возможности очернены, роль самого примаса, его близких и союзников подчеркнута особыми вставками.

Все это весьма отчетливо, но еще недостаточно для вывода. Ясно пока, что автор Хроники ждет от короля твердости, прямоты и побед, осуждает трусость шляхты, корыстность и негодность вождей.

Обратимся к некоторым другим, не тронутым цензурой, но не менее выразительным местам Хроники.

Вот, например, характеристика политического соперника Александра, вел. князя московского Ивана III:[1] „Это был хозяйственный и полезный земле своей государь. Он сбросил татарское иго и своей благоразумной деятельностью подчинил себе и заставил платить дань тех, кому раньше сам ее платил. Он завоевал и привел под иго покорности

---

[1] Хроника, IV, LXXXV, стр. 377. Ср. А. Боржемский, о. с., стр. 155. Перев. наш — *С. А.*

разноплеменные и разноязычные земли Азиатской Скифии, широко простирающиеся к востоку и северу. Занял он также и захватил в собственность, по небрежению короля Польского Казимира третьего, великий и богатый город Новгород".[1] Перечислив далее другие завоевания и упомянув о запрещении Иваном пьянства, автор так говорит о наследниках его: „Этот Иван, князь московский, назначил было преемником и наследником по себе внука своего Димитрия, но потом, приняв более здравое решение, отправил его в тюрьму[2] и держал там, а в князья Московии возвел своего старшего сына Василия Ивановича..."

Ни о каких недостатках Ивана III, упорного и опасного врага Литвы и Польши, не упоминается.

Возьмем другую, еще более выразительную характеристику — Стефана, воеводы валашского. Это уже настоящий панегирик. „Он был, говорит наш автор, от природы одарен счастьем, хитростью и славен многими победами. Он одолел на войне короля венгерского Матвея в городе Банье и изгнал его из Молдавии, раненного в спину тремя стрелами, но не смертельно. Он с небольшим отрядом, как это ни удивительно, разбил и с позором прогнал Магомета, императора турок, со стодвадцатитысячным войском. Наконец, когда король польский, Иоанн Альберт, по заключении с ним договора и мира, полагаясь на слово, вел свое войско из Валахии в области его королевства, он вооруженной рукой преследовал его до крайних пределов своей страны.[3] Он часто разбивал и удачно отражал заволжских и перекопских татар. О, муж триумфа и победы, славно торжествовавший надо всеми соседними королями! О, удачливый человек, владевший полным рогом всех многочисленных даров судьбы! Что другим природа давала лишь частью: кому — благоразумие и хитрость, кому — героические доблести и славнейшую из доблестей — справедливость, кому — победы над врагами, всем этим он был щедро одарен сразу: он был вместе и справедлив и дальновиден, и хитер и победоносен против всякого нападения. По заслугам следует считать его в числе героев нашего века".[4]

---

[1] Здесь цензура добавила во 2 издании: „Это государство, впрочем, до оккупации управлялось властью и именем своей общины, признавая (главой) то великого князя литовского, то других".

[2] Отметим эту своеобразную фразу, едва ли сказанную иронически. (Разрядка наша — *С. А.*)

[3] Разрядка наша — *С. А.*

[4] Хроника, IV, LXXXIV, стр. 375.

Повидимому, это и есть образец государя с точки зрения Меховского. Замечательно, что вероломство, позорящее неудачника Александра, в данном случае оказывается как будто одним из достоинств побеждавшего им Стефана, несмотря даже на то, что направлено это вероломство против Польши.[1]

В оценках польских государей интересны относящиеся к Яну Ольбрахту и Казимиру III.

Характеризуя первого, не столь антипатичного ему, как Александр, и подчеркивая разные достоинства его ума и культурности, Меховский вменяет Яну Ольбрахту в вину то, что „хотя он умел и в советах и в ответах весьма кстати и умно рассуждать.., он не умел привести в исполнение хорошо намеченное дело и не добивался исполнения."

Наконец, описывая (по Длугошу) царствование Казимира III, как известно, не отличавшегося уступчивостью в борьбе с духовенством и за это постоянно и яростно осуждаемого Длугошем, Меховский, как и всегда, сокращает красноречивые длинноты своего источника, но тут сокращает таким образом, что непрерывная цепь обвиняющих короля фактов оказывается чрезвычайно краткой, а заимствуемому придается или нейтральная форма или даже некоторый оттенок сочувствия антиклерикальной группе.[2] Король, при котором Польша достигла небывалого дотоле объема, король, умевший побеждать и добиваться своего, не мог быть осужден Меховским, хотя бы и вопреки сведениям главного его источника.

Какие же выводы можно сделать изо всех этих сопоставлений, помня при том, что в Трактате Меховский выступает в роли пропагандиста великой и победоносной Польши, горячо отстаивающего права нации на „генеалогическое первородство"?

Одно, по крайней мере, кажется нам совершенно ясным: сложившейся и цельной политической программы здесь, повидимому, еще нет, но основной тезис ее, новый действенный политический лозунг звучит уже вполне определенно.

---

[1] Ср. А. Боржемский, о. с., стр. 155.

[2] Достаточно проследить, как мало и в каком тоне отражены Хроникой враждебные описания борьбы Казимира с капитулами и папой за право назначения епископов (Длугош, о. с., XII [XIII], стр. 103, 131, 142, 309, 312, 314, 324, 332, 336, 360, 363, 368, 376, и др.) или столь же злобные сообщения об изъятии церковных ценностей и о назначении сборов с духовенства на военные нужды (ibidem, стр. 209, 214, 349), или, наконец, отметить совершенно спокойный (не в пользу духовенства) тон Меховского в рассказе о казни двух клириков краковскими городскими властями (ibid., стр. 220) с умолчанием об упоминаемой Длугошем инициативе короля в этом деле.

Если, по словам А. Брюкнера,[1] „имя Макиавелли стало (для феодальной Польши — *С. А.*) пугалом, хоть «Государя» и мало читали“, то для Меховского, учившегося в Италии как раз в то время, когда государственная практика Сфорца, Эсте, Медичи и прочих была как бы отражением (а в сущности, прототипом и источником) теорий Макиавелли, имя автора Il Principe не было ни чуждым, ни пугающим. Уже А. Боржемский[2] заметил, что некоторые детали в отзыве Хроники о Стефане валашском „напоминают нам теории Макиавелли“. Это не только меткое, но и весьма важное замечание подтверждается, мы полагаем, приведенными выше выписками. Меховский, повидимому, если не ученик, то сторонник Макиавелли. Он ищет, ждет и требует от государя победоносных политических действий, твердости и настойчивости. Победоносный результат в его глазах оправдывает многие грехи. Можно быть уверенным, что если бы Меховский слышал, например, приветствие Стефану Баторию,[3] сказанное краковским ректором Яковом Горским, полное автократических намеков, он не только не осудил бы оратора, а скорее поддержал бы как поклонника сильной власти.

Такая точка зрения, как сказано, резко противоречила современной автору политической программе идеологов феодализма, отстаивавших, в конечном итоге, libertatem магнатов pro voluntate королей.[4]

Что он вообще не был сторонником аристократии, родовой и придворной, это видно по его оценкам корыстных побуждений можновладства (хотя бы при избрании Александра королем), по его нелестным отзывам о военных доблестях некоторых представителей знати, по его отношению к кругу Яна Лаского, по тому, наконец, что самое запрещение Хроники исходило из сфер правящей аристократии, обнаружившей таким образом открытую враждебность и к книге и к автору.

Таково же, примерно, отношение Меховского и к другой феодально-консервативной силе тогдашней Польши — к духовенству, хотя в этом случае официальное положение в церковной иерархии сильно вуалирует его подлинные взгляды.

---

[1] A. Brückner, Dzieje kultury Polskej, t. II, Kraków, 1930, стр. 20.

[2] О. с., стр. 155.

[3] Не желавшему быть rex fictus nec pictus, ср. А. Брюкнер, о. с., стр. 24 и 26.

[4] С. Кутшеба, Очерк истории общественно-государственного строя Польши, СПб., 1907, стр. 60—66, 69—76, 80—83; Н. Любович, История реформации в Польше, Варшава, 1883, стр. 1—45; Jan Rutkowski, Histoire économique de la Pologne avant les partages, Paris, 1927, стр. 96 и сл.

И по тому, что нам известно из его биографии, и по свидетельству некоторых мест из его сочинений, Меховский в жизни резко отличался от обычного в его время типа духовного сановника — честолюбивого, корыстного, беспринципного интригана.[1] Поговорки, в роде clericus pluralis (имеющий много пребенд) est haeres infernalis, omnis ksiądz avaritia, żyje jak kanonik (т. е. распущенно) — к нему никак не относятся. Стоит отметить, с каким отвращением описывает он пьянство и обжорство знати (говоря о Литве, Тр. II.II.3 — в рассказе о россомахе) или, в каких выражениях характеризует умершего краковского профессора Иоанна де Канти, отдававшего нищим последние башмаки и ездившего в Рим не ради какой-нибудь тяжбы, как большинство, не для хлопот о канонии, епископии или пребенде, а из благочестия;[2] стоит, наконец, еще раз вспомнить, с каким хладнокровием сокращает он филиппики Длугоша о королевских покушениях на деньги церкви, чтобы умозаключить, что бытовые и экономические устремления польского духовенства XVI в. были нашему автору чужды.

Так же обстоит дело и с политическими притязаниями клерикалов или клерикально-аристократического блока. В передаче Меховского настолько сглажены острые углы церковно-шляхетских отношений, отчетливо видные у Длугоша, что можно предположить только одно: автору Хроники были чужды политические домогательства духовенства.

Чьим же сторонником был этот враг феодалов и поклонник автократии?

А. Боржемский говорит: „Zajęty wyłącznie akademiją i medycyną Miechowita nie należał do żadnego z istniejących wówczas w Polsce stronnictw, w imie i dla pożytku ktorego pisałby swą kroniką... Odbiły się w kronice jego przymioty i własciwosci".

С этим мнением мы никак не может согласиться. „Партийность" Меховского нам кажется достаточно определенной.

Уже Длугош, рассказывая о назначении Казимиром III сборов с духовенства на военные нужды (1455 г.— в борьбе против Ордена), с ненавистью подчеркивает, что для проведения этой меры король, вместо „старых баронов и сановников", избрал „некоторых молодых людей из общей (шляхетской — *С. А.*) массы" и добился своего, так как эти новые сотрудники оказались верными слугами.

---

[1] Ср. А. Брюкнер, о. с., стр. 107, 116—117 и сл.

[2] Хроника, IV, LXIX, стр. 337—338.

На такие же силы менее удачно желал опереться Ян Ольбрахт, делая „попытку усилить королевскую власть в духе гуманистических идей“.[1] У Сигизмунда, говорит Ю. Мархлевский, „советчиками были люди, охваченные духом гуманизма и стремившиеся к усилению власти государя, что в те времена означало усиление центральной власти государства“.[2]

Нам представляется очень вероятным, что к такой группе идеологически и принадлежал Меховский.

Это был сравнительно немногочисленный, но с начала XVI в. быстро расширявшийся круг высшей городской „интеллигенции“, смешанного (шляхетско-бюргерского) состава по происхождению, но объединенной общностью политической установки и общностью мировоззрения. Процветание слагающейся нации, прогресс и величие государства люди этого круга ставили в неразрывную связь с укреплением королевской автократии, а в гуманистическом образовании, чуждом церковно-феодальных традиций и враждебном феодальному авторитету, они находили для себя и основы политического поведения. Из этого круга гуманистов немного позднее вышли деятели польской реформации; не чужды, вероятно, были ему и сатирические тенденции Рея или Кохановского.

Поскольку в XV веке (да и в течение всего долгого времени борьбы с феодализмом) „королевская власть (das Königtum) была прогрессивным элементом“ (Энгельс, о. с., стр. 157), поскольку „все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же как королевская власть тяготела к ним“ (Энгельс, ibid.), политические тенденции польских гуманистов, в роде Меховского, были, бесспорно, наиболее передовыми для своего времени.

Сам по себе наш автор, конечно, не политический деятель.

В реальной политике он иногда просто наивен, ибо чем, кроме крайней наивности, можно объяснить, например, подробное изложение в Хронике скандального процесса четвертой жены Ягелло — Софии, при чем, помимо соображений и оговорок автора, ставится под сомнение законность рождения Казимира III, а следовательно и дина-

---

[1] Ю. Мархлевский, Очерки истории Польши, М. — Л., 1931, стр. 87.

[2] Ю. Мархлевский, о. с., стр. 94. Ср. Ф. Энгельс, О разложении феодализма и развитии буржуазии („Пролетарская революция“, М., 1935, кн. 6, стр. 158). Сравним цензурную вставку Лаского в главу Хроники, где инициатива позорного буковинского похода Яна Ольбрахта тенденциозно приписывается советам гуманиста Филиппа Каллимаха (Буонаккорси).

стическая правомочность царствующего в то время сына его Сигизмунда? Или, взяв другой пример, разве не свидетельствует об исключительной наивности указание в Хронике, что люэс впервые принесен в Краков одной женщиной из паломничества в Рим?

При всем том, нужно признать, что этот кабинетный ученый и такой наивный временами политик был все-таки одним из первых в Польше выразителей новой и прогрессивной политической идеи. Польша тогда, по выражению Энгельса (о. с. стр., 160), „шла навстречу периоду своего блеска". Сознание величия и значения ее свойственно было и аристократически-клерикальному Длугошу и рядовому шляхтичу, но лишь меньшинство (как сказано, часть шляхты и бюргерства) считало опорой этого „блеска" сильную королевскую власть.

В Хронике, как мы видели, налицо и это последнее убеждение (личное убеждение автора и его группы), в Трактате же находим только первую обще-шляхетскую точку зрения.

Отсюда — и упор Трактата на автохтонность поляков, и стремление (в связи с нею) опровергнуть обычную (Иордановскую) концепцию переселения народов, и тенденция всяческого возвеличения своей страны.

Что касается различий Трактата и Хроники в смысле субъективности, то тут возможно, кажется, лишь одно объяснение. Трактат писался не столько для Польши, сколько для Европы, он адресован urbi et orbi и в этом качестве особенно строго подчинен тому принципу, о котором Меховский говорит в письме к Андрею Кржицкому, предшествующем тексту Хроники: не писать дурного о своей родине.[1] Между тем Хроника имела главным образом педагогические цели, при том скорее местного, чем общего значения, предназначалась для „своих" и для поучения. Этим, вероятно, и объясняется ее относительная „партийность" и наличие в ней субъективного морализирующего элемента.

Научно-философские взгляды Меховского, в некоторой части, как мы видели, непосредственно обусловленные его общественно-политической позицией, вообще говоря, весьма противоречивы. Здесь сливаются воедино привыч-

[1] „Родная земля сладко влечет к себе всякого и не дает забыть о себе. Поэтому ни один здравомыслящий человек не станет оскорблять или порочить свою родину, марая, как грязная птица упупа, гнездо свое поношениями, клеветой или несогласными с правдой писаниями, а будет биться за нее, стараясь раскрыть и осветить чужим то, что служит к чести ее и справедливости" (перев. наш — *С. А.*).

ные архаические воззрения и новые критические тенденции, традиция и новаторство, вера и эксперимент.

Как верный сын католической церкви, автор Трактата верит в чудеса и с полным спокойствием рассказывает о море, отступающем перед церковью св. Клемента, о драконе и Хаджи-Гирее, о ледяной статуе, не растаявшей в огне и т. д. Он, повидимому, искренно верит в то, что у литовцев, нарушавших святыню леса, „демонской силой" уродовались руки и ноги, а у лишенных языка жертв Гонорика сохранялся дар речи. Опровергая ложные измышления древних о севере, он сам тут же рассказывает такие вещи о духах и дьяволах, каким, наверное, не поверили бы ни Плиний, ни Аристотель.

Его историческое мировоззрение во многом архаично даже для его эпохи.

Он повторяет старую выдумку средневековых хронографов о потомстве Ноя и строит генеалогию вандалов-поляков методом формальной силлогистики: из небольшого числа книжных фактов, принимаемых за реальные, чисто логическим путем выводит следствия, которым склонен придавать значение фактов.[1]

Совершенно очевидны астрологические увлечения нашего автора: он ими даже несколько щеголяет, тщательно отмечая явления комет-предвестниц, цитируя Птолемея, его арабского комментатора и Пьетро д'Абано.

С астрологией, однако, дело обстоит или вернее — обстояло в XV—XVI вв. не совсем так, как с церковной верой в чудеса. Для нас то и другое — отзвуки средневековья. Во время Меховского астрология считалась наукой, при том наукой, основанной на эксперименте, такой же, примерно, как нынешняя физика или астрономия. Между нею и церковной верой есть несомненное противоречие, сказавшееся, например, в судьбе Пьетро д'Абано. Он был таким же астрологом, как Меховский, попал за это в руки инквизиции с обвинением в занятиях магией, и только смерть избавила его от осуждения, а может быть и от костра.

Противоречия старой традиции и нового реалистического опыта — характернейшая черта научного мировоззрения Меховского, и астрология стоит как раз на грани между ними.

---

[1] Над подобными ложными генеалогиями издевался уже Эней Сильвий (De Bohemorum origine... Wolfferbyti, 1620, стр. 9—10; первое издание 1475 г. Перевод наш): „Те, кто хотели бы подражать богемцам, ища знатности рода в древности, легко могут вести его начало даже уже не от вавилонской башни, а от Ноева ковчега, от рая с его блаженством, от прародителей и чрева Евы, откуда все вышли. Все это, как старческое безумие, мы оставляем в стороне".

Натуралист и медик,[1] автор Трактата постоянно ссылается на критерий опыта, „этого всеобщего учителя". Он противополагает факты, взятые из опыта, сведениям из книг. Судя по его фармацевтическим изобретениям, по его умению уже в то время понять значение гигиены и профилактики, по сопровождавшей его и оставшейся по нем славе великого врача, „польского Гиппократа", Меховский отнюдь не походил на учеников Аристотеля и Галена из комедий Мольера.

Во многом оставаясь еще человеком средневековья, в главных чертах своего мировоззрения он, наверное, сознавал себя и был уже ученым Ренессанса, реалистом и экспериментатором.

Его выступление против традиционных представлений о географии и населении Севера характерно для эпохи: книге и вековому авторитету противоставляется жизнь, опыт и наблюдение.

VII

О причинах успеха Трактата писалось уже не раз.[2] Позволим себе привести несколько новых соображений по этому вопросу.

Сочинение Меховского во многих отношениях оказалось созвучным эпохе, во многом отвечало ожиданиям и затронуло немало самых актуальных тем.

Трудно сказать, намеренно или случайно, но уже самое начало Трактата, несколько неожиданное, выбрано чрезвычайно удачно.

Почему, в самом деле, рассказывая о Сарматиях, автор начинает с Батыева нашествия, подробно и долго говорит о нем, касаясь и Руси, и Польши, и Венгрии, останавливаясь на деталях, именах и датах? Нам кажется, ответ и на этот вопрос и на целый ряд смежных с ним — в международно-политической обстановке конца XV — нач. XVI в. в Зап. Европе.

Тема о нашествии с востока в это время — одна из самых грозных. Турецкая опасность закрывает почти весь политический горизонт в восточных окраинах центральной и южной Европы. Не надо забывать, что гибель Константинополя для Меховского и его современников была не более давним событием, чем для нас, например, франко-прусская война; что последовавшие затем завоевания османов

---

[1] Характерны мелочи в определении болезни Аттилы, как апоплексии, а болезни Витовта, как карбункула.

[2] Б. Дитмар, о. с., стр. 64; М. П. Алексеев, о. с., стр. 76—77 и др.

продолжались вплоть до смерти Мухаммеда II (1481 г.) и, если ослабели к концу века, то не перестали быть угрозой ближайшего будущего. В литературе конца XV в. еще звучат патетические призывы Энея Сильвия (Пия II) к крестовому походу против турок; донесения дипломатов, особенно итальянских, больше всего говорят именно о турках· необходимостью борьбы с ними мотивируются и диктуются политические союзы недавних врагов, объединения государств и искания средств обороны. Как мало обманчивы были эти опасения, видно уже из того, что не более, чем через 10—11 лет после выхода в свет Трактата, Сулейман Великолепный стоял под стенами Вены. Типично для эпохи и то, что сам автор Трактата, во время путешествия в Рим в 1499 г., едва не попал в плен и рабство к туркам, разорявшим тогда северную Италию.

В такое время книжка, повествующая о нашествиях диких орд гуннов или татар с востока, должна была читаться с интересом: говоря о далеком прошлом, она была актуальна и близка; читая о гуннах, помнили о турках.[1]

Главное, однако, было не в этом. Углубляясь дальше в книжку, читатель находил в ней живое описание Московии, а эта тема с конца XV века возбуждала пристальное внимание на Западе, занимая „дипломатов и ученых, торговых людей, художников, ремесленников и, наконец, просто авантюристов всякого рода, которых так много было в ту беспокойную эпоху“. С одной стороны, тут действовали расчеты на московского князя, как возможного союзника или орудие в борьбе против османов; недаром в дипломатической переписке европейских дворов с конца XV в. регулярно сообщается о московских делах, и даже теоретики соединения церквей, в роде Альберто Кампензе, или духовные сановники, в роде Яна Лаского или Иоганна Фабри, рассуждая о церковных делах, прекрасно понимают, а иногда и не скрывают подлинный смысл унии и очень охотно сообщают не о количестве церквей или священников, а о силе московских войск. С другой стороны, основная тема Трактата задевала и торговые интересы, давая материал надеждам на приобретение либо нового рынка в самой Московии,[2] либо новых путей, путей транзитной торговли через нее с дальним Востоком в противовес установившейся португальской монополии в торговле

---

[1] Все это относится к европейскому читателю. Что же касается Польши, то для нее именно татары были в это время, может быть, менее грозной, чем турки, но гораздо более непосредственной и близкой опасностью.

[2] И Меховский, и Иовий, и Герберштейн, и позднейшие говорят об отсутствии металлов в Московии, о привозном вине, о прекрасных мехах в стране, лекарственных и красящих растениях, воске и т. п.

с Индией[1] и османскому господству на путях ближнего Востока.

Нельзя, наконец, упускать из вида и жажду новизны, новых открытий, научного прогресса, столь присущую Ренессансу. Весьма характерно в самом деле, что такой безразличный для политики и экономики вопрос, как вопрос об истоках Дона и о существовании Рифейских гор, не только вызывает внимание ученых,[2] но оказывается одним из предметов, поручаемых специальному изучению едущего в Москву имперского посла.[3]

Трактат Меховского, таким образом, отвечал самым разнообразным вкусам и интересам, ожиданиям и запросам читателя XVI в.

Чтó еще должно было действовать убеждающе, это — самая форма выступления краковского ученого. В год написания Трактата Меховскому было уже 60 лет. Между тем его сочинение дышит свежестью и задором молодости. Один из внимательнейших ценителей Трактата[4] находит, „что все рассказы его носят на себе печать какого-то особенного незлобивого добродушия". Может быть, в некоторой части это и верно, но верно и то, что в Трактате не раз сказывается страстный полемический темперамент автора. Он сам верит в то, что открывает новый мир, и убеждает своей верой читателя. Его Трактат в высшей степени типичен, как новое слово в науке, вызывающее резкий сдвиг установившихся точек зрения и поворот на иной путь. Меховский решительно порывает со старыми авторитетами античных писателей. О живом и современном он говорит современным и живым языком: называет народы, места и вещи современными именами; без всякой торжественности и немецкой серьезности Герберштейна он просто и незаметно вводит даже точную транскрипцию географических и личных имен, стараясь приблизить ее к произношению; он приводит много слов на местных языках и т. д. Короче говоря — изображает живое живым, а не через призму мертвых известий давно истлевших свидетелей.

Маленькая книжка (и в этом тоже ее достоинство!), написанная таким образом, первая печатная книга о Московии, не могла не иметь успеха.

---

[1] Ср. проект Паоло Чентурионе в передаче Иовия.

[2] Ульрих фон-Гуттен пишет нюренбергскому гуманисту Пиркгеймеру о потрясающем впечатлении, произведенном на него известием о том, что Рифейских гор нет, и восклицает: „О что за время! как движутся умы, как цветет наука!" Ср. Epistolae Hutteni, изд. Буркхарда, стр. 54 и сл.

[3] О да Колло см. тщательную справку у М. П. Алексеева, о. с., стр. 83—86. Впервые — у Л. Н. Майкова, см. Летопись занятий Археогр. ком., вып. XII, 1901, стр. 134—135.

[4] Отеч. зап., о. с., стр. 151.

Как и часто бывает с такими боевыми произведениями, открывающими новый путь в науке, Трактат не миновал кое в чем и ошибок, именно в результате новаторских увлечений автора. Однако, если даже это и ошибки, они вполне извинительны и естественны.

В чем, строго говоря, поправляли Меховского его критики,[1] да Колло и Герберштейн, или колеблющиеся последователи в роде Павла Иовия? В вопросе о Рифейских горах. Меховский так горячо и упорно отрицал существование Рифейских и Гиперборейских гор и даже всяких вообще гор в Московии, что, хотя при этом мимоходом и признал существование гор в Югре и по берегу Северного Океана, его читатели просто не заметили этого и, каждый по своему, стали подтверждать наличие Рифейских гор, разумея под ними те, что Герберштейн назвал Поясом мира, то есть Урал. В излишнем заострении своего тезиса наш автор формально делал ошибку, но это была одна из тех плодотворных ошибок, без которых нет движения в науке и нет ее развития.

VIII

Каково же значение книжки Меховского для нас и для современной науки?

Первый по этому предмету высказался К. Мейнерс[2] (о. с., стр. 4), и как ни мало основательно местами его суждение, обойти его нельзя. Прочитавши Трактат в итальянском переводе в сборнике Рамузио, Мейнерс прежде всего впал в недоумение перед вопросом, когда впервые он был напечатан (!), и предположил, что первое издание давно утрачено. Он стал было даже теоретически высчитывать возможное время написания Трактата и, исходя из того что, по словам Меховского (II.II.2), крещение Югры произошло „около двадцати лет назад“, а по другим источникам (Герберштейн), Югра покорена в 1518 г.,[3] пришел к заключению, что написан Трактат в 1538 г. (!), и лишь по письму Ульриха фон-Гуттена к Пиркгеймеру убедился

---

[1] Не говоря о собственных ошибках оппонентов в самом процессе „правки“ Меховского.

[2] Этот известный ученый, „гофрат короля Великобритании и ординарный преподаватель мироведения в Геттингене“, а впоследствии сотрудник русского м-ва нар. просв. при Александре I, мог бы быть, между прочим, недурным авторитетом для сторонников „расовой теории“: доказывая, что негры — низшая раса, он давал оружие „науки“ в руки рабовладельцев.

[3] На самом деле последний московский поход в Югру был в 1499 г., и в завещании Ивана III уже перечислены Югра, Печера, Пермь Великая. Ср. Соловьев, История, I, стб. 1422—1423, 1498.

в своей ошибке. В дальнейшем, полагая (будто бы на основании сказанного в Трактате), что Меховский был в России и своими глазами видел истоки Днепра, Дона и Волги, Мейнерс удивляется его ошибке с местом впадения Волги.

Общая оценка Трактата у него такова: „Большую часть книжечки — говорит он — занимают ложные или полудостоверные сказки о происхождении, нашествиях и местожительстве татар, о родине готов, вандалов, аланов, свевов, турок и венгров, при чем последних он называет юграми. Он различает Россию и Московию, как совершенно разные страны, причисляет к России не только Украину, но даже Литву, которой придает столь широкие границы, что туда входят и Новгород, Псков и т. д. Его известия о Московии и о зависимых от нее странах, Перми, Башкирии, Черемисе, Югре, Кореле заполняют только три листа in f°. Описание Московии не только весьма неполно и сбивчиво, но и полно ошибок, так как он вводит туда много областей или княжеств с именами, которых никто никогда не слышал. При всех своих недостатках, он был отличным проводником для Пиркгеймера, поскольку последний в своем Explicatio Germaniae касался Европейской Сарматии, а также для Себастиана Мюнстера“. Вместе с тем Мейнерс признает, что „книга этого человека о двух Сарматиях была первой, которая, так сказать, открыла Россию и пограничные с ней татарские страны остальной Европе“.

Из всего сказанного немецким ученым бесспорны лишь два последние замечания. Все остальное — либо результат очень небрежного ознакомления с текстом Трактата (при том и не в подлиннике), либо — отсутствия должной исторической перспективы. В частности, „сказки о нашествиях и происхождении татар“ по проверке оказываются в достаточной (для XVI в.) степени достоверными, а, может быть, даже содержат кое-какой новый материал в дополнение к нумизматической, актовой и летописной документации. Княжеств с „неслыханными именами“ у Меховского вообще нет, как нет и названия Украины, а разделение Руси и Московии или включение Новгорода и Пскова в Литву — только отражает номенклатуру, реально существовавшую в политической географии XVI в., или (о Новгороде и Пскове) — ложные политические претензии на господство, также (как претензии) имевшие место. Известия собственно о Московии действительно занимают в Трактате сравнительно немного страниц, но это не единственная тема, интересная для современного читателя, а с присоединением к ней известий о южной Руси, Литве и Татарии, она охватывает большую часть Трактата.

После оценки Мейнерса следующая по времени принадлежит автору уже упоминавшейся статьи в Отеч. записках.[1] Отметив, впрочем, довольно мягко, неосновательность выше приведенных упреков Мейнерса, автор статьи говорит о Меховском (о. с., стр. 151—153): „Есть, конечно, много неверностей в его книге, но прочитавший ее всю со вниманием, обвинит скорее некоторых из тогдашних соплеменников наших, не хотевших или не умевших оценить благородной его пытливости касательно всего, что относится к нашему отечеству, и сообщивших ему вещи небывалые. За то некоторые из показаний Меховского имеют, видимо, характер достоверности и могут служить подтверждением и частью дополнением местным источникам“. Упрекать Меховского в дефектах мировоззрения значило бы, по мнению того же автора „требовать от человека XVI века понятий и взгляда XIX и, вдобавок, забывать, подобно Мейнерсу, о многих светлых сторонах его сочинения“.

Позднее Меховским, как говорилось уже, много занимался Е. Замысловский; в своих исследованиях о Герберштейне и Себастиане Мюнстере он неоднократно с большой похвалой отзывается об авторе Трактата, но общей оценки его не дает.

В. О. Ключевский в „Сказаниях иностранцев“, делая ссылки на Трактат, видимо, несколько недооценивал его взаимоотношения с некоторыми его подражателями: он ставит наравне с данными Меховского, а иногда и впереди их, показания Альберто Кампензе, только копирующие Меховского.

В последние годы Трактатом интересовались два исследователя — Б. Дитмар, посвятивший ему в 1928 г. статью в журнале „Землеведение“, и М. П. Алексеев, собравший богатый библиографический материал о Меховском в специальном экскурсе в книге „Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей“ (Иркутск, 1932). Оба исследователя дают положительную оценку Трактату. Б. Дитмар отмечает, что автор „обстоятельно знал географическую литературу: он ссылается на Птоломея, Аристотеля, Плиния, К. Тацита...“, „отнесся к своей работе вдумчиво и добросовестно“; Б. Дитмар находит, „что вместе с К. Мейнерсом можно по справедливости сказать, что Меховский впервые открыл Европе Россию“ (о. с., стр. 74—75).

М. П. Алексеев, включая в общую характеристику эпохи суждение о Трактате, отмечает новаторские тенденции автора и его смелость в разрыве с авторитетами прошлого, а в общей оценке поддерживает отзыв Б. Дитмара.

[1] Это был, по мнению М. П. Алексеева, М. Корф.

Из этого краткого обзора видно, что Трактат еще не получил ни полной, ни должной оценки. Между тем он стоит ее.

Прежде всего — это одно и самых ранних для нового времени известий о странах и народах СССР,[1] при том одно из своеобразнейших по непосредственности изложения. Следовавшие за ним более подробные или более точные сочинения о России уже к началу XVII в. отодвинули Трактат на задний план: он потерял значение важнейшего (сначала чуть ли не единственного) источника осведомления, но и после этого отнюдь не утратил определенной собственной ценности.

Произведение, в исторической части по преимуществу компилятивное, Трактат даже и там — в оригинальных местах — сохраняет интерес первоисточника; в части же географии и этнографии он почти всегда самостоятелен и почти целиком является первоисточником.

С другой стороны, Трактат представляет собой любопытнейшее явление в истории науки: он стоит на водоразделе традиционно-схоластических течений средневековья и научно-критического метода нового времени, отражает острую (в конечном итоге все ту же классовую) борьбу прошлого с надвигающимся новым, церковно-феодального авторитета с революционным сознанием новой буржуазной науки, а в некоторых взглядах автора (чем бы они ни диктовались) удивительно совпадает с выводами или конъектурами наиболее передовых исследований нашего времени. Мы имеем в виду своеобразную трактовку Меховским готского вопроса в противовес Иордану (и, следовательно, нынешней фашистской историографии) и его положение об автохтонности славян на территории Восточной Европы.

Наконец, бесспорно значение Трактата в истории изучения территорий и народов нашего Союза.

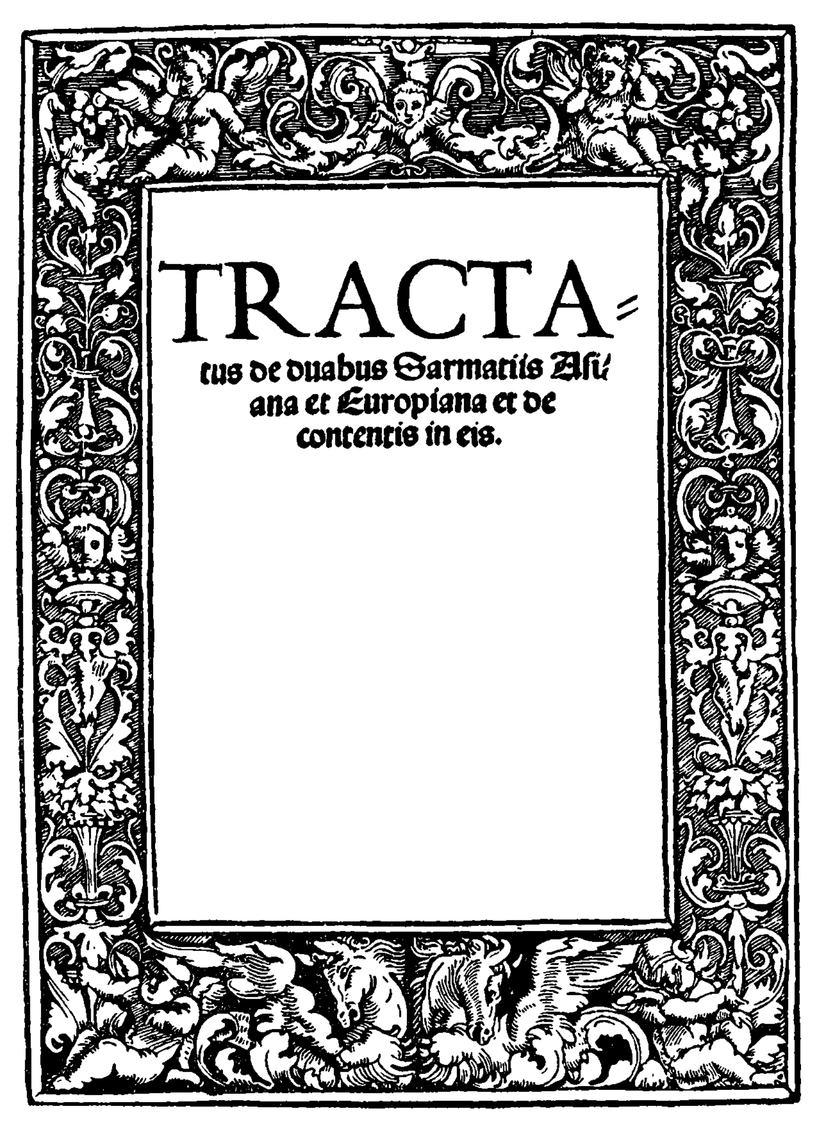
Это первое появившееся в печати описание Украины, РСФСР, Татарии, Крыма и др. в полной мере заслуживает внимания советского читателя.

С. Аннинский.

---

[1] Известия Иозафы Барбаро и Амброждо Контарини, напечатанные ранее Трактата, во первых, были сравнительно мало известны, а во вторых, гораздо менее содержательны.

ТРАКТАТ
о двух Сарматиях Азиатской и Европейской и о находящемся в них

Титульный лист второго издания Трактата, 1518 г. в Аугсбурге.

Достопочтеннейшему отцу и господину,

господину Станиславу Турсону, епископу ольмюцскому,[1] Матфей из Мехова, доктор искусств и медицины, краковский каноник,

[a]от своего убожества приносит неизменную готовность служить и молитвы, а также пожелание вечных радостей небесной славы.[a]

Достойнейший владыка!

Множество писателей в своих изысканиях и открытиях избороздило весь свет, но Сарматии,[2] как неизвестные, они обошли молчанием и пропустили. У тех же, кто позаботились хоть что-нибудь об этих странах оставить потомству в своих сочинениях или стихах, говорится неясно и (вследствие древности) все темно, как в полночь. Еще более недопустимо то, что они от себя прибавили много выдумок и запутанных, никуда негодных басен. Так, будто бы за Сарматиями у Северного океана находятся Елисейские поля: климат там самый мягкий, жизнь вечная, полная мира и всякой прелести; когда же по истечении многих столетий людям там надоест скучная старость, они бросаются с утесов в океан, чтобы утонуть и избежать полной старости.[3] Затем там же предполагали место рождения амброзии, сладкой на вкус и благоуханной: ею будто бы, как в раю, подкрепляются местные жители. Там же будто бы в безмерном множестве есть и золото, веселящее сердце человека, но рыть и уносить его мешают страшные хищные птицы — грифы: они нападают на людей и коней, поднимают их на воздух и сбрасывают вниз.[4] Далее, говорят, что там звезды, солнце, луна и прочие светила всегда остаются на небе и непрерывно светят, делая погоду мяг-

---

a—a В изд. 1521 г. вместо этого: желает здравия.

кой и приятной. Все это — сплошные выдумки, в действительности не существующие ни там, ни где бы то ни было.

Современные очковтиратели (frapatores) полагают, что страшный татарский народ, живущий в степях Азиатской Сарматии, живет там искони, от начала веков, а между тем это новый и пришлый народ, переселившийся в Сарматию Азиатскую с востока около трехсот лет тому назад или немного больше, а до тех пор неизвестный. Об этом я скажу в начале моего сочинения. Утверждали также, что в тех северных областях находятся известнейшие в мире горы Рифейские и Гиперборейские, а из них вытекают не менее славные реки, описанные и воспетые космографами и поэтами: Танаис, Борисфен Большой и Малый и величайшая из рек Волга. [5]

Все это далеко от истины, и нелишним будет, основываясь на опыте (всеобщем учителе), опровергнуть и отвергнуть это, как невежественное и непроверенное сообщение. Мы знаем и своими глазами видим, что вышеупомянутые три реки (действительно крупные), Борисфен, Танаис и Волга, начинаются и текут из Московии, а Малый Борисфен, называемый у Аристотеля Гипанисом или иначе Малым Борисфеном, берет начало в верхней Руссии, а затем впадает в Большой Борисфен, соединяясь с ним. Что там нет гор, называемых Гиперборейскими, Рифейскими и Аланскими, это мы точнее точного знаем и видим, как и то, что вышесказанные реки возникли и имеют истоки на равнине. [6]

Вот почему, ученейший владыка, я хочу самым правдивым образом рассказать твоему преподобию и об этом и о многом другом, что есть в Сарматиях. Я постараюсь, насколько можно будет коротенько, написать это небольшое сочинение о двух Сарматиях, мало известных древним под современными нам именами. Пусть это будет стимулом для других, кто больше моего знают и могут писать более изысканным стилем.

Южные края и приморские народы вплоть до Индии открыты королем Португалии. Пусть же и северные края с народами, живущими у Северного океана к востоку, открытые войсками короля Польского, станут известны миру. [7]

Прощай, моя гордость, достойнейший владыка.

Книга первая.

Трактат первый. О Сарматии Азиатской.

Глава первая. О том, что есть две Сарматии.

Древние различали две Сарматии, соседние и смежные друг с другом, одну — в Европе, другую в Азии.[2]

В Европейской есть области: руссов или рутенов, литовцев, москов и другие, прилегающие к ним, между рекой Вислой на западе и Танаисом на востоке, население которых некогда называлось гетами.[8]

В Азиатской же Сарматии, на пространстве от реки Дона или Танаиса на западе до Каспийского моря на востоке, ныне живет много татарских племен.

О их государственном строе, происхождении, вере и обычаях, обширности земель, о реках и о соседних областях будет сказано в нижеследующем.

Глава вторая. О появлении и нашествии татар.

В год господень тысяча двести одиннадцатый, в месяце мае, появилась большая комета, остававшаяся [на небе] восемнадцать дней. Она двигалась над половцами (Polowczos), Танаисом и Руссией, а хвостом тянулась на запад, предвещая приход татар.[9]

Затем, в следующем году татарское племя, дотоле неизвестное, убив будто бы своего царя Давида и разбив много северных народов, пришло от предгорий Индии к половцам.[10]

Половцы — это племя, обитавшее по северному берегу Эвксинского моря, за Меотидскими болотами,[11] которое другие называют готтами (Gotthos). Половцы в переводе

на русский язык значит охотники или грабители, так как они часто, делая набеги, грабили русских, расхищали их имущество, как в наше время делают татары.[12]

Когда, таким образом, татары вступили в землю половцев,[13] те, отправив послов, просили русских князей помочь им всеми силами и войском, так как их, мол, ждет та же опасность и та же гибель, что и половцев.

Вслед затем пришли к русским князьям и татарские послы. Они советовали не вмешиваться в войну на стороне половцев, а вместо этого помочь истреблению их, как врагов Руси.

Русские (Russitae), действуя необдуманно, схватили и убили татарских послов, а потом выступили с войском сухим путем и водой на помощь половцам.[14] В том числе были — Мстислав Романович с киевским воинством, Мстислав Мстиславич — с галицким, а также и другие князья Руссии — Владимир Рюрикович, князья Черниговские и Смоленские.[15]

Соединившись с войском половцев, пришли в Протольце,[16] а оттуда, некоторые верхом,[17] добрались двенадцатью переходами до реки Калки (Kalcza), где уже стояли лагерем татары.

Не дав им времени передохнуть, татары обрушились на них: половцы были смяты и разбежались, ряды русских рассеяны и, после большой резни, были взяты в плен два князя — Мстислав Киевский и князь Черниговский.[18] Остальных во время бегства (и сказать отвратительно!) убивали союзники-половцы, через землю которых спасались беглецы: убивали всадников ради коней, убивали и топили в воде пеших ради одежды.

В тот день русские попали в самую злую и ужасную опасность, никогда дотоле неслыханную в русской земле, и это было первое поражение, понесенное русскими от татар.

Князь Галицкий Мстислав Мстиславич добежав до кораблей, переправился через реку, а затем, боясь татарской погони, велел обрубить причалы кораблей[19] и в ужасном смятении бежал в Галич.

Владимир Рюрикович, тоже спасшийся бегством, прибыл в Киев и получил киевский престол.

Вся же остальная масса русских, добежав до кораблей и найдя обрубленные причалы, впала в уныние и, не имея сил переплыть волны, погибла там от голода, за исключением немногих князей и некоторых их воинов, перебравшихся через реку на челноках.

Позднее, в год господень тысяча двести двадцать восьмой, татары, вступив огромной массой в Руссию, опустошили всю Рязанскую (Rzesanska, Rzessensem) землю, убили князя, умертвили стариков и малолетних, массу остальных увели в плен, а замок сожгли.[20]

Зимой того же года снова пришли татары — в землю Суздальскую и, всю ее опустошив, убили князя Георгия с сыновьями и многих других суздальских князей, сожгли замок Ростов и вволю захватили пленных и добычи. И в следующем году также они пришли в Смоленскую и Черниговскую области, опустошили их жесточайшей резней, не щадя никакого возраста, сожгли замки и укрепления, откуда в страхе бежали князья и воины, и с массой пленных вернулись в свои земли.[21]

Глава третья. О жестоком опустошении Польши и Венгрии татарами.

Вслед за сказанным надо, по порядку изложения, перейти к ужасающему татарскому опустошению.

В год господень тысяча двести сорок первый татары пришли в Руссию и до основания разрушили обширнейший город Киев, великолепную столицу русских.

Этот город имел крепкие ворота и башни, а на некоторых воротах блестящие позолоченные крыши.[22] Был там и до сих пор есть митрополит русского или греческого обряда, глава многих владык (wladicis) и епископов, начиная от Дуная — по Молдавии, Валахии, Руссии и Московии, но в Киеве, после разрушения, он больше не живет.

В городе было более трехсот богатейших церквей. Некоторые из них стоят еще и до сего дня в поле среди терна и кустарника в запустении, как прибежище зверям. Две церкви — св. Марии и св. Михаила, доныне сохранили кое-какие полоски позолоты на крышах: татары, прихо-

дящие за добычей, глядя на них, называют Алтым бассина, то есть златоглавые, так как часть крыши у них позолочена.[23]

В наше время на горе, где когда-то стоял Киевский замок, у литовцев, владеющих той местностью, имеется большое укрепление, выстроенное из дубовых бревен.

Разгромив таким образом всю Руссию с ее столицей и всю Подолию и желая напасть на Венгрию, император татарский Батый (Bathus) послал князя по имени Пета с большим войском опустошить Польшу.

Поляки говорят, что царь татарский Батый опустошил Польшу, Силезию и Моравию. Правильнее, однако, изложение у тех, кто, как венгерская хроника, сообщают, что не сам Батый был в Польше, а его князья.[24]

Перебив правителей и князей русских и захватив добычу в городах Люблине, Завихосте и соседних с ними, татары отвезли ее на Русь. Спешно вернувшись потом, они взяли Сандомир с замком и убили там аббата Покржливницкого [монастыря] с братией[25] и множество знатных и незнатных людей обоего пола, собравшихся в Сандомир для спасения жизни.

Уйдя оттуда через Вислицу, они пришли в Скарбимирию, а когда они уже возвращались обратно, везя добычу в Руссию, и стояли у реки Чарны, близ деревни, именуемой Большое Турско,[26] на них напал палатин* краковский Владимир с краковскими воинами. Тут, пока шел бой, вся масса пленных разбежалась и укрылась в ближние леса, но малочисленное краковское ополчение с Владимиром было раздавлено численностью татар. Однако и татары, потерпев урон, отошли в Руссию через лес Стремех, а потом, призвав на помощь множество других, с грозой и гневом вновь пошли в Польшу. Свое огромное войско они, подойдя к Сандомиру, разделили надвое. Меньшую часть, под начальством Кадана, называемого у поляков Кайданом,[27] направили на Ленчицу, Серадз и Куявы и, не встречая преград, с величайшей жестокостью опустошили эти округа огнем и мечом.

Бо́льшее войско, под предводительством татарского

* Воевода.

князя Петы, пошло на Краков, опустошая по пути огнем и мечом все соседние края. Навстречу им в деревне Хмелик, близ города Шидлова,[28] вышли палатин Владимир и Клемент, кастеллан краковский, Пакослав палатин и Яков Рациборович, кастеллан сандомирский, со знатью и воинами Сандомира и Кракова. Начался бой с татарским отрядом, а когда он, ослабев, отступил и соединился с другим, более крупным, поляки, утомленные предшествовавшей битвой, частью пали, грудью встретив удар подавляющего численностью врага, частью обратились в бегство и спаслись по знакомым дорогам. Пали в этой стычке незабвенные Христин Сулькович из Недзведя, Николай Витович, Альберт Стампотич, Земента, Грамбина, Сулислав — отличные воины, и много других доблестных. Это поражение распространило такой ужас, что люди стали убегать кто куда мог, а поселяне со своим добром и скотом укрылись в болота, в леса, в непроходимые места.

Бежал и Болеслав Стыдливый, князь Краковский и Сандомирский,[29] с матерью Гржимиславой и женой Кингой — сначала по направлению к Венгрии в замок Пьенини близ города Сандеца, а потом в Моравию, в цистерцианский монастырь.

Татары же, нанеся полякам поражение под Хмеликом, в первый день великого поста пришли в Краков и, найдя город пустым, так как все жители скрылись, в ярости сожгли церкви и дома.

Они осадили, окружив валами, церковь св. Андрея, тогда стоявшую вне городских стен, но так как поляки, засевшие там в большом числе, энергично и смело отбивались, защищая себя и свое добро, татары взять ее не могли и без успеха отступили на Бреслав.[30] И этот город они нашли не только покинутым жителями, как Краков, но и сожженным. Дело в том, что горожане, бросив в ужасе почти все и спешно захватив лишь более ценное, все бежали, а люди князя Генрика, увидев это из крепости, сошли вниз, собрали в крепость добро и пищевые запасы, а город с его строениями сожгли.

Ничего не найдя в городе, татары осадили замок, но несколько дней спустя, отраженные, как говорят, благодаря слезным молитвам Чеслава, приора ордена предика-

торов, и братии его, бывших в замке, сняли осаду и отступили.

Между тем, на второй день Пасхи подошли татары, разорившие Куявы, и все они, соединившись вместе, пошли на Легницу. Князь Генрик второй, сын св. Гедвиги,[31] в то время собирал там вооруженные силы из знати и простолюдинов Великой Польши и Силезии. Прибыли и князья со своими воинами: Мечислав Казимирович, князь Опольский, Болеслав, сын Деподьда, изгнанного маркграфа Моравского, по прозвищу Сепёлка; Помпо де Гостерно, магистр крестоносцев из Пруссии, с братьями ордена, а сверх того и много других крестоносцев.

Когда князь стал выводить войска из города Легницы и ехал верхом им навстречу, с верхушки церкви св. Марии упал камень и едва не раздробил ему голову, что, бесспорно, было дурным предзнаменованием.

Пройдя предместья города Легницы, он построил войско четырьмя отрядами. Первым — из крестоносцев-добровольцев, золотоискателей города Гольтберга[32] и других пришлых воинов командовал Болеслав Сепёлка, сын маркграфа Моравского.

Другой отряд состоял из воинов Кракова и Великой Польши. Его вел Сулислав, брат Владимира, палатина краковского, убитого у Хмелика.

Во главе третьего отряда был Мечислав, князь Опольский. В нем были опольские воины и Помпо, магистр Пруссии с братией и воинами.

Четвертым отрядом из виднейших воинов Силезии и Великой Польши, а также из наемных воинов, начальствовал сам князь Генрих.

Столько же было и татарских отрядов, но более крупных по силе и численности бойцов, так что один их отряд превосходил все польские. И вот на просторном, открытом во все стороны поле, называющемся Доброе поле,[33] 9-го апреля, то есть во второй день после пасхальной недели, сошлись оба войска.

Прежде всего на татар с силой ударило войско крестоносцёв и золотоискателей, но под стрелами татар полегло, как нежные колосья под градом. Затем, два других отряда, под командой рыцаря Сулислава и Мечислава, князя Ополь-

ского, начали бой с тремя татарскими войсками и нанесли им такой сильный урон, что те отступили и обратились в бегство.

В это время кто-то, быстро промчавшись кругом обоих войск, прокричал ужасающим голосом: „Biegaicie, biegaicie!“ что значит „бегите, бегите“, и привел в ужас поляков. [34] Услышав этот крик, Мечислав, князь Опольский бросил битву, бежал и увел с собой большую часть своих воинов. „Gorzey sie nam stalo“ простонал, видя это, князь Генрик, то есть: „Тяжко и хуже нам стало“. Введя в бой свой четвертый отряд из храбрейших воинов, он перебил и обратил в бегство три татарских отряда, расстроенные двумя польскими. Тут однако, подошел четвертый, самый большой, татарский отряд, под начальством Петы, и со страшным натиском бросился в бой. Вновь началась жесточайшая битва с обеих сторон. Когда татары уже в большей части были перебиты и готовы бежать, какой-то их знаменосец с громадным знаменем, на котором была греческая буква *хи* (так: X), а на верхушке древка изображено мрачное черное лицо с длинной бородой, начал с пением потрясать головой этого изображения. Тут из нее тучей пошел на поляков ужасный дым с нестерпимой вонью, так что они стали задыхаться, обессилели и не могли больше биться. Татарское войско, повернув со страшным криком на поляков, прорвало до тех пор крепкий их строй и нанесло им великое поражение.

Тут убиты были князь Болеслав, сын маркграфа Моравского, по прозвищу Сепёлка, и Помпо, магистр крестоносцев из Пруссии, со многими замечательными воинами.

Князь Генрик был окружен кольцом татар. Опасность была и сзади и спереди. В конце концов вокруг него осталось всего четыре воина: Сулислав, брат покойного Владимира, палатина краковского, Клемент, палатин глоговский, Конрад Конратович и Иоанн Иванович. Насколько хватало сил и старания, они пытались вывести Генрика из битвы, убеждая бежать, но конь его был ранен и останавливался. Поэтому татары, догнав его вскачь, окружили с тремя названными воинами (четвертый, Иоанн Иванович, отделился от них), и князь некоторое время бился с ними. Иоанн же Иванович, взяв свежего коня у княжеского при-

дворного Росцислава, пробрался через ряды врагов и привел его Генрику. Сев на коня, князь последовал за Иоанном Ивановичем, прокладывавшим ему путь среди врагов, но когда тот на-скаку был ранен и скрылся, князь снова был настигнут и в третий раз окружен. Он мужественно сражался с татарами, но тут, подняв левую руку,[35] чтобы нанести удар бывшему перед ним врагу, получил от другого смертельную рану копьем под-мышку и, опустив руку соскользнул с коня. Татары схватили его с неистовым и диким криком и, оттащив с поля битвы на расстояние двойного выстрела балисты, саблей отрубили ему голову,[36] а тело, сорвав все инсигнии, бросили голым.

В этом сражении было убито множество знатных поляков, среди которых замечательны и славны: Сулислав, брат палатина краковского Владимира, Клемент, палатин глоговский, Конрад Конратович, Стефан из Вирбны с сыном Андреем, Клемент, сын Андрея из Пелцницы (Pelcznicza), Томас Пиотркович, Петр Куша и другие.

Тело князя Генрика после поражения едва было найдено женой его Анной и признано только по шестому пальцу на левой ноге. Похоронено оно на середине хор в церкви св. Иакова у францисканцев в Браславе.

В том же монастыре св. Иакова в Браславе погребены тела и Помпония, Прусского магистра, и замечательнейших выше названных воинов. Прах Болеслава, сына маркграфа Моравского, погребен в Лубнах (Lubens) на хорах конверсов, а над прочими христианскими телами, похороненными на месте сражения, выстроена и до сего дня существует церковь.

Одержав величайшую победу над князем Генриком и поляками и собрав добычу, татары у каждого из павших отрезали ухо, чтобы знать число убитых, и наполнили таким образом десять больших мешков.

Голову князя Генрика они подняли на длинное копье, принесли к замку Легнице (город из страха перед татарами был сожжен) и потребовали открыть им ворота, так как князь убит. Население замка с достоинством ответило, что, вместо одного убитого князя, есть много других — детей убитого, и татары, опустошив и сжегши деревни вокруг Легницы, ушли в Отмухов, стояли там пятнадцать дней и разорили всю окружную область.

Оттуда они направились в Ратиборский край, восемь дней оставались в Болешиско, затем отошли в Моравию и, пока король Богемский Венцеслав держался в лагере, они более месяца огнем и мечом опустошали страну. Наконец от Ольмюца (Olomuncz) семью переходами они добрались до Венгрии и соединились с бо́льшей ордой самого Батыя, ранее туда пришедшей.

Глава четвертая. О кровавом опустошении Венгрии Батыем, императором татарским. [37]

Опустошив и уничтожив Руссию, Батый с пятисоттысячным войском предпринял поход на Венгрию. Среди Сарматских гор, в так называемом Русском ущелье [38] ему оказал сопротивление и заградил было проход граф палатин венгерский, посланный с войском королем Венгрии Белой четвертым, [39] но Батый, обрушившись на него, овладел проходом.

Сжигая города и села, он быстро дошел до реки Тиссы, в просторечии именуемой Циса (Ticia — Cicza) текущей из гор Сарматии к югу в Дунай. Делая оттуда набеги, татары опустошили и сожгли Вацию с ее кафедральной церковью. Они подходили и к Пешту, где король Бела четвертый собирал против них войско, но тут же и уходили, то приближаясь, то убегая, согласно своей военной тактике.

Когда король Бела собрал против татар большое войско из знати и духовенства, он продвинулся вперед и разбил лагерь у реки Тиссы. Поставив у моста охрану из тысячи воинов, он думал, что татары не перейдут реки, так как она глубока, очень тиниста и непереходима.

Однако, татары, переправлявшиеся и через более крупные реки, найдя брод, ночью переплыли Тиссу и на рассвете окружили со всех сторон венгерское войско с королем Белой.

Выпустив густой тучей бесчисленное множество стрел (подобно частому граду, грохочущему в дождевом тумане), они привели венгров в смятение, многих перебили и еще большее число ранили. Захваченные врасплох, венгры,

беспорядочно отбиваясь, погибали. Иные, видя это, пытались украдкой ускользнуть и бежать, а лукавые татары не мешали им проходить через свои ряды. Коломан, брат короля,[40] и король Бела скрылись неузнанные, а остальных татары окружили и самым жестоким образом перебили всех до одного. В том числе пали высокие духовные лица: Матфей, архиепископ стригонийский; Уголин, архиепископ колоцкий; Георгий, епископ иаврийский; Рейнальд, епископ трансильванский; епископ нитрийской церкви; Николай, сцибинский настоятель — королевский вицеканцлер; Эрадий, архидиакон бахийский; магистр Альберт, стригонийский архидиакон.[41] Убито было бесчисленное множество мирян, знатных и незнатных, а бежавшие были нагнаны и полегли мертвыми на дорогах. Много простых людей, собравшихся в Пешт, с приходом татар погибло от меча.

Король Бела поспешно бежал к границам Австрии, где был захвачен и удержан в плену герцогом Австрийским, а когда наконец был им отпущен, прибыл к королеве своей супруге, затем удалился в Славонию и оставался там вплоть до нападения Кадана.

Опустошив Венгрию по одну сторону Дуная, татары перешли и на другую, когда с наступлением зимы Дунай замерз, и устроили становище между Иаурином и Стригонием. Там и по сей день еще видны рвы и холмы от их пребывания.

Отсюда они жестоко разорили всю задунайскую область грабежом, пожарами и убийствами. Когда они собрались уходить обратно в Татарию, князь Кадан свернул в Славонию, чтобы напасть на короля Белу. Король в ужасе бежал от него к морю, а затем в город Полу. Кадан же, как условился с Батыем, пройдя и опустошив Боснию, Сербию и Булгарию, остановился у Дуная, чтобы дождаться орды императора Батыя.

После ухода Кадана Батый осадил и взял замечательный в то время город Стригоний, населенный разными немецкими, галльскими и италийскими купцами. Так как жители спрятали и зарыли в землю свои богатства, которых добивались татары, то все и были убиты без пощады к полу и возрасту.

Разрушив Стригоний и перейдя Дунай, татары пришли

к ожидавшему их войску князя Кадана, а затем наконец по прежней дороге мимо Меотидских болот ушли в Татарию.

Татарское разорение и всяческие опустошения продолжались в Венгрии почти два года.

Глава пятая. Как папа Иннокентий IV послал к хану татарскому просить, чтобы он не преследовал христиан, и как хан принял веру Магомета.

Когда татары уходили, вся Европа содрогалась от ужаса, и христианские государи, движимые страхом, стали совместно обдумывать меры, чтобы помешать их новому приходу.

Папа Иннокентий четвертый с Лионского собора, в год господень 1246, послал к татарам брата ордена предикаторов Асцелина со многими другими братьями того же и иных орденов.[42]

Через Германию и Богемию Асцелин прибыл в Бравлав и был с почетом принят Болеславом, князем Силезским и Бращлавским. Оттуда он отправился в Ленчицу и нашел там со своими кров и приют у князя Мазовецкого Конрада. Прибыв затем в Краков, они были ласково встречены и приняты Болеславом Стыдливым, матерью его Гржимиславой и местным епископом Прандотой, были снабжены множеством дорогих мехов, помимо тех, что сами купили на собственный счет, потому что являться к татарским государям без даров нельзя.

Случилось, что у Болеслава Стыдливого, государя Краковского и Сандомирского, был в то время князь Руссии Василько, племянник его матери. Ему они и были поручены и были им привезены в Руссию.[43]

Прибыв в Киев, они приобрели коней, годных к обстановке татарской земли, то есть таких, которые умели бы ногами добывать себе воду и корм из-под снега. Выехав наконец из Киева, они миновали много татарских князей, пока не добрались наконец до хана (cham) или императора татар. Изложив ему послание папы Иннокентия четвертого, они убеждали его признать и чтить единого бога и посланника его Иисуса Христа и не губить род христианский жестокой смертью, как в Польше, Венгрии и Моравии.

Получив ответ, что хан в течение пяти лет не будет нападать на род христианский, они тою же дорогой возвратились к апостольскому престолу с грамотой татарского императора.

В Зерцале историческом Винцентия есть эта история, но читать ее нужно осмотрительно, так как кое в чем она недостоверна. [44]

По уходе христианских послов, прибыли послы саррацинов и стали убеждать татар принять веру магометову, как более легкую, более снисходительную, полную радостей и более соответствующую людям военным. Христианскую веру они порочили, говоря, что это — вера бездельников, глупцов и идолопоклонников, чтущих изображения, тогда как сарацинский закон, полный выгод и удовольствий, силою оружия побеждает все другие религии, чтобы низвергать гордых и налагать дань на униженных.

Понравились варварам доводы саррацинов, прежде всего самому императору Батыю, да и всем татарам, как людям горячим, дерзким и чувственным. Потому они и приняли эту веру, а не другую. Говоря Эисса рохолла (Eissa Rocholla), то есть Иисус есть дух господа, а Магомет—россолла (rossolla), то есть Магомет — правосудие божье, они не захотели принять дух божий, благословенного Иисуса, учащего духовной жизни, а предпочли „правосудие божье“, то есть Магомета, погрязшего в плотских нечистотах, как чувственное животное, которое днем и ночью должно бы, по справедливости, мучиться волею божьею в озере кар.

Итак, с тех пор и поныне они — последователи и поклонники Магомета. Они повинуются пятикнижию моисееву, совершают обрезание, соблюдают свой закон; колоколов не имеют, но ежедневно кричат: Лаи илло иллоло (Lahi illo illoloh), что значит: „Нет бога, кроме единого бога“. Они наивно считают себя измаэлитами, происшедшими от Измаила, а христиан называют дзинцис (dzincis), то есть язычниками и гаур (gaur), то есть неверными и лишенными религии. [45]

Как и другие саррацины, они справляют три праздника в течение года. Первый — куирам, то есть пасха приношения в память жертвоприношения Исаака, когда Авраам, отец многих народов, по божьему повелению, собирался

убить его и принести в жертву. В этот праздник они приносят в жертву баранов, птиц и прочее.

Другой праздник они чтут, поминая души умерших: посещают могилы своих предков, занимаются делами милосердия и кормят бедных.

Третий праздник справляют они о себе самих и своем благополучии. Чтобы как следует справить первый праздник, они постятся тридцать дней, перед вторым — месяц, перед третьим — двенадцать дней.

Глава шестая. Об обычаях татар и о находящемся в их землях.

Татары чаще всего люди среднего роста, широкоплечие, с широкой грудью и некрасивые. Лица у них широкие с плоским носом, цвет кожи темный. Они сильны, смелы и легко переносят голод, холод и жару.

Верховой езде и стрельбе из лука они предаются с ран него возраста. Все свое возят с собой и, кочуя с места на место, живут в полях с женами, детьми и скотом. У них нет ни городов, ни сел, ни домов.

Насмехаясь над христианами, они говорят между собой: „Не сиди на месте, чтобы не быть в грязи, как христианин, и не гадить под себя". [46]

Перед началом зимы, спасаясь от холода, они уходят к Каспийскому морю, где влияние моря умеряет температуру, а к лету возвращаются в свою область.

Некоторые из них распахивают и засевают просом одну две или три полосы длиною в три-четыре югера и больше. Из проса они готовят кушанья и баирам (bairam), то есть тесто. У них нет пшеницы, нет и никаких овощей, но много мелкого и крупного скота, а в особенности коней и кобылиц, служащих им и для езды и для пропитания. Они делают лошадям надрезы и раны, а кровь употребляют в пищу вместе с просом или отдельно. Мясо крупного и мелкого скота и конину они едят в полусыром виде. Лошадей, издохших накануне, просто или даже от болезни, они охотно употребляют в пищу, вырезав только зараженное место. Пьют воду, молоко и пиво, сваренное из проса. Воду турки и татары называют су: иногда татары говорят

суга (suha), и это значит вода. Пиво же просяное или сделанное из проса они зовут буза (buza), а русские — брага (braha). Особенно они ценят молоко комиз (komiz), то есть кислое, потому что оно будто бы и укрепляет желудок и действует, как слабительное. На пирах и принимая гостей они пьют араку (araka), то есть перебродившее молоко, удивительно и быстро опьяняющее.[47]

Они не воруют и не терпят воров в своей среде, но жить грабежом, разоряя соседей, для них — величайшее удовольствие и доблесть.[48] Они не знают ни ремесл, ни денег, а меняют вещи одни на другие. Впрочем, в Заволжской орде стали теперь входит в оборот аспры — серебряные турецкие оболы, а в Перекопской орде принимаются дукаты. В Ногайской орде обменивают вещи на вещи.

Татары хитры и вероломны с чужими, но между собой и со своими весьма честны.

Одежду они носят обычно из войлока и белой шерсти, грубо и просто сделанную. Больше всего они любят опончи, а в произношении этого слова в начале ставят *и*, говоря иопончи, а не опончи. Это — плотный белый несшивной плащ, очень удобный для дождей и на реке.

Страна их — равнина, без гор и деревьев, изобилующая лишь травой. Дорог у них нет, нет и лодок, а путь свой они считают днями. Так, земля заволжских татар, от реки Волги до Каспийского моря, простирается приблизительно на 30 дней самой быстрой верховой езды.

Верхом они проезжают в день 20 больших германских миль, а пешком не ходят и не путешествуют.

Звери, встречающиеся у них, это — олени, лани, козы и свак. Свак — это животное величиной с овцу, не попадающееся в других странах, с серой шерстью и двумя небольшими рогами, очень быстрое на бегу. Мясо его очень вкусно.[49] Когда стадо сваков замечено где-нибудь в траве в поле, хан или император татарский скачет туда верхом со множеством конных и они со всех сторон окружают скрывающихся в высокой траве животных. Начинают бить в бубны,[50] тогда испуганные сваки выбегают с разных сторон и всё мечутся от одного края облавы к другому, пока не обессилеют от усталости. Тут татары с криком бросаются на них и убивают.

Глава седьмая. О границах владений заволжских татар.

Земля хана и заволжских татар ограничена с востока Каспийским или Гирканским морем, с севера — степями, тянущимися на большое расстояние вширь и вдаль; с запада — реками Танаисом и Волгой; с юга — частью морем Эвксинским или Понтом, частью высочайшими горами Иберии и Альбании.[51]

Каспийское море русские зовут Хваленское море (Chwalenskee morze). Образовано оно не океаном, а реками, в него текущими. Многочисленные крупные реки стремительно вливаются в бассейн этого моря и, как бы прыгая с высоких берегов в середину его, оставляют под собой проход для едущих у берега.[52] Поэтому летом персы и мидяне ищут там прохлады, а зимой, вследствие испарения, климат там более умеренный. У этого моря и дальше к востоку, по словам русских, живут длинноволосые татары. Другие татары называют их калмуками или язычниками, так как они не соблюдают обряда магометова и не бреют головы, как все татары, у которых только юноши не выбривают головы до конца, оставляя две пряди волос, спускающиеся от правого и от левого уха к плечу, как признак неженатого или девственника.[53]

С запада находятся реки Танаис и Волга. Танаис татары называют Дон. Он берет начало из княжества Рязанского (Rzesensko, Rzessensi), занятого князем Московии, и сначала течет на север, потом поворачивает к югу и тремя устьями впадает в Меотидские болота или вернее образует их.[54] Около Танаиса есть уже деревья, есть яблоки и другие плоды, есть кое-где пчелиные улья на дубах, а также, но реже, — на соснах. Оттого татары и называют Дон святым, что близ него они находят готовую пищу: плоды, мед и рыбу.

Река Волга, по татарски называемая Эдель, течет из Московии. Истоки ее лежат дальше к северо-западу, чем у Танаиса. Сначала она течет на север, огибая Танаис на большом от него расстоянии, затем сворачивает к востоку и югу и наконец, двадцатью пятью устьями или рукавами впадает в Эвксинское море.[55]

Расстояние между Танаисом и Волгой равно пятинедельному или, при быстрой скачке, по крайней мере, трехнедельному пути. Волга втрое больше Дона, а двадцать пять ее рукавов сами являются большими реками, и даже меньшие из них по величине равны римскому Тибру или Висле за Краковом.[56] Эти реки весьма богаты рыбой, так что татары и другие проезжающие могут, стоя на берегу, зацепить саблей и вытащить рыбу, плывущую по течению.

Близ этих рек, Танаиса и Волги, в большом количестве встречается а и р (air), то есть пахучий тростник, называемый также б р о с т в о р ц е (brostworce). Там же растет ревень, который татары называют ч и н и р е в е н т (czynirewent) (слово это персидское), а также к у ч и л а б у к а (kuczylabuka) или, по иному произношению, к ы л ь ч а б у г а (kylczabuga), что значит вороний глаз; это — сильное горячительное средство.[57]

Об истоках рек Дона и Эдель я скажу подробнее в трактате о Московии.

Всякий раз как заволжские татары отправляются за добычей в наши страны, они переправляются и через эти и через другие реки без лодок: привязывают ношу сверху, жен и детей сажают на спины коней, а сами держатся за конские хвосты. Так они переплывают и идут грабить и творить всякие злодеяния.

К югу, по направлению к Каспийскому морю лежат горы Иберии и Альбании, которые у русских называются по имени народа П я т и г о р с к и е Ч и р к а с ы (Pietihorscij czyrkaczy), то есть приблизительно Ч и р к а с ы п я т и г о р (Quinquemontani).[58] Среди этих же гор живут газарские племена, которые, по словам вашей моравской легенды, обращены были в веру христову святыми братьями Кириллом и Мефодием, посланными императором Константинопольским Михаилом.

Газары и до сих пор следуют греческой вере и обрядности. Это — воинственные люди, имеющие связи по всей Азии и в Египте; у них заволжские татары приобретают оружие. В наше время греки называют эти племена абгазары и абгазели.[59]

По соседству с ними находятся племена черкесов (Cir-

cassi) и менгреллов (Mengrelli). Все это — христиане греческого обряда, обращенные св. Кириллом.[60]

Возвращаясь оттуда и отправляясь проповедовать Христа в Моравию, св. Кирилл взял с собой тело св. Клемента, извлеченное им из Эвксинского или Понтийского моря, где всемогущий бог, дивный и славный во святых своих, дал ему приют и мраморную церковь, во имя св. Клемента, выстроенную руками ангелов. Раз в году, в день св. Клемента и в семь следующих дней море отступало досуха, и в эту церковь безопасно приходили окрестные жители, молились святому и прославляли его.

Вызванный позднее в Рим папой Николаем, св. Кирилл принес туда тело св. Клемента и с честью предал погребенью в церкви св. Клемента.

Сам Кирилл с братом Мефодием похоронен в Риме, в той же базилике св. Клемента, где однако кости их не были обнаружены тобою, почтенный отец, при всем стремлении разыскать их в этой базилике.

Из гор черкесов пятигорских течет большая река, называемая по татарски Терек (Tirk). У нее такое быстрое течение, что уносит с собой камни и много рыбы. Впадает она в Каспийское море. За ней из тех же гор выходит река Кубань (Coban), меньшая, чем Терек, и также впадает в Каспийское море.[61]

Глава восьмая. О генеалогии императоров, живущих за Волгой.

Татарских орд четыре и столько же их императоров. Это именно: орда заволжских татар, орда перекопских орда козанских (Cosanensium) и четвертая орда ногацких. Добавляют еще и пятую, не имеющую императора, и называют ее казакской (Kazacka). О них будет сказано ниже. Орда по татарски означает толпу, множество. Первая из всех по значению это — орда чагадаев или заволжских, называющая себя Т а к к с и, то есть главной ордой или людьми первенствующими и свободными, отчасти потому, что сама она никому не подчинена, отчасти потому, что от нее пошли и другие орды. Поэтому же и московиты называют заволжскую орду Большой ордой. Оттого также

и император их, на их языке называется Ир тли кси, что значит свободный человек. Называется он и Улухан (Vlucham), то есть великий господин или великий император, при чем улу значит великий, а хан (cham) господин или император. Кое-кто, неправильно толкуя, называли его большой собакой (magnum canem), тогда как улухан вовсе не значит большая собака: хан с придыханием по татарски означает господин или император, а кан (cam) без придыхания — кровь, но ни в каком случае не собака.[62]

По татарским преданиям и рассказам, некая вдова зачала и родила сына по имени Цингис, а когда другие сыновья хотели убить ее, как прелюбодейку, она придумала в извинение себе, что зачала не от человека, а от солнечных лучей. Сыновья поверили этой выдумке и отпустили мать на свободу. Сын ее Цингос или Цингис, родившись для жалкой участи, вырос великим и смелым человеком и был первым родоначальником императоров чагадайских или заволжских.[63] Сыном его был Иокухан (Iocucham), еще вполне язычник. Иокухан родил Заинхана (Zaincham), третьего императора, которого во всем мире, а преимущественно в Польше, Венгрии и Руссии называют Батый.[64] Он разорил Готтию и Руссию и опустошил Польшу, Силезию, Моравию и Венгрию, как было сказано в начале. Этот Батый сперва был язычником, но впоследствии, вместе со всеми татарами, принял магометову веру, которой они придерживаются и по сей день. Четвертым императором был сын Батыя Темир-Кутлу, в переводе с татарского — счастливое железо (темир — счастливый и кутлу — железо). Он был счастлив и любил войну. Это и есть прославленный в истории Темерлан, опустошивший всю Азию и дошедший до Египта. Он прежде всего столкнулся с Баязетом (Pesaitem), императором турок, взял его в плен и заковал в золотые цепи, но потом вскоре отпустил. Войска у него было миллион двести тысяч человек.[65]

Был в то время и другой татарский государь — Аксак-Кутлу, что значит хромой или хромое железо:[66] он был хром, но жесток. Он счастливо вел много войн,

взял приступом большой город в земле чагадайев, т. е. заволжских татар, по имени Кумумедцар, разорил его и обратил в пустыню. Теперь стоят заброшенными каменные дома в этом городе, а триста церквей, принадлежавших готтам, превращены в лишенные жителей мечети магометовой веры. В замке этого города погребают заволжских императоров.

Пятым императором был сын Темир-Кутлу, Темир царь. Он, как рассказывают, вызван был Витольдом, князем Литовским, и Владиславом, королем Польским, на помощь против прусских крестоносцев и, храбро сражаясь, погиб в бою. [67]

Шестым императором был сын Темир царя, Махмет царь. От него родился Ахмет царь, седьмой император, а Ахмет на татарском языке значит сговорчивый. Ахмет родил Шиахмета, восьмого императора. Шиахмет значит приблизительно — богобоязненный Ахмет, а татары прозвали его Сáхмет, то есть замученный Ахмет, потому что он взят был в плен литовцами и содержится в тюрьме в Ковно. [68]

Он был вызван королем Польским Альбертом и Александром, великим князем Литовским, на помощь против Мендлигера, императора перекопских татар, и в 1500 году к началу зимы пришел с 60 000 бойцов; женщин же и детей с ним было свыше ста тысяч. Была суровая и очень холодная зима. Жена его, не вытерпев холода и голода, по тайному зову императора Перекопского, бежала в Перекоп от мужа своего Шиахмета с большой частью войска. Эта убыль бойцов, сильнейший холод, наступательные действия Мендлигера перекопского — привели к тому, что войско Шиахмета было рассеяно, он был разбит и с тремястами коней бежал к Баязету, императору турок. Когда он прибыл в Бялыгрод у Понтийского моря, что значит б е л ы й з а м о к, он узнал, что по приказу императора Баязета его должны взять в плен. Тогда он стремглав бежал назад с пятидесятью конями и вышел на поля близ Киева. Правитель киевский, узнав о нем через разведчиков, окружил его, захватил и отправил в Вильну к литовцам. Оттуда он несколько раз бежал, его догоняли, схватывали и приводили обратно.

Когда Александр, король Польский и великий князь Литвы, вел генеральный сейм русских в Бресте, по его предложению прибыл туда из Вильны Шиахмет и был торжественно принят королем Александром, вышедшим навстречу ему на милю от города. Затем в Радоме поляки решили отправить его обратно в Татарию за Волгу с несколькими тысячами легковооруженных, а чтобы возвращение его было удобнее и более приемлемо для его соотечественников, послали вперед Казака Солтана, брата Шиахмета.[69] Он прибыл за Волгу и вместе с Альбугеримом царем, дядей Шиахмета, стал ждать в родной им земле Чагадайской,

Между тем Шиахмет, идя в Литву для отправки воинов, был снова схвачен литовцами, по наущению Мендлигера, императора Перекопского, и заключен в Ковно, крепости близ Балтийского моря. По справедливости Шиахмет прозван у своих мучеником.

Глава девятая. О том, что народы Скифии беспокойны и всегда склонны к грабежу.

Татары не могут жить в покое, не делая набегов и нападений на соседней, не унося добычи, не угоняя пленных и скота. Это одинаково свойственно всем татарским ордам, с самого их появления и до сего дня. Поэтому, достаточно немногих примеров для характеристики многого.[70]

В год господень 1254 огромное татарское войско, состоявшее из многих отрядов, увеличенное еще силами русских и литовцев, под предводительством Ногая и Телебуги, пришло после праздника св. Андрея в землю Сандомирскую и, перейдя по льду реку Вислу, сожгло город с его церквами. Замок, куда сбежались люди со всей Сандомирской области с женами, детьми и имуществом, был окружен и подвергался приступам в течение ночи и дня, но так как одолеть его не удавалось, князья русские Василько и Лев, сыновья короля русского Даниила, коварно убедили осажденных сдаться и подчиниться, обещая безопасность, что сандомирцы и сделали.

Однако татары, нарушив слово, ворвались массой в замок со страшным криком и всех перебили ужаснейшим образом, предав жестоким мучениям. Кровь убитых текла сверху из замка в Вислу, как ручей. Когда надоело убийство, они погнали оставшихся, как стадо, в Вислу и утопили.

Выйдя из Сандомирии, татары под предводительством русских пришли в Краков и, найдя его пустым, направили свою ярость на дома и остававшихся в городе больных, а затем после трехмесячного похода, не встретив нигде сопротивления, обремененные добычей, возвратились в Татарию.

Между тем под Краковом маленький мальчик, едва имевший полгода отроду, как это ни удивительно, членораздельно предсказал, что придут татары и отсекут головы полякам, а когда его при общем ужасе спросили, боится ли сам он прихода татар, он ответил, что очень боится, так как в числе других и ему отрубят голову.[71]

И действительно, свирепые татары, под предводительством Ногая и Телебуги, спасаясь от голода, при сильнейших морозах и глубоких снегах, явились, как бесчисленная саранча, сперва в Люблинскую и Мазовецкую области, а затем в Сандомирскую, Серадзскую и Краковскую. От замка и города Сандомира они с позором и уроном были отбиты благодаря бдительности воинов, бывших на обороне, но захватили и сожгли много церквей, монастырей и построек.

Явившись под Краков в канун Рождества христова, они пытались взять город приступом, но потеряв несколько вождей, с воем отступили и пошли дальше разорять и грабить.

Князь Лешко Черный,[72] не надеясь на силы своих воинов, ушел в Венгрию с женой Гриффиной. Татары, продвигаясь дальше, дошли до Паннонскких Альп и Силезии.

Разграбив вышесказанные области, умертвив священников, грудных детей и старцев, татары пошли назад с огромной добычей из людей и скота. Когда они делили ее у города Владимира (Vladimiriam) в Руссии, они насчитали двадцать одну тысячу одних незамужних девиц, откуда можно заключить о числе прочих женщин и мужчин.

Почти в то же время, татары, подстрекаемые куманами,

разорили убийствами и грабежами Венгрию вплоть до Пешта и оставались там от недели Преображения до праздника Пасхи.[73]

В тот же год татары вторглись в Константинопольскую империю, и, перебив массу народа, обратили многие местности в пустыню.

Отсюда явствует, что татары никогда не живут без грабежа и тревожат нападениями соседние народы. Так и в наше время перекопские татары часто бросаются на Валахию, Руссию, Литву и Московию. Ногайские и козанские татары вторгаются в Московию, предавая ее убийствам и разграблению.

Трактат второй.

Главая первая. Какие племена и какой народ живет в Скифии, называемой Татарией.

Так как татары пришли и заняли Азиатскую Сарматию или Скифию 306 лет тому назад,[74] может явиться вопрос, что за народ населял вышеназванную Сарматию Азиатскую, ныне, как и в старину, называемую Скифией.

На этот вопрос ответить легко, на основании вышесказанного и данных истории: во время прихода и вторжения татар те земли населяли готты, называвшиеся у соседей половцами. На языке славян — русских и московитов это значит хищники и грабители, потому что, как ныне татары, так и тогда готты, подобно охотничьим псам, нападали на соседние народы, притесняли и грабили их.

Но взяв глубже, скажем, что по Птолемею Фелудиану, (во второй книге его четырехкнижия), угол северного аквилона, где ныне находятся татары, принадлежит в подразделении [сферы] к треугольнику северных небесных знаков; в нем господствует Сатурн под знаком Водолея и делает названный угол диким и ужасным по характеру его жителей; так говорит Птолемей.

Те, кто находятся на границах земель Сарматии и Аскарды, уподобляются Водолею и Сатурну. Оттого они отличаются большей жестокостью и по душевным свойствам весьма дики — так он говорит.

Ибо зловредно влияние серпоносного Сатурна и чрезвычайно враждебно роду человеческому, действуя всегда против него своими противоположными качествами — холодом и сухостью.[75]

Именно из этого угла появились и до сего дня являются суровые и жестокие племена, приводящие в смятение род человеческий. Иеремия в первой главе говорит об этом: „от севера распространится всякое зло на всех обитателей земли",[76] и всякий, кому угодно будет проверить, найдет это, как божественное изречение, совершенно очевидным и справедливым.

Там же, по словам истории и Птолемея (в вышеупомянутом месте), жили женщины, называвшиеся амазонками: в те времена они были ужасом для всего мира. Расставшись с хрупкостью своего пола, они притесняли многие страны, заняли Малую Азию и построили славный город Эфес.[77]

Когда они были истреблены и уничтожены, за ними вслед явились другие народы, называемые общим именем скифов, нередко бывавшие в тягость всей вселенной. Затем пришли готты, называемые также геты. Их пленные у греков и их комиков назывались Гета и Дав или Дак (от Дакии) и употреблялись, как рабы (slavi) и слуги (servi).[78]

Готты долгое время владели этими землями, построили каменные города и замки, а жили, как и всегда, добычей.

Наконец, из Югры, с северного края Скифии, пришли югры, называвшиеся позднее гугны и унгары (Hungari).[79]

Они раздавили готтов своей численностью и прогнали, как сообщает Орозий, книга VII, но некоторыми городами и замками не овладели.[80]

Изгнаные готты вошли в чужие владения и прежде всего оттеснили аланов, роксоланов, русских и вандалов.

Остановившись наконец у моря Понта, они вторглись в Булгарию, Фракию и Константинопольскую империю. Император Зенон, относясь к ним со страхом и недоверием, послал их освобождать Италию от рук герула Одоакра, как ниже будет сказано.[84]

Вандалы и аланы, кочевники, попросили места для жилья у Константина Великого и получили Паннонию, о чем специально скажем позднее.

Югры же, когда размножились, перешли большие реки,

по преданию — вслед за охотниками, гнавшими серну; вошли в земли руссов и быстро достигли Паннонии. Поставив себе вождем Аттилу, они стали тяжелым бременем почти для всей Европы.

В свою очередь готты, какие уцелели, размножились в мирной обстановке и испытали на себе нашествие татар и разорение, как мы говорили в начале этого труда.

Это — общие замечания об обитателях Сарматии Азиатской, в последующем же будет о них сказано больше и подробнее.

Глава вторая. О готтах.

Готты, изгнанные из Скифии, частью остановились на Таврическом острове, близ него и близ моря Понтийского, частью же с царем своим Рагазом, числом более чем в двести тысяч, вторглись в Италию и, в то время как Рим дрожал в страхе перед этой силой, масса их погибла от голода на суровом хребте Фезуланских гор. Царь Рагаз был схвачен и заключен в оковы, а войско его было, как скот, разогнано, перебито и продано.

Готты же, осевшие у Таврики и Понта, разделились на две части и те из них, что под предводительством Алариха ушли на запад в Италию и Галлию, стали называться виссиготты, то есть западные готты; те же, что с князем Фригидерном остались на месте у Понтийского моря, получили наименование остроготты, то есть восточные готты. Из этого совершенно очевидно, откуда произошли наименования остроготтов и виссиготтов.[81]

Ясно также, что готты, живущие под властью царя Дакии в Готтии, неосновательно и напрасно присваивают себе имена остроготтов и виссиготтов, так как прежде всего и по праву названы были восточными и западными не они, а те, что, как сказано, живут около Понта и Мизии, и те, что переселились в Галлию.[82]

Эти же, живущие в Готтии на севере у океана в весьма холодной стране, а вовсе не на востоке, глупо и дурно делают, присваивая себе чужие имена. Об этом смотри Павла Диакона кн. XVI, гл. II.[83]

Восточные готты напали на Мизию, Фракию и другие

провинции Константинопольской империи. Боясь их и желая удалить от Константинопольской империи, император послал их с королем Теодориком против Одоакра — для освобождения Италии.

Когда они проходили через Сирмий и Паннонию и стояли у Аквилеи, близ реки Сонция, чтобы отдохнуть и подкрепиться и самим и их животным, подошел с большим войском Одоакр и напал на них, но был разбит. Он бежал в Рим, но найдя ворота запертыми, поспешно отступил в Равенну. Теодорих осадил его там и три года спустя, заключив мир, вероломно убил и стал господином всей Италии.[84]

О том, какие были короли у готтов в Италии, Галлии и Испании, легко узнать у историков; в мою главную задачу не входит писать о них.

С уходом югров или венгров из Сарматии Азиатской в Паннонию, остававшиеся на месте готты весьма размножились, но татары, пришедшие с востока, совершенно уничтожили их, а города и замки их разрушили, так что только на Таврическом острове кое-что уцелело. Генуэзцы из Италии получили от них знаменитый город Феодосию или Каффу на Таврическом острове и устроили там свою колонию.

В дальнейшем татары из рода Уланов, о которых будет сказано ниже, вступив на остров через северный проход, заняли весь его с городами, селами и полями, при чем князья Манкуп (по происхождению и языку готты) удержали только замок Манкуп.[85]

Наконец, Магомет, восьмой император турецкий, дед нынешнего императора Селямбека[86], занял Таврический остров, взял приступом Каффу, сделал своими данниками перекопских татар или уланов со всем Херсонесом, а вне пределов острова, севернее, на берегу Танаиса соорудил крепость Азов, и по сей день принадлежащую туркам. Двух братьев, князей Манкуп, единственных уцелевших представителей готтского племени и языка (и надежду на продолжение его), он зарубил мечом и овладел замком Манкуп. Так исчезли готты и в Сарматиях и в Италии, в Испании и Галлии. В истории они больше не появляются.

Глава третья. Об аланах, вандалах и свевах.

Аланы — это народ, живший в Алании, [87] области Сарматии Европейской, у реки Танаиса и по соседству с ней.

Страна их — равнина, без гор с небольшими возвышенностями и холмами. В ней нет поселенцев и жителей, так как они были выгнаны и рассеяны по чужим областям при нашествии врагов, а там погибли или были истреблены.

Поля Алании лежат широким простором. Это пустыня, в которой нет владельцев — ни аланов, ни пришлых. Иногда только проходят там казаки „ища“, по их обычаю, „кого пожрать“. [88]

Казак — татарское слово, а козак — русское, означает холопа, подданного — бродягу пешего или конного. [89]

Они живут добычей, никому не подчинены и ездят по обширным и пустынным степям отрядами в три, шесть, десять, двадцать, шестьдесят человек и более.

В той стране обильно растет пахучий тростник. Поляки называют его татарское зелье (tatarskee zielle), заимствуя имя у татар, так как растет он во множестве недалеко от татарского края.

Вандалы — это германский народ, как сообщают Плиний, Светоний Транквилл и Корнелий Тацит, а жили они по реке Вандалу. Река эта названа по имени их царицы, добровольно утопившейся там в жертву богам за одержанную победу; теперь она называется Истулой и Вислой. [90]

Чтобы изложить историю вандалов полнее, надо знать, что славяне произошли от Иавана, сына Иафета через Элиза. Ной родил Сима, Хама и Иафета. Иафет же Иавана, четвертым по порядку, и его братьев. От Иавана произошли греки, размножившиеся у Ионийского и Эгейского моря, а также эладики или эолийцы и славы [славяне] — от его сына Элиза. От Иавана и море называется Ионийским, а евреи называют ионийцев и греков на своем языке Иаван. Таково мнение Иосифа о сыновьях Ноя. [91]

Вскоре после греков славяне завладели землями к западу: Сервией, Расцией, Далмацией, Мизией, Булгарией, Босной, Кроацией, Паннонией и Славонией.

Двум братьям, князьям Леху и Чеху, [92] потомкам Иавана,

происходившим от колена Элиза, достались для заселения с их семьями и слугами Кроация и Славония, разделенные быстрой рекой Крупой, и они устроили свой дворец и главное местопребывание в замке Псари и деревне того же имени. У реки Крупы и до сего дня есть деревня Псари, со многими жителями, еще и в наше время говорящими по славонски. Замок же разрушен и представляет собой только развалины и основания цитадели.

По мере размножения людей и родов в Далмации, Кроации и Славонии, при непонимании общего родства, часто начинались ссоры и убийства между братьями князьями и родственниками.

Поэтому вышеупомянутые князья Лех и Чех, в полном согласии приняли здравое решение и, во избежание злейших преступлений, убийств и отцеубийств, собрали свое добро и свои народы по родам и поселениям со всей, какая у тех была, утварью, покинули родные места и пошли в западные страны искать нового пристанища.

Они знали, что восточные и южные области густо населены и потому туда напрасно итти и нечего там искать.

Отправившись, таким образом, в поход, они достигли Моравии и Богемии. Обойдя всю эту область, тогда еще пустынную и необработанную, они увидели, что климат там здоровый, а земля плодородна, и поставили шатры на горе по имени Рип (Rzip). Тут младший брат Чех, восхищенный прелестью местности, стал просить у старшего Леха с большой настойчивостью, чтобы моравские и богемские земли отданы были ему, его наследникам и потомкам во владение и для заселения.

Лех, чтобы поддержать братскую любовь, согласился на просьбы и желания Чеха и, простившись, ушел со своими на северо-восток.

Достигнув земель Силезии и Великой Польши, невозделанных, и до тех пор ненаселенных, он остановился и закрепился там со своими людьми и имуществом.[92]

В тех местностях Великой Польши и Силезии лехиты, они же поляки, размножились, волей божьей весьма возросли числом и наполнили Вандалию, то есть Польшу у реки Вандала, ныне именуемой Вислой, а также Померанию, Кассубию и всю область по Германскому морю, где ныне

Марка, Любек и Росток, вплоть до Вестфалии. Они получили разные наименования, соответственно разным местам жительства. Те, что жили у реки Свевы (по тевтонски Спре или Спревы), названы были Свевы. Другие близ них — от хижин и куч, которые на своем польском языке они зовут бруги (brogi), стали именоваться бургунды. Так и с прочими: древяне и травяне (drzewiane et trawiane) получили имя по обилию дерева и травы.[93]

Во время императора Августа, как сообщает хронист из Бергамо в Дополнении[94], восемьдесят тысяч бургундов пришло с севера и село на берегах Рейна, но Друз и Тиберий, пасынки Октавиана, изгнали их, как говорит Павел Орозий, и принудили вернуться на старые места.

Затем Друз с боем перешел реки Рейн и Альбу (река Альба течет через Богемию и Мейсен [Мисну] в Германское море и называется по богемски Лабия), напал на свевов и бургундов и победил их в кровопролитнейшей битве. Однако, сам победитель Друз пал в том же бою убитый свирепыми свевами, перенесен был в Майнц (Moguntiam), где и погребен[95].

Чтобы под действием более мягкого климата свевы и сами стали мягче, Цезарь Октавиан перевел их в Галлию, как говорит Светоний Транквилл, и поместил на полях, ближайших к Рейну, где, в честь императора Августа, выстроен был город Августа. Эти переселенцы и до сего дня называются свевами по прежней родине и винделиками — на языке винделиков и славов, а самый город Августа именуется Августа Винделиков. Это сообщают упомянутый Светоний Транквилл и Мартин в своей Мартиниане, во II-й части при рассказе о Цезаре Августе.[96]

Хотя свевы и были выведены из их области, лежащей по сю сторону Германского моря, туда пришли другие поляки — винделики и славы, и наполнили эту область.

Потом, во время императора Валентиниана, как говорят Орозий и хронист из Бергамо в Дополнении, бургунды, поднявшись вторично с севера из земли винделиков, перешли к реке Родану и, мирно заселив там земли, без столкновений с соседями, основали Бургундию, по ним и названную.[97]

Винделиков же около Любека-Ростока-Мекельсбурга[98]

и реки Свевы, императоры Генрихи покорили силой, как язычников, не желающих чтить Христа.

Генрих III, окончательно истребив эти племена, привел и расселил на их местах тевтонские. История того же Генриха III-го собщает еще, что четыре пленных царя винделиков должны были в праздничные дни и в дни коронования императора в знак бесчестья носить лохани и котлы на кухню.

Тем не менее, до сего дня винделики или славы остаются в тех местах около Любека, Ростока, Мисны и Марки, но не в городах, а в селах и деревнях, особенно те, что называются сарбы и винды. Остаются еще и старые имена поляков и винделиков в названиях мест, замков и городов: ведь и Любек и Росток и Мекельсбург — имена польские.

Глава четвертая. Продолжение о вандалах, аланах и свевах.

Аланы, изгнанные из своих мест, свернули к вандалам, вместе с ними вошли в Паннонию и жили там около шестидесяти лет. После того они вторглись в Римское государство и нанесли удар Галлии. Оттуда же, как говорят историки, они вернулись в Вандалию или Польшу и оставались там вплоть до времени Стилихона.[99]

С собой туда они принесли (как я сужу по некоторым признакам) громадную массу серебреников с изображением императора Адриана, как показывает титул и надпись. Такие монеты и в наши дни попадаются у поляков по течению вод, по дождевым промоинам и в земле при обработке полей; поселяне называют их денариями св. Иоанна крестителя, так как тисненое на них изображение головы и шеи напоминает голову св. Иоанна на блюде.

Во время императора Гонория комес римский Стилихон, стремясь добыть для сына своего Евхерия верховную власть в империи, подстрекнул вандалов, свевов, аланов и сквадов к войне и потрясению римского господства.[100]

Неистовствуя в Галлии, они погубили и разрушили и божье и человеческое.

Затем, отступив перед готтами, они проникли в Испанию и нанесли ей ужасный ущерб, нападая то здесь, то там.

Отсюда, по призыву Бонифация, принцепса римского, они переправились для захвата Африки и завоевали ее, опустошив огнем и мечом.

В первый год царствования Грациана, разумей в год господень триста восемьдесят первый, и в следующие затем тридцать лет над вандалами, вышедшим из царства Польского, царствовал Модигизил.

После него сын его Гундерик правил в Испании 16 лет и погиб схваченный демоном, когда взяв Гиспал простер руку к городской церкви.[101]

Преемником его был его брат Гензерик. Этот, по сообщению Павла Диакона, переправившись из Испании в Африку, жестоко опустошил почти всю ее огнем, мечом и грабежами; погрязший в арианском нечестии, он уничтожил католическую веру и изгнал епископов. В это бурное время, по свидетельству того же Павла Диакона и Поссидония, ушел ко Христу в возрасте 76 лет бл. Августин, епископ гиппонский, чтобы не видеть гибели своего города.[102]

После того Гензерик напал на Карфаген и взял его; перебравшись из Африки с сильнейшим войском, разграбил Рим, увел в Карфаген много тысяч пленных с царицей Евдоксией и двумя ее дочерьми и отдал ее в жены сыну своему Тразамунду. Кампанию и Апулию он истребил огнем, Капую и Нолу обратил в развалины.

Среди этих бурь благочестивейший Паулин, епископ города Нолы, отдал себя в рабство за сына одной вдовы.

Гензерик царствовал сорок восемь лет. По смерти его преемником был сын его Гонорик.

Изгнав более 334 католических епископов и закрыв их церкви, он подвергал народ разным мучениям и отрубил бесчисленное множество рук и языков, что впрочем, как сообщает св. Григорий в 3-ьей кн. Диалогов[103] и Павел Диакон в Деяниях Римлян, не лишило людей дара речи. Пораженный наконец судом божьим он умер жалкой смертью, покрытый червями. После него девять лет царствовал Гунтамунд, а за ним Тразамунд, сославший в Сардинию 220 епископов. Затем в год господень пятьсот двадцатый воцарился Гильдерик, сын его от Евдоксии, дочери императора Валентиниана, взятой в плен Гензериком. Находясь

при смерти, Тразамунд, его отец, заставил его поклясться в том, что он никогда в течение своего царствования не будет покровительствовать католикам. Однако, Гильдерик, тотчас же по смерти отца, еще до вступления на царство, велел вернуть из ссылки всех католиков, а епископам поручил восстановить церкви. Он царствовал восемь лет и был убит Гилимером, который вслед за ним царствовал пять лет и отличался такой жестокостью, что не щадил даже своих родителей.

Наконец, императором Юстинианом послан был в Африку патриций Белизарий, который разбил большие силы вандалов, а царя их Гилимера захватил живым и послал Юстиниану в Константинополь, заковав в серебряные цепи. Так было разрушено царство вандалов в Африке.

Из вышесказанного ясно, что вандалы, свевы и бургунды родом были из царства Польского, имена и прозвища получили от польских местностей, где жили, и язык у них был польский.

Ясно, во вторых, что вышеназванные народы, вандалы, свевы и бургунды, были германцы, а не сарматы и не скифы. Таким образом, Сигильберт, Винцентий в Зерцале Историческом и другие старые авторы непоследовательно и неосновательно считали их скифами.[104]

Необходимо заметить, в третьих, что названные племена, приведшие в смятение часть Западной Европы и Африку, произошли не с острова Скандии, а из Польши.

Поэтому, неправильно старые авторы называли их скифами с острова Скандинавии. Ведь Скифия, собственно говоря, лежит за Танаисом, к востоку — в Азии, Скандия же или Скандинавия находилась и находится на северо-западе, за Германским морем, в соседстве с Дакией, под властью Дакийского государя, на расстоянии многих миль от Скифии.

Следовательно, надо считать самоуверенной путаницей, утверждение невежд, что эти племена, а также аланы, готты и гугны вышли из Скандии, тогда как на самом деле они там никогда не были, не входили туда и даже поблизости не бывали.[105]

Надо заметить, в четвертых, что поляки, богемы, свевы и все славянские племена от потопа до нашего времени

остаются на своих местах, в коренных своих владениях, а не прибыли откуда-нибудь из иных мест, как сообщает польская хроника и хроника богемская. Корнелий Тацит это и утверждает в книге о местоположении и населении Германии, говоря: „Я полагал бы, что сами германцы коренные жители там, в весьма малой степени смешавшиеся с пришлыми и временно живущими элементами других народов“. [106]

Неверно и утверждение Блонда[107] (не в укор столь крупному историку, вообще весьма ученому, и его новейшим последователям), что славы перешли от Танаиса и Босфора в Илирик, Далмацию и Кроацию, а государи Польши и Богемии Лех и Чех, повернули к западу и вошли в земли вандалов, после ухода тех в Галлию. На самом деле славы — в своих областях, а князья Лех и Чех — в Польше и Богемии, оставались от потопа до нашего времени, остаются ныне и, даст бог, останутся и впредь.

При всем том, однако, русские со своими князьями действительно в это время и позднее ходили из Руссии и Босфора в Илирик и Кроацию, уносили богатую добычу, но не оставались там.

В наше время из Вандалии или Польши выходит на войну с врагами иной раз шестьдесят или даже сто тысяч воинов, но от этого царство Польское не пустеет: горожане-купцы и крестьяне — в городах и селах остаются все на местах, и таким образом некуда прийти и нечего занять чужим пришельцам. Так было и во время Гонория цезаря, когда в Галлию уходили только воины-вандалы. Да к тому же историки говорят, что когда вандалы, напавши на Галлию, вернулись, они заняли свои прежние места в Вандалии, значит, эти места не были заняты другими.

Заметим, в пятых, что славянская речь весьма распространена и широко употребляется во множестве стран и областей. Сюда принадлежат: сербы, мизии, расции или булгары и боснийцы, ныне покоренные турками. Точно так же — далматы, кроаты, паннонцы, славы, карны, богемы, моравы, силезийцы, поляки Великой и Малой Польши, мазовиты, померанцы, кассубы, сарбы, рутены, московиты. Все это — славы и винделики и занимают они обширные области. Теперь, впрочем, уже и литовцы говорят по сла-

вянски. Сюда же относятся нугарды, плесковиты и огульки: смотри их хроники и космографии.[108]

Заметим, в шестых, что поляки, свевы и бургунды по сю сторону Германского моря были совершенно истреблены и уничтожены императорами Генрихами, и лишь сарбы и винды или винделики остаются там и до сих пор, как сказано выше.

Глава пятая. О юграх.[109]

Югры вышли из Югры, самой северной и холодной скифской земли у Северного океана, отстоящей от Московии, города москов, на пятьсот больших германских миль к северо-востоку; пошли на юг через равнины и прибыли в область готтов в Скифии, где ныне живут татары чагадайские или заволжские. Они подавили численностью готтов и выгнали их из Готтии в Сарматию. Когда югры утвердились там и чрезвычайно размножились, они, услышав однажды от охотников, перешедших реки Волгу и Танаис в погоне за ланью, что земля сарматов сравнительно наиболее плодородна в Европе и мягче климатом, переплыли массой вышесказанные реки, разбили сарматов и русских и, двинувшись вслед за готтами, воевали с ними в Мизии и Фракии и победили их.

Придя в Паннонию, они остановились там восхищенные почвой, вином и плодородием страны. Напав на римских полководцев Матерна и Детрика, разбили их с их войском, при этом Матерна убили, а Детрика обратили в бегство. В то же время они избрали своим главой и королем хитрого, храброго и энергичного Аттилу, которого венгры на своем языке зовут Этеле. Аттила созвал много племен с их королями, произвел им смотр, а затем вступил в Галлию и с тираннической жестокостью разорил ее.[110] Когда он подошел к Каталаунским полям, широко раскинувшимся вширь и вдаль, навстречу ему поспешил патриций Этий с когортами римлян, с королем готтов Теодориком и множеством других племен.[111]

Узнав об этом, Аттила спросил прорицателей о победе, и они, исследовав внутренности животных, сказали, что

в этой войне он будет побежден и потерпит поражение, но прибавили, что убит будет старший у врагов. Аттила думал, что пасть предстоит верховному вождю противной стороны Этию и, радуясь его предстоящей смерти (так как мощь Этия ему представлялась ужасной), выстроил в боевой порядок свои войска и с хитростью велел трубить к битве не в полдень, а к вечеру. Когда же множество народа было перебито и пал не Этий, как хотел Аттила, а Теодорик, король готтский, Аттила, видя свое поражение, ушел со своими в середину лагеря внутрь ограды из возов. Наступила ночь, и он велел зажечь костер из седел, собранных кучей, чтобы, в случае нападения, он мог броситься в огонь и сгореть, лишь бы не попасть в руки врагов.

На другой день вел войска против Аттилы Торисмунд, сын Теодорика, короля готтов, чтобы отомстить за смерть отца. Этий, относившийся столь же подозрительно к усилению готтов, как и гугнов, убедил Торисмунда оставить битву и спешить занять отцовский трон, чтобы брат его не успел захватить власть. Торисмунд послушался и ушел; отступил и Этий, распустив войско.

Обрадованный Аттила ушел оттуда, питая злые надежды на месть, осадил и взял город Реймс, умертвил епископа этого города св. Никазия, сестру его Эвтропию и всех горожан. Когда он подошел к Труа, навстречу ему вышел епископ св. Луп и спросил: „Кто ты?“ На что получил ответ: „Я Аттила, бич гнева божия“. Тут Луп, взяв коня его за узду, ввел его с войском в город и сказал: „Добро пожаловать, бич гнева божия“, и тот вместе со своими, пораженный, как говорят, слепотой, мирно прошел через город на другую сторону.

В это время одна бедная женщина, имевшая десять дочерей, в страхе хотела бежать из пригорода. Младшую двухлетнюю дочь она несла, привязав в холстине себе на шею, двух дочек постарше везла на муле, которого гнала перед собой, а остальные дочери шли вокруг матери. Когда воины Аттилы настигли ее, а ее дочери в испуге сбежались к матери, она, обомлев и не помня себя, бросилась к реке, чтобы утопиться, но воины догнали ее, схватили на берегу реки и вместе с дочерьми привели к Аттиле. Она с мольбой пала на землю, прося помилования. Аттила пожалел ее, дал

ей много денег и одежды и отпустил на свободу с детьми, а ради нее пощадил и других, кто были приведены с нею вместе. Затем Аттила отправился в Германию и разорял там замки, города и села, пока не услышал, что Этий и готты вновь готовят поход против него. Отойдя из-за этого в Паннонию и обновив там войско, этот мстительный человек поспешил в Италию через Штирию и Коританию.

Узнав от разведчиков, что Этий с бесчисленным войском ждет его у подножия Альп, он повернул к Далмации и Гистрии, разгромил замечательные города близ Адриатического моря, пришел к Аквилее и осаждал ее три года. Когда осаждающим стало нехватать съестных припасов и даже издалека не удавалось их подвезти, а воины от голода стали роптать против Аттилы, он вновь начал объезжать город, ища, где можно напасть и прорваться. Тут он увидел, что птица, называемая аист, несет своего птенца в клюве с вершины крепости в ближайший тростник, а за ней и другая, и воскликнул: „Птица предвидит будущее, знает, что город погибнет, а потому бежит“.

Собравшись с силами, он взял город и тираннически перебил всех, кого там нашел.

В это время выстроен был из страха перед Аттилой великолепный и могущественный город Венеция.

Подступив к Ломбардии, Аттила нанес ей жестокий удар и разорил ее. Когда же он подошел к Равенне, туда поспешил папа Лев[112] и стал покорно и смиренно просить его воздержаться от разорения города Рима и прекратить опустошение Италии. Аттила так и сделал. Его бойцы при этом в удивлении говорили между собой, что Аттила никого не боится, кроме двух животных — волка и льва, намекая на двух епископов, ради которых он пощадил их народ.[113] На это Аттила ответил, что рядом со Львом стоял зрелый муж в духовной одежде с обоюдоострым мечом и, потрясая мечом, грозил ему смертью, если он, выслушав просителя, не отпустит его с миром.

Итак он отступил и вернулся в Паннонию. Справляя свадьбу с одной прекрасной девушкой, он выпил много вина и ночью во время сна был разбит апоплексией: кровь хлынула у него из носа и рта, и он погиб ста двадцати четырех лет от роду.

В ту ночь император Марциан в Константинополе видел во сне, что лук Аттилы сломан. Дело в том, что югры преимущественно пользовались именно луком.

После кончины Аттилы поднялись среди венгров несогласия, раздоры и убийства, многие из них пали убитыми, а остальные вместе с Хабой, сыном Аттилы, были изгнаны из Паннонии королем гепидов и другими прежними подданными Аттилы. Они перешли в Готтию через Меотидские болота, а три тысячи из них во время перехода из Паннонии отделились и остались в Трансильвании. Чтобы избежать нападения соседей, они назвались сикулами, на их просторечии чакле (czakle).[114]

Те же, что прошли через Меотиды и Эвксинское море, постоянно вспоминали о плодородии Паннонии, об изобилии там хлеба и вина, рассказывали об этом своим детям и советовали вернуться в Паннонию.

Так и случилось, что 301 год спустя после смерти Аттилы они сделали смотр 216 тысячам бойцов, выступили в поход дорогой отцов через Меотидские болота и Сарматию и пришли в Паннонию во время императора Константина пятого и папы Захарии, то есть в год господень семьсот сорок четвертый.[115] Прежде всего они явились к язигам и тут избрали себе семь полководцев, каждому из них для действий против неприятелей дали по 30 000 бойцов, а для улучшения обороны грубо и просто построили из земли семь замков, каждому по замку. По этим семи замкам страна и по сей день называется Семиградьем.

Между тем, на разведки в Паннонию послали одного из своих воинов по имени Кузид. Он случайно встретил короля Паннонии Святоплуга. Это был славянин, да и вся Паннония была славянской землей, хотя римляне и назначали туда правителями чужеземных полководцев и военачальников. Посланный приветствовал короля от имени пришедших югров, передал ему в дар белого коня с вызолоченным седлом и уздой и попросил у него немного земли, воды и травы. Король Святоплуг согласился. Он полагал, что они земледельцы и переселяясь просят земли для обработки. Поэтому он сказал с улыбкой: пусть берут, сколько хотят. Итак, Кузид принес с собой сулею земли, другую —

воды из Дуная, третью — травы и изложил, что сделал. Югры, убедившись, что Паннония отличная и плодородная земля, именем первого своего начальника Арпада, предложили Святоплугу дольше не оставаться в их земле, купленной ими ценой белого коня с позолоченным седлом и уздечкой. Тут только понял Святоплуг, что грозит война, и стал собирать войско. Югры двинулись на него со всей поспешностью и в битве у Дуная разбили паннонцев с их королем. Святоплуг во время бегства упал в Дунай и погиб в сильном течении. Югры перебили славов, жителей Паннонии, а землей их владеют и посейчас, хотя на границах Паннонии повсюду еще осталось славянское население.

Итак, заметим, во первых, что югры названы по имени скифской области Югры, откуда они происходят и откуда вышли; богемы, поляки и славы до сих пор называют их гуграми, другие — гугнами, а в конце концов они стали называться унгары (венгры).

Заметим, во вторых, что у югров в Венгрии и у тех, что живут в Скифии в Югре, один и тот же язык, та же речь, то же самое резкое произношение.[116]

Однако, венгры в Паннонии — христиане, более культурны и во всех отношениях более богаты, югры же в Скифии — до сих пор идолопоклонники и дикари.

Заметим, в третьих, что Югра — самая северная страна и вовсе не имеет высочайших и недоступных гор, ни таких, как Альпы в Италии, ни таких, как Сарматские горы. Следовательно, неверно говорят некоторые историки, что гугны вышли из своей области — из величайших и недоступных гор.[117] В Югре, впрочем, есть горы, покрытые густым лесом, но это — пологие и легко доступные горы средней величины и высоты, скалистые и утесистые, как и везде по северному краю земли у Северного океана.[118]

Отметим также, что из Северного океана на вершины прилежащих к морю гор выходят некие рыбы, называемые на языке московитов морж (morss); цепляясь зубом, они облегчают себе подъем, а с вершины горы скользят и падают по другую сторону. Югры и другие жители севера ловят их, и зубы их, отличающиеся большой тяжестью, посылают в Московию, а затем к туркам и татарам. Из них

делают рукоятки мечей, сабель и ножей, чтобы их тяжесть придавала большую силу ударам.[119]

Заметим, в четвертых, что гор Рифейских и Гиперборейских в природе нет ни в Скифии, ни в Московии, ни где бы то ни было, и хотя почти все космографы утверждают, что из этих гор вытекают Танаис, Эдель или Волга, Двина (Dzwina) и другие крупные реки, написанное ими — выдумки и невежественное баснословие. Танаис, Волга и наиболее крупные реки текут из Московии, из страны равнинной, болотистой и лесистой, вовсе не имеющей гор. Об этом я подробнее скажу, когда дойду до описания Московии.

Здесь, достопочтеннейший господин епископ, лежит глубочайшая пропасть заблуждения — по вине прославленных писателей, помещающих сюда Рифейские и Гиперборейские горы. Пусть твоя достойнейшая особа обережет и защитит меня от их возражений, противоставляя им, вместо всяких хитроумных доводов, реальный опыт, и пусть тот, кто не верит, увидит сам и убедится на опыте, что дело обстоит так, как я сказал.[5]

Заметим, в пятых, что югры в скифской Югре не возделывают полей, не сеют, не имеют ни хлеба, ни вина, ни пива, ведут жалкую жизнь в лесах и подземных норах, питаясь рыбой и дичью, которых там много, пьют воду, одеваются в шкуры, сшивая вместе шкуры разных животных: волка, оленя, лисицы, куницы и пр. Таким образом скудная это область у северного полюса, как и говорит Гиппократ в книге о странах, воздухе и воде.[120]

Подчинены они князю Московии и платят ему подати шкурами соболей, белок [?] и другими, так как у них нет ничего иного для дани.[121]

Заметим, в шестых, что по ложному мнению некоторых известных космографов и историков, в том краю у Северного моря лежат самые умеренные области, где, благодаря умеренности климата и мягкости воздуха, люди живут счастливо и весьма долго и лишь, когда им надоест жить, бросаются с горы в океан.

Все это — басни. И в самом деле, что за счастье — не иметь ни хлеба, ни вина, ни других удовольствий? Что это за умеренный климат, когда там приходится терпеть по-

стоянный холод; когда во время зимнего солнцестояния у них там непрерывная ночь, а во время летнего — незаходящее, но едва теплое солнце? Впрочем, опускаю об этом.

Заметим, в седьмых, что в Югре и северных областях не роют золота, серебра и других металлов, и не соответствует действительности басня, будто бы там есть грифы и большие птицы, мешающие копать и уносить золото. Я утверждаю, вопреки древним авторам, что на самом деле грифов вовсе нет ни в той части севера, ни в других странах мира; а приносят оттуда к нам некую хищную птицу, величиной с орла, но с более длинными крыльями и хвостом, наподобие ястреба. Зовут ее московиты кречет (krzeczot), а наши — бялозор (bialozor), то есть, приблизительно, белый блеск, потому что у нее беловатое брюхо. Все хищные птицы, ястребы, соколы и другие живущие хищно, до такой степени боятся ее, что при виде ее дрожат, падают и гибнут.[122]

Заметим, в восьмых, что на севере, за Готтией, Швецией (Sueciam), Финляндией (Filandiam), Югрой и за Каспийским морем нет чудовищных людей — одноглазых, двухглавых псоглавых и пр., а живут там люди, нам подобные, но живут редко, разрозненно, на расстоянии друг от друга и в малом числе.[123]

Цвет кожи у них зачастую синеватый из-за холода, придающего эту окраску их телу. Это — истина; писавший так правду писал и мы знаем, что истинно свидетельство его.

Трактат третий. О последовательном распространении татар по родам.[124]

Глава первая. О турках.

В предшествующем трактате, в виде отступления, мы говорили о некоторых племенах, населявших то в одно, то в другое время Сарматию Азиатскую или Скифию до прихода татар, то есть об амазонках, скифах, готтах, юграх или гугнах,

Вслед за этим скажем о сильных племенах, происшедших от чагадайских татар, каковы турки, уланы или перекопские татары, татары козанские, затем татары ногайские. Прежде всего скажем несколько слов о турках.

Примерно, на девяностый год после прихода татар с востока в землю готтов, называемую ими Чагадайской, один воин великого хана, по имени Отуманн,[125] человек низкого положения и в то время неизвестный, но физически сильный и смелый, ушел от татар с сорока конями, из-за каких-то, по его мнению, испытанных им обид. Он начал тайно захватывать в Кападокии удобные проходы в горах и, пользуясь удобным временем и местом, стал заниматься грабежом. К нему стеклось множество бродяг, как это всегда бывает с этими людьми, и когда численность их сильно возросла, он стал уже действовать не скрываясь и не из засады: открыто вступая в бой, стал осаждать и брать селения, города и нападать на целые племена.

Не встречая сопротивления, этот быстрый, смелый на руку, ловкий и удачливый человек, при помощи угроз, террора и разграбления некоторых городов, занял, как свое владение, Кападокию, Понт, Вифинию, Малую Азию, Памфилию и Киликию.

От него пошел и род отуманов или турок, так как „с севера распространится всякое зло по всей земле".[76]

Что турки — потомки и ветвь татар, доказывается тождеством обычаев, языка и боевых приемов.

Одежда, манера ездить верхом, сидя в седле с поджатыми ногами, употребление в бою стрел и лука всегда были у них те же, что у татар, да и теперь у большинства все те же. Татарский язык для них родной. Речь татарская лишь немного отличается от турецкой, то есть примерно так, как итальянская от испанской или польская от богемской.[126]

По смерти Отумана преемником его и вторым королем турок был сын его Архан, человек такой же смелости и честолюбия, как его отец, но гораздо более опытный в устройстве хозяйственных дел. Своей предприимчивостью он сохранил и увеличил владения и власть, основанные отцом.[127]

За ним следовал третий король, сын Архана, по имени

Аммурат. Во время раздоров между греками, когда император Трапезундский и Константин спорили за власть, он был нанят на помощь Трапезундским императором, переправился во Фракию через Геллеспонт, а затем хитростью и лукавством затянул исход войны до тех пор, пока греки не растратили сил и богатств, и тут он, воспользовавшись случаем, обратил оружие против них и занял Фракию.[128]

Когда он умер, четвертым королем стал Пезаит, сын его. Стремясь к великим деяниям, он покорил Македонию, Фессалию, Фокиду, Бэотию, Аттику. Булгар и иллирийцев он ослабил постоянными набегами, разграбил предместья замечательного города Константинополя и до такой степени измучил его осадой и голодом, что император Константинопольский отправился в Италию и Галлию нищенски выпрашивать помощь.

Но промыслом божьим, великий хан татарский Темир-Кутлу, которого историки назвали Темерланом, ударив на Азию и как молния пройдя по ней, напал на Пезаита, бывшего наготове и ждавшего его. Разбив Пезаита, он взял его в плен, заковал в золотые цепи и увел с собой, но вскоре и отпустил, а немного позднее тот умер.[129]

Вслед за Пезаитом, пятым царствовал Альпин. Против него с большим войском выступил Сигизмунд, король Венгрии и Богемии, Римский император, но когда они сошлись в бою, войско Сигизмунда было приведено в смятение и разбито, он сам бросил лагерь и, едва переправившись через Дунай на маленьком суденышке, спасся опозоренный.[130]

Следующий затем, шестой по порядку, король турок Махумет установил тяжелые подати и набегами расширил границы своей империи.

По смерти Махумета царствовал его сын Аммурат II. Он разгромил знаменитый город Фессалонику, покорил Кипр и Этолию, опустошил земли трибаллов, иллирийцев и венгров. Владислав, король Польский и Венгерский, сначала счастливо воевал с ним, но в последнем сражении у Варнского озера, когда Иоанн Гуниад с венграми ушел с поля битвы, он был побежден и вместе со своими погиб жалкой смертью.

Гордый победой Аммурат силой взял Пелопонес и до основания разрушил стены Истма Коринфского[131].

Умирая, он оставил сына Махомета восьмым королем. Этот в 1453 году в последний день мая взял Константинополь после 54-дневной осады, напрягши все силы в последнем приступе. Тут же ему сдался богатейший город Пера, а стены его были разрушены.

Овладев Булгарией и Расцией, он захватил Смидеров, великолепный замок Расции над Дунаем. Нападая оттуда, он обратил в пустыню Далмацию и Кроацию, проник в Штирию и в Австрию.

Потом он с бою взял Нигропонт, бывший под властью венецианцев, взял Феодосию, ныне называемую Каффой, генуэзскую колонию на Таврическом острове, вместе с этим островом; зарубил мечом двоих князей из замка Манкуп (как говорят, последних представителей готтов) и подчинил себе Менглигера, татарского императора, в названном Херсонесе Таврическом.

Он разорил Молдавию и Валахию, шестнадцать лет подряд воевал с венецианцами; такую же непрерывную войну вел с Гузакассаном, королем персов, часто бывал побежден, но иногда побеждал и сам. Умер он 1 мая 1481 года и погребен в Константинополе.[132] На его место турки призвали к власти сына его Баиссета. Тогда Зелиаб, младший сын Махумета, в гневе ушел к султану Египетскому, собрал войско и вступил в бой с Баиссетом, но потерпев неудачу, бежал к родосцам, а магистр Родосского ордена отослал его пленником во Францию, позднее же отдал папе Александру VI. Когда король Французский Карл проезжал через Рим, направляясь в Апулию, он получил Зелиаба по договору от папы, но во время пути Зелиаб умер не то от яда, не то от усталости — неизвестно.

Баиссет, девятый король турок, взял приступом Килию и Белый Замок в Молдавии, а также с бою и после осады завладел островом Модоном и городом того же имени, принадлежавшим венецианцам. Он часто воевал с Софи, королем персов, но почти всегда терпел поражения.

Когда он состарился, сын его Селимсабег, которого наши зовут Селембек (Selembek), отнял у него власть,

и Баиссет, отправленный на остров, где провел детство, вскоре умер.[133]

Десятый король турок, нынешний Зелембег (Zelembeg), захватив власть, умертвил и истребил своих братьев, а затем, грозя христианам, решил итти войной прежде всего на Паннонию. Однако, всевышней волей всемогущего бога против него поднялся король персов Софи, и, разбив его в нескольких битвах, одолел.

После того Селин, он же Селембег, завоевал Сирию и, вторгшись в Египет, взял великий город Алькаир и убил султана, государя Египта[134].

При трех последних нами названных императорах Константинополь, столица империи, некогда называвшийся вторым Римом, стал их постоянным местопребыванием, так что окрестные жители, особенно славы, стали звать его не Византией и не Константинополем, а Царев дом (Czarzow dom), то есть дом цезаря.

Константинополь расположен треугольником: двумя углами лежит при море, а третьим обращен в поля. Окружность его равна восемнадцати итальянским милям. Там нет больших дворцов, кроме терм и великолепных вновь выстроенных философских школ. Храм же св. Софии, то есть мудрости божьей (или Христа, истинной мудрости отца), некогда выстроенный выдающимся образом, был низвергнут Махуметом вторым, императором турок, и обращен в притон зверей.

Рим же в Италии имеет круглую форму, в 32 мили по окружности стен, превосходя почти вдвое окружность Константинополя. В Риме семь холмов и роскошные дворцы.

Глава вторая. О роде татар уланов или перекопских.

Другая отрасль и родовая ветвь, идущая от заволжских татар, это — татары уланы, называемые так по Улану, завоевателю Таврического острова.

Улан значит девушка или девственница, и назван он был так потому, что рожден был девушкой вне законного брака. Это имя он передал и своим потомкам на Херсонесе Таврическом.[135]

У магометан не диво для девушки зачатие и беременность без брака: это часто бывает и не запрещается.

Таврический остров находится среди Меотидских болот. Длиной он в 24 мили, а шириной в 15 миль. Он имеет три города: Солат, Киркель и Каффу, и два замка — Манкуп и Азов.

Солат у татар называется Крымом, почему и государя Перекопского они называют Крымским императором.

Дома в этом городе убогие, а в большей части он покинут.

Другой, меньший город — Киркель. Над ним, на высокой скале, выстроен замок из бревен и глины.

Рассказывают, что в этой скале жил дракон, убивавший людей и скот, так что жители соседних мест бежали, бросив дома пустыми.

Греки и итальянцы, жившие на острове, молились преславной Марии, матери божьей, чтобы она избавила их от дракона. И вот, по прошествии времени, они увидели, что внутри скалы горит свеча. Они вырезали и высекли в скале ступени для подъема, добрались до горящей свечи и увидели образ пресвятой богородицы, перед ним горящий свет, а внизу дракона, разорванного пополам.

Они вознесли благодарность за это чудесное избавление, а дракона, разрубив на куски, сбросили со скалы.

Так как жители, славя святую деву, стали ходить к ее образу на поклонение, то, по их примеру, и государь Перекопский Ацигери,[136] воевавший со своими братьями, стал просить святую деву Марию помочь ему и дал обет отблагодарить благословенную деву.

Надо сказать, что магометане чтут святую Марию и признают, что она — дева, без брака зачала и родила великого и благословенного пророка Иисуса.

Когда, с ее помощью, Ацигери победил соперников, то, продав двух лучших, какие у него были, коней и купив воску, он сделал две громадных свечи и приказал, чтобы они из года в год горели перед образом, что и до сего дня соблюдается всеми последующими императорами.

Третий город, Феодосия, ныне называемый Каффой, был взят приступом у генуэзцев Магометом II, императором турок.

Завладев также замком Манкуп к западу от Каффы, вышеназванный турок Магомет убил мечом двух братьев князей, государей замка Манкуп и, как говорят, последних представителей готтов.[85]

Он укрепил также замок Азов близ устьев реки Танаиса, которым и ныне владеют турки.

Татары уланы, со времени их прихода на остров, живут в луговых его частях по своей исконной привычке, а вне острова владеют такими же луговыми пространствами Сарматии Европейской близ Меотидских болот и Понтийского моря вплоть до Белого Замка.

Они устроили переход и открыли доступ на остров с запада, настлавши земляную насыпь, длиной в милю, в виде моста, но грубо и несовершенно, так что в некоторых местах морские волны переливаются через насыпь.

В древности остров назывался Таврическим, а теперь называется Перекопом, что значит ров, потому что вода окружает его со всех сторон и защищает, как ров, полный воды, защищает город.[137]

Но довольно об этом. Посмотрим теперь их генеалогию.

После Улана в Таврике царствовал царь (czar) Тахтамис, который, вместе с князем Литовским Витольдом, воевал против своего брата царя Темир-Кутлу, императора Заволжского, и был побежден.[138]

Вслед за Тахтамисом собирался царствовать сын его Шидахмет царь, но Адзикерей царь его изгнал и царствовал вместо него.

Шидахмет направился в Литву за помощью, но был взят в плен литовцами вместе с женой и детьми и заключен в замке Ковно, где и умер с женой и детьми в дни Казимира III, короля Польского и великого князя Литовского.[139]

Когда умер Адзикерей царь, остались по нем семь сыновей и старший из них, по имени Гайдер, взял власть, Мендлигер же, один из младших сыновей, бежал к турецкому императору и, получив от турка помощь и жену, разбил и низверг Гайдера и Ямурци с другими братьями. Они бежали к Ивану Васильевичу (Vasilowicz), князю Московии, который принял их и дал им княжество Козанское.

У Мендлигера царя было девять сыновей: первый Махмет Керей, второй Ахмет Керей, третий Махмут Керей, четвертый Бети Керей — он утонул, везя добычу по реке в Валахии, в 1510 году; пятый — Бурнас Керей, шестой Мубарек Керей, седьмой Садех Керей; имен восьмого и девятого не знаю. Ныне царствует на месте отца Махмет Керей царь.[140]

Заметим, что хотя перекопские татары должны были бы стать более культурны и не так суровы под действием шестого климата, в котором они живут, однако они не потеряли прежней своей хищности и дикой жестокости, присущей скорее зверям, живущим в полях и лесах, чем жителям городов и сел.[141]

В иные годы они делают нападения, опустошают и грабят Руссию, Литву, Валахию, Польшу, а по временам и Московию.

Глава третья. О татарах козанских и татарах ногайских.

Третья орда — козанских татар — названа так по замку Козан, стоящему над рекой Волгой у границ Московии, где они живут.

Они произошли от главной татарской орды, а именно от чагадайских или заволжских татар, как и все другие татары.

Эта Козанская орда имеет около 12 тысяч бойцов, а при необходимости, когда они созывают и других татар, они могут выставить до 30 тысяч воинов.

Об их государях, деяниях и генеалогии не пишут, так как они — данники князя Московии и зависят от воли его и в мирной жизни, и на войне, и в деле избрания себе вождей.

Поэтому к ним можно будет отнести то, что будет сказано о государе москов.

Четвертая орда, молодая и недавно существующая, позднее других возникшая, как ветвь заволжских татар, это оккассы или нагайские татары.

После того как Оккасс, выдающийся слуга и воин великого хана, имевший 30 сыновей, был убит, сыновья его

отделились от главной Заволжской орды и поселились около замка Сарай, примерно, лет за 70 или немного меньше до нынешнего 1517 года. Вскоре они до чрезвычайности разрослись, так что в наше время стали уже наиболее многочисленной и самой крупной ордой.

Они ближе всех других татар к холодному северу и примыкают к восточному краю Московии, которая часто подвергается их набегам и грабежам.[142]

Правят у них сыновья и внуки Оккасса. Ни денег, ни монеты там нет, а продают они вещи за вещи, то есть за рабов, детей, скот и вьючных животных.

Книга вторая.

Трактат первый. Об описании верхней Европейской Сарматии.

Глава первая. О Руссии, ее округах, изобилии и о находящемся в ней.

После сказанного о Сарматии Азиатской, называемой Скифией, нам остается сказать о Сарматии Европейской. Первой тут перед нами лежит Руссия, некогда называвшаяся Роксоланией.[143] Восточный край ее прилегает к реке Танаису и Меотидским болотам, отделяющим Азию от Европы. В давние века у реки Танаиса жили аланы, а за ними к югу роксоланы. Эти народы были совершенно уничтожены и погибли, а теперь там видны лишь широко раскинувшиеся степи, где изредка встречаются звери да козаки или бродяги, как выше сказано. Дальше к югу есть еще кое-какие остатки черкесов (Circassorum). Это весьма дикий и воинственный народ, по происхождению и языку — русские. Далее есть замок, называемый Очарков, выстроенный во владениях литовцев императором перекопских татар, а еще далее, приблизительно в двух милях к югу от Очаркова, находится Дзассов (Dzassow). Там был замок, но он разрушен до нашего времени. От Дзассова до Бялыгрода, занятого турками, шесть миль.[144] Затем к западу идет Подолия, граничащая на юге с Молдавией и Валахией, а на востоке с татарскими степями и Таврическим островом. Это — плодороднейшая страна, весьма богатая хлебом и медом. Хотя там лишь грубо обрабатывают землю, вспахивают мало и неглубоко, а сеют поверху, пшеница родится сама три года подряд только потому, что при сборе хлеба во время жатвы некоторое количество зерен оста-

вляют рассыпанным по земле, чтобы они взошли на следующий год без обработки и вспашки поля.

Трава на пастбищах так быстро и так обильно там всходит и растет, что в три дня вырастает выше сажени,[145] а в немного больший срок опутывает и скрывает плуг, забытый в травянистых местах.

Пчелиные рои там кладут мед не только на пчельниках и в дуплах деревьев, но и на берегах рек и на земле. Часто, когда прилетает новый рой и начинает истреблять старых пчел, поселяне убивают налетевшую массу или топят в воде, чтобы попрежнему жили и мед носили старые.

Далее, у Сарматских гор, живет народ русский (Rutenorum), во главе которого стоят знатные люди из поляков — в Коломые, Жыдачуве (Zidaczow), Снятине, Роатине, в Буско и пр. У этих же гор находятся округа — Галицийский (Haliciensis), некогда называвшийся Галлицией (Gallicia), и Премысльский, а среди гор Сарматских — округ Саноцкий. По направлению к центру Руссии лежит Львовская (Leopoliensis) земля, а в ней хорошо укрепленный город того же имени с двумя замками — верхним и нижним. Это — столица Руссии. К северу идут округа Холмский, Луцкий и Бельзенский. [Львовская же] земля в центре.[146]

Ограничена Руссия — с юга Сарматскими горами и рекой Тирасом, которую жители называют Днестром (Niestr); с востока — Танаисом, Меотидами и Таврическим островом; с севера — Литвой, с запада — Польшей.

Знаменитая река Борисфен, называемая жителями Днепром (Dinepr), течет из Московии, проходит через Литву и Руссию под Смоленск и Киев. В нее впадает начинающая у города Хмельника на западе река Буг (Boh).[147] Пройдя около трехсот германских миль, Борисфен впадает в Понтийское море.

Русская земля, будучи и вообще плодородной, особенно богата медом и медоном, питьем из меда. Привозят туда и вино из Паннонии, а также из пограничных Молдавии и Валахии, привозят и греческое крепкое вино из Греции; пива у них вдоволь.

Страна богата конями, быками и стадами овец, имеет воск в большом количестве, изобилует мехами куниц, белок, лисиц и бычьими кожами. Она обильно орошается реками

имеет много рыбных вод, так что, где только есть вода, там в ней и рыба. Рыбу не разводят у руссов в прудах и рыбных садках, а повсюду там, где есть вода, в ней появляется рыба, посылаемая, как говорится, с небесной росой, без всяких людских забот и без разведения.

В Львовском округе есть достойные упоминания большие щуки (lucei), легко делящиеся на куски полосами.

Руссия изобилует пахучим тростником в местах поближе к Танаису и Меотидским болотам, а также ревенем — там же и в Литве, да и еще многими травами и кореньями, не встречающимися в других местах. Русская земля повсюду изобилует красящими растениями, в массе там встречающимися, но тогда как в прежнее время их вывозили оттуда в итальянские города Геную и Флоренцию, теперь лишь небольшую часть их собирают, и почти все напрасно гибнет несобранным.[148]

В Холмском округе, срубленные и лежащие на земле сосновые ветви в течение года или двух превращаются в кремнистые камни.[149] Там много мела или белой земли, ввозимой к нам. Есть и соль; ее в сухое время собирают на озере Качибейском, а так как недалеко оттуда находится татарский замок Очарков, то иногда возчиков соли перехватывают и берут в плен татары, вместе с двумястами, а то и тремястами возов. В Премысльской земле и в Дрогобыче варят соль, собирают и хранят ее кусками и определенными мерами.[150]

В Руссии много вероисповеданий. Есть христианская религия, подчиненная римскому первосвященнику. Это господствующая и преобладающая, хотя представители ее немногочисленны. Другая вера, русская, следующая греческому обряду, более распространена и охватывает всю Руссию. Третья вера — иудейская; ее сторонники иудеи — не ростовщики, как в христианских землях, а ремесленники, земледельцы или крупные купцы, часто держащие в своих руках общественные подати и налоги.

Четвертая вера — армянская, преимущественно в городах Каменце и Львове. Армяне — весьма опытные купцы, доходящие с товарами до Каффы, Константинополя, египетской Александрии, Алькаира и стран Индии.

В одежде и церковной службе русские следуют гре-

кам. У них есть свое письмо и алфавит по образцу греческого, очень с ним сходный. Евреи пользуются еврейским письмом и грамотой; занимаются также и науками — астрономией и медициной.

Армяне имеют свой обряд и свое письмо. Из святых они больше всего чтут апостола Фаддея, утверждая, что он обратил армян в христианство. Затем они почитают и святого божьего апостола Варфоломея, через которого, как сами говорят, они восприняли много правил веры.

У них великолепные и чрезвычайно красивые принадлежности богослужения — накидки и орнаты, не разрезные, а совершенно круглые; книги, чаши и прочая прекрасная утварь древних христиан.

Что касается духовных властей и пастырей христианских, то во главе их стоит во Львове русский и литовский митрополит. Ему подчинены епископы — киевский, каменецкий, премысльский, холмский, луцкий и медницкий. У русских глава — киевский митрополит (Киев некогда был столицей Руссии). Ему подчинены владыки (wladicas) и епископы греческого обряда в Молдавии и Валахии, вплоть до реки Гистра или Дуная, а в Руссии — епископы: во первых, холмский, затем во владениях литовцев — владимирский, или брестский; третий пинский или туровский (Mrowski), четвертый полоцкий, пятый луцкий, шестой смоленский и все вообще другие владыки и епископы в землях москов и в северных землях, им подвластных.[151] Исидор, бывший киевский митрополит, по языку и образованию ученейший грек, во время папы Евгения IV прибыл поездом в сто лошадей на Флорентийский собор, и, добившись унии с Римской церковью, вернулся в Руссию, но когда он стал там проповедовать подчинение Риму, московиты лишили его сана и предали смерти.[152]

Русские следуют учению греческих докторов и богословов, преимущественно Василия Великого, Григория Назианзина и Иоанна Златоуста. Григория Назианзина они называют на своем языке богослов (bogoslow), что по латыни значит славящий бога. Они признают и нашего святого Григория, папу римского, особенно его книги Морали, читают его в переводе и на своем языке зовут бе-

седник (biesiednik), что значит оратор, проповедник или советник.[103]

В русских церквах при богослужении читают и поют на сербском, то есть славянском языке; в армянских церквах — на армянском языке; в иудейских синагогах молятся на еврейском языке. Христиане же римского обряда поют, молятся и читают на латинском языке.

Надо заметить также, что на реках Руссии и Литвы, особенно на Борисфене и Буге, называемом Гипанисом, в летнее время размножаются поденки — черви и летающие насекомые, с четырьмя, а иногда и шестью крыльями: рождаются и появляются утром, около полудня бегают по воде или летают над берегами, а при заходе солнца гибнут. О них говорит Аристотель, во первых в истории животных и затем в Проблемах, а также медики, трактуя об однодневной лихорадке.[153]

Глава вторая. О Литве и Самагиттии.[154]

Великое княжество Литовское — весьма обширная область. В ней много князей литовских и русских, но один глава и монарх, которому подчинены все прочие. Он именуется вообще великиим князем Литовским.

Старинные историки, рассказывая о древности, говорят, что некие италийцы, оставив Италию из-за несогласия с римлянами, пришли в землю Литовскую и дали ей имя родины — Италия, а людям — название италы; у позднейших земля стала называться, с приставкой буквы *л* в начале — Литалия, а народ литалы.

Русские же и поляки, их соседи, еще более изменяя эти имена, вплоть до сего дня называют страну Литвой (Lithuaniam), а народ литовцами (Lithuanos).

Они сперва основали город Вильно (высота полюса там 57°) и по имени Вилия, вождя, с которым пришли в те края, назвали его Вильно, а рекам, текущим вокруг города, по имени того же вождя, дали имена Вилия и Вильна.

Самагиттию они так называют на своем языке потому, что у них это значит нижняя земля. Некоторые невежественные в истории люди вздумали производить название Литвы от lituo, то есть рога или охотничьей трубы по-

тому будто бы, что в той области много охотятся, но это скорее создает внешнее впечатление, чем говорит об историческом происхождении.

Народ литовский в былые годы считался у русских до того темным, презренным и жалким, что Киевские князья, по бедности его и скудности почвы, требовали у него, и то лишь как знак покорности, дань в виде поясов и коры.[155] Так было, пока Витенен, вождь литовцев, не поднял восстания против русских и не сделался князем своих соотечественников.

Напав хитростью на русских князей, он разбил их и постепенно до того усилился, что подчинил их себе и заставил платить дань, которую сами литовцы в течение многих поколений платили русским. Позднейшие преемники Витенена не раз делали воровские, по волчьи неожиданные набеги на соседние народы Руссии, Пруссии, Мазовии, Польши и грабили их, пока наконец князь Мазовецкий Конрад не призвал на помощь братьев крестоносцев тевтонского ордена св. Марии.[156] Завоевав Пруссию в непрерывных боях, они пошли на самагиттов и литовцев и стали наносить им поражение за поражением, брать в плен и теснить осадами. Наконец, они добрались и до князей литовских, Ольгерда и Кейстута.

Ольгерд был великим князем Литовским, а Ягелло — сын его впоследствии крещенный, названный Владиславом и коронованный, как Польский король.

Кейстут, брат Ольгерда, величайший враг и преследователь христиан, в войне с тевтонскими крестоносцами в Пруссии трижды был взят в плен и трижды, против всякого желания крестоносцев, удивительной уловкой освобождался от оков и ухитрялся бежать. Сыном этого Кейстута был Витавд (Vitawdus) или Витольд, князь замечательной доблести. Под покровом мира, Ягелло, он же впоследствии Владислав, захватил в плен Кейстута с сыном его Витавдом; Кейстута убил в тюрьме, а Витавда заключил в оковы. В конце концов, сильно стесненный крестоносцами и христианскими войсками, Ягелло, по милости божией, склонился на сторону поляков, принял, вместе со своими восемью братьями, христианскую веру, омывшись в воде крещения и был коронован, как Польский король. В 1386 году в чет-

верг четырнадцатого февраля, в день св. Валентина, он взял в жены Гедвигу, знатную и прекрасную дочь Людовика, короля Венгерского и Польского.[157]

Названный король Владислав, как и обещал, стал думать и прилагать усилия, чтобы освободить народ литовский от мрака заблуждения и идолопоклонства. Взяв с собой Бодзанту, архиепископа гнезненского, много служителей церкви и монахов, а также королеву Гедвигу, Семовита и Иоанна, князей Мазовецких, Конрада, князя Олесницкого, и многих баронов, в 1387 году он вступил в Литву и предпринял крещение литовцев.[158]

Литовцы искони почитали, как божества, огонь, лес, ужей, змей, особенно огонь, который непрерывно поддерживался подкладывавшим дрова жрецом, на их языке называвшимся зинц (zincz). Леса и рощи они считали священным обиталищем богов, а ужей и змей в иных домах кормили и чтили, как домашних богов.

Так вот король Владислав велел на глазах у варваров в городе Вильне погасить огонь, почитавшийся священным, разрушить храм и алтарь, где приносились жертвы; леса — срубить, а змей — умертвить. Хотя варвары и оплакивали истребление своих ложных богов, но не осмеливались даже роптать против короля и удивлялись только тому, что поляки, оскорбляющие их святыни — огонь, леса и змей, остаются совершенно невредимыми, чего не бывало в таких случаях с ними самими.

После того как идолы были таким образом истреблены, польские священники, а больше всего сам король Владислав, знавший местный язык, в течение нескольких дней учили народ литовский правилам веры и господней молитве, очищая его водой крещения.

Кое-кому из народа, по принятии ими крещения, благочестивый король Владислав жаловал новую шерстяную одежду, привезенную из Польши, и вследствие этой дальновидной щедрости, когда молва о ней распространилась, грубый и оборванный народ, довольствовавшийся до тех пор холстом, стал толпами стекаться со всей области, чтобы, крестившись, получить шерстяное платье.

Так как было бы неимоверно трудно крестить отдельно каждого верующего, то по приказу короля всю массу

народа делили на отряды и, в надлежащей мере окропив освященной водой всех людей каждого отряда, давали одному отряду и всем, кто к нему принадлежал, имя Петр, другому — Павел, третьему — Иоанн и т. д. Женщинам, поделенным также на отряды, давались имена Катерина, Маргарита и т. д., по всему числу отрядов. Воинов крестили отдельно.

Кроме того, король Владислав основал в Вильне кафедральную церковь имени св. Станислава, патрона Польши, а главный алтарь ее поставил на том месте, где прежде горел огонь, ложно считавшийся вечным, чтобы языческое заблуждение стало всем очевидным. В той же виленской церкви он поставил епископом Андрея Василия (Vazilo). Это был человек выдающейся добродетели, по национальности — поляк знатного рода — из дома Ястребов, по обету — монах ордена миноритов, духовник королевы Венгерской Елизаветы, замечательный проповедник и епископ Серета.[159]

По настоянию того же короля Владислава, и Самагиттия приняла веру христову и крещение.

Знакомясь с этой областью и ее населением, надо заметить, что Самагиттия — северная и морозная область, граничит с Литвой, Ливонией и Пруссией, окружена лесами, холмами и реками, делится на округа: Ирагола, Медники, Хроссе, Розена, Видуки, Велюня, Кельтини, Четра.[160] Жители области — высокого роста, дикие и некультурные, довольствуются простой и скудной пищей, жажду обычно утоляют водой, а изредка пивом или медом (medone). Они не имели и не знали в то время ни золота, ни серебра, ни меди, ни железа, ни вина. У них позволялось одному иметь нескольких жен и брать в жены — по смерти отца мачеху, а по смерти брата — его жену.

Там вовсе не строят изб или приличных зданий, а строят только шалаши из бревен и соломы, удлинненные, растянутые посредине и суженные на концах. Сравнительно широкое внизу, такое сооружение, постепенно по мере надстройки суживается и становится наиболее похоже на дно [опрокинутой] лодки или шлем. На верхушке делается одно окно, дающее свет сверху, а под ним очаг — для приготовления и варки пищи, а также для защиты от холода, в котором цепенеет эта область большую часть года.

В таком доме они живут с женами, детьми, рабами, рабынями, скотом мелким и вьючным, хлебом и всякой утварью.

Народ этот очень склонен ко всяким пророчествам и гаданиям. Главным божеством самагиттов был огонь, который они считали священным и вечным. Такой огонь на хребте высокой горы над рекой Невязой (Newiasza), поддерживался особым жрецом, постоянно подкладывавшим дрова.

Придя туда, король Владислав поджег башню, в которой это было, а огонь разбросал и погасил. Затем, с помощью своих воинов-поляков, он срубил леса, почитавшиеся у самагиттов святыней и обителью богов по слову поэта: „Жили боги в лесах“.[161] Самагитты находились в таком помрачении ума, что для них святыней были и эти леса, и птицы или звери, в них живущие, и все, что входит туда. У того же, кто причинял насилие растительности, зверю или птице, хитростью демонов искривлялись руки или ноги.[162] Вот почему варвары были в величайшем удивлении, что поляки, вырубавшие священный, по верованию самагиттов, лес, не испытывали никакого ущерба, похожего на то, что сами они часто терпели в таких случаях.

У них в названных лесах были костры, распределенные по семьям и домам: там они сжигали трупы близких и родных вместе с конями, седлами и лучшей одеждой. У такого рода костров они ставили еще скамьи из коры и клали на них еду, сделанную из теста наподобие сыра, а на костер лили мед (medonem) в тщетной надежде, что души умерших, чьи тела там сожжены, придут ночью и будут есть эту пищу.

Сверх того, в первый день октября у самагиттов совершалось в этих лесах величайшее торжество: со всей области стекался туда народ обоего пола, при чем каждый приносил пищу и питье, соответственно своему состоянию. Несколько дней они угощались принесенным и, каждый у своего костра, делали приношение своим ложным богам, особенно же богу, называвшемуся на их языке Перкун, то есть гром.

Так как никто из священников не знал самагиттского языка, то король Владислав научил народ сначала молитве

Отче наш, потом Символу и велел омыться в воде крещения. Один из старших среди самагиттов ответил за всех: „Яснейший король, с тех пор как наши неподвижные и ленивые боги были уничтожены польским богом, мы покидаем их и их святилища и присоединяемся к более сильному твоему богу и богу поляков". Так они были крещены.

Король основал в Медниках кафедральную церковь в честь и во имя св. мучеников Александра, Феодора и Эвантия, а в других местах — приходские церкви, назначив им достаточное содержание.

Первым епископом медницкой церкви поставлен и посвящен был алеман по происхождению, но уроженец Вильны, Матфей, потому что он знал литовский и самагиттский язык. [163]

В первое время насаждения христианства, когда магистр Николай Вензык, брат ордена предикаторов, королевский проповедник, говорил однажды самагиттам через переводчика о вере, о сотворении мира и падении первого человека Адама, один из самагиттов, не удержавшись, прервал речь проповедника и сказал: „Лжет этот священник, светлейший король! Он рассуждает о сотворении мира, а сам не старый человек. Ведь многие среди нас старше его годами и перешли уже за сто лет, но и они не помнят ни о каком сотворении, а рассказывают, что солнце, луна и прочие светила всегда так же двигались и светили".

Король Владислав велел ему замолчать и объяснил, что магистр Вензык не утверждал, будто сотворение мира началось в его время, а говорил, что повелением божьим оно произошло много ранее, то есть шесть с небольшим тысяч лет тому назад.

Король Владислав поручил великое княжество Литовское и Самагиттское двоюродному брату своему, Александру Витольду, и тот, человек энергичный и смелый в бою, присоединил к Литве княжество Псков, называемое Плесковией, а затем — другое княжество Новгородское, называемое Нугардией. Он подчинил своей власти и третье княжество — Смоленское. [164]

Установив мир кругом, он проник на восток, напал на татарскую орду, пригнал в Литву массу татар и расселил

там в определенной местности, где они остались и до сего дня. [165]

Собрав затем сильное войско, он вновь направился в Татарию, перешел реки и 14 августа достиг широко открытой равнины близ реки Ворсклы. Там его встретил, с громадным, бесчисленным множеством татар Заволжский император Темир-Кутлу, которого писатели называют Темерланом. Начались с обеих сторон переговоры о перемирии и мире, но соглашение никак не принималось татарами. Поэтому Витольд, по совету своих, отошел в тыл со своими телохранителями и бежал в Литву, а войско его, подавленное бесчисленной массой татар, было совершенно уничтожено. [166]

Между тем король Римский Сигизмунд, чтобы бросить искру раздора между Витольдом и братом его Владиславом, королем Польским, обещал Витольду корону и убедил его стать королем Литовским. [167]

Когда, однако, корону везли по сравнительно безопасным местам Марки и Пруссии, знатные люди Великой Польши воспротивились этому: установив стражу и разослав разведчиков, они подстерегали и поджидали послов Римского императора в местности, называемой Тужагора (Turzagora).

Те, однако, во время узнав об этом, в страхе вернулись назад, а Витольд, когда получил это известие, от тоски и от появившегося у него между лопатками карбункула кончил жизнь и княжение в 1430 году.

По смерти Витольда, король Польский, Владислав Ягелло, поставил вместо него князем Литовским и инвестировал своим кольцом брата своего Свитригелла, но тот, забыв о благодеянии, поднял смуту и начал войну против Владислава Ягелло. Вследствие этого король Владислав поручил князю Сигизмунду из Стародуба (Starodup) отнять княжество Литовское у Свитригелла.

В то время над княжеством Литовским появилась небольшая комета. Князь Сигизмунд Стародубский изгнал Свитригелла и овладел великим княжеством Литовским.

Этого Сигизмунда через несколько дней убил князь Иван (Iwan) Чарторийский, по происхождению и вере русский. Дело в том, что к шатру князя Сигизмунда

повадилась ходить медведица; русские стали, как делала медведица, толкаться и тереться о дверь шатра. Князь, услышав, подумал, что это медведица, открыл дверь и пал под ударами русских.

Эней Пиколомини писал, что убит был не Сигизмунд, а Витольд, обманутый своими, как рассказано, под видом медведицы, но тут он доверился неосведомленным рассказчикам и писал неверно. [168]

В силу такого же заблуждения он много ложного написал о Литве и о Польше, а позднейшие историографы, ошибочно следуя его ошибкам, не постыдились письменно передавать, в качестве истины, нелепости самого Энея, говоря о нравах народов и о никогда не виданных местах, нечто совершенно иное, чем было и есть на самом деле. Опыт прошлого и настоящего обличает в невежестве и его и их всех, пишущих вопреки действительности.

Казимир, третий сын Владислава Ягелло, был преемником князя Сигизмунда Стародубского на великом княжестве Литовском и правил почти пятьдесят лет.

В самые последние годы его правления князь москов Иван (Iwan) отнял и присвоил себе княжество Новгородское, иначе называемое Нугардией или Новогардией. [169]

После Казимира в Литве правил четвертый сын его Александр, при котором вышесказанный Иван, князь москов, захватил княжество Можайское (Mozaisensem), имеющее в длину семьдесят миль и столько же в ширину а также сорок крепостей. [170]

По смерти Александра, на княжество Литовское был избран нынешний Сигизмунд, а в его правление князь Московии Василий (Vasylo) завоевал и занял княжество Псков, называемое Плесковией, и Смоленское княжество. [171]

Глава третья. Об обширности великого княжества Литовского и о находящемся там.

Протяженность великого княжества Литовского такова: от Балтийского или Прусского моря до Вильны, столицы Литвы, 60 миль, от Риги же до Вильны прямым путем 70 миль, а если идти, как ходят обычно, через Полоцк (Poloczko), то от Риги на Вильну будет сто миль. Затем —

от Вильны к Киеву сто миль. От Киева до слияния рек Днепра и Буга, называемых у греков Большим и Малым Борисфеном, десять дневок, что составляет 70 миль. Там когда-то стоял замок Дзассов, ныне разрушенный, и там теперь конец владений литовских, тогда как раньше они простирались до Бялыгрода, называемого у латинов Белым Замком. Его захватили и владеют им турки, а кругом в степях живут татары.

Таков рассчет расстояний по направлению к югу или, лучше сказать, к юго-востоку. Считая же поперек: от Парчова и границ Литвы к Вильне — 80 миль, а от Кракова по той же дороге до Вильны — сто двадцать миль. От Вильны до Смоленска — сто миль, от Смоленска до Москвы (Moskwam, Moscouiam), города москов, сто миль — все разумеются большие германские мили. [172]

Первый и главный город в Литве — Вильна. Величиной она такова же, как Краков с Казимирией, Клепардией и всеми пригородами, но дома там не стоят подряд, как в наших городах, а зачастую разделяются садами и огородами. В Вильне есть два каменных замка, верхний — на горе, нижний — в долине [173].

Новгород (Nowygrod), который латины называют Нугардией или Новогардией, был владением великого княжества Литовского, завоеванным князем Витольдом. [174]

По обширности Новгород немного больше, чем Рим, так как Рим в окружности имеет тридцать две италийских мили, что составляет шесть миль германских с остатком в две италийских мили. Новгород же имеет целых семь миль, то есть 35 италийских. Здания в Новгороде деревянные, а в Риме каменные.

Новгород отстоит от Балтийского моря, примерно на две или на три мили.

Купцы там были, да и до сих пор есть богатейшие, при том настолько, что у каждого близ столовой есть кранц (krancz), то есть хранилище со сводом [подвал], в который бросают без счета золото, серебро и добытые драгоценные вещи.

Вот почему, когда Иван, то есть Иоанн, князь Московский, в 1479 году отнял Новгород у великого князя Литовского Казимира, он и мог захватить сразу эти новгородские

сокровища и увезти в Московию до трехсот возов, до верху полных только золота, серебра и драгоценного жемчуга.[175]

В этом же Новгороде издавна стали постоянным несчастьем убийства и грабежи: часто, при обнаружении или обвинении какого-нибудь преступника, начинали бить в колокол совета (prętorii), где сидели, в качестве судей, сто сенаторов, все длиннобородые, по обычаю родины Народ, услышав звон колокола, сбегался со всего города, при чем каждый хозяин захватывал два камня в руки, а сыновья его по столько же. Когда сенаторы выносили обвинительный приговор преступнику, близ стоящие осыпали его камнями 'и убивали, а затем шумной толпой бежали к дому убитого и разграбляли все его имущество. Дом с участком затем продавался, а деньги конфисковались в пользу государства.

Иван, вышесказанный князь москов, захватив в свою власть Новгород, поставил на пяти известнейших улицах города пять командиров с воинами для подавления и предотвращения обычных беспорядков, нападений и грабежей.[176]

В Новгороде есть замок, называемый Децен (Deczen). В нем находится главная церковь святой Софии, то есть Спасителя. Крыта она блестящими золотыми пластинками. В том же Новгороде есть семь монастырей чернцов (czyrnkorum), то есть черных монахов устава св. Василия, и отстоят они друг от друга приблизительно на полмили. В первом монастыре св. девы Марии — тысяча монахов, в другом — св. Георгия — семьсот, в третьем — шестьсот, в четвертом — четыреста, а соответственно и в других монастырях.[177]

Много там и церквей разных святых: одному св. Николаю, из всех святых у русских наиболее чтимому, посвящено столько церквей, сколько дней в году.

Высота полюса в Новгороде шестьдесят градусов, и летом, около времени летнего солнцестояния, после захода солнца и вплоть до восхода бывает так светло, что мастера — портные, сапожники и прочие ремесленники имеют возможность шить и работать.

За Нугардией к северу, вплоть до Северного океана, лежат Швеция (Suecia) и Финляндия (Filandia).[178]

Замечательный город Псков, каменный и большой, меньший, впрочем, чем Новгород, примыкает к Московии

и Литве. Латины называют его Плесковией. Жители его по языку и религии — все русские, бороды не бреют, волос на голове не стригут, но одежду носят совсем немецкую.

Земля Псковская имеет тридцать каменных замков — по направлению к Ливонии, каких нет ни в Московии, ни в Литве. Всего же земля Псковская имеет в длину шестьдесят миль, а в ширину сорок.

Василий (Vassilo), нынешний князь Московии, благодаря изменнической сговорчивости старейшин, захватил Псков и ныне владеет им. Он снял колокол, по которому весь город собирался наказывать преступников. Вопреки договору и собственным обещаниям, Василий увел владыку, то есть местного епископа, а также много знатных людей и граждан псковских и поселил их в городе Москве и в других местах Московии.[179]

Далее, по направлению к востоку находится замок и большой город Полоцк (Poloczko), принадлежащий к княжеству Смоленскому, а владеет им великий князь Литовский.

За ним к востоку — замок и город Смоленск, выстроенный из дуба и защищенный глубокими рвами. Земля же или княжество Смоленское имеет в длину шестьдесят или семьдесят германских миль.

Язык литовский имеет четыре наречия. Первое наречие яцвингов (Iaczwingorum), то есть тех, что жили около Дрогичинского замка, но теперь остались лишь в небольшом числе. Другое — наречие литовское и самагиттское. Третье — прусское. Четвертое — в Лотве или Лотиголе, то есть в Ливонии, в окрестностях реки Двины и города Риги. Хотя все это — один и тот же язык, но люди одного наречия не вполне понимают другие, кроме бывалых людей, путешествовавших по тем землям.[180]

Этот четвероязычный народ во времена идолопоклонства имел одного великого жреца, которого звали Криве. Жил он в городе Ромове (Romouae), названном так по имени Рима, так как этот народ гордится своим происхождением из Италии, и действительно в его языке есть некоторые италийские слова. Об этом Криве и городе Ромове можно прочесть в легенде о святом епископе и мученике Адальберте.[181]

Заметим, что в Пруссии теперь лишь немногие говорят по прусски: туда проникли польский и немецкий языки. Также и в Литве — местный язык употребляют немногие крестьяне, потому что туда проник немецкий. В Самагиттии же, имеющей в длину 50 миль, и в Литве, имеющей 30 миль, в деревнях говорят по литовски, большею же частью употребляют польский язык, так как и в церквах священники проповедуют там по польски. Сверх того заметим, что весь этот четвероязычный народ по вере подчиняется римской церкви, а в других окрестных провинциях, в Новгороде, Пскове, Полоцке, Смоленске и затем к югу за Киев живут все русские, говорят по русски или по славянски, держатся греческого обряда и подчиняются патриарху константинопольскому.

Кроме того в княжестве Литовском около Вильны есть и татары. У них есть свои деревни, они возделывают поля, как и мы; занимаются ремеслами и возят товары; по приказу великого князя Литовского все идут на войну; говорят по татарски и чтут Магомета, так как принадлежат к сарацинской вере.

Затем, в Литве есть евреи, особенно в городе Троки. Они занимаются ремеслами и торгуют, ведают общественными податями и службами, а ростовщичеством не занимаются.[182]

Теперь скажем о реках. С восточной стороны литовские владения имеют границей реки Оскол, Югру, Донец, то есть Малый Дон или Малый Танаис, при чем эти все и множество других рек текут в Танаис. В литовских владениях на сырой равнине из болот в чаще леса за замком Вязьма (Vesnija), который занят нынешним князем Московии Василием (Vassilo), берет начало Днепр или Борисфен и течет под Смоленск и Киев.[183] Пройдя примерно триста германских миль, он впадает в Понтийское море.

Другая река, Вилия, берет начало в тридцати милях к востоку от города Вильны, под виленским замком сливается с другой меньшей рекой, называемой Вильна (а исток ее считают в двух милях от названного города Вильна) и затем они вместе впадают в реку Неман (Niemen).

Река Неман течет очень извилисто, несет корабли с товарами и за замком Ковно впадает в Прусское море.

Большая река Двина (Dzwina) имеет истоки в Московии,

а в литовских владениях протекает под замком Витебском и потом под Полоцком. Устье ее — около ливонского города Риги: там она и впадает в море.

Заметим, что три величайшие реки, Днепр, Двина и Волга, как раньше уже было сказано, имеют истоки неподалеку друг от друга. Они вытекают из лесистой и болотистой равнины, а не из Гиперборейских и не из Рифейских гор, да и вовсе не из гор, которых там нет. Только из-за старой выдумки греков стали много и пышно говорить о горах, будто бы там существующих, и о том, что с них текут вышеуказанные реки, а уже вслед за этим и историки, и космографы, и поэты начали, не зная дела, писать и петь о них, тогда как нет их там нигде, и вся область, откуда те реки текут, представляет собою равнину.

Днепр, то есть Борисфен, течет на юг и впадает в Понтийское море. Большая река Двина, вытекая из Московии и идя к западу через владения литовцев и через Ливонию, близ города Риги впадает в Балтийское море. Волга, величайшая из рек, также имеет начало в Московии и течет на север; затем, повернув на восток, на далеком расстоянии огибает Танаис; наконец поворачивает к югу, проходит через Скифию или Азиатскую Сарматию и степные равнины татар и впадает в Эвксинское море, разделившись на двадцать пять больших рек.[56]

Танаис в Татарии находится от Волги на расстоянии шестинедельного пути или, по крайней мере, при очень быстром передвижении, трех-четырехнедельного.

В Литве и Московии много и других крупных рек и озер, куда в бесчисленном множестве впадают малые реки и ручьи.

Все они в высшей степени обильны рыбой. В тех странах везде, где есть вода, есть и рыба, при том более вкусная и приятная для еды, чем в наших областях. Рыбных садков и прудов с искусственно разводимой рыбой там не устраивают за ненадобностью.

В княжестве Литовском хлеб у крестьян весьма черный, не просеянный, из ржи или ячменя вместе с отрубями, а у господ и власть имущих пекут вкусный совсем белый хлеб из чистого сорта пшеницы.

Вина у них нет, кроме привозного, преимущественно рейнского, да есть еще кое-где ввозимое из западных стран по Германскому и Балтийскому морю. У них много меда (medone), густого и жидкого, сваренного разными способами. Его пьют для подкрепления и опьянения.[184]

Пиво они варят по разному и из разного зерна, то есть из пшеницы, ржи, ячменя, овса, проса и проч., но оно невкусно. Простой народ всегда пьет воду. Оливы, а также, сладкие и нежные фрукты там не растут, так как страна холодна и морозна.

Скот у них самый разнообразный, а диких зверей больше, чем во всем христианском мире.

Рощи, пустыни и леса в этой стране огромны: они тянутся иногда на десять, пятнадцать и даже двадцать пять миль. По окраинам пустынь и лесов встречаются деревни и жители. Так как леса там большие, то во множестве попадаются и ловятся крупные звери: буйволы и лесные быки, которых они на своем языке зовут турами или зубрами (zumbrones); дикие ослы и лесные кони, олени, лани, газели, козы, кабаны, медведи, куницы, белки и другие породы зверей.

Кроме того там много птиц, и между прочим, хотя виноградников там нет, прилетают дрозды, жиреют и бывают вкусны для еды.

Еще есть в Литве и Московии весьма прожорливое и бесполезное животное, не встречающееся в других местах, по имени россомаха. Величиной она с собаку, с кошачьей мордой, телом и хвостом похожа на лисицу, черного цвета; питается трупами. Найдя труп, так наедается, что раздувается и растягивается, как барабан. Тогда она ищет тесное и узкое место между деревьями, входит туда, протискиваясь с усилием, чтобы насильно съеденное, насильно и извергнуть. Потощав таким образом, снова бежит к трупу и снова до отказа наедается, а потом опять повторяются те же усилия и возвращение к мертвецу, пока, наконец, она не покончит с ним, сожрав его совершенно.[185]

Может быть, природа создала в тех странах столь ненасытное животное в укор людям, страдающим такою же прожорливостью.

Дело в том, что там, когда знатные и богатые начинают пировать, то сидят с полудня до полуночи, непрерывно наполняя брюхо пищей и питьем; встают из-за стола, когда велит природа, чтобы облегчиться, и затем снова и снова жрут до рвоты, до потери рассудка и чувства, когда уже не могут отличить голову от зада.

Таков гибельный обычай в Литве и Московии, а еще более бесстыдно существует он в Татарии.

Есть еще в тех странах — в Литве, Московии и Татарии — исконный обычай продавать людей: рабы продаются господами, как скот, и дети их и жены; мало того, бедные люди, родившиеся свободными, не имея пропитания, продают своих сыновей и дочерей, а иногда и сами себя, чтобы найти у хозяев какую-нибудь, хоть грубую пищу.[186]

Трактат второй.

Глава первая. О Московии.[187]

Московия — страна весьма обширная в длину и ширину. От Смоленска до города Москвы сто миль, от Москвы до Вологды сто миль (а Вологда — область, и река, через нее текущая, зовется тем же именем); от Вологды до Устюга (Usczuga) сто миль, от Устюга до Вятки сто миль: эти четыреста миль все — Московия, и речь там повсюду русская или славянская. Далее — от Вятки до Пермской области сто миль, отсюда до земли Вагульской (Vahulczka) тридцать миль, а эта последняя граничит со Скифией.

Эти области подчинены князю Московии, а если прибавить сюда земли, занятые тем же князем Московии на севере и востоке, Югру и Корелу, лежащие в Скифии, то будет всего пятьсот больших германских миль. Впрочем, московиты считают не милями по нашему, а верстами, и верста составляет пятую часть германской мили. Таким образом, от города Москвы до города Владимира (Vlodimiria) считают семнадцать германских миль, оттуда до Устюга пятьсот верст и от Устюга до Югры еще пятьсот верст.[188]

В Московии много княжеств. Есть княжество или земля Московия, откуда на войну выходит тридцать тысяч знат-

ных бойцов, а селян — шестьдесят тысяч. Есть и княжество или земля Тверская, откуда на войну выходит не менее сорока тысяч вооруженной знати. Столица этого княжества называется Тверь (Twerd). Это большой деревянный, выстроенный из бревен город. Там сто шестьдесят деревянных церквей и замок, тоже деревянный, а в нем девять молелен или церквей. Главная из них — церковь Спасителя — каменная. Под городом и замком протекает широчайшая река Волга.

Княжество Холмское (Chelmski), откуда выходит семь тысяч бойцов, княжество Зубцовское — с четырьмя тысячами воинов и княжество Клинское, дающее две тысячи бойцов, причисляются к Тверской земле.[189]

Затем княжество Кубенское, имеющее в длину тридцать миль, княжество Ярославское, имеющее сорок миль протяжения, княжество Шугерское, простирающееся на двадцать миль; княжество Шаховское, имеющее в длину тридцать миль — считая все в московских мерах длины.[190]

Далее княжество Рязанское, откуда выходит пятнадцать тысяч бояр или знатных воинов. Оттуда берет начало знаменитейшая река Танаис.

Княжество Суздальское и многие соседние с ним опустошены и разорены татарами.

Есть там и татарская земля, подвластная московскому государю, по имени Козанская орда, выставляющая 30 тысяч бойцов.[191] Находится она в степях, близ замка Козан, который принадлежит князю Московии и омывается большой рекой Волгой.

Москва — столица Московии. Это довольно большой город: вдвое больше тосканской Флоренции и вдвое больше, чем Прага в Богемии. Я говорю о существующей Праге, а не о Праге, которую некий новый историк ложно представил громадным городом, протяжением в три дня пути. Это — басня.

Москва вся деревянная, а не каменная.[192] Имеет много улиц, при том, где кончается одна улица, не сразу начинается другая, а в промежутке бывает поле. Дома также разделены заборами, так что непосредственно не примыкают друг к другу. Дома знати большие, дома простых людей низенькие.

По середине города, под его замком течет река того же имени, что и город Москва. По величине она равна Мультаве в Праге или Арно во Флоренции.

Замок, находящийся на равнине в середине города, хороший каменный, такой же величины, как Буда в Венгрии, имеет три стрельницы, а считая вместе с ними, всего семнадцать больших башен, покрытых черепицей, но стена там всего одна.[193]

В этом замке шестнадцать церквей. Из них три каменных, именно св. Марии, св. Михаила и св. Николая, остальные из дерева. Княжеский дворец в этом замке каменный, выстроенный по итальянскому образцу, новый, но тесный и небольшой; три здания советов знати (curiae nobilium) тоже из камня, другие дома построены из бревен, избы все обычные жилые.[194]

Другие города москов меньше, и замки там меньше, и все сооружено из бревен.

Вообще область Московская равнинна; так же как Литва, богата рощами и лесами, водой и реками, рыбой и зверем, но севернее и холоднее Литвы, отчего и крупный и мелкий скот тут мельче и без рогов, как будто тоже из-за холода; люди же высокого роста и сильного сложения.[195]

Пьют они воду, а также мед (medonem) и квас (kwassecz), то есть напитки, приготовленные на закваске.

Пашут и бороздят землю деревом без применения железа, и боронят, таща лошадьми по посеву древесные ветви. Из-за сильных и долгих морозов там редко вызревают нивы, и поэтому, сжав и скосив урожай, они в избах досушивают его, выдерживают до зрелости и молотят.[196]

Они часто употребляют горячительные пряности или перегоняют их в спирт, например, мед и другое. Так, из овса они делают жгучую жидкость или спирт и пьют, чтобы спастись от озноба и холода: иначе от холода они замерзли бы.

У них нет вина и растительного масла. Во избежание пьянства, государь запрещает под страхом лишения жизни держать в домах мед или другие опьяняющие напитки, кроме двух-трех раз в году с разрешения государя.

Монета у них серебряная чистого серебра, называется деньги (dzingis), бывает большей и меньшей величины,

продолговатая, четырехугольная, а не круглая, не полированная и дурно выровненная.

Страна богата серебром и отовсюду охраняется стражей, чтобы не только рабы или пленные, но и свободные туземцы или пришлые не могли без княжеской грамоты выйти оттуда.[197] Но довольно об этом.

Рек в Московии очень много. Я перечислю некоторые более крупные, достойные упоминания.

Знаменитая река Танаис, у татар и московитов называемая Доном, имеет начало и истоки в Московии, точнее в княжестве Рязанском, на равнине бесплодной, грязной, болотистой и лесистой; идет на восток до границ Скифии и Татарии, затем поворачивает к югу и, дойдя до Меотидских болот, впадает туда.

Танаис по величине таков, сказал бы я, как тройной Тибр при впадении в Тирренское море за Римом, или вдвое больше Дуная около Буды. По учению астрологов Танаис той же длины, как река Нил в Египте, то есть около шестидесяти градусов в длину, и подобно тому, как Нил с юга течет в море у Александрии, так и Танаис с севера течет в Меотиды и море Понта.

Я уже сказал выше, что из Московии текут и другие большие реки, именно Двина, Волга и Днепр или Борисфен. Так как Московия область не гористая, а равнинная, то и названные реки имеют истоки в небольшом расстоянии друг от друга на лесистой и болотистой равнине.

Волга, наибольшая из них, по татарски называемая Эдель, пройдя на север двести миль до Нижнего Новгорода (Nizni Nowygrod), (что значит Нижний новый замок) в земле Московии, соединяется там с большой рекой, текущей из середины Московии, по имени Ока (Осса). Восьмидесятью германскими милями далее Волга подходит к замку Козан, которым владеет князь Московии, и наконец к замку Сарай, принадлежащему Татарам.

Затем, повернув к югу, она впадает в Эвксинское море двадцатью пятью рукавами, подобными Тибру у Рима, а иногда и гораздо большими.[198]

Итак, достопочтенный отец, ты должен знать и, остерегаясь всех противоположных мнений, можешь утверждать,

что вышеназванные реки имеют начало и истоки не в горах и не у их подножия, так как там нет никаких гор.

Знай, во вторых, что Гиперборейских и Рифейских гор, откуда, по баснословным рассказам некоторых писателей, будто бы вытекают эти реки, нет ни в Московии, ни в других северных странах.

Правильно будет сказать, что это выдумки и что нет их нигде, а если уж настаивать на их существовании, то разве только в книге, в виде описания или рисунка, но не в действительности.

Знай, в третьих, что в государстве московов, как и в землях турок, людей перебрасывают с места на место и из области в область для заселения, а на смену им посылают и размещают других.[199]

Знай, в четвертых, что в Московии — одна речь и один язык, именно русский или славянский, во всех сатрапиях и княжествах.

Так, даже вогулы (Ohulci) и жители Вятки — русские и говорят по русски. Они придерживаются одной веры и религии по образцу греческой. Все владыки (wladicae), то есть епископы (а их очень много), подчинены константинопольскому патриарху, получают от него утверждение и обязуются повиноваться ему.

Исключение представляют козанские татары. Признавая князя Московии, они, вместе с сарацинами, почитают Магомета и говорят на татарском языке.

Исключить надо также и иноземцев, живущих к северу от Скифии: они говорят на своих языках и наречиях и поклоняются идолам, как о том будет сказано в следующей главе.

Знай, в пятых, что за областью, называемой Вятка, по дороге в Скифию, стоит большой идол, золотая баба (Zlota baba), что в переводе значит з о л о т а я с т а р у х а. Соседние племена весьма чтут его и поклоняются ему, и никто, проходя поблизости или гоня и преследуя зверя на охоте, не минует идола с пустыми руками, без приношения. Если нет приличного дара, то бросают перед идолом звериную шкуру или хоть волос, вытянутый из одежды, и, склонившись с почтением, идут дальше.[200]

Глава вторая. Об областях Скифии — Перми, Югре и Кореле, покоренных князем Московии.

За Московией на северо-востоке, на краю северной Азии, собственно называемой Скифией, находятся народы и области, подчиненные государю Московии, впервые покоренные князем Московским Иваном, а именно Пермь, Башкирия, Чиремисса, Югра и Корела.[201]

Пермь односложное слово, отсюда — земля Пермская, читая Пермская (Permska) двумя слогами. Эту область, почитавшую идолов, князь Московский Иван, около двадцати лет тому назад принудил принять крещение по русскому или греческому обряду. Он поставил там владыку, то есть епископа, по имени Стефана, но дикари, по уходе князя, содрали с него кожу заживо и умертвили. Князь, воротившись, побил их и снова поставил им другого главу, под духовной властью которого они и живут теперь вновь обращенными в христианство, следуя русскому схизматическому обряду.[202]

Другие выше упомянутые области коснеют в язычестве и идолопоклонстве, поклоняются солнцу, луне, звездам, лесным зверям и чему попадется; имеют свои языки и наречия: в Пермской земле — свое наречие, в земле башкир — свое, в Югре и в Кореле также свое.

В этих областях не пашут, не сеют, не имеют ни хлеба, ни денег, питаются лесным зверем, которого у них много, а пьют только воду. Живут они в чаще лесов, в шалашах, сделанных из ветвей.

Леса, покрывающие эти страны, сделали людей дикими и звероподобными. Они, как и звери, не имеют разума, не носят шерстяных одежд, покрываются шкурами, грубо и просто сшивая вместе шкуры разных, каких случится, зверей: волчьи, оленьи, медвежьи, собольи, беличьи и другие.[203]

Так как они не знают металлов в своей стране, то в дань князю Московскому приносят не металлы, а шкуры лесных животных, которыми богаты.

Те, кто живут поближе к Северному океану, как югры и корелы, ловят рыбу, китов, морских коров и морских собак, которых называют в о р-в о л ь (vor vol); из кожи

они изготовляют кнуты, кошельки и колеты, жир же сохраняют и продают. [204]

В Югре и Кореле есть кое-какие горы средней величины, а вовсе не чрезвычайной высоты, как некоторые думали и писали. На горы у океана, невысокие по всему северному его побережью, из моря взбираются рыбы, называемые морж (morss): держась и цепляясь зубами за гору, они таким образом облегчают себе подъем, а достигнув вершины, двигаются дальше, катятся и падают по другую сторону горы. Местные люди ловят их и собирают их клыки, довольно крупные и широкие, белые и весьма тяжелые. Их продают на вес московитам, которые и сами употребляют их и посылают в Татарию и Турцию для выделки рукоятий мечей сабель и ножей, так как своим весом эта кость увеличивает силу и тяжесть нажима, к выгоде ударяющих, работающих, сражающихся и убивающих. [119]

При этом помни ранее мною сказанное, что это именно та скифская область Югра, откуда вышли югры, названные впоследствии гугны или унгары [венгры]. Спустившись к Эвксинскому морю и сильно размножившись, они перешли великие реки близ Меотидских болот, проникли в Паннонию, вторым натиском захватили ее, завладели ею и владеют по сей день.

У них один и тот же язык и та же самая отрывистая речь, только наши венгры добавили кое-какие слова из славянского наречия для обозначения вещей, которых нет в Скифии и Югре.

Однако, югры в Паннонии — христиане, отцы же их в Югре — идолопоклонники; венгры в Паннонии более культурны и образованы, знакомы со всеми утехами роскоши (хотя еще и не вполне расстались с дикостью), тогда как северные жители Югры еще совершенно лесные звери и ведут жалкую жизнь в том холодном краю. [205]

Запомни еще, что в тех, лежащих у Северного океана, областях Скифии нет больших горных вершин, есть лишь утесы или горы средней величины, а вовсе не исключительной и недоступной высоты, как пишут некоторые древние историки.

Лучше бы им, следуя опыту, было сказать, что югры вышли из рощ и густых лесов, а не из недоступных гор.

Выдающегося и славного господина
Иоанна Галлера,[206] бывшего консула Краковского,
Матвей из Мехова, доктор искусств и медицины,
приветствует.

Выдающийся и трудолюбивый господин Иоанн!

Когда недавно в беседе кое у кого возникли вопросы о свойствах и соседстве северных местностей, лежащих за Сарматиями, приводились мнения и утверждения прежних историков — Геродота Галикарнасского, Солина (о достопамятностях мира), Помпония Мэлы, Плиния и других старых писателей, сообщавших об этих странах разные подробности, как будто виденные во сне, но, по правде сказать, совершенно не наблюдаемые и не находящие подтверждения в повседневном опыте.[207]

Вот почему, осведомляя тебя об этом, я хочу написать о некоторых из тех вещей коротенько в нижеследующем виде.

В северных странах и в странах, примыкающих к Северному океану, летом дни весьма долги, а ночи коротки или их вовсе нет. Солнце остается на небосводе, при закате лишь ненадолго скрывается или вовсе почти не заходит, не лишая света желающих читать или работать; чем ближе летнее солнцестояние, тем больше сияет солнце целыми днями и при том лишь оно одно, тогда как звезд не видно: они не появляются. Со дня святых Филиппа и Иакова, то есть с первого дня мая, вплоть до дня апостола Иакова в конце июля звезды не показываются. Наоборот, около времени зимнего солнцестояния царит глубокая и мрачная ночь, а дня почти не бывает. Солнце показывается едва на один час, когда не мешает облачность, и кажется, будто оно ползет по земле, не поднимаясь над нею вверх.

Вследствие этого, в тех странах около времени зимнего солнцестояния все делают при светильниках и при огне,

а в христианских областях — Финляндии, Готтии и Норвегии богослужения — мессы и вечерни поют и совершают при свечах.

Отсюда — последовательный вывод: наиболее северные области — Пермь, Югра и Чиремисса, Швеция, Финляндия и Норвегия существуют под бременем сильнейших холодов: если бы люди там не спасались шубами, меховой или тепло подбитой одеждой, огнем в избах или подземных пещерах, они погибли бы от холода.

Второй вывод: в тех странах нет винограда, фиг и других деревьев, нет и вкусных плодов; ничего не приносит ни поле, ни лес, нет ни яблок, ни груш, ни прочих плодов, растущих у нас на полях и в садах.

Из вышесказанного — третий вывод: зима в тех областях нередко начинается с первого сентября и вплоть до первого мая, примерно, снега не тают.

Тебе следует также знать, что выше названные историки утверждали, будто бы в тех странах в воздухе постоянно виден летающий пух, так как, говорят они, там всегда и непрерывно падает иней и снег наподобие пуха, застилая зрение и мешая видеть вдаль. Опыт учит, что это неправда: там не всегда идет снег; не всегда, говорю я, но время от времени бывает снегопад, как и в других странах, впрочем, в сравнении с другими, там чаще.[208] Заметь тут чудо о снеге. Один старейший историк, описавший приход венгров, сообщает, что, по рассказам югров или венгров, они идя из Югры к Меотидским болотам, в пределах Белой Руссии видели ледяного идола. Этот автор утверждает, что в день Рождества христова пошел ледяной град и образовал фигуру девы, держащей младенца в венце, а затем изображение младенца стало постепенно таять и уменьшаться, пока наконец ко дню Обрезания Иисуса Христа все не растаяло. Образ девы, казалось, сделанный изо льда, местные жители пытались растопить, зажегши костры, но огонь ничего не растопил. Этот образ можно видеть в пределах области, именуемой Вятка, за Московией. Зовут его до сего дня „золотая старуха“ или иначе Zlota baba, как я уже говорил при описании Сарматии. Итак, прими все это во внимание и суди сам.

Затем вышеупомянутые историки утверждают, будто

в северных странах за Сарматиями и Скифией много золота и серебра, но рыть и брать его не дают гриффы.[4] Я должен сообщить, что оба эти известия баснословны: там нет ни гриффов, ни золота да и вообще нет металлов. Можно упомянуть, пожалуй, что в Швеции когда-то была медь, но и там никогда ее не было в таком количестве и такого качества, как в Паннонии, или в верхней Германии близ Свотца (Swotz).

Далее, многие древние историки самоуверенно писали, что в тех далеких северных областях есть люди — то одноглазые, то двухголовые, есть одноногие, псоглавые, то есть с собачьими головами, есть такие, что превращаются в волков. Все это, при проверке на опыте, оказывается вымыслом и баснями.[209]

Не могу, однако, обойти молчанием, кое-чего, что по правде можно сказать об этих областях. Знай, что в тех областях весьма часты покушения злых духов. Так пишет Гали Родгам ко 2 книге четырехкнижия Птолемея.[210] То же утверждает Согласитель в 67 Различии. О том же говорит и повседневный опыт. Вот слова Гали Родгам: „Гермес сказал в 51° широты, что на крайнем севере и юге пребывают злые духи, диаволы и чудовища, обижающие людей". И ниже. „И входят в них другие, им подобные, как духи Корасмина и иные — из тех, что пребывают под семью звездами, называемыми колесницей". Так говорит Гали Родгам.

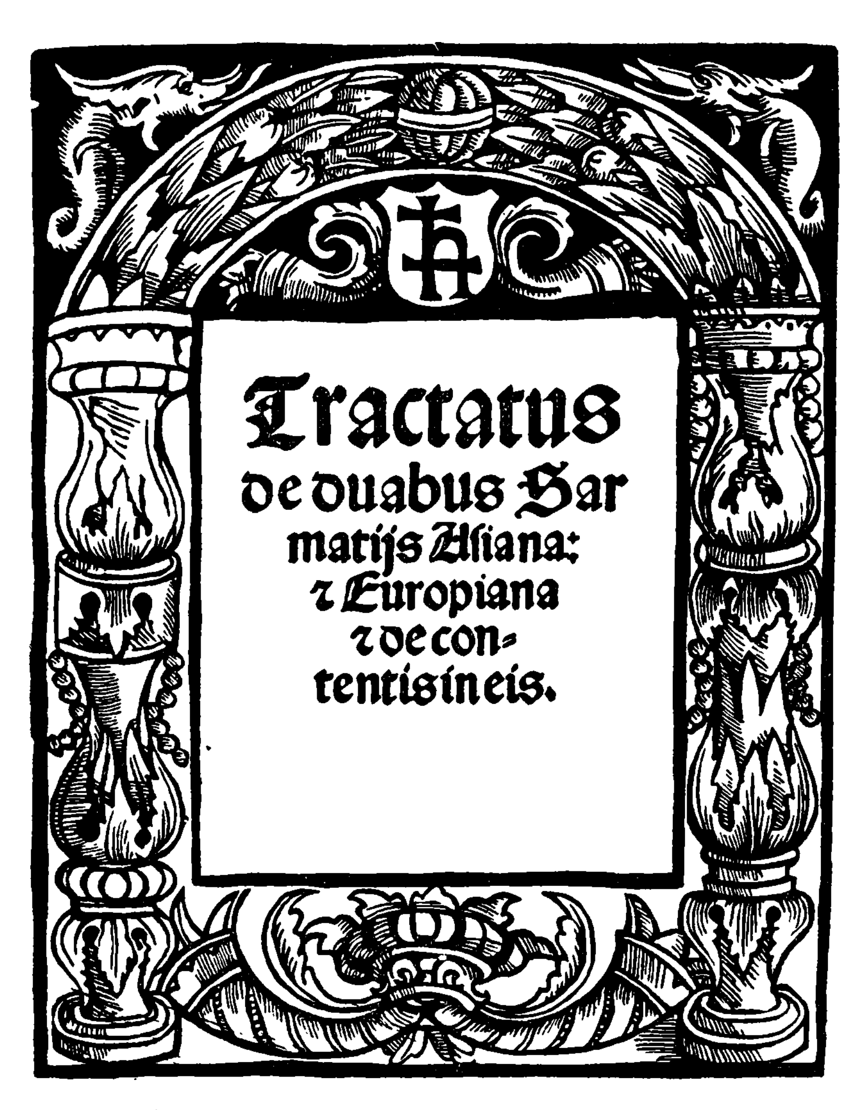
Затем, основываясь на опыте, во первых, прими во внимание следующее: в странах, расположенных у Северного океана, слышатся крики, пугающие проходящих путешественников, особенно к заходу солнца и на закате, а больше около рощ, лесов и озер, среди холмов и в лесах. В христианских странах, Норвегии, Швеции и Финляндии, люди *защищаются, делая перед собой крестное знамение, и тут* голоса демонов удаляются; при втором крестном знамении крики становятся еще отдаленнее и тише, а при третьем и четвертом — голоса и крики слышатся уже совсем вдали и, постепенно слабея, прекращаются. Затем в вышеназванных странах, когда должны прибыть посетители в гостиницу или какую-нибудь таверну, то в течение всей предшествующей ночи в доме слышатся сотрясения, шум, приготовления, передвижение сосудов в кладовых и в комнатах. Люди

в таких домах, вследствие привычки, мало обращают внимания на эти шумы и перестановки. Сверх того, духи и демонские призраки сбрасывают спящих со скамей, иных вытаскивают и выносят из дома, особенно пьяных и предающихся плоти. Далее, у воды при отправлении в плавание, местные жители, по внушению духов, особенно корчмари и мельники, продают за плату [попутный] ветер и спокойное плавание на три, четыре или шесть дней, чтобы в это время, пока не кончатся купленные дни, плавание было спокойным.[211] Хотя это и правда, но заметь (на основании опыта), что жители севера, приходя в наши страны, не желают рассказывать о постоянно там бывающем. Они считают позором и бесчестием происходить оттуда. Трудно, однако, отрицать то, что создано природой и нельзя противиться мировому порядку.

Заметь себе и знай также, что в тех странах летом бывает сыро, болотисто и грязно, так что жители чаще ездят по земле в санях, чем в телегах или колясках.

TRACTATUS

de duabus Sarmatiis, Asiana et Europiana, et de contentis in eis

Титульный лист первого издания Трактата, 1517 г. в Кракове.

Reverendissimo patri et domino,*
domino Stanislao Tursoni, antistiti Olomuncensi,
Mathias de Miechow, artium et medicine doctor,
canonicus Cracouiensis,
[a] pro... sui exilitate famulatum perpetuum cum orationibus
et celestis gloriae
fruitionem perhennem[a].

Dignissime presul!

Plures scriptorum orbem terrarum lucubrationibus suis et elucidationibus exararunt, Sarmatias vero, tanquam incognitas, pretervecti dimiserunt. Qui autem aliquicpiam de ipsis posteris scriptis carminibusve relinquere curarunt, indistincte et antiquitate premente, tanquam in media nocte, obscure dixerunt. Et quod intolerabilius est, multa ficta et fabulas inextricabiles nusquam adoptandas adsuper addiderunt. Quemadmodum est: quod ultra Sarmatias ad oceanum septemtrionalem essent campi Elisii, aura temperatissima, vita placidissima et perpetua, omni amenitate plena; at ubi multorum seculorum decursu senium tediosum incolis displiceret, ex ripis in oceanum sese deiicerent sponte submersuri tedium confectae senectutis sic evasuri. Praeterea posuerunt illic terrae nascentia ambrosia succo predulci et odore suavi, incolas tanquam in paradiso confortantia. Et aurum, quod letificat cor hominis, sine numero et mensura inventum iri. Griffones, aves horridas et rapaces, homines cum equis exacerbantes, atque in aera levantes et deserentes, aurum effodi atque asportari prohibentes. Et amplius aiunt illic astra, solem, lunam et ceteras stellas, perpetuo girantes et lucentes dies temperatissimas ac voluptuosissimas conficere. Quod in toto

---

* В основу печатаемого нами текста положено 3-е издание Трактата, 1521 г. Издания 1517 и 1518 гг. привлечены: а) для восполнения некоторых лакун, обнаруживающихся в изд. 1521 г.; б) для исправления ошибок и в) для сопоставления транскрипции собственных имен, приводимых в тексте, с соблюдением орфографии 3-го издания, а в вариантах по 1 и 2 изданиям.

а—а Изд. 1521 г.: Salutem plurimam dicit.

confictum est et in rei veritate illic aut alibi nequaquam repertum. Ponunt et moderni frapatores Thartarorum gentem terribilem, in campis Sarmatiae Asianae degentem, fore aeviternam, a saeculis in hanc diem in Scithia persistentem, cum tamen sit gens nova et adventicia, a partibus orientis sedibus mutatis paulo plus tricentis annis in Sarmatiam Asiae ingressa et antea non cognita, prout in initio huius opuscoli[a] dicam. Sed et montes Alanos, Hiperboreos et Ripheos, in orbe terrarum nominatissimos, in illis regionibus septemtrionis affirmaverunt et ex eis non minus famosa erupisse flumina, per cosmographos et vates celebres scripta atque decantata, Tanaim, Boristenem Maiorem et Minorem, Volhamque, maximum fluminum, declararunt. Quod cum alienum sit a vero, non abs re, experientia docente, quae est magistra dicibilium, confutandum et reiciendum est, tanquam prophanum inexperteque promulgatum[b]. Scimus quidem et visu cognoscimus praefata flumina tria, magna siquidem, Boristenem, Tanaim et Volham, ex Moskouia oriri et defluere, Minorem vero Boristenem, quem Aristoteles Hipanis[c], alias Minorem Boristenem appellat, ex Russia superiori cepisse et in Maiorem Boristenem decurrere et ei commisceri. Montes autem Hiperboreos, Ripheos et Alanos nuncupatos illic non existere certo certius scimus et videmus et iam praedictos fluvios ex terra plana consurrexisse ac emersisse conspicimus.

Quare, ut haec et complura alia in Sarmatitis contenta tuae, doctissime praesul, amplitudini vera veraciter enarrarem, subsequens opusculum[d] de duabus Sarmatiis ab antiquioribus minus cognitis nominibus, quibus temporibus nostris nominantur, tibi, domino et patrono meo semper colendissimo, scribere breviuscule, ut res expostulabit, ad incitandum alios, qui maiora noverunt et elegantiori stilo scribere facile poterunt, curabo. Utque, sicut plaga meridionalis cum gentibus adiacentibus oceano usque ad Indiam per regem Portugaliae patefacta est, sic plaga septemtrionalis cum gentibus oceano septemtrionis imminentibus et versus orientem spectantibus, per militiam et bella regis Poloniae aperta, mundo pateat et clarescat.

Vale, decus meum, praesul dignissime.

---

[a] Изд. 1517 и 1518 гг.: Tractatus. [b] Ibid.: provulgatum.
[c] Ibid.: Diaboristenidem. [d] Ibid.: Subsequentem tractatum.

Tractatus primus libri primi.[a]

Capitulum primum. Quod duae sunt Sarmatiae.

Antiquiores duas Sarmatias posuerunt, unam in Europa, alteram in Asia sibi invicem coherentes et contiguas. In Europiana sunt regiones Russorum seu Rutenorum, Lithuanorum, Moskorum et eis adiacentes, ab occidente flumine Vislae et ab oriente Tanai inclusae. Harum regionum gentes olim Getae nuncupabantur. In Asiatica vero Sarmatia nunc commorantur et degunt plura genera Thartarorum, a flumine Don seu Tanai ab occidente usque ad mare Caspium ab oriente contenta. Horum imperia, geneologiae, ritus et mores latitudoque terrarum, flumina et circum circa adiacentia in subscribendis explanabuntur.

Capitulum secundum. De ortu et adventu Thartarorum.

Anno domini millesimo ducentesimo undecimo apparuit grandis cometes in diebus mensis maii, decem octo diebus durans et supra Polowczos, Tanaim ac Russiam girans caudamque in occasum porrigens et adventum Thartarorum significans. Unde sequenti anno gens Thartarorum, in illam diem ignota, occiso, ut fertur, proprio rege Dauid de submontibus Indiae conflictisque pluribus nationibus septemtrionis ad Polowczos venit. Polowci siquidem fuerunt gentes secundum latus septemtrionale Euxini maris commanentes ultra Paludes Meotidis, quos alii Gothos appellant. Polowci autem lingua Rutenorum sonant et interpretantur venatici seu rapaces, quia sepenumero invadentes eos spoliabant et bona ipsorum rapiebant atque abducebant, quemadmodum et Thartari hisce temporibus faciunt.

Itaque Thartaris ingredientibus terras Polowczonum postularunt per ambasiatam ipsos principes Rutenorum universis copiis et potentiis se adiuvari, quoniam par exitium et discrimen eos, sicut et Polowczos, expectaret. Supervenerunt autem et Thartarorum nuncii denuntiantes ducibus Russiae, ne immiscerent sese bello et adiutorio Polowczonum, sed potius exterminium

[a] Изд. 1521 г.: Вместо Tractatus... primi — Liber primus. De Sarmatia Asiana.

eorum, tanquam adversariorum, procurarent. Russitae vero immaturo usi consilio nunciis Thartarorum comprehensis et occisis perrexerunt exercitualiter Polowcis in adiutorium terra marique, videlicet Mscislaus Romanowicz cum militia Kiouiensi, Mscislaus Mscisclawicz cum militia Haliciensi, item ceteri duces Russiae, Wladimir Rurikowicz, duces Cirneouienses, et duces Smolnenses. Iunctique exercitui omnium Polowczonum pervenerunt in Protolce et abinde, singuli ascensis equis, venerunt duodecim stativis ad fluvium Kalcza, ubi iam Thartari castra metati fuerunt. Et illico respirandi spacio non dato Thartari in eos irruerunt et contritis ac diffugientibus Polowcis acies Rutenorum disiiciuntur plurimaque caede peracta bini duces, Mscislaus Kiouiensis et Cirneouiensis captivantur. Reliqui fugientes, abhominabile dictu, a Polowcis sociis, per quorum terram fugam maturabant, trucidabantur. Equites quoque propter equos, pedites propter vestes occidebantur et in aquis suffocabantur. In illa ergo die Ruteni in pessimum horrendumque inciderunt periculum, quale in terris Russie nunquam auditum est, eaque prima clades extitit, quam Ruteni a Thartaris pertulerunt. Mscislaus autem Mscislawicz, Haliciensis dux, dum ad naves fugiendo pervenisset, superatis fluviis persecutionem Thartarorum veritus, naves abrumpi praecepit abindeque fugax in Halicz pavore et trepidatione plenus pervenit. Vladimirus autem Rurikowicz fuga et ipse salvatus in Kiow perveniens sedem accepit Kiouiensem. Alia vero omnis multitudo Rutenorum, dum ad naves fugiendo pervenisset et eas abruptas offendisset, in merorem versa, dum undas tranare non posset, fame contabescens illic consumpta est praeter paucos duces et aliquos eorum milites, qui in lembis fluvios traiecerunt.

Praeterea anno domini millesimo ducentesimo vigesimo octavo in maxima multitudine Thartari Russiam ingredientes universam terram Rzesanska[a] vastaverunt, ducem occiderunt, senes et impuberes necaverunt, reliquam multitudinem in captivitatem abduxerunt, castra incenderunt.

Iterum hieme eiusdem anni venerunt Thartari in terram Susdalorum et ea universa vastata ducem Georgium et filios eius pluresque alios Susdalorum principes interfecerunt, castrum Rostow incenderunt, captivos et predam pro libito abduxerunt.

---

[a] Изд. 1521 г.: Rzessensem.

Sequenti quoque anno in Smolnensem et Czirneouiensem regiones venientes eas crudelissima caede nulli aetati parcentes pervastaverunt, castra et fortalicia, ex quibus duces et milites pre timore fugerant, incenderunt et onusti captivorum multitudine in terras suas redierunt.

Capitulum tertium. De crudeli vastatione Poloniae et Hungariae per Thartaros.

Post praedicta Thartarorum horrenda vastatio ex ordine narrationis subnectenda est.

Anno domini millesimo ducentesimo quadragesimo primo Thartari in Russiam venerunt et Kiow, amplissimam urbem et metropolim Rutenorum magnifice constructam funditus deleverunt. Habuit siquidem praefata urbs portas et turres firmiter edificatas et aliquarum portarum tecta deaurata et splendentia. Habuit et usque nunc habet metropolitanum de ritu Rutenorum seu Graecorum plurimis wladicis et episcopis a Danubio per Moldauiam, Valachiam, Russiam et Moscouiam presidentem, in Kiouia iam post destructionem non residentem. Habuit insuper esslesias supra tricentas ornatissimas, quarum alique in campis inter vepres et arbusta in hanc diem permanent et stant desolate pro latibulis ferarum. Ex quibus binae ecclesiae, videlicet sanctae Mariae et sancti Michaelis, aliquas laminas tecti adhuc tenent deauratas. Quas Thartari predatum venientes et inspicientes Altim bassina vocant,[a] id est aureum caput habentes, quia partem tecti deaurati habent. Hac vero tempestate in monte, ubi olim castrum Kiouiense stabat, Lithuani, domini illius loci, fortalicium amplum de roboribus et lignis extruxerunt et tenent.

Itaque tota Russia cum sua metropoli et Podolia omniquaque pessundata Bathus, Thartarorum imperator, volens Hungariam ingredi misit ducem, Petam nomine, cum magno exercitu vastandum Poloniam. Aiunt Poloni Bathum, regem Thartarorum, Poloniam, Slesiam, Morauiam vastasse, verior tamen historia eorum, sic et cronica Hungarorum, referunt Bathum non fuisse in Polonia, sed duces ipsius. Qui trucidatis tirannis et principibus Rutenorum receptaque praeda in oppidis Lublin et Zawi-

---

[a] В изд. 1517 и 1518 г.г. следует еще раз Altim bassina.

chost vicinisque eorum reduxerunt eam in Russiam festinanterque redeuntes expugnaverunt Sandomiriam cum castro illicque occiderunt abbatem Pokrziwnicensem cum fratribus eius et magnum numerum utriusque sexus nobilium et ignobilium virorum ac matronarum ad conservandum vitam Sandomiriae collectorum. Inde exeuntes per Visliciam[a] in Scarbimiriam venerunt et revertebantur predam deducturi in Russiam. Dumque stativa tenerent ad fluvium Czarna apud villam, que Maior Thursko vocatur, irruit in eos Vladimirus, Cracouiensis palatinus, cum militibus Cracouiensibus. Ubi inter pugnandum omnis captivorum miltitudo diffugiens in propinquas silvas se recepit. Superati tamen sunt pauci a multis, Vlodimirus, palatinus Cracouiensis, cum suis a Thartaris; verum strage suorum perculsi Thartari per silvam Stremech in Russiam recesserunt et in supplementum accersitis plurimis Thartaris cum fremitu et ira in Poloniam redierunt et, quia maximum exercitum habuerunt, ad Sandomiriam pervenientes bifariam diviserunt eum minoremque exercitum in Lancitiam, Siradiam et Kuiauiam destinarunt cum principe Cadano, quem Poloni Caydanum nuncupant; qui nullo obice apparente vastarunt crudelissime illos districtus cedibus atque igne. Maior autem exercitus Thartarorum, cuius ductor fuit Peta, Thartarorum princeps, versus Cracouiam ivit omnem oram transitui propinquam caede et incendio pervastans. Ocurrunt ergo ei in villa Chmelik prope opidum Szydlow[b] Vlodimirus palatinus, Clemens, castellanus Cracouiensis, Pacoslaus palatinus, Iacobus Raciborowicz, castellanus Sandomiriensis, cum nobilibus et militibus Cracouiensibus et Sandomiriensibus. Et facto conflictu cum una turma Thartarorum ipsaque attrita pedem referente et ad alteram praestantiorem turmam sese divertente Poloni certamine priori fessi pauci a plurimis adverso pectore confossi ceciderunt, reliqui vero in fugam conversi per itinera nota evaserunt. Ceciderunt in eo conflictu desiderati Cristinus Sulkowicz de Niedwiedz[c], Nicolaus Vitowicz, Albertus Stampoticz, Zementa, Grambina, Sulislaus, milites strenui, et alii plures validi. Ex quorum strage tantus pavor irrepsit, ut alii in alias regiones fugerent, agrestes vero cum pignoribus et pecoribus in paludes et silvas et in invia se conderent. Sed et Bole-

---

[a] Так в изд. 1521 г.; изд. 1517 и 1518 гг.: Vislicam. [b] Так в изд. 1521 г.; изд. 1517 и 1518 гг.: Sidlow. [c] Так в изд. 1521 г.; изд. 1518 г.: Nyeduca.

slaus Pudicus, dux Cracouiae et Sandomiriae, cum Grzimislaua matre et Kinga, coniuge sua, primum versus Hungariam in castrum Pienini de prope opidum Sandecz, postea vero in Morauiam ad monasterium Cisterciensium effugit.

Thartari autem post cladem apud Chmelik peractam Cracouiam in die Cinerum venerunt et eam vacuam hominibus invenientes (omnes siquidem in abdita diffugerant) in ecclesias et domos incendio sevierunt. Ecclesiam vero sancti Andreae, tunc extra muros Cracouienses extantem, vallantes oppugnabant, expugnare tamen non valuerunt quampluribus Polonis magna vi et fortitudine se et sua illic defendentibus, irrito coepto recesserunt et in Vratislauiam perrexerunt. Quam similiter ut Cracouiam desertatam habitatoribus reperientes (cives etenim Vratislauienses pavore consternati fere omnibus relictis, preciosioribus dumtaxat festine raptis fugam inierunt; quod gentes ducis Henrici de arce videntes descenderunt et opes cum victualibus in arcem inducentes urbem cum tectis eius flammis exusserunt, et Thartari in urbe nil reperientes) castrum vallarunt et post aliquos dies obsidionem solventes, ut aiunt, orationibus et lachrimis Ceslai, prioris ordinis predicatorum, et fratrum eius in castrum admissorum depulsi, recesserunt. Interimque feria secunda Pascae Thartaris, qui Kuiauiam vastaverunt supervenientibus simul iuncti in Legniczam profecti sunt. Dux etenim Henricus secundus, sanctae Heduigis [a] filius, per illud tempus ibi collegerat gentes et armigeros, tam nobiles quam agrestes Maioris Poloniae et Slesiae. Advenerant et principes cum suis militibus: Mieczlaus Kasimirides, dux Opoliensis, Boleslaus, filius Depoldi, marchionis Morauiae expulsi, qui Sepiolka cognominatus est; et Pompo de Hosterno, magister cruciferorum de Prussia, cum fratribus sui ordinis; insuper et cruce signati plures. Cumque ex opido Legnicensi duceret agmina et ea obequitaret, lapis de summitate ecclesiae beatae Mariae decidit parumque abfuit, quin caput ducis Henrici non dirupit, quod re vera infaustum omen fuit. Suburbana itaque opidi Legnicensis pretergressus quatuor acies instruxit et ordinavit. Primam de cruce signatis voluntariis et de aurifossoribus opidi Goltberk aliisque peregrinis militibus; hanc Boleslaus Siepiolka, filius marchionis Morauiae, ducebat. Altera acies fuit

[a] Изд. 1517 и 1518 гг.: H e d u i s.

militum Cracouiensium et Maioris Poloniae; hanc Sulislaus, frater Vlodimiri, olim palatini Cracouiensis circa Chmielik occisi, ductitavit. Tertiam aciem gubernavit Mieczlaus, dux Opoliensis; in qua erant milites Opolienses et Pompo, magister Prussiae, cum fratribus et militia sua. Quartam aciem ipsemet dux Henricus ex prestantioribus militibus Slesiae et Maioris Poloniae ac precio conductis militibus rexit. Totidem erant Thartarorum agmina, sed robore et frequentia pugnatorum prestantiora, ita ut unum agmen eorum omnia Polonorum agmina excederet. In campo igitur, qui Bonus Campus dicitur, porrecto et in omnes partes lato, uterque exercitus quinto Idus aprilis, alias feria secunda post octavas Pasce, convenit. Primumque cruce signatorum et auri fossorum exercitus cum Thartaris magno impetu congressus, velut tenerae aristae a grandine percussae, a sagittis thartaricis obtritus est. Deinde duo agmina sub gubernatione Sulislai militis et Mieczlai, ducis Opoliensis, consistentia pugnare cum tribus Thartarorum agminibus ingressi validam in Thartaris stragem ediderunt, ita ut pedem referrent et fugam inirent. Quidam autem celerrimo cursu circa utrumque exercitum discurrens terribili voce clamavit: Biegaycie, biegacie! quod sonat: fugite, fugite — Polonis terrorem incutiens. Quam vocem Mieczlaus, dux Opoliensis, audiens deserto prelio fugit et secum magnam partem militum traxit. Quod videns dux Henricus ingemiscens dixit: Gorzey sie nam stalo, id est: peius et moleste nobis accidit. Inducensque suam quartam aciem fortissimorum militum, tres acies Thartarorum, a duabus aciebus Polonorum disiectas, prostravit et in fugam convertit. Quarta autem acies Thartarorum, et maior omnium, cum suo duce Peta superveniens horribili impetu bellum intulit, et bellum acerrimum inter utrosque duravit magnaque ex parte Thartaris caesis et in fugam spectantibus quidam Thartarorum vexillifer valde magnum ferens vexillum, in quo *chi* littera greca depicta erat, talis — X — et in summitate hastilis imago teterrimi et nigerrimi coloris cum barba prolixa, coepit incantando caput imaginis quatere. Ex quo illico fumus et nebula horrendi et intolerabilis fetoris in Polonos diffusa est, ut pene exanimati et invalidi ad bellum redderentur. Clamore itaque horrendo elevato in Polonos thartaricus exercitus conversus acies eorum, quae interim integrae erant, dirupit et eas magna strage affecit. In qua dux Bole-

slaus, filius marchionis Morauiae, dictus Siepiolka, et Pompo, magister cruciferorum de Prussia, cum multis insignibus militibus necati sunt. Dux vero Henricus corona a Thartaris circumfusus est, ut a tergo et fronte caederetur iamque ad extremum circa eum non nisi quatuor milites versabantur: Sulislaus, frater olim Vlodimiri, palatini Cracouiensis, Clemens, palatinus Glogouiensis, Conradus Konrathowicz et Ioannes Iwanowicz. Qui quanta potuerunt vi et conatu principem Henricum ex prelio educentes ad fugiendum disponebant, sed ducis equus sauciatus subsistebat. Thartari igitur veloci cursu consecutum cum tribus prefatis militibus (quarto Ioanne Iwanowicz ab eis segregato) vallaverunt. Cum quibus aliquanto tempore decertabat. Ioannes vero Iwanowicz equum recentem a Roscislao, aulico ducali, receptum penetratis hostium cuneis duci administravit. Quo ascenso [a]dux sequebatur Ioannem Iwanowicz viam per medios hostes ei parantem, ipsoque in cursu vulnerato et evadente [a] dux Henricus intercipitur et tertio circumvallatur; dumque audacissime contra Thartaros dimicaret et manu sinistra elevata Thartarum sibi obvium feriret, ab altero Thartaro lancea sub ascella transfixus ex equo demisso brachio moribundus defluxit. Quem Thartari ingenti strepitu inconditarum vocum facto capiunt et extra locum certaminis, quantum esset geminatus baliste iactus, pertractum framea caput absciderunt corpusque insignibus omnibus despoliatum nudum reliquerunt.

Occisa est in eo prelio multitudo nobilium Poloniae, inter quos clari et insignes fuerunt Sulislaus, frater Vlodimiri, palatini Cracouiensis, Clemens, palatinus Glogouiensis, Conradus Konrathowicz, Stephanus de Virbna et Andreas, filius eius, Clemens, filius Andree de Pelcznicza, Thomas Piotrkowicz, Petrus Kusza [b] et ceteri. Corpus ducis Henrici post cladem in sexto digito sinistri pedis vix cognitum et repertum per Annam, coniugem eius, in medio chori ecclesiae sancti Iacobi apud fratres minores Vratislauiae sepultum est. Pomponis vero, magistri Prussiae, et militum insigniorum supra expressorum in eodem monasterio sancti Iacobi Vratislauiae corpora tumulata sunt. Boleslai autem, filii marchionis Morauiae, funus in Lubens in choro conversorum humatum est. Super cetera corpora

[a—a] В изд. 1521 г. отсутствует. [b] Изд. 1517 и 1518 гг.: Kussa.

fidelium in loco prelii sepulta ecclesia in hanc diem durans constructa est.

Maxima victoria de duce Henrico et Polonis Thartari potiti lectis spoliis unicuique interemptorum unam auriculam absciderunt et novem saccos grandes ad sciendum numerum occisorum repleverunt. Ducis autem Henrici capite in longiori hasta erecto ad castrum Legnicense (oppidum enim metu Thartarorum exustum fuerat) applicuerunt mandantes, ut duce eorum occiso castrum eis aperirent, castrensibus convenienter respondentibus, quod pro uno duce occiso plures duces, filios occisi, haberent. Illi vero circa Legnicz vastatis et incensis villis in Otmuchow se receperunt, ubi quindecim diebus stativa continuando omnem regionem per circuitum vastaverunt. Exinde *Ratiboriensem oram adeuntes in Boleszisko*[a] *octo diebus* commorati in Morauiam secescerunt et Venceslao, rege Bohemiae, in castris se continente eam plus quam uno mense incendiis et caedibus vastaverunt. Tandem[b] ab Olomuncz septimis castris in Hungariam pervenerunt et maiori hordae ipsius Bathi, quae Hungariam intraverat, sese consociaverunt.

Capitulum quartum. De cruenta vastatione Hungariae per Bathy, imperatorem Thartarorum.

Bathy vastata et ad nihilum redacta Russia Hungariam cum quinquies centum milibus ingredi contendebat. Resistentem ergo inter montes Sarmaticos et in clausa dicta Russiae introitum prohibentem comitem palatinum Hungariae, a Bela quarto, rege Hungariae, cum gentibus missum, Bathy obruit et expugnavit festinanterque exurendo oppida et villas ad Ticiam fluvium, qui vulgariter Cisza[c] appellatur, ex montibus Sarmaticis versus meridiem in Danubium fluentem pervenit. Et exinde gentes Thartarorum excurrentes Vaciam cum sua cathedrali ecclesia vastaverunt et incenderunt. Ad Pest quoque, ubi rex Bela quartus exercitum contra Thartaros colligebat, ibant et redibant aliquando appropinquando, nonnunquam vero fugiendo, prout est mos pugnandi Thartaris. Cumque copiosum exercitum tam ex nobilibus, quam spiritualibus rex Bela coaduna-

---

[a] Изд. 1517 и 1518 гг.: Bolesisco. [b] Ibid. отсутствует. [c] Ibid.: Cisa.

verat, adversus Thartaros procedens ad fluvium Titiam applicuit et castra metatus est; adhibitaque custodia mille armatorum ad pontem putabat Thartaros non transire fluvium, quoniam altus est, limosus multum et inpermeabilis. Thartari autem, qui multo maiores fluvios transierant, invento vado Ticiam in nocte transnatarunt et in aurora exercitum Hungarorum cum Bela, rege eorum, undique circumdederunt missisque densis et quasi infinitis sagittis, velut cum grando nebulosus ac densus cum fragore descendit, Hungaros perturbarunt multos occidendo, plurimos vero[a] vulnerando. Hungari ergo, veluti impreparati et absque ordine contravenientes, cadebant. Quod alii videntes meticulosi clam discedebant et fugiebant. Thartari vero, tanquam astuti, sinebant eos per medium sui transire. Unde Colomannus, frater regis, sic et rex Bela quartus, tanquam ignoti, evaserunt. Reliquos vero conclusos Thartari crudelissime ad unum necaverunt. Inter quos spirituales maiores ceciderunt: Matthias Strigoniensis archiepiscopus, Ugolinus — Colocensis archiepiscopus, Georgius — episcopus Iauriensis, Reynaldus — episcopus Transsiluaniensis, et ecclesiae Nitriensis episcopus, Nicolaus — Scibiniensis praepositus, vicecancellarius regis, Eradius — archidiaconus Bachiensis, magister Albertus — Strigoniensis archidiaconus.

De aliis autem secularibus nobilibus et ignobilibus fere infiniti occisi sunt, et qui fugerant, consecuti in viis necati iacuerunt. In Pest etiam multi plebei[b] collecti in ore gladii supervenientibus Thartaris perierunt. Rex autem Bela quartus propere fugit ad metas Austriae, ubi captus et detentus fuit per ducem Austriae. Tandem dimissus ad reginam, coniugem suam, perveniens secessit in Slauoniam, illic usque ad persecutionem Cadan commoratus.

Vastata itaque Hungaria ex una parte Danubii, in hieme proxima gelato Danubio in partem alteram penetraverunt et sedes inter Iaurinum et Strigonium fixerunt, ubi in hanc diem fossae et tumuli habitationis eorum cernuntur. Ex quo loco praefatam trans Danubium regionem spoliis, incendiis et occisionibus crudelissime afflixerunt. Cumque in Thartariam secedere proponerent, diviso exercitu princeps Cadan adversus regem Belam in Slauoniam divertit. A facie cuius territus rex

---

[a] Изд. 1521 г. нет. [b] Изд. 1517 и 1518 г.: plebani.

ad mare, tandem ad Polam civitatem fugit. Cadan autem, quemadmodum cum Bathy constituerat, pertransitis et vastatis Bosna, Seruia et Bulgaria substitit circa Danubium, donec horda imperatoris Bathy superveniret. At Bathy post discessum Cadan vallavit et expugnavit Strigonium, urbem illa tempestate notabilem, cuius incole erant varii mercatores Almani, Gallici et Italici. Et quia thesauros, quos Thartari expetebant, terra suffoderant et occuluerant, idcirco, omnes necaverunt nulli sexui nullique etati parcentes. Destructaque Strigonio secus Danubium transeuntes ad exercitum principis Cadan operientem et expectantem pervenerunt. Tandem iuxta Paludes Meotidis via priori in Thartariam abierunt. Tempus autem, quo Thartari Hungariam afflixerunt et multimode vastaverunt erat fere biennium.

Capitulum quintum. Quomodo Innocentius papa quartus misit ad Cham Thartarorum, ne christianos persequeretur, et quomodo fidem Machometi susceperit.

Discedentibus Thartaris tota Europa contremuit et principes christianorum timore perculsi, ne redirent, consulebant invicem.

Innocentius quoque papa quartus ex concilio Lugdunensi fratrem Ascelinum ordinis praedicatorum cum pluribus fratribus eiusdem et aliorum ordinum ad eos misit anno domini 1246. Qui per Almaniam et Bohemiam in Vratislauiam venit exceptusque et veneratus est a Boleslao, Slesiae et Vratislauiae duce. Exinde transiens ad Lancitiam pervenit, a Conrado, duce Mazouiae, cum suis recollectus et hospitatus. Dehinc ad Cracouiam deductus a Boleslao Púdico, a genetriceque eius Grzimislawa et a Prandotha, ordinario loci, benigne suscepti et habiti sunt, pluribus pellibus subtilibus provisi supra id, quod proprio aere potuerunt emere, quoniam principes Thartarorum sine munere adire nephas est. Tulit autem fortuna, ut esset apud Boleslaum Pudicum, principem Cracouiae atque Sandomiriae, Vasilko, princeps Russiae, nepos matris suae. Huic itaque commendati in Russiam per ipsum deducti sunt. Ad Kiouiam vero venientes, equos acquisierunt pro conditione terrarum Thartarorum valentes, qui pedibus aquam et pabulum sub nivibus sibi quaererent. Tandem ex Kiow procedentes plures duces

Thartarorum pertransierunt, donec an Cham seu imperatorem Thartarorum applicuerunt.

Cui legatione domini papae Innocentii quarti exposita postulaverunt, ut deum universorum agnosceret atque coleret et eum, quem misit, Iesum Christum utque gentem christianam crudeli nece, quemadmodum fecit in Polonia, Hungaria et Morauia, non perderet. Et accepto responso, quod Cham per quinquennium gentem christianam non invaderet, per eandem viam ad dominum apostolicum cum litteris imperatoris Thartarorum redierunt. Habes in Speculo Historiali Vincentii libro .XXXII. hanc historiam; quam caute legas necesse est, quoniam in aliquibus supersticiosa est.

Post discessum legatorum christianorum supervenerunt legati Sarracenorum persuadentes Thartaris, ut sectam et fidem Machometi acceptarent, tanquam faciliorem, tolerabiliorem, voluptatibus plenam virisque belligeris competentiorem. Christianorum autem religionem confutando dicebant esse ociosorum, imbecillium et idolatrarum imagines colentium. Sarracenorum vero legem multis utilitatibus atque voluptatibus reffertam et ceterarum religionum vi et armis expugnatricem, ut superbos debellaret, humiliatis vero tributum constitueret.

Placuit barbaris et ipsi imperatori Bathy et omnibus Thartaris, tanquam viris cordosis, audacibus et sensualibus persuasio Sarracenorum. Ideo illam et non alteram susceperunt. Et cum dicant Eissa Rocholla, id est — Iesus est spiritus domini, Machomet vero Rossola, id est — Machomet est iusticia dei, noluerunt spiritum dei, Iesum benedictum, spiritualiter vivere docentem, acceptare, sed iustitiam dei, hoc est Machomet, carnaliter et, tanquam bestiam sensualem, in spurcitiis volutantem, ab omnipotenti deo iuste in lacu penarum die ac nocte cruciandam, amplexati sunt.

Itaque ex tunc, velut et nunc, Machometum venerantes sequuntur. Pentatheuco Moisi obediunt, circumciduntur et legalia observant; campanis carent, sed quotidie Lahi illo illoloh, quod in latino sonat: Non est deus, nisi unus deus, clamant. Ingenue sese profitentur Ismahelitas, quia de Ismael ortos. Christianos vero dzincis, id est paganos, et gaur, id est infideles et sine religione appellant. Celebrant, velut alii Sarraceni, tria in anno festa. Primum kuiram, id est oblationis Pasca in memoriam oblationis Isaac, quando Abraam, multarum

gentium pater, praecepto dei ipsum necare et offerre proposuerat. In isto festo offerunt arietes, aves, alites et cetera. Aliud festum colunt pro animabus. Tunc visitant sepulchra suorum maiorum, operibus misericordiae insistunt et alunt pauperes. Tertium festum agunt pro se suaque salute. Pro primo festo rite peragendo triginta diebus ieiunant, pro altero — uno mense, pro tertio — duodecim diebus.

Capitulum sextum. De moribus Thartarorum et de contentis in terra eorum.

Thartari sunt homines ut frequenter staturae mediae, pectore et scapulis ampli, facie lati, naso simi, colore tetri et deformes, robusti viribus et fortes, famem, frigus et aestum facile patientes, equitatu ab ineunte aetate et arte sagittandi gaudentes. Omnia sua secum ducunt; vagi et instabiles loco cum uxoribus, pueris atque pecoribus in campis degunr. Civitates, villas et domos non habent. [a]Illudentesque christianis adinvicem dicunt: Non moreris in uno loco, ne tanquam christianus fedares et sub te cacares.[a] Pro hieme ad relevandum a frigore ad mare Caspium divertunt, quoniam illic ratione maris temperiem aeris inveniunt; ad aestatem in suam regionem redeunt.

Aliqui eorum unam porcam, duas tresve in longum per iugera tria, quatuor et ultra sulcant, arant et milio seminant: inde cibos et bairam, id est pastas, faciunt. Non habent frumentum nec aliquod aliud legumen. Pecora et pecudes plurimas tenent, precipue caballos et cabellas pro equitatu et victu valentes. Incidunt et vulnerant equos cruoremque et per se et cum milio vorant. Carnes pecudum, pecorum et equorum comedunt etiam semicrudas. Caballos, pridie tum sponte, tum morbo mortuos, exciso loco apostemato perlibenter comedunt. Bibunt aquam, lac et cerevisiam[b] ex milio coctam. Aquam Thurci et Thartari vocant su, interdum Thartari dicunt suha et est aqua. Cerevisiam[b] autem miliarem seu ex milio factam buzam nominant, eandem Ruteni braha vocant. Laudant lac praesertim komiz, id est acetosum, eo quod stomachum eorum confortet et medicinam purgativam faciat. In conviviis et cum hospi-

---

[a—a] Это замечательное место отсутствует в изд. 1517 и 1518 гг.
[b] Изд. 1517 и 1518 гг.: cervisiam.

tibus advenisque bibunt a r a k a, quod est lac sublimatum, quod mirabiliter et cito inebriat.

Non furantur neque fures inter se patiuntur. Rapto tamen vivere vicinos spoliando periucundum et deificum est apud eos. Non sunt artificia inter eos nec pecunie, sed res pro rebus commutant. Verum in horda Zauolhensi inceperunt aspros, id est argenteos obolos Thurcorum, accipere et tenere. In horda vero Prekopensi ducatos acceptant. In horda Nohaiska res pro rebus dant.

Vafri et perfidi sunt exteris, sibi invicem vero et suis omnibus fidelissimi. Indumenta sepenumero ex filtro et lana alba grosse et plane facta gerunt. Oponcze plurimum diligunt. In expressione huius nominis preponunt *i*, i o p o n c z e et non o p o n c z e nuncupantes. Et est pallium album spissum, inconsutile, pro imbribus et fluviis bene utile.

Terra eorum terra plana et absque montibus, absque lignis et arboribus, graminibus dumtaxat abundans. Vias non habent neque navigia, sed per dies iter suum computant, ut terra Zauolhensium Thartarorum citissime equitationis a flumine Volha ad mare Caspium est quasi triginta dierum. Equitant una die viginti miliaria magna Germanica. Pedibus non gradiuntur nec itinerant,

Ferae apud eos reperiuntur: cervi, damae, dorcae et swak.[a] Et est animal quantitatis ovis, in terris aliis non visum, lana griseum, duo parva cornua habens, cursu velocissimum et esu carnium eius suavissimum. Et dum grex swak in aliquo campo inter gramina conspicitur, Cham seu imperator Thartarorum cum suorum multitudine equestres vadunt et omniquaque circumdant in altissimis graminibus delitescentes. Dumque timpanis incipiunt sonare, tunc swak, tanquam metu perculsae, rapidissime hinc atque illinc ab una parte circumstantium ad alteram percurrunt et iterum atque iterum decursando vadunt, usque quo fatigati deficiant: tunc irruentibus Thartaris cum clamore occiduntur.

---

[a] Изд. 1517 и 1518 гг.: s n a k.

Capitulum septimum. *De finibus et metis Thartarorum Zauolhensium.*

Clauditur terra Cham et Thartarorum Zauolhensium ab ortu solis mari Caspio seu Hircano. A septemtrione campis longissime latissimeque protensis. Ab occasu fluminibus Tanai et Volha. A meridie partim mari Euxino seu Ponti, partim altissimis montibus Iberiae et Albaniae. Mare Caspium vocant Ruteni Chwalenskee morze et est mare non ab oceano, sed a fluminibus illic defluentibus congestum. Fluunt multa ac magna flumina in alvearium illius maris de ripis altis impetuose et quasi per saltum ex alto in medium decidentibus[a] et iuxta ripas sub ipsas transeuntibus iter prebentibus.[a] Unde fit, ut ibi in aestate a Persis et Medis refrigerium quaeratur et in hieme ratione evaporationum temperies conflatur. Iuxtra illud mare et post ad orientem, ut Ruteni proferunt, sunt Thartari criniti, quos Thartari Kalmuchi et paganos nuncupant, quoniam ritum machometicum non colunt nec crines capitis abradunt, quemadmodum Thartari omnes radunt, praeter adolescentes, qui rasa coma binos radios crinium ab aure dextra et alium a sinistra usque in brachia prominentes in signum innubilitatis aut virginitatis relinquant.

Ab occasu sunt flumina Tanais et Volha. Thanaim Thartari Don appellant. Qui secundum fontes suos ex ducatu Rzesensko a duce Moscouiae occupato versus septemtrionem fluit. Post flectitur in meridiem et tribus hostiis Paludes Meotídes ingreditur, immo ipse Paludes Meotidas causat. Sunt iam circa Tanaim arbores pomaque et alii fructus. Sunt et mellificia quercina nonnulla et pauciora de pino. Inde est, quod Thartari sanctum Don dicunt, quia iuxta illum victum ex fructibus, melle et piscibus reperiunt. Volha fluvius, thartarice Edel nuncupatus, ex Moscouia profluit ex fontibus septemtrionalioribus et occidentalioribus, quam Tanais. Qui cum ad septemtrionem flueret longo Tanaim circuens intervallo, deflectitur in orientem et merdiem et viginti quinque hostiis seu fluminibus in mare Euxinum delabitur.[r] Distat Tanais a Volha quinque hebdomadarum itinere, ad minus, veloci cursu, trium hebdomadarum equita-

---

[a] Вероятно, ошибочно, вместо decidentia и prebentia.
[b] Изд. 1521 г.: Rzessensi.

tione vel plus. Et est Volha in triplo maior, quam Don, viginti quinque autem partitiones seu particularia flumina ipsius Volhae sunt magna: minora autem ex eis sunt tanta, quantus Tiberis Romae aut Visla post Cracouiam. Sunt multum piscosi praefati fluvii, ita quod framea Thartari caeterique transeuntes in ripa stando pisces cum aqua decurrentes secent et tollant.

Est iuxta hos fluvios Tanaim et Volham a i r, id est calamus aromaticus, qui et b r o s t w o r c e dicitur, in maxima copia. Ibidem reuponticum, quod Thartari nominant c z y n i r e w e n t[a] crescit, et c z y n i r e w e n t nomen est persicum. Item k u c z y l a b u k a[a] vel, ut alii exprimunt k y l c z a b u h a et in latino sonat oculus cornicis, et est multe calefactionis.

De ortu horum fluminum, Don et Edel, cum de Moscouia tractavero, clarius dicam.

Quotiens autem Thartari Zauolhenses in terras nostras spoliatum ire vadunt, per hec et alia flumina absque navigio alligatis sarcinis desuper coniugibusque et pueris in dorsis equorum sedentibus, ipsimet caudas caballorum tenentes transnatant et rapinas crudelitatesque plurimas inferunt.

Ad meridiem versus mare Caspium sunt montes Iberiae et Albaniae, quos Ruteni a gente[b] Piecihorscii Czyrkaczi, quasi quinquemontani Czyrkaczi vocant. Inter illos siquidem montes sunt Gasarorum gentes, quas, ut vestra Morauica legenda depromit, sanctus Cirullus[c] et Metudius fratres, per Michalem, imperatorem Constantinopolitanum, missi, ad fidem Christi converterunt; et usque nunc fidem et ritum Graecorum profitentur. Sunt homines bellicosi, in tota Asia et Aegipto acceptabiles, apud hos Thartari Zauolhenses tela comparant. Verum hac aetate Graeci illas gentes Abgazari et Abgazeli nominant. Et vicinae iuxta illas sunt gentes Circassi et Mengrelli omnes de ritu graeco, per beatum Cirullum[c] in fidem Christi reductae. Inde sanctus Cirullus[c] rediens, ex mari Euxino seu Pontico (in quo omnipotens deus, mirabilis et gloriosus in sanctis suis, dederat habitaculum et ecclesiam marmoream per manus angelorum sancto Clementi structam, quam singulis annis in festo sancti Clementis et septem diebus mari recedente et siccato secure

---

[a] Изд. 1517 и 1518 гг.: c i n i r e u e n t, k i l c a b u h a. [b] Изд. 1518 г.: R u t e n i a g e n t e. Далее: P y a c i h o r s c i C i r k a c z i. [c] Так во всех изданиях.

circumsiti incolae aggrediebantur sanctum dei venerando, colendo et extollendo) sustulit corpus sancti Clementis et in Morauiam predicaturus Christum dominum secum tulit et asportavit. Deinde Romam evocatus et per papam Nicolaum citatus praedictum corpus sancti Clementis Romam detulit et in ecclesia sancti Clementis honorifice deposuit. Ipse Cirullus cum Metudio fratre in eadem basilica beati Clementis Rome sepulti, sed non sunt reperta ossa illorum per tuam R. P. summe desiderata in eadem basilica quaesita.

Ex montibus Circassorum Piecihorski seu Quinquemontium fluit magnus fluvius, Tirk in thartarico nuncupatus, rapidissimo cursu lapides secum volvens et multos pisces, in mare Caspium defluit. Post hunc ex eisdem montibus fluvius Coban minor, quam Tirk, in prenominatum mare Caspium descendit.

Capitulum octavum. De geneologia imperatorum trans Volham incolentium.

Quattuor sunt hordae Thartarorum, totidem imperatores eorundem, scilicet horda Zauolhensium, horda Przecopensium horda Cosanensium et quarta horda Nohacensium; quintam addunt, que imperatorem non tenet, et nuncupant eam Kazacka. [a] De his inferius dicetur.

Horda in thartarico multitudinem significat. Principalis ergo horda est Czahadaiorum sive Zauolhensium. Que Tak Xi, id est capitalem hordam vel homines principales et liberos sese nominat, tum quia nulli subicitur, tum quia ab ipsa caeterae hordae propagatae sunt; ob hoc et Moscouitae magnam hordam Zauolhensium hordam appellant. Inde etiam, imperator eorum Ir Tli Xi lingua ipsorum, hoc est liber homo dicitur. Dicitur et Vlucham, quod sonat magnus dominus sive magnus imperator, Vlu enim magnus, Cham vero dominus et imperator est. Eundem aliqui magnum canem dixerunt et male interpretati sunt, quia Vlucham non significat magnum canem; Cham etenim cum aspiratione dominum aut imperatorem et cam sine aspiratione cruorem et nunquam canem sermone Thartarorum designat. Produnt itaque et referunt Thartari, quod quaedam vidua concepit et peperit filium nomine Cingkis, et, cum filii ipsius, tanquam

---

a Изд. 1521 г.: Kosanska.

adulteram necare voluerunt, finxit et excusavit se non ab homine, sed a radiis solis concepisse. Cui figmento filii credentes matrem liberam dimiserunt. Natus ergo eius Cingos vel Cingkis, homo sortis humilis, crevit in virum magnum et fortem. Et is fuit primus propagator et sator imperatorum Czahadaiorum seu Zauolhensium. Huius filius fuit Iocucham, gentilis et paganus. Iocucham genuit Zaincham, tertium imperatorem, qui in orbe terrarum et maxime in Polonia, Hungaria ei Russia dicitur Bathy. Iste destruxit Gotthiam et Russiam et vastavit Poloniam, Slesiam, Morauiam et Hungariam, prout a principio dictum est. Idem Bathy fuit gentilis primum, tandem sectam Machometi persuasus cum Thartaris suscepit, quam in hanc diem tenent et sequuntur. Quartus imperator ex Bathy genitus fuit Temir Kutlu, et interpretatur ex thartarico felix ferrum: Temir — felix et Kutlu — ferrum: erat siquidem felix et bellicosus. Iste est ille Temerlanes in historiis celebratus, qui totam Asiam vastavit et usque ad Aegiptum pertransiit. Iste imperatorem Turcorum Pesaitem primum conflixit et captivatum catenis aureis alligavit et post in brevi dimisit. Iste habuit exercitum duodecies centena milia. Fuit et alius princeps Thartarorum eo tempore, Aksak Kutlu, quod in latino sonat claudus vel claudum ferrum, quoniam claudus erat, sed ferox. Is multa bella feliciter gessit et civitatem magnam in terra Czahadai, id est Thartarorum Zauolhensium, nomine Kumumedczar expugnando desertavit et in solitudinem redegit. Stant domus illius civitatis muratae vacuae et ecclesiae olim Gotthorum tricente in ritum machometicum et mesquitas, absque habitatoribus redactae. In castro illius civitatis fit sepultura imperatorum Zauolhensium. Quintus imperator ex Temir Kutlu progenitus fuit Temir czar. Iste, ut dicitur, per Vitoldum, ducem Lithuaniae et Vladislaum, regem Poloniae, in auxilium contra cruciferos Prussiae evocatus fortiter pugnans ferro occubuit. Sextus imperator ex Temir czar genitus fuit Machmet czar. Ex isto genitus est Achmet czar septimus imperaror, et achmet sermone Thartarorum exponitur componibilis. Achmet genuit Sziachmet, octavum imperatorem. Sziachmet sonat quasi religiosus Achmet, et Thartari cognominant ipsum Sachmet, quod est martirisatus Achmet, quia per Lithuanos captus detinetur in Kowno incarceratus. Iste evocatus per Albertum, regem Poloniae et per Alexandrum, magnum ducem Lithuaniae in solatium contra Mendligeri, imperatorem Przeko-

pensium Thartarorum, anno domini millesimo quingentesimo venit sub hiemem cum sexaginta milibus pugnatorum, mulieres vero et pueri fuerunt supra centum milia. Et quia hiems fuit horrida intensique frigoris, coniunx eius per imperatorem Przekopensem clam vocata, frigus et inediam non ferens, in Przekop a Sziachmet, marito suo, cum magna parte exercitus fugit. Itaque Sziachmet militibus diminutus et intensissimo frigore pressus, per Mendligeri Przekopensem oppugnatus, disiecto eius exercitu conflictus est et cum tricentis equis versus Baizetum, Turcorum imperatorem fugit. Cumque in Bialygrod, quod sonat Album Castrum, iuxta mare Ponticum pervenisset, intellexit se captivandum mandato imperatoris Baizet. Idcirco praepeti cursu retro cum qninquaginta equis fugit et in campos prope Kiow evasit. Capitaneus vero Kiouiensis per exploratores de ipso certior redditus circumdedit eum cum suis et captivavit in Vilnamque Lithuanis misit, unde alquotiens fugerat et consecutus, comprehensus et reductus est. Alexandro autem, rege Poloniae et magno duce Lithuaniae, conventionem generalem in Brzesce Rutenorum agente advenit mandato eius Sziachmet ex Vilna et magnifice per regem Alexandrum ad unum miliare in obvium sibi eunti susceptus est. Deinceps in Radom per Polonos, ut reduceretur in Thartariam trans Volham conductis aliquot milibus armatorum levis armaturae, decretum est. Et ut competentior reductio et a suis laudabilior susceptio fieret, premiserunt Kazak Soltan, fratrem germanum Szachmet. Qui trans Volham pervenit et cum Albugerim czar, patruo Szachmet, in Czahadai terra eorum connata moratur. Szachmet vero pro expeditione armatorum in Lithuaniam transiens suggestione Mendligeri, Przekopensis imperatoris, captivatus est denuo per Lithuanos et in Kowno, quod est castrum iuxta mare Balteum, detrusus ac incarceratus est. Vere Szachmet, id est martirisatus, a suis nuncupatus.

Capitulum nonum. Quod gentes Scithiae inquietae sunt et semper rapaces.

Non possunt Thartari in quiete vivere, quin semper vicinos impetant ac invadant, praedamque ex spoliis hominum et pecorum abigant et reportent. Et hoc commune est omnibus hordis Thartarorum ab exordio et ingressu eorum in hanc

diem. Unde pauca pro multis exemplifcando: anno domini millesimo ducentesimo quinquagesimo quarto ingens Thartarorum exercitus ex multis legionibus conflatus et per gentes Rutenorum atque Lithuanorum adauctus, cum ducibus Thartarorum Nogay et Thelebuga post festum sancti Andreae in terram Sandomiriensem advenit transiensque[a] glacies induratas fluvii Vislae tam civitatem, quam ecclesias eius incendit castrumque, in quod universa Sandomiriensis regio cum uxoribus, pignoribus ac fortunis confugerat, cinxit et illud nocte et interdiu expugnavit, sed, cum non praevaluisset, duces Russiae Vasilko et Leo, filii Danielis, regis Russiae, dolose suaserunt omagium et subiectionem praestituros propter securitatem. Quod Sandomirienses fecerut. Thartari autem fide violata clamore valido et concursu invecti in castrum, omnes crudelibus suppliciis truculentissime enecaverunt. Fluxitque sanguis occisorum de colle arcis, tanquam quidam rivus in Vi lam. Alios vero homines occidere fastidientes, tanquam gregem, cumulatos in Vislam impulerunt et submerserunt. Effusique e Sandomiria Thartari ducatum praebentibus Rutenis in Cracouiam venientes et eam vacuam habitatoribus reperientes in tecta et valitudinarios sevierunt tribusque mensibus grassati, nullam resistentiam passi onusti praeda in Thartariam reversi sunt. Praeterea apud Cracouiam puer natus, vix semestris, mirabile dictu, articulata voce Thartaros venturos et Polonorum capita praecisuros praedixit. Cunctis trementibus interrogatus, an ipse etiam Thartarorum adventum timeret, respondit plurimum sese timere, cum inter alios suum caput essent praecisuri. Et ecce sub intensissimis frigoribus et densissimis nivibus ferocissima gens Thartarorum famem sedatura ducibus Nogay et Thelebuga primum in Lublinensem et Masouiae, expost in Sandomiriensem, Siradiensem et Cracouiensem oras in numero locustarum venit.

A castro et civitate Sandomiriensi cum ignominia et strage militibus, qui in praesidio erant, strenue tutantibus repulsi plures ecclesias, monasteria et munitiones obtinuerunt et ncenderunt. Ad Cracouiam autem in vigilia nativitatis Christi applicantes et eam expugnare adorsi aliquot insignes eorum amiserunt ululatuque edito ab ea discesserunt et depopulationem

---

[a] В изд. 1517 и 1518 гг.: p e r g l a c i e s.

cum spoliis longius extenderuut. Dux Lestko Niger de viribus suorum militum diffidens in Hungariam cum Griffina, sua coniuge, secessit. Et Thartari grassantes ad Alpes Pannonias et ad Slesiam pervenerunt.

Terris itaque praedictis spoliatis, sacerdotibus, lactantibus et senibus trucidatis cum ingenti praeda hominum ac pecorum abscèsserunt, quam apud Vladimiriam Russiae partientes viginti unum milia de virginibus dumtaxat nondum nuptis computaverunt, ex quo multitudo caeterorum virorum et feminarum poterit estimari.

Eodem fere tempore Thartari per Cumanos inducti Hungariam caedibus et spoliis usque ad Pest vastaverunt et in ea ab octava Epiphaniarum usque ad festum Paschae commorati sunt. Item eodem anno Thartari imperium Constantinopolitanum invaserunt et plurimis hominibus trucidatis multa loca desertaverunt.

Unde ex his liquet, quod Thartari nunquam sine spoliis vivunt et quod vicinas gentes turbant et invadunt, veluti istis annis Thartari Przecopenses saepenumero Valachiam, Russiam, Lithuaniam et Moskouiam affligunt. Thartari vero Nohaienses et Kosanenses Moskouiam iuvadunt et spoliis atque caedibus implent.

Tractatus secundus.

Gapitulum primum. Quae gentes quaeve natio habitat in Scythia, quae nunc Thartaria vocatur.

Cum sunt tricenti et sex anni, quod Thartari ingressi occupaverunt Sarmatiam Asiaticam seu Scythiam, pulsaret forsan quempiam dubitatio, quaenam gentes inhabitarunt praefatam Sarmatiam Asiaticam, et nunc et priscis temporibus Scythiam appellatam. Ad hoc ex praecedentibus facile est secundum historias respondere, quoniam Gotthi illas terras tempore adventus et ingressionis Thartarorum incoluerunt, a vicinis Polowci nuncupati, quod sermone Slauorum, Rutenorum et Moskouitarum rapaces et spoliatores sonat, quia tunc Gotthi, quemadmodum nunc Thartari, tanquam canes venatici, vicinas invadentes nationes molestabant et spoliabant.

Sed altius exordiendo dicamus, quod, secundum Ptolomeum Pheludianum in .II. Quadrupertiti, angulus aquilonis septemtrionalis, ubi nunc resident Thartari, est de partitione trianguli signorum septemtrionalium aereorum dominaturque in eo Saturnus cum signo Aquarii, qui reddit praefatum angulum ferocem et horrendum secundum incolas eius, sic enim inquit idem Ptolomeus. Qui in confinibus terrarum Sarmatiae et terrae Ascardae conversantur, Aquario et Saturno assimilantur. Unde maioris sunt crudelitatis, qualitatesque animarum suarum ferocissimae. Haec ille. Malignae siquidem est influentiae ille falcifer Saturnus et humano generi infestissimus, suis contrariis qualitatibus frigiditatis et siccitatis semper contrarius. Ex illo ergo angulo consurrexerunt et usque in hanc diem insurgunt nationes rigidae et crudeles, humanum genus perturbantes, secundum quod Ieremias primo capitulo dixit: Ab aquilone pandetur omne malum super omnes habitatores terrae. Quod cui placeret examinare, manifestissimum et verum, quia divinum oraculum, apparebit. Ibi enim historiae et Ptolomeus in loco praeallegato tradunt mulieres, quae Amazones dicuntur, habitasse, illis temporibus terror mundi. Nam fragilitate sexus abiecta plures terras vexaverunt Asiamque Minorem occupaverunt et Ephesum, famosam urbem construxerunt.

His deletis et exterminatis successerunt aliae nationes, Scythae communiter nuncupatae, orbi terrarum ut saepe molestae. Tandem supervenerunt Gotthi, qui et Getae vocantur, quorum captivi a Graecis et comicis eorum Geta et a Dacia Dauus et Dacus, tanquam slavi et servi tenti et nuncupati fuerunt. Hi longo tempore possederunt illas terras, civitatesque et castra muraverunt, praeda tamen, ut semper, vixerunt, donec ex Iuhra a finibus septemtrionalis Scythiae supervenerunt Iuhri, qui postea Hugni,[a] deinde Hungari sunt dicti. Hi Gotthos sui multitudine presserunt et expulerunt, ut reffert Orosius libro .VII., civitates tamen et quaedam castra non obtinuerunt.

Gotthi pulsi alienas sedes intraverunt primumque Alanos, Roxolanos, Rutenos ei Vandalos eiecerunt. Tandem iuxta mare Ponti commorati, Bulgariam, Traciam et imperium Constantinopolitanum invaserunt. Quos Zeno imperator perhorrescens et

---

[a] Во всех изданиях здесь и ниже Hugui, но в Chronica Polonorum (1521 г.) — Hugni.

suspectos habens, ad Italiam liberandam de manibus Odoacri Eruli misit, prout infra dicetur.

Vandali vero et Alani vagi a Constantino Magno sedem petierunt et pro mansione Pannonias acceperunt, de his specialiter inferius tangetur.

Iuhri autem multiplicati per flumina magna transeuntes, ut fertur, per venatores cervam sequentes ducti et animati, terras Russorum intraverunt et Pannoniam propere aggressi sunt praeficientesque eis Attilam In ducem fere toti Europae molesti fuerunt.

Deinceps Gotthi, qui super remanserant, pace oblata multiplicati sunt et Thartaros invasores imo et exterminatores, prout in principio huius operis diximus, acceperunt.

Haec summarie de habitatoribus Sarmatiae Asiaticae dicta sunt, in sequentibus autem amplius et particularius dicetur.

Capitulum secundum. De Gotthis.

Gotthi de Scythia pulsi partim in Taurica insula et iuxta eam iuxtaque mare Ponti commorati sunt, partim vero cum Ragaso rege eorum plus quam ducenta milia Italiam invaserunt, et cum Roma tremeret et tantam potentiam expavesceret, multitudo eorum in aspero montis Fesulani iugo inedia consumpta est. Captusque et in vincula coniectus est Ragasus rex, exercitus vero, tanquam pecudes disiectus, trucidatus et venundatus est.

Hi autem, qui circa Tauricam et Pontum sederunt, biffariam divisi sunt et, qui cum duce Alarico ad occasum in Italiam et Galliam profecti sunt, Vissigotthi, id est occidentales Gotthi vocati sunt; qui vero cum principe Frigiderno in locis suis ad mare Ponti permanserunt, Ostrogotthi, hoc est orientales Gotthi sunt appellati. Exinde apertum et manifestum est, unde Ostrogotthi et Vuisigotthi dicti sunt. Patet etiam, quod Gotthi sub rege Daciae in Gotthia degentes, frivole et inepte eis nomina Ostrogotthorum et Vuisigotthorum appropriant, cum non de ipsis, sed de his, quos diximus circa Pontum et Misiam commorantibus, et illis ad Gallias transeuntibus orientales et occidentales Gotthi primum et vere dictum sit. Illi autem in Gotthia in septemtrione ad oceanum in terra algidissima haud in oriente degunt maleque et absurde aliena nomina

eis usurpant. De hoc vide Paulum Diaconum liber .XVI. capitulum .II.

Orientales quoque Gotthi Misiam et Traciam caeterasque Constantinopolitani imperii provincias ingressi sunt. Quos imperator expavescens et ab imperio Constantinopolitano semovere cupiens cum Theodorico, rege eorum, ad liberandam Italiam contra Odoacrum misit. Hi per Seremium et Pannoniam gradientes, cum prope Aquilegiam circa fluvium Soncium se suaque iumenta reficerent et pabularent, Odoacrum cum grandi exercitu venientem et eis oppugnationem inferentem fuderunt. Qui fugiens Romam pervenit et quia clausas ei portas reperit, retrocedendo ad Rauennam cucurrit. Quem Theodoricus obsidione cinxit et post triennium cum eo compositione facta dolo occidit totique Italiae dominatus est. Qui autem reges Gotthorum in Italia, Gallia et Hispania fuerunt, defacili ex historicis colliges, quoniam de his non est mihi intentio principalis scribendi.

Iuhris autem sive Hungaris de Sarmatia Asiana in Pannoniam abeuntibus reliquiae Gotthorum auctae et multiplicatae sunt, quas Thartari ab oriente supervenientes in toto deleverunt, sed et civitates castraque demoliti sunt, ut solum in Taurica insula residui reperirentur. Verum Ianuenses ex Italia Theodosiam seu Caffam, urbem famosam, in Taurica insula sub ipsis obtinuerunt et coloniam fecerunt. Tandem Thartari de familia Vlanorum, de quibus infra dicetur, per portam septemtrionalem insulam ingressi totam cum oppidis, pagis et campis occupaverunt ducibus de Mankup, qui generis et linguae Gotthorum fuerunt, dumtaxat castrum Mankup retinentibus. Postremo Machomet .VIII., imperator Thurcorum, avus moderni Selambeci imperatoris, Tauricam insulam comprehendit, Caffam expugnavit, Thartaros Precopenses seu Vlanos cum toto Chersoneso omagiales sibi fecit et ultra insulam ad septemtrionem castrum Azow in ripa Tanais incastellavit et in hunc diem Thurci tenent. Binos quoque duces et fratres de Mankup, unicos Gotthici generis ac linguagii superstites ac spem gregis Gotthorum prolificandorum, gladio percussit et castrum Mankup possedit.

Sicque Gotthi penitus, tam circa Sarmàtias, quam in Italia, Hispania et Gallia extincti sunt nec eorum geneologia peramplius comparet.

Capitulum tertium. De Alanis, Vandalis et Sueuis.

Alani fuere gentes in Alania, regione Sarmatiae Europianae flumini Tanai contiguae et conterminae. Et est regio plana sine montibus, paucas simositates et colles habens. Caret colonis et habitatoribus, quoniam ab invasoribus eiecti et dispersi in alienis provinciis consumpti et extincti sunt. Stant campi Alaniae late profusi, tam Alanis, quam advenis possessoribus orbati ac deserti. Dumtaxat interdum Kazaci eam pertranseunt, quaerentes, ut moris eorum est, quem devorent. Kazak Thartaricum nomen est, kozak vero Rutenicum, valens in lingua latina servilem, stipendiarium, grassatorem seu reytteronem: spoliis enim vivunt, nulli subiecti gregatim latissimos et vacuos campos tres, sex, decem, viginti, sexaginta etc numero percurrentes. Crescit in illa terra calamus aromaticus uberrime, tatarskee zielee[a] a Polonis nomine a Thartaris mutuato nuncupatus, quoniam non longe a Thartarorum regione crescit et multiplicatur.

Ast Vandali sunt et fuerunt populi Germaniae, ut suis traditionibus celebrant Plinius, Suetonius Tranquillus et Cornelius Tacitus, secus flumen Vandalum, a regina eorum in libamen et sacrificium diis suis pro victoria ex inimicis adepta sponte in ipso submersa appellatum; hoc flumen Istula et Visla vocatur.

Ut autem de Vandalis completior historia refferatur, accipiendum est, quos Slaui ex Iauan, filio Iaphet, per Helisam procreati sunt. Noe siquidem genuit Sem, Cham et Iaphet. Iaphet vero Iauan quartogenitum et fratres eius. Iauan iuxta mare Ionium et Egeum Graecos edidit et multiplicavit simul et Heladicos seu Eolios Slauosque per filium suum Helisam propagavit; a Iauan enim Ionium mare dictum est; Hebrei quoque Ionios et Graecos lingua eorum Iauan vocitant. Haec est sententia Iosephi de filiis Noe.

Slaui itaque mox post Graecos ad occidentem terras possederunt, Seruiam, Rasciam, Dalmaciam, Misiam, Bulgariam, Bosnam, Croaciam, Pannoniam et Slauoniam. Fuerunt autem principes Lech et Czech duo fratres,[b] Iauan nepotes, de femore Helisae descendentes, Croaciam ac Slauoniam, per Krupam, fluvium rapidum et velocem, disterminatas, sorte cum cognatione et familiis eorum inhabitantes, regiam locumque principalem

---

[a] Издания 1517 и 1518 гг.: Tatarskye zele. [b] Изд. 1517 и 1518 гг.: bini fratres.

suae residentiae in Psari castro ac villagiò eius nominis tenentes; villa usque in hodiernum diem cum suo nomine Psari permanet ad fluenta Krupae, plures iubaiones[1] et colonos nostro evo etiam linguagii Slauonici habens. Castrum vero demolitum, solas ruinas et fundamenta arcis demonstrat.

Cum autem ex multiplicatione hominum et geneologiarum Dalmacia, Croacia et Slauonia eas non comprehendentium saepenumero iurgia et caedes inter fratres, principes et cognatos pullulabant, quapropter praefati duces Lech et Czech vitando pessima facinora, parricidia et mortes hominum, animo concordi et consilio salubri collectis rebus et gentibus eorum per familias et colonias cum tota supellectili, quantulacumque tunc habebatur, relictis sedibus nativis ad occidentales diverterunt regiones exploratum ire et percontari novas sedes. Sciebant namque orientales meridionalesque regiones colonis et habitatoribus occupatas atque reffertas et iccirco frustra eas aggrediendas et quaerendas. Profecti itaque pervenere[a] in Morauiam et Bohemiam et lustrata universa ea regione, vasta quidem et nondum culta, perspecta et aura eius salubri et gleba fertili fixerunt tentoria in monte, qui Rzip dicitur, coepitque Czech, frater minor, loci amenitate delectatus, a maiori natu germano suo Lech plurimis instantiis petere terras Morauiae et Bohemiae in hereditatem suam posterumque suorum perpetuandas et populandas. Lech autem ad obeundam et nutriendam benevolentiam fraternam condescendit votis petitionibusque Czech et valedicens processit cum suis versus orientem et septemtrionem. Deveniensque in terras incultas, a nemine unquam habitatas Slesiae et Maioris Poloniae suos suaque omnia exposuit et firmavit. Multiplicatique Lechitae, qui et Poloni, in his locis Maioris Poloniae et Slesiae creverunt deo volente in maximo numero et impleverunt Vandaliam, id est Poloniam, iuxta flumen Vandalum, qui nunc Visla nominatur; impleverunt Pomeraniam, Cassubiam et totam regionem secus mare Germanicum, ubi nunc est Marchia, Lubek et Rostok, usque ad Vestphaliam. Sortitique sunt varias nominationes, secundum varietatem locorum, quae inhabitarunt; et hii, qui

---

[1] Вероятно, вместо ivagiones, т. е. кметы (см. Ducange: „ivagiones — villani, homines servilis conditionis. Leg. Polon. a Prilusio collectae, pag. 455: „...Kmetones seu ivagiones...")

[a] Изд. 1521 г.: pervenire.

penes fluvium Sueuum Teutonice [a] Spre seu Sprewa dictum, commorati sunt, Sueui nuncupati, et alii iuxta eos Burgundi a casis et acervis, quos lingua sua Polonica b r o g i i [b] vocant, appellati sunt; sicque de reliquis: Drzewianie et Trawianie[c] a copia lignorum et graminum nomina perceperunt.

Tempore autem imperatoris Augusti, ut reffert Bergomensis in Supplemento, Burgundorum octuaginta milia ex septemtrione venientes ripas Reni insederunt, quos Drusus et Tyberius, nepotes Octauiani, ut reffert Paulus Orosius, expulerunt et repedare in connatas sedes compulerunt. Tandem Drusus Renum et Albim fluvios transeundo pugnavit (Albis fluvius est per Bohemiam et Misnam usque in mare Germanicum decurrens, Labia in Bohemico nuncupatus) et in Sueuos et Burgundos incidit, quibuscum cruentissimam pugnam egit cum victoria, sed victor Drusus in eodem proelio per ferocissimam Sueuorum gentem necatus occubuit et in Moguntiam relatus sepultus quievit. Exinde Caesar Octauianus, ut mitescerent sub mitiori coelo, Sueuos, ut inquit Suetonius Tranquillus, traduxit in Galliam atque in proximis Reno agris collocavit, ubi urbs Augusta in honorem imperatoris Augusti structa est. Qui translati in hunc diem Sueui a priori patria et Vindelici a linguagio Vindelicorum atque Slauorum nominantur, ipsaque urbs Augusta — Vindelicorum Augusta dicitur. Haec refferunt praefatus Suetonius Tranquillus et Martinus in sua Martiniana, parte. II. sub descriptione Caesaris Augusti.

Tametsi Sueui de provincia eorum, cis mare Germanicum sita, educti fuerunt, alii tamen Poloni, Vindelici et Slaui subintraverunt et illam regionem repleverunt. Unde tempore Valentiniani imperatoris, ut dicit Orosius et Bergomensis in Supplemento, Burgundi iterum ex septemtrione de terra Vindelicorum surgentes ad Rodanum fluvium pertransierunt et, quia pacifice illas terras coluerunt, a vicinis eorum intacti Burgundiam ex suo nomine vocatam constituerunt. Sed Vindelicos circa Lubek, Rostok, Mekelsburg et fluvium Sueuum imperatores Henrici, tanquam gentiles, Christum colere nolentes, expugnaverunt. Sicque ad extremum Henricus .III. devictis praedictis gentibus Theutonicos in eorum loca induxit et locavit. Reffert

---

[a] Изд. 1517 и 1518 гг.: S u e u u m, n u n c i n T h e u t o n i c o.
[b] Изд. 1517 и 1518 гг.: b r o g y. [c] Ibid.: D r z e u y a n y e e t T r a u y a n e.

quoque historia eiusdem Henrici tercii, quod quatuor reges Vindelicorum capti, diebus festis et diebus coronationis suae, lebetes et caldaria in ignominiam eorum ad coquinam eius ferebant. Verum tamen verum usque in hodiernam diem perdurant Vindelici seu Slaui in illis locis circa Lubek, Rostok, Misnam et Marchiam, non in urbibus, sed in pagis et villagiis, praecipue hi, qui Sarbi et Vindae vocantur. Permanent et nomina Polonorum atque Vindelicorum prisca in nominatione locorum, castrorum et civitatum, nam Lubek, Rostok, Mekelsburg etc nomina sunt Polonica.

Capitulum quartum. Continuatio de Vandalis, Alanis et Sueuis.

Expulsi Alani e suis sedibus ad Vandalos declinaverunt et simul Pannoniam intraverunt ipsamque quasi sexaginta annis inhabitarunt. Postea rem publicam Romanorum invadentes Gallias afflixerunt et exinde, ut relferunt historici, ad Vandaliam seu Poloniam redierunt et usque ad tempora Stiliconis commorati sunt. Intuleruntque, ut ex quibusdam signis coniicio, immensam multitudinem argenteorum cum figura et effigie Adriani imperatoris, prout titulus et superscriptio ostendit. Quam monetam in hanc diem est reperire apud Polonos secus decursus aquarum et illuvia pluviarum et in campis in cultura agrorum, vocantque eam ruricolae denarios sancti Ioannis Baptistae propter expressam imaginem capitis et colli ad similitudinem capitis sancti Ioannis in disco. Tempore autem Honorii imperatoris Stilicon, comes Romanus, cupiens filio suo Eucherio apicem et culmen imperii conquirere, Vandalos, Sueuos, Alanos et Squados concitavit ad arma et ad perturbandum dominium Romanorum, qui in Galliis debacchantes divina et humana pessundarunt atque destruxerunt. Deinde Gotthis cedentes Hispanias penetraverunt et nunc has, nunc illas terribili mente afflixerunt. Deinde ad Affricam occupandam per Bonifacium, principem Romanum, evocati transierunt et illam ferro et igni vastantes conquisierunt.

Primo itaque anno Graciani, puta anno domini tricentesimo octuagesimo primo et deinceps super Vandalos de regno Poloniae exeuntes regnavit Modigisilus annis triginta. Post hunc filius eius Gundericus in Hispaniis annis .XVI. Hic capta Hispali, cum manus in ecclesiam ipsius civitatis extendisset, a de-

mone correptus interiit. Cui Gensericus frater successit, ut reffert Paulus Diaconus, ab Hispaniis ad Affricam transiens cunctam pene Affricam ferro, flamma, rapinis crudelissime devastavit, fidem catholicam impietate Arriana infectus subvertit, episcopos exulavit. Sub hoc turbine, teste eodem Paulo Diacono et Possidonio, beatus Augustinus, episcopus Hipponensis, ne suae civitatis ruinam cerneret, expletis annis vitae suae septuaginta sex migravit ad Christum. Deinde Gensericus Carthaginem invadit atque capit, cum validissimo exercitu ex Affrica advectus Romam spoliat, multa milia captivorum cum regina Eudoxia et duabus filiabus in Carthaginem duxit, quam Transamundo, filio suo, in matrimonium copulavit; Campaniam et Apuliam flammis consumpsit, Capuam et Nolam pari ruina stravit. Inter has procellas vir piissimus Paulinus, Nolanae urbis episcopus, pro cuiusdam viduae filio sese in servitutem tradidit. Regnavit Gensericus annis quadraginta octo. Eo mortuo successit Honoricus, filius eius, qui effugatis amplius quam .CCCXXXIIII. catholicis episcopis et ecclesiis eorum clausis plebem variis suppliciis affecit et quidem innumeris manus et linguas abscidit, illis tamen expeditissime loquentibus, ut reffert beatus Gregorius in .III. libro Dialogorum et Paulus Diaconus in Gestis Romanorum. Tandem iudicio dei perculsus, scatens vermibus miserabiliter expiravit. Post hunc Guntamundus novem annis regnavit. Post quem Trasamundus, qui .CCXX. episcopos in Sardinia exilio relegavit. Deinde anno domini quingentesimo vigesimo regnavit Hildericus, filius eius, ex Eudoxia, filia Valentiniani imperatoris a Genserico captivata, genitus. Hunc pater Trasamundus ad mortem veniens sacramenti nodis astrinxit, ne unquam in regno suo catholicis consuleret. Qui mox patre mortuo, antequam regnum susciperet, omnes catholicos ab exiliis iussit revocare et episcopis ecclesias reformare, regnavit annis octo. Hunc Gilimer perimens[a] annis quinque post eum regnavit, qui tantae crudelitatis fuit, ut nec parentibus parceret. Tandem Belissarius patricius a Iustiniano imperatore missus est ad Affricam, qui magnas copias Vandalorum fudit regemque eorum Gilimerum vivum capiens cathena argentea vinctum Iustiniano Constantinopolim misit. Sic Vandalorum regnum in Affrica destructum est.

[a] Изд. 1521 г.: pertimens.

Habes ex praedictis, quod Vandali, Sueui et Burgundi fuerunt de regno Poloniae; a locis Poloniae, quae inhabitarunt, appellationem et nomina sortiti, linguam et sermonem polonicum profitentes et loquentes. Habes secundo, quod praefati populi Vandali, Sueui et Burgundi — Germani et non Sarmatae neque Scythae fuerunt. Ideo Sigilbertus, Vincentius in Speculo Historiali et caeteri antiquiores incôncinne et iniuste Scythas fuisse scripserunt. Collige tercio, quod praedictae gentes non de Scandia insula, sed de Polonia oriundi partem Europae occidentalem et Affricam perturbaverunt. Unde non recte antiquiores dixerunt eos Scythas ex Scandiuania[a] insula, cum Scythia proprie sit post Tanaim in Asia ad orientem, Scandia vero sive Scandiuania fuit et est ad occasum solis post mare Germanicum in septemtrione Daciae coherens, quam rex Daciae possidet, multis milibus passuum a Scythia distans. Valde ergo indistincte ac impertinenter et iamdictae gentes Alanique, Gotthi et Hugni ab inexpertis de Scandia dicuntur exisse, cum in ea nunquam fuerunt nec eam penetraverunt aut contigerunt. Collige quarto, quod Poloni, Bohemi, Sueui et omnia genera Slauorum post diluvium in hanc aetatem in suis sedibus et connatis regnis permanent et non aliunde supervenerunt, [b]ut reffert Chronica Polonorum et chronica Bohemorum. Et Tacitus Cornelius hoc affirmat in libello de situ et populis Germaniae, inquiens: Ipsos Germanos indigenas crediderim minimeque aliarum gentium adventibus et hospiciis mixtos.[b] Nec est verum, quod fassus est Blondus (salva venia tanti historici, in aliis doctissime scribentis[c], et modernorum sequaciumque eorum), quod Slaui a Tanai et Bosphoro ascenderunt in Iliricum, Dalmatiam et Croaciam, Lech quoque et Czech, principes Polonorum et Bohemorum, ad occidentem diverterunt et terras Vandalorum post egressum ipsorum in Gallias intraverunt, cum Slaui in ipsorum provinciis et principes Lech et Czech in Polonia et Bohemia a diluvio in nostram aetatem permanserunt, permanent et deo favente permanebunt. Verum tamen verum Ruteni cum suis principibus ascenderunt eo tempore et aliis de Russia et Bosphoro in Iliricum et Croaciam et spolia refferebant pinguia nec illic permanserunt. Etiam exeunt de Vandalia seu Polonia ar-

---

[a] Так во всех изданиях. [b—b] В изд. 1517 и 1518 гг. отсутствует.
[c] Во всех изд.: scribentes.

migeri sexaginta milia, nonnunquam centum milia ad oppugnandum hostes nec per hos desertatur regnum Polonorum, cum cives, mercatores et coloni agrorum in oppidis et villagiis intacti permanent absque desolatione, sic quod non sint loca ingrediendi et occupandi exteris, sicut fuit et tempore Honorii caesaris, quando Vandali, pugnatores dumtaxat, exiverant in Gallias. Et adhuc inquiunt historici, quod regressi Vandali, qui primum Gallias affligebant, sedes eorum in Vandalia inhabitaverunt, ergo alii ipsas non occupaverunt. Collige quinto, quod linguagium Slauorum amplissimum est et diffusum, plurimas terras et provincias possidens, veluti sunt Serui, Misii, Rasci seu Bulgari et Bosnenses, Thurco hac tempestate subiugati; veluti sunt Dalmatae, Croatae, Pannonii, Slaui, Carni, Bohemi, Moraui, Slesitae, Poloni Maiores et Minores, Mazouitae, Pomerani, Cassubitae, Sarbi, Ruteni, Moskouitae. Hi omnes Slaui et Vindelici sunt per ampla regna inhabitantes, sed et Lithuani iam slavonisant, Nugardi quoque et Pleskouienses[a] et Ohulci, vide chronicas eorum et cosmographias. Collige sexto, quod cis mare Germanicum Poloni, Sueui et Burgundi consumpti et exterminati sunt per Henricos imperatores, dumtaxat Sarbis et Vindis seu Vindelicis adhuc manentibus, ut expressum est supra.

Capitulum quintum. De Iuhris.

Iuhri de Iuhra, terra Scythiae septemtrionalissima et frigidissima iuxta oceanum septemtrionis, a Moskouia, civitate Moskorum, ad orientem et septemtrionem quingentis miliariis magnis Germanicis distante, ascenderunt et venerunt per terram planam ad meridiem in regionem Gotthorum in Scythia, ubi nunc Thartari Czahadaienses seu Zauolhenses degunt. Presseruntque sui multitudine et eiecerunt Gotthos de Gotthia in Sarmatiam. Cumque coaluissent et pene in infinitum multiplicati fuissent, audientes a venatoribus, qui cervam sequentes transierant flumina Volhae et Tanais, quod esset terra Sarmatarum Europae fertilior et aurae mitioris, coacervatim praefata flumina transnatantes Sarmatas et Rutenos conflixerunt Gotthosque insequentes cum eis in Misia et Tracia bellarunt et eos superarunt. Intrantesque

---

[a] В изд. 1517 и 1518 гг. вставка: Smolnenses.

Pannoniam, solo, vino et regionis ubertate delectati, mansionem in ea fixerunt. Maternum et Detricum, capitaneos Romanorum, cum eorum gentibus aggressi conflixerunt et Materno occiso Detricum in fugam verterunt. Praeterea regem elegerunt et supra se constituerunt, virum vafrum, animosum et strenuum, Attilam nuncupatum, quem Hungari suo idiomate Ethele vocant. Is advocatis et recensitis multis regibus et gentibus Gallias ingressus eas tyranniter et crudeliter vastavit. Et cum ad campos Cathalaunicos, longe lateque patentes devenisset, Ethius patricius cum Romanorum cohortibus, cum Theodorico, rege Gotthorum, multisque aliis gentibus adversus eum accelerabat. Quo comperto Attila aruspices de victoria consuluit, qui inspectis extis superatum iri inferioremque ipsum in illo bello fore dixerunt adicientes, quod maior de inimicis occideretur; putabatque Attila, quod Ethius, supremus dux partis adversae, caderet, aliquo modo de morte ipsius gaudens (terribilis enim visa est ei potentia Ethii) acies ordinavit et instruxit cauteloseque ad vesperum, non in meridie tubas canere iussit et congredi. Ubi numerosissimus populus caesus est et Theodoricus, rex Gotthorum, non Ethius, quod Attila optabat, cecidit et occubuit, Attila videns se victum, se et suos inter currus in medium castrorum recepit (nox enim aderat) praecepitque e sellis equitum in strugem congestis focum accendere, ut si impeteretur, praecipitaret sese in ignem et arderet potius, quam in manus hostium deveniret. Altera autem die Thorismundus, filius Theodorici, regis Gotthorum, ultum iri cupiens necem genitoris, contra Attilam acies instruebat. Ethius vero suspectam habens potentiam Gotthorum, tanquam et Hugnorum, persuasit Thorismundo, ut obmissa pugna ad possidendum solium paternum properaret, ne frater eius regnum praeoccuparet. Quo permotus discessit Ethiusque et omnis exercitus ipsius solutus recessit.

Tunc Attila exhilaratus spes iniquas ultionis coquebat et e loco secedens urbem Remensem obsedit et expugnavit sanctumque Nicasium, eiusdem urbis praesulem, cum sorore eius Eutropia[a] et omnibus civibus trucidavit. Ad Trecas autem cum accessisset, occurrit ei pontifex sanctus Lupus et percontando dixit: Tu quis es? Cui ille: Attila sum, inquit, flagellum irae dei. Et

---

[a] Изд. 1521 г.: Eutorpia.

Lupus arrepto freno equi eius introduxit eum cum suo exercitu in civitatem dicens: Bene veneris, flagellum irae dei. Ille autem cum suis cecitate percussus, ut aiunt, pertransiit urbem in partem alteram pacificus. Mulier autem pauperrima, habens decem filias, timore perculsa de suburbio fugiebat filiam postremo editam et in bimatu natam in sindone ad collum ligata[a] gestabat duasque minorennes puellulas in iumento, quod ante se pellebat, portabat, reliquae filiae circum circa matrem gradiebantur et ambulabant. Hanc cum bellatores Attilae consecuti sunt, filiae eius territae ad matrem concurrerunt. Mater autem stupida et sui incompos viso fluvio properanter currebat volens se praecipitare et in fluvio submergere, sed milites eam insecuti in ripa fluvii rapuerunt et cum filiabus ad Attilam perduxerunt. Quae supplex ad terram procidens graciam precabatur. Cui Attila mis rtus datis pluribus nummis et vestibus liberam cum prole sua dimisit, sed et aliis, qui cum ea adducti fuerunt, propter ipsam pepercit.

Deinceps Attila in Germaniam descendit castraque, oppida et villas eius vastabat, donec audiret, quod Ethius et Gotthi denuo novum militem contra eum pararent. Quo permotus ad Pannoniam abscessit et renovato exercitu vir ultivus in Italiam per Stiriam et Coritaniam properabat. Ab exploratoribus autem certior redditus, quod Ethius et innumerae gentes in radicibus Alpium operirentur eum, declinavit et divertit ad Dalmatiam et His'riam eversisque notabilibus urbibus iuxta mare Adriaticum ad Aquilegiam venit et per triennium obsedit. Et cum victualia obsessoribus etiam in longinquo defecissent militesque prae inedia contra eum murmurarent, coepit iterum obequitare urbem proficiscens, qua parte impeteret eam et dirumperet. Viditque avem, quae cyconia vocatur, pullum suum e summitate arcis rostro in propinquum arundinetum portare, sic consequenter et alium. Et exclamans dixit avem, praesciam futurorum, nosse urbem perditum iri, ideo fugere. Et invalescens contra civitatem cepit eam et more tyrannico omnes, quos in ea reperit, in ore gladii trucidavit. Eo tempore urbs magnifica et praepotens Venetiarum ob metu Attilae exstructa est.

Progrediens autem ad Lombardiam Attila crudeliter afflixit et vastavit eam. Cumque ad Rauennam venisset, advolavit Leo

---

[a] Так во всех изданиях.

papa, obnixe et humiliter supplicans, ut a vastatione urbis Romae et totius Italiae supersederet et cessaret, quod et fecit. Et dum pugnatores eius admirantes adinvicem replicarent, quod Attila neminem timeret, nisi bina animalia, lupum et leonem, de pontificibus, propter quos genti eorum pepercit, parabolam sumentes, respondit Attila maturum virum clericali habitu indutum iuxta Leonem cum gladio bis acuto stetisse et vibrare gladio mortem ei comminasse, nisi pacem redderet petitorem exaudiendo. Abscessit itaque et in Pannoniam rediit celebransque nuptias cum una pulcherrima virgine multum vini hausit et in nocte inter cubandum apoplexia suffocatus centum et viginti quatuor annis aetatis expletis interiit, et sanguis per nares et os ipsius fluxit. Illa nocte Marcianus imperator in Constantinopoli per somnium vidit Attilae arcum fractum: arcubus enim gens Iuhrorum potissime utebatur.

Defuncto autem Attila insurrexerunt inter Hungaros dissensiones, digladiationes et strages, ita ut plures eorum occisi perirent, reliquos cum Chaba, filio Attilae, rex Gepidarum et alii olim Attilae subiecti de Pannonia expulerunt. Qui in Gotthiam per Paludes Meotidas transierunt, tria vero milia ex ei inter eundum de Pannonia segregaverunt se ab eis et in Transsiluania manserunt et, ne a vicinis impeterentur, Siculos, in vulgari eorum Czakle, se nominaverunt. Qui autem trans Meotidas et mare Euxinum penetraverunt, saepenumero reminiscentes fertilitatis abundantiaeque panis et vini ipsius Pannoniae, suis posteris disserebant et narrabant, utque in Pannoniam redirent hortabantur. Factumque est, ut post mortem Attilae anno .CCCI. recensitis pugnatoribus .CC. et .XVI. milibus viam patrum eorum ingressi iuxta Paludes Meotidis per Sarmatiam in Pannoniam pervenerunt temporibus Constantini imperatoris quinti et Zachariae papae, videlicet anno domini septingentesimo quadragesimo quarto. Primumque in Iaziges ascenderunt et illic septem capitaneos elegerunt unicuique eorum propter insultum inimicorum .XXX. milia pugnatorum consignantes et, ut melius ab hostibus tuerentur, septem castra, cuique capitaneo unum assignando, rude et grosse de terra fecerunt et errexerunt, a quibus septem castris in hanc diem terra Septemcastrensis dicitur.

Praeterea miserunt exploratum ire Pannoniam quendam e suis militibus, Kusid appellatum. Is offenso et reperto rege

Pannoniae, Swiatoplug nomine (Slauus hic erat, nam et tota Pannonia terra Slauorum fuit, licet Romani eis capitaneos et armigeros extraneos praeficiebant), ipsum nomine Iuhrorum advenarum praesalutando equum album cum sella et freno deauratis obtulit et parum terrae, aquae et herbae ab eo postulavit, quod rex Swiatoplug concessit. Estimabat enim agricolas fore et tanquam hospites aliquicpiam terrae pro cultura exposcere. Ideo subridens ait: habeant, quantum volunt. Kusid ergo lagenam terrae, alteram aquae Danubii, terciam graminis reportavit et, quae egit, suis exposuit. Iuhri cognoscentes Pannoniam terram feracem et optimam esse, nomine primi praefecti, Arpad nuncupati, Swiatoplug intimaverunt, ut peramplius in terra eorum, pro equo albo, sella et freno deauratis empta, non maneret. Is sero intelligens bellum ei imminere exercitum coadunabat. Iuhri autem festine accelerantes ad regem prope Danubium venerunt et facta pugna Pannonios cum rege eorum profligaverunt. Rex quoque Swiatoplug a facie eorum fugiens in Danubium incidit et aquis vehementibus absorptus periit. At Iuhri Slauos incolas Pannoniae trucidarunt terramque eorum in hanc horam possederunt Slauis undique in finibus Pannoniae remanentibus et habitantibus.

Accipe primo, quod Iuhri a Iuhra, regione Scythiae, de qua oriundi exiverunt, vocati sunt et usque in nostra tempora a Bohemis, Polonis et Slauis Huhri appellantur, ab aliis autem Hugni, tandem et Hungari dicti sunt.

Accipe secundo, quod idem linguagium et loquaela pronunciatioque acuta sunt Iuhrorum in Hungaria et illorum, qui in Scythia in Iuhra degunt. Verum Hungari in Pannonia christicolae sunt et politiores abundantioresque in omnibus, Iuhri autem in Scythia usque huc idolatrae sunt et agrestes.

Accipe tercio, quod Iuhra septemtrionalissima est absque altissimis et inaccessibilibus montibus, nec tantis, ut sunt Alpes iuxta Italiam, neque sicut montes Sarmatici. Non recte ergo quidam historici tradiderunt dicentes Hugnos exisse de provincia eorum, de montibus maximis et inaccessibilibus. Enimvero sunt montes in Iuhra cum densis silvis, patentes et bene permeabiles, quantitatis mediae et altitudinis, petrosi et saxosi, quales sunt per totum septemtrionem in fine terrae iuxta oceanum septemtrionis. Et scias, quod ex oceano septemtrionis quidam pisces, idiomate Moskouitarum m o r s s nun-

cupati, in summitatem montis mari adiacentis scandunt et dente fricando se in ascendendo appendunt de culmineque montis deorsum in partem alteram prolabuntur et cadunt. Quos Iuhri et caeteri incolae septemtrionis capiunt dentesque eorum, qui ponderosissimae sunt gravitatis, in Moskouiam mittunt et post ad Thurcos et Thartaros, de quibus manubria et tenacula ensium, framearum et cultellorum faciunt, ut impetuosiores ictus gravitate adiuvante impellant.

Accipe quarto, quod montes Riphei et Hyperborei non sunt in rerum natura non in Scythia, non in Moskouia, nec usquam locorum, et cum fere omnes cosmographi asserant Tanaim, Edel seu Volham, Dzwina et magnos fluvios ex praedictis montibus effluere, conficta conficte et potius fabulosa inexperti scripsere. Fluit Tanais, Volha et maxima flumina ex Moskouia, de terra plana, scenosa[b] et nemorosa, nullis montibus obsita, prout de Moskouia, cum perventum fuerit, dicam,[c] si deus annuerit.[c]

Reverendissime domine praesul! Hic est baratrum profundissimum propter clarissimos scriptores, montes Ripheos et Hyperboreos ponentes. A quorum contradictione tua amplissima dignitas me tueatur et defendat pro omnibus argutis rationibus experientiam rerum opponendo, ut, qui non credit, videat et experiatur, quod ita est, quemadmodum dixi.

Accipe quinto, quod Iuhri in Iuhra Schithiae non colunt agros, non seminant, non habent panem, vinum aut cerevisiam, degunt miserrime, in silvis et foveis subterraneis,[d] piscibus vescendo et carnibus ferarum, quarum copiam habent, et aquam bibunt, pellibus induuntur ex diversis animalibus in unum consuendo, pellem lupi, cervi, vulpis, marduris etc. Misera ergo regio est sub polo artico, ut dixit Hippocras in libro De regionibus, aere et aqua. Subiecti sunt duci Moskouiae et pendunt pro tributo pelles sabellorum, scismorum et similium, quoniam aliis donativis carent.

Accipe sexto, quod aliqui famosi cosmographi et historici in illo angulo ad mare septemtrionis temperatissimas regiones confinxerunt, in quibus propter temperiem et auram placidissimam beate et diutissime vivant, donec tedio affecti de mon-

---

[a] Изд. 1521 г. г.: summitate. [b] Вместо coenosa. [c—c] Ibid. отсутствует. [d] Изд.` 1517 и 1518 гг.: subterratis.

tibus sese in oceanum praecipitent. Hoc totum fabulosum est: qualis etenim beatitudo sit non habere panem, merum et caetera delectabilia? Qualis temperies est continuum frigus, quod illic est, pati, in solstitio hiemali perpetuam et continuam noctem sentire, in solstitio vero aestivo permanentes et parum tepentes soles videre? Sed haec obmitto.

Accipe septimo, quod in Iuhra et locis septemtrionis non effoditur aurum, argentum nec aliae minere, nec correspondet fabulae, quod illic essent griffi et magnae aves prohibentes fodere et efferre aurum. Unde secundum hoc dico, contrarium auctoribus antiquis, quod griffi[a] non sunt in rei veritate in illa parte septemtentrionis nec in aliis partibus orbis. Affertur autem ad nos avis quaedam rapina vivens quantitatis aquilae, sed alis et cauda prolixioribus, quam aquila, in similitudinem accipitris et vocant eam Moskovitae krzeczot, nostri vero homines vocant ipsam bialozor, quasi albicans splendor, quia subalba est secundum ventrem. Hanc omnes aves, accipitres, falcones et caeterae rapto viventes intantum metuunt, quod inspecta ea tremunt, cadunt et extinguuntur.

Accipe octavo, quod in septemtrione post Gotthiam, Sueciam, Filandiam, Iuhram et post mare Caspium non sunt monstrosi homines, scilicet monoculi, bicipites, canina capita habentes etc, sunt nobis similes, rare, sparsim et abinvicem distantes, pauci numero habitantes; colore, ut frequenter, lividi propter frigus lividitatem corporibus eorum imprimens. Haec vera sunt, et, qui scripsit, verum scripsit et scimus, quia verum est testimonium eius.

Tractatus tertius. De successiva Thartarorum per familias propagatione.

Capitulum primum. De Thurcis.

In praecedenti tractatu disgressivo diximus de quibusdam nationibus ante adventum Thartarorum Sarmatiam Asianam seu Scythiam per tempora et tempora inhabitantibus, scilicet de Amazonibus, de Scythis, de Gotthis et Iuhris seu Hugnis. Con-

---

[a] Изд. 1521 г.: Griffes.

sequenter dicemus de validis gentibus ex Thartaris Czahadaiensibus originaliter disseminatis, quales sunt Thurci, Vlani seu Thartari Przekopenses et Thartari Kosanenses, item Thartari Nohaienses, et primo de Thurcis pauca dicamus,

Post adventum Thartarorum ex oriente in terram Gotthorum, quam ipsi Czahadaiensem vocant, anno quasi nonagesimo, quidam miles magni Cham nomine Othumannus,[a] sortis humilis et fortuna tunc obscurus, viribus tamen corporis robustus et audax, propter certas, ut ei videbatur, iniurias, e Thartaris in quadraginta equis secedens coepit occulte in Capadocia montes et aditus oportunos occupare et ex oportunitate loci et temporis praedas agere. Ad quem plurimi grassatores, ut fit in huiusce genere hominum confluxerunt et coaluerunt vehementer, ita ut, quod prius occultis insidiis egit, palam et pari Marte tunc coepit oppida, civitates et gentes invadere et occupare. Et quia non reperit resistentes, ipse celer, manu audax et dexteritate fortunatus, per terrores, cominationes et per aliquarum civitatum direptiones occupavit et possedit Capadociam, Pontum, Bithiniam, Asiam Minorem, Pamphiliam et Ciliciam. Itaque ex ipso familia Othumanorum sive Thurcorum originem duxit, quia ab aquilone pandetur omne malum super universam terram.

Quod autem Thurci propago et soboles sit Thartarorum, idemtitas morum, loquaelae et pugnandi demonstrat. Nam habitum modumque equitandi et curte insedendi, sagittis quoque et arcubus pugnandi eundem habuerunt et nunc ut plures habent cum Thartaris. Sermonem etiam et linguagium Thartarorum connatum habent: non differt loquaela Thartarus et Thurcus nisi modice, velut exemplariter diceretur, sicut Italus et Hispanus vel Polonus et Bohemus.

Othumano ex humanis rapto filius eius Archanes[b] secundus rex Thurcorum succesit, audacia et ambitione patri haud absimilis, sed disciplina rei familiaris longe peritior. Quo factum est, ut dominium et imperium a patre coeptum suapte industria auxerit et conservavertt. Deinde tertius rex subsecutus est, filius Archanis, nomine Ammurates. Hic Graecis dissentientibus, et imperatore Trapesuntino et Constantino de imperio certantibus

---

[a] Изд. 1517 и 1518 гг.: Otumanus. [b] Ibid.: Arcanes.

in adiutorium per Trapasuntinum imperatorem precio evocatus et in Traciam per Hellespontum traiectus, vafer et astutus eventum belli prorogavit atque protraxit, donec Graecis viribus et diviciis fractis et enervatis occasione habita in eos arma vertit et Traciam occupavit. Eo defuncto Pesaites quartus rex, filius eius[a] surrexit, qui rerum[b] maximarum cupidus Macedoniam, Tessaliam, Phocidem, Boetiam, Atticam sui iuris effecit Bulgarosque et Illiricos assiduis excursionibis debilitavit[c] et suburbia egregie urbis Constantinopolitane spoliavit[c] et civitatem obsidione atque fame intantum excruciavit, ut imperator Constantinopolitanus ad Italiam et Galliam auxilium mendicaturus profectus sit. Sed deo disponente Temir Kutlu, magnus Cham Thartarorum, quem historici Temerlanem dixerunt, affligendo et, tanquam fulgur, Asiam pertranseundo incidit in Pesaitem, praeparatum et occurentem ei. Quem profligavit et captivatum catenis aureis alligavit et abduxit brevique dimisit, qui paulo post obiit. Post hunc quintus rex, Alpinus appellatus, regnavit. Adversus istum Sigismundus, Hungariae et Bohemiae rex ac Romanorum imperator, copiosum duxit exercitum collatisque signis tumultuose fusus castra reliquit et parvo navigio vix per Danubium turpem sibi invenit salutem. Amplius, sextus in ordine rex Thurcorum, Machumetes tributa gravia imposuit excursionibusque fines sui imperii dilatavit. Praeterea sublato Machumete morte filius euis Ammurates secundus regnavit. Hic Tessalonicam, urbem illustrem evertit, Cyprum et Etholiam subegit, Tribalos, Illiricos et Hungaros vastavit; Vladislaum, Poloniae et Hungariae regem, inprimis feliciter pugnantem, ultimo congressu ad lacum Varnensem Ioanne Huniad cum Hungaris e proelio secendentibus superavit et misere cum suis occidit. Elatusque victoria Peloponesum vi cepit et muros Isthmi[d] Corinthiaci funditus delevit. Vita denique functus Machumetem filium, octavum regem, reliquit, qui Constantinopolim anno Christi millesimo quadringentesimo quinquagesimo tertio die ultimo maii post obsidionis quartum et quinquagesimum diem summa vi et extrema oppugnatione cepit. Peram subinde, opulentissimum oppidum per deditionem demolitis muris accepit Bulgariaque et Rascia potitus Smyderow, magnificum castrum

---

[a] В изд. 1517 и 1518 гг. eius нет. [b] Изд. 1517 г. ошибочно rex.
[c—c] В изд. 1521 г. нет. [d] Изд. 1517 и 1521 гг. ошибочно — Ischini.

Rasciae, supra Danubium situm, adeptus est et ex eo Dalmaciam et Croaciam in solitudinem redegit, Stiriam quoque et Austriam penetravit. Deinde Nigropontum sub Venetis expugnavit, Theodosiam, nunc Caffam nuncupatam, in Thaurica insula Ianuensium coloniam, una cum praefata insula expugnavit et comprehendit binosque principes de castro Mankup, ut fertur, postremas Gotthorum reliquias, gladio percussit et Mendligeri, imperatorem Thartarorum in praedicta Chersoneso Thaurica, sui iuris fecit. Moldauiam et Valachiam vastavit et cum Venetis sedecim annis continuus pugnavit. Cum Husacassan, rege Persarum, similiter continuum bellum gessit, saepe victus, nonnunquam et ipse victor fuit. Obiit prima die maii anno domini millesimo quadringentesimo octuagesimo primo, in Constantinopoli sepultus. Pro ipso Thurci Baissetum, filium eius, ad imperium assumpserunt, Zeliabus vero, minor natu filius Machumeti, indignatus ad Soldanum Aegypti recurrens et exercitum comparans cum Baisseto infeliciter pugnavit et ad Rodienses fugit. Quem magister ordinis Rodiensis captivum in Franciam misit et postea Alexandro papae .VI. obtulit. Carolus[a] autem, rex Galliarum, ad Apuliam consequendam per Romam transiens, Zeliabum a domino papa per contractum accepit et inter eundum veneno an fatiga itineris, incertum est, extinxit. Expugnavit autem Baissetus, nonus rex Thurcorum, Kiliam et Album Castrum in Moldauia, Modon quoque insulam et urbem eiusdem nominis sub Venetis vi et obsidione conquisivit. Cum Sophi, rege Persarum, saepe pugnavit et quasi semper succubuit. Dum autem senuisset, et filius ipsius Selimszabeg,[b] quem nostri homines Selembeg vocant, imperium sub eo arripuit, et Baissetus ad insulam, in qua nutritus erat, deductus brevi occubuit. Decimus rex Thurcorum, Zelembeg modernus, surrepto imperio fratres suos necavit et extinxit. Deinde minax christianis, praecipue Pannoniae bellum inferre proposuit. Deus autem ompipotens excelso suo iudicio adversus eum Sophi, regem Persarum, concitavit et aliquot praeliis conflictum superare concessit.

[c] Postea Selinus, qui et Selembeg, Siriam expugnavit et Aegyptum ingressus Alkair, maximam urbem, apprehendit et Soldanum, dominum Aegypti, occidit.[c]

---

[a] Изд. 1517 и 1518 гг. ошибочно Ludovicus. [b] Изд. 1521 г.: Selimbasseg. [c—c] Только в изд. 1521 г.

Tribus autem imperatoribus postremo dictis Constantinopolis sedes imperii, quondam secunda Roma dicta, domicilium assiduum factum est, ita ut a circumsitis incolis, praesertim a Slauis, non Bisancium nec Constantinopolis, sed Czarzow dom[a], id est domus caesaris diceretur. Et est Constantinopolis triquetrae figurae duobus angulis mari adiacens, tercio campos prospectans. Eius ambitus decem octo miliaria Italica continet. Non habet grandia palatia, nisi termas et scholas philosophancium magnifice noviter constructas, templum vero sancti Sophiae, hoc est sapientiae dei, qui est Christus, vera sophia patris, egregie olim edificatum per Machumetem, imperatorem secundum Thurcorum, deiectum est et stabulum ferarum factum. Roma vero Italiae—rotundae figurae, ambitu murorum triginta duo miliaria continet, fere duplo ambitum Constantinopolis excedens et habet septem colles et palatia praeciosa.

Capitulum secundum. De familia Thartarorum Vlanorum sive Przekopensium.

Altera soboles et geneologia ex Thartaris Zauolhensibus derivata est Thartarorum Vlanorum, ab Vlano, invasore insulae Thauricae cognominata. Vlan puella est et virgo, et quia Vlanus de virgine vel puella genitus est sine legitimo thoro, Vlanus nuncupatus est suisque posteris in Chersoneso Thauricano nomen indidit. Etiam virgines impregnari et concipere absque viro apud Machometistas nullum miraculum est, cum apud ipsos hoc saepius contingat et praedicetur.

Est autem Thauricana insula inter Paludes Meotidas longitudinis viginti quattuor miliarium, latitudinis vero quindecim miliarium. Habet tres civitates, Solat, Kirkel et Caffam, et duo castra Mankup et Azow. Solat Thartari appellant Chrim et caesarem Przekopensem exinde Chrimensem imperatorem vocant; et civitas illa domus exiles habet et est deserta pro maiori parte. Alia civitas minor est Kirkel et supra eam in rupe alta est castrum ex lignis et argilla erectum. In hac rupe, ut fertur, draco commorabatur et trucidabat homines et iumenta, propter quem incolae fugientes habitationes propinquas vacuas relique-

---

[a] Так в изд. 1517 и 1518 гг., в изд. 1521 г.: Czarzuow dom.

runt. Et quia Graeci ac Italici insulam inhabitantes gloriosam dei genitricem Mariam praecati sunt, ut eos a dracone liberaret, viderunt successu temporis candelam ardentem intra rupem, inciderunt ergo et secuerunt gradus ascendendi in rupe et pervenientes ad candelam ardentem, imaginem sanctissime genitricis Mariae conspexerunt, coram qua lumen arsit, draconemque desubtus per medium ruptum iacentem. Egerunt itaque gracias de tam miranda liberatione et draconem in frusta sectum proiecerunt extra rupem. Et quia incolae glorificantes beatam virginem ad imaginem eius ascendebant veneratum, Acigeri, caesar Przekopensium, contra fratres suos pugnans, exemplo eorum motus supplicavit beatae virgini Mariae, ut eum adiuvaret, votum vovens, quod virginem benedictam remuneraret. Nam Machometici venerantur beatam Mariam, profitentes eam virginem absque thoro virili magnum prophetam Iesum benedictum concepisse et peperisse. Cumque adiutus superaret suos emulos, binos equos, quos habuit meliores, vendidit et exinde cera emta maxima duo lumina sive candelas fecit et ante imaginem coram ardere quotannis iussit, quod in hanc usque diem per subsequentes imperatores continuatur. Tercia civitas est urbs Theodosia, nunc Caffa dicta, quam expugnavit sub Ianuensibus Machumetes secundus imperator Thurcorum, castrum vero Mankup, quod est versus occasum a Caffa, praefatus Thurcus Machumetes vi accipiens binos fratres principes et dominos castr Mankup (ut dicitur reliquias ultimas Gotthorum) gladio occidit Azow quoque castrum, circa hostia fluvii Tanais situm, incastellavit, et Thurci usque nunc tenent.

Thartari vero Vlani ab ingressu insulae in campestribus eius, ut est innata consuetudo Thartarorum, degunt, et extra insulam idem campestria Sarmatiae Europianae iuxta Paludes Meotidas et mare Ponti usque ad Album Castrum occupando possident. Ingressumque in insulam seu introitum ad occasum solis fecerunt aggerem de terra longitudinis unius miliaris in modum pontis sternentes, rude tamen et semiplene, ita ut aquae maris in aliquibus locis aggerem pertranseant. Insula ergo antiquitus Thaurica dicebatur, nunc vero Przekop, quod sonat f o s s a t u m, quoniam aquae circumdederunt eam et protegunt, tanquam fossata aquis plena civitates. Sed haec hactenus.

Videamus deinceps geneologiam. Post Vlanum in Thaurica regnavit Tachtamis czar, qui una cum Vitoldo, duce Lithuaniae,

contra fratrem suum Temir Kutlu czar, imperatorem Zauolhensem, pugnavit et superatus est. Ex Tachtamis czar filius eius Szidachmet czar regnare voluit, sed Adzikerei[a] czar expulit eum et ipsemet pro eo regnavit. Szidachmet autem pro auxilio in Lithuaniam perrexit et captivatus per Lithuanos cum uxore et filiis in castro Kowno incarceratus est, ibi cum coniuge et filiis mortuus in diebus Kazimiri tercii, regis Poloniae et magni ducis Lithuaniae. Defuncto Adzikerei czar, quia septem filios reliquerat, senior filius, Haider nominatus, obtinuit imperium. Mendligeri vero, unus ex praefatis filiis, ad imperatorem Thurcorum confugit et accepto subsidio et uxore a Thurco dispersit et eiecit Haider et Iamurci cum aliis fratribus. Hii ad Iwan Vasilowicz, Moskouiae ducem, fugerunt, qui suscepit eos et ducatum Kosanesem eis donavit. Ex Mendligeri czar novem filii nati sunt: primus Machmet Kerei, alter Achmet Kerei, tercius Machmut Kerei, quartus Bethi Kerei (et est submersus, dum praedam ageret per fluvium in Valachia anno domini millesimo quingentesimo decimo), quintus Burnas Kerei, sextus Mubarek Kerei, septimus Sadech Kerei, octavi et noni nomina non teneo. Nunc pro patre suo regnat Machmet Kerei czar.

Et scias, quod, licet Thartari Przekopenses magis civiles mitioresque ratione aurae sexti climatis, quod inhabitant, deberent esse, tamen non deseruerunt priscam suam rapacitatem et ferinam crudelitatem, sicut bestiales, qui campos et silvas inhabitant et non civitates nec villas. Invadunt enim singulis annis, vastant et depraedantur Russiam, Lithuaniam, Valachiam, Poloniam et quandoque Moskouiam.

Capitulum tercium. De Thartaris Kosanensibus et Thartaris Nahaiensibus.

Tercia horda Thartarorum Kosanensium nuncupata est sic a castro Kosan supra flumen Volhae circa metas Moskouiae situm, penes quod commorantur. Et exiverunt de principali horda omnium Thartarorum, videlicet de Thartaris Czahadaiensibus sive Zauolhensibus, sicuti et caeteri Thartari omnes. Habet autem praedicta Kosanensis horda quasi duodecim milia pugnatorum, in necessitate autem, quando advocant alios Thar-

[a] Изд. 1517 и 1518 гг.: Acikerei.

taros, ad triginta milia bellatorum constituunt. Istorum principes et facta eorum geneologiaque non scribuntur, quoniam omagiales sunt ducis Moskouiae et pendent ex arbitrio eius in vivendo, in bellando et duces sibi eligendo. Iccirco, quod de Moskorum principe dicetur, de ipsis poterit accipi et adaptari.

Quarta horda recens et nova, ultimo ex Thartaris Zauolhensibus orta est Occassorum sive Thartarorum Nahaiensium. Nam postquam Occass, insignis servus et miles magni Cham, habens triginta filios, occisus est, filii secesserunt a capitali horda Zauolhensium et iuxta castrum Sarai degere coeperunt ante hunc annum Christi millesimum quingentesimum decimum septimum circiter septuaginta annis vel paulo minus, subitoque in immensum creverunt, intantum ut hac tempestate numerosissima et maxima surrexit horda ipsorum. Isti sunt septemtrionaliores et frigidiores omnium Thartarorum, Moskouiae a parte orientali adiacentes et saepenumero eam invadentes atque spoliantes. Dominantur inter eos filii et nepotes Occass, non habent peccuniam nec monetam, sed res pro rebus vendunt, puta pro servis, pro filiis, pro pecoribus et iumentis.

Liber secundus.

Tractatus primus. De descriptione Sarmatiae Europianae superioris.

Capitulum primum. De Russia, de districtibus eius, de abundantia et contentis in ea.

Postquam diximus de Sarmatia Asiae, quae Scythia vocitatur, restat dicere de Sarmatia Europiana, et in ea primum occurrit Russia, olim Roxolania dicta. Latus eius orientalis adiacet flumini Tanai et Paludibus Meotidis, secernentibus Asiam ab Europa. Priscis autem seculis Alani habitarunt ad flumen Tanais, deinde iuxta illos ad meridiem Roxolani. Hae autem gentes in toto deletae perierunt, campique latissime patentes spectantur deserti, solis feris et Kosacis seu praedonibus pervii, prout supra dictum est. Post hoc supersunt reliquiae Circassorum versus meridiem et sunt gentes ferocissime et belicosissime, genere et lingua Ruteni. Deinde est castrum, Oczarkow nuncupatum, quod imperator Thartarorum Przekopensium extruxit, in dominio Lithuanorum et post quasi duobus miliariis ab Oczarkow in meridiem sequitur Dzassow: et fuit castrum, quod ante tempora nostra demolitum est. A Dzassow in Bialygrod, quod Thurci occuparunt, sunt sex miliaria. Sequitur Podolia ad occasum, Moldauiae et Valachiae contermina ad meridiem, ad orientem vero campis Thartarorum et Tauricae insulae. Haec est terrarum fertilissima cererisque et mellis feracissima. Nam agro rude culto et parum inverso atque exarato frumentoque superseminato tribus annis sponte frumentum germinat, ita tamen quod colligendo tempore messis segetem aliquicpiam granorum permittatur in terram decidere ad surgendum ex eis frumentum in anno sequenti sine cultura et sine agri aratura. Gramen quoque et pascua tam cito ac uberrime fundit et

prodit, ut particam in tribus diebus supercrescendo contegat et aratrum in locis graminosis derelictum in paulo pluribus diebus graminibus sepiat et cooperiat. Examina vero apum non solum in mellificiis et arboribus cavatis mellificant, verum in ripis et terra sponte mella reponunt. Contigitque saepenumero, ut examina apum supervenientia et priores apes exterminantia ruricolae advolantia agmina apum trucident aut in aquis mergant, ut quae praefuerunt, hereditarie mellificarent et manerent. Postea ad montes Sarmaticos habitat genus Rutenorum, quibus praesident nobiles Polonorum in Kolomya, in Zydaczuow, in Sniatin, in Roatin, in Busko etc. Sub eisdem montibus sunt districtus Haliciensis, olim Gallicia dictus, et Premysliensis, et inter montes Sarmaticos districtus Sanocensis. In medium Russiae tenendo est Leopoliensis terra et urbs in ea bene munita, eodem nomine nuncupata, habens duo castra, superum et inferum, et est metropolis Russiae. In septemtrionem sunt districtus Chelmensis et Luceoriensis et Belzensis terraque in medio iacens.

Clauditur autem Russia a meridie Sarmaticis montibus et flumine Tiras, quem incolae Niestr appellant. Ab oriente finitur Tanai et Meotidibus Tauricaque insula, a septemtrione Lithuania, ab occasu vero Polonia. Ex Moskouia autem advenit Boristenes, ab incolis Dinepr nuncupatus, famosus fluvius, per Lithuaniam et Russiam currens et sub Smolensko et sub Kiow labens. In hunc ab occasu circa Chmielnik oppidum consurgens Boh, non exiguus fluvius, illabitur et, cum mensus esset Boristenes quasi tricenta miliaria Germanica, in mare Ponti cadit.

Amplius terra Russiae cum sit fertilis, abundat melle et medone, potu ex melle facto, adducitur et vinum ex Pannonia et vinum ex Moldauia atque Valachia, quibus adiacet, sed et vinum ex Graecia et est forte; etiam cerevisiam ad nutum habet. Abundat equis, bobus et ovium gregibus, abundat cera in maxima copia, abundat pellibus mardurum, scismorum, vulpium et boum. Abundat fluminibus, quibus irrigatur, et aquis pisculentis ita, ut ubi aqua invenitur, et pisces in ipsa reperiantur: non impiscantur stagna et piscinae Russorum, sed ubicumque aquae reperiuntur, illic et pisces de rore caeli, ut aiunt, demittuntur absque hominum cura et impiscatione. Suntque in districtu Leopoliensi lucei magni et laudabiles et in petias, tanquam in

lamina, divisibiles. Abundat Russia calamo aromatico in terris versus Tanaim et Paludes Meotidas. Item reupontico in eisdem terris et in Lithuania, sic et pluribus herbis ac radicibus alibi non visis. Abundat tota terra Russiae granis tinctorum, quae copiosissime excrescunt, et cum priscis temporibus ad Ienuam et Florentiam urbes Italicas importarentur, nunc vix aliquid de eisdem colligitur fereque in toto frustrata et non collecta pereunt. In districtu Chelmensi rami pini arboris desecti et in terra iacentes in anno aut in duobus in saxa et silices vertuntur. Estque ibi creta seu terra alba in copia, quae ad nos ducitur; est et sal, quod in lacu Kaczybeio temporibus siccis colligitur, et quia prope est Oczarkow, castrum Thartarorum, intercipiuntur et captivantur interdum per Thartaros ductores salis una cum plaustris ducentis quandoque et tricentis. In terra quoque Przemysliensi et in Drohobycz sal coctum et in bolos[a] ac portiones collectum reponitur.

Praeterea in Russia sunt plures sectae: est enim religio christiana, Romano pontifici subiecta, et illa regit et praevalet, quamquam sit exigua numero. Est altera secta Rutenorum amplior, quae ritum Graecorum insectatur, totam Russiam adimplens. Est tercia secta Iudeorum, non usurariorum, velut in terris christianorum, sed laboratorum, agricolarum et mercatorum magnorum, praesidentque ut saepe theloneis et exactionibus publicis. Est quarta secta Armenorum, praecipue in civitate Camenecensi[b] et Leopoliensi. Hi sunt mercatores peritissimi, ad Caffam, Constantinopolim, ad Alexandriam Aegypti, ad Alkairam et partes Indiae penetrantes et merces afferentes. Ruteni habitu et ecclesiasticis officiis Graecos insequuntur habentque proprias litteras et abecedarium instar et proximum Graecis. Hebrei similiter Hebreorum litteris utuntur et disciplinis, verum etiam artes liberales, astronomiam et medicinam perscrutantur. Armeni suo ritu gaudent et litteris. Inter sanctos colunt plus Thadeum apostolum, asserentes, quod eos converterit et fidem Christi docuerit. Deinde et Bartholomeum, sanctum dei apostolum, venerantur, per quem multos articulos, ut asserunt, de fide acceperunt. Habent magnifica et plurimum decora ecclesiastica apparamenta, planetas et ornatus non

---

[a] Изд. 1517 и 1518 гг.: bolas. [b] Изд. 1517 и 1518 гг.: Kamyenyecensi.

scissos, sed omniquaque rotundos, libros, calices et caetera christianorum veteranorum splendidam supellectilem. Quod autem ad spirituales praesides et pastores christianorum, archipraesul est Leopoliensis metropolitanus Russorum et Lithuanorum, habens sub sua ditione Kiouiensem, Kamenecensem, Przemysliensem, Chelmensem, Luceoriensem et Mednicensem episcopos. Rutenorum vero metropolitanus est Kiouiensis (quae olim metropolis Russiae fuit); habet subiectos wladicas et episcopos de ritu Graeco in Moldauia et Valachia usque ad flumen Histri seu Danubii, unum in Russia Chelmensem, alterum in dominio Lithuanorum Vuladimiriensem, sive Brestensem, tercium Pinski seu Mrowski,[a] quartum Polocensem,[b] quintum Lucensem, sextum Smolnensem,[c] et passim omnes alios wladicas ac episcopos in terris Moskorum et in septemtrionem de iurisdictione Moskorum protensorum. Isidorus, metropolitanus olim Kiouiensis, lingua et doctrina Graecus peritissimus, tempore Eugenii papae quarti ad concilium Florentinum in centum equis iverat et unione ecclesiae Romanae percepta in Russiam redierat; hunc Moskouitae obedientiam Romanam eis praedicantem spoliaverunt et in necem extremam impulerunt. Sequuntur Ruteni doctores et theologos Graecorum, praecipue Basilium Magnum, Gregorium Nazansenum et Ioannem Chrisostomum. Gregorium Nazansenum eorum sermone b o g o s l o w nuncupant, quod in latino sonat laudans deum. Acceptant et nostrum sanctum Gregorium, papam Romanum, praecipue in libris Moralium, quem translatum legunt et lingua eorum b i e s i e d n i k, quod valet concionantem, persuadentem vel praedicantem, vocant.

In ecclesiis Rutenorum lingua Seruiorum, quae est Slauonica, divina celebrant, legunt et cantant, in ecclesiis Armenorum sermone Armeno, in sinagogis Iudeorum lingua Hebrea orant. Christiani autem ritu Romano latino sermone cantant, orant et legunt.

Et scias, quod in fluminibus Russiae et Lithuaniae, praecipue in Boristene et Boh, [d]qui dicitur Hypanis,[d] tempore aestatis multiplicantur ephimerae, et sunt vermes et volatilia alata quaternis, interdum senis alis; oriuntur et generantur

---

[a] Так во всех изданиях. [b] Изд. 1521 г.: P l o c e n s e m. [c] Изд. 1517 и 1518 г.г.: S m o l e n s e m. [d—d] В изд. 1517 и 1518 гг. отсутствует.

mane, currunt super aquas et volant super ripas circa meridiem, in occasu autem solis extinguuntur. De his loquitur Aristoteles primo De historiis animalium et in Problematibus, et medici de febre ephimera.

Capitulum secundum. De Lithuania et Samagitthia.

Magnus ducatus Lithuaniae est regio latissima. In ea sunt plures duces Lithuaniae et Russiae, unus autem praeses et monarcha, cui caeteri omnes subsunt, magnus dux Lithuaniae vulgo nuncupatus. Aiunt autem vetustiores et antiquitatum relatores, quod quidam Italici, propter Romanorum dissensiones deserentes Italiam, ingressi sunt terras Lithuaniae et nomen patriae Italia, genti vero Itali, indiderunt; quae per posteros[a] terra Litalia et gens Litali *l* littera praeposita coepit nuncupari. Ruteni autem et Poloni, eorum vicini, maiorem immutationem facientes usque in hodiernam diem terram Lithuaniam, gentes vero Lithuanos appellant.

Hi primum condiderunt oppidum Vilno elevationis poli 57 graduum, et ex nomine ducis Vilii, quocum illas regiones ingressi sunt, Vilno vocaverunt, fluminibus quoque circa ipsum fluentibus Vilia et Vilna ex eiusdem ducis nomine indiderunt nomina.

Samagitthiam autem de suo sermone sic nominarunt, quod lingua eorum terra inferior sonat.

Aliqui autem, ignari historiae, a lituo, quod est cornu et tuba venatorum, eo quod regio illa plures venationes exerceat, Lithuaniam appellare voluerunt, quod ad effectum, non ad historiae originem spectat.

Haec gens Lithuanorum annis superioribus adeo obscura, contempta et vilis apud Rutenos fuit, ut principes Kiouienses ab ea sola perizomata et subera ob egestatem et soli nativi sterilitatem, in signum tantummodo subiectionis exigerent. Donec Vithenen, dux Lithuanorum, rebellionem primum contra Ruthenos inducens et se ipsum ducem inter populares constituens astu principes Russiae aggressus conflixit sensimque adeo crevit viribus, ut iugo principibus Russiae iniecto etiam in tributa eos redigeret sibi pendenda, quae per plures aetates Ru-

---

[a] В изд. 1517 и 1518 гг. pastores.

thenis ipse penderat. Posterique duci Vithenen succedentes furtivis lupinis et subitis incursionibus finitimas gentes Russiae, Prussiae, Mazouiae et Poloniae invadebant et diripiebant, donec fratres cruciferi Theutonici ordinis beatae Mariae, per Conradum, ducem Mazouiae, advocati et in auxilium assumpti, Prussia vi et continuis armis conquisita Samagitthas et Lithuanos aggressi debellare, captivare et opprimere pluribus oppugnationibus coeperunt, tamdiu donec ad Olgerdum et Keystutum, duces Lithuaniae, successive pervenerunt. Fuit autem Olgerdus magnus dux Lithuaniae, cuius filius erat Iagello, postea baptisatus et Vuladislaus nominatus, in regem Poloniae coronatus. Frater autem ipsius Olgerdi fuit Keystuth, maximus expugnator et persecutor christianorum. Qui inter pugnandum cum cruciferis Theutonicis in Prussia ter captus terque astu et mira evasione contra voluntatem cruciferorum liberatus e vinculis fugerat. Huius Keystuth filius fuerat Vitawdus seu Vitoldus, mactae virtutis princeps. Iagello autem, qui postea et Vladislaus, sub treugis pacis captivando Keystuth et filium eius Vitawdum Keystuth in carcere occidit, Vitawdum vero in vincula coniecit. Tandem a cruciferis et christianorum exercitibus saepenumero Iagello pressus, deo miserante, ad Polonos declinavit fideque christiana cum fratribus suis, quos octo in numero habuit, unda baptismatis ablutus et in regem Poloniae coronatus, Heduigim, filiam Ludouici Hungariae et Poloniae regis illustrissimam ac speciosissimam, in consortem accepit, anno Christi 1386 die iouis quarta decima mensis februarii, quae fuit sancti Valentini.

Coepitque praefatus rex Vuladislaus, secundum promissa, vigilare et instare, ut gentem Lithuanicam a tenebris erroris ac idolatria expurgaret. Assumptis quoque secum Bodzanta, archiepiscopo Gneznensi, et pluribus viris ecclesiasticis atque religiosis, item regina Heduigi, Semouito et Ioanne Mazouiae, Conrado Olesnicensi ducibus et complurimis baronibus anno domini 1387 in Lithuaniam intravit et baptisma percipere Lithuanos procuravit. Colebant autem ab origine Lithuani numina: ignem, silvas, aspides et serpentes; ignem, qui per sacerdotem, lingua eorum z i n c z nuncupatum, subiectis lignis adolebatur. Silvas autem et lucos sacrosanctos et habitacula deorum putabant. Aspides vero atque serpentes in singulis domibus, velut deos penates, nutriebant er venerabantur. Rex itaque Vuladis-

laus ignem, sacrum putatum, in civitate Vilnensi barbaris inspectantibus extingui, templum et aram, in quibus fiebat hostiarum immolatio, dirumpi, silvas vero succidi et confringi, serpentes quoque necari praecepit barbaris flentibus deorum suorum falsorum exterminium, contra regem autem nec mussitare audentibus, mirantibus quoque, quod Poloni, sacrorum violatores, ignis, silvarum et serpentium, intacti illesique a diis eorum, secus quam ipsimet quotiens violabant, fuerunt. Exterminatis itaque idolis gens Lithuanorum per aliquot dies de articulis fidei et oratione dominica per sacerdotes Polonos, magis tamen per regem Vuladislaum, qui linguam gentis noverat, edocebatur et sacra baptismatis unda renascebatur. Largiente pio rege Vuladislao singulis ex popularium numero post susceptum baptisma ex panno, de Polonia adducto, novas vestes, qua provida liberalitate effecit, ut natio illa rudis et pannosa, lineis in eam diem contenta, fama huiusmodi liberalitatis vulgata pro consequendis laneis catervatim ad suscipiendum baptisma ex omni regione accurrebat. Et quoniam labor erat immensus unumquemque credentium baptisare singillatim, mandante rege multitudo sequestrabatur in turmas et cuneos et universis de qualibet turmarum benedicta aqua sufficienter conspersis cuilibet turmae et universis, qui in ea constiterant, nomen usitatum Petrus, secundae Paulus, terciae Ioannes etc, feminis per turmas divisis Katherina, Margaretha etc, iuxta numerum turmarum, imponebatur. Militaribus tamen specialis[a] impendebatur baptismus. Fundavit insuper rex Vuladislaus in Vilna ecclesiam cathedralem sub titulo sancti Stanislai, patroni Polonorum, principalemque aram in loco, ubi ignis, qui falso perpetuus credebatur, constituit, ut error gentilis fieret cunctis patentior. Constituit etiam in eadem ecclesia Vilnensi episcopum virum spectatae virtutis Andream Vazilo, natione Polonum, genere nobilem de domo Accipitrum, professione fratrem ordinis minorum, olim Elizabeth, reginae Hungariae, confessorem et praedicatorem insignem, episcopum Ceretensem. Eodem quoque Vuladislao rege instante Samagitthia fidem Christi et baptisma suscepit.

Ad cognoscendum autem naturam provinciae et gentis illius animadverte, quod regio Samagitthia est septemtrionalis et ge-

---

[a] Изд. 1517 и 1518 гг.: spiritualis.

lida, Lithuaniae, Liuoniae et Prussiae contermina, silvis, collibus et fluminibus circumsepta, in hos districtus distincta, scilicet: Iragola, Miedniki, Chrosse, Rosena, Viduki, Vielunia, Kelthini, Czethra. Gentes regionis procerae et altae staturae, agrestes et incultae pauco et castigato victu viventes, sitim aqua sedare solitae, raro cerevisia aut medone. Auri, argenti, aeris, ferri, vini in illa tempestate expertes et ignarae; apud quos licitum erat uni viro plures habere uxores et patre mortuo novercam fratreque glotem in uxorem accipere. Nullus illic stubarum, nullus edificiorum nobilium, sed tantummodo tugurii unius usus: ventrem distensum et porrectum, extrema vero habens coartata ex ligno et culmo structura largius ab imo sensim operis incremento edificium in arcius cogitur in carinae seu galeae maxime simifitudinem elaborata; in cacumine fenestra una superne lumen reddens, subter quam focus et cibos parabiles coquens et frigus, quo regio pro maiori anni parte constricta est, repellens. In ea domo se, uxores, pignora, servos, ancillas, pecus, armentum, frumentum et omnem supellectilem condunt.

Gens ad divinationes et auguria proclivis. Praecipuum numen Samagitthicum erat ignis, quem sacrosanctum et perpetuum putabant, qui in montis altissimi iugo super fluvium Newiasza sito assidua lignorum appositione a sacrorum sacerdote alebatur.

Accedens itaque Vladislaus rex turrim, in qua consistebat, incendit et ignem disiecit et extinxit. Succidit deinde per milites suos Polonicos silvas, quas non secus, quam sanctas et deorum habitacula Samagitthae iuxta illud poeticum „Habitarunt dii quoque silvas“ venerabantur in eam caliginem mentis prolapsi, quod et silvae praefatae et aves feraeque, in illis consistentes, sanctae forent et quicquid in illas ingrederetur, ut sanctum deberet censeri, violanti quoque nemus, feras vel alites manus aut pedes demonum arte curvabantur. Maxima itaque barbaros tenebat admiratio, quod Poloni nemus, ritu eorum sanctum, excidentes nulla lesio, qualem ipsi in se frequentius experti erant, sequeretur. Habebant praeterea in silvis praefatis focos, in familias et domos distinctos, in quibus omnibus charorum et familiarium cadavera cum equis, sellis et vestimentis potioribus incendebant. Locabant etiam ad focos huiusmodi ex subere facta sedilia, in quibus escas, ex pasta

in casei modum praeparatas, deponebant medonemque focis infundebant ea credulitate illusi, quod mortuorum suorum animae, quorum illic combusta fuerant corpora, nocte venirent escaque se exsaciarent. Insuper prima octobris die maxima per Samagitthas in silvis praefatis celebritas agebatur et ex omni regione universus utriusque sexus conveniens illuc populus cibos et potus quilibet iuxta suae conditions qualificationem deferebat; quibus aliquot diebus epulati diis suis falsis, praecipue deo, lingua eorum appellato Perkuno, id est tonitru, ad focos quisque suos offerebat libamina. Rex itaque Vuladislaus primum eos Pater noster, deinde Symbolum docuit, quoniam nullus sacerdotum linguam Samagitthicam noverat, et undis baptismatis ablui iussit. Unus autem ex maioribus Samagittharum pro omnibus respondit. „Ex quo, inquit, serenissime rex, dii nostri, veluti inertes et languidi a deo Polonorum deleti sunt, deos nostros et sacra eorum deserimus et deo tuo atque Polonorum fortiori adheremus“. Sicque baptisati sunt.

Rex autem in Miedniki cathedralem ecclesiam sub honore et titulo sanctorum martyrum Alexandri, Theodori et Euantii, in aliis autem locis ecclesias parrochiales fundavit et illis dotem sufficientem consignavit et inscripsit. Mednicensis ecclesiae primus episcopus Mathias, origine Almanus, in Vilna tamen natus, eo quod linguam Lithuanicam et Samagitthicam norat, praefectus est et consecratus.

Contigit autem in prima plantatione, dum Samagitthae per magistrum Nicolaum Vęzyk,[a] fratrem ordinis praedicatorum, regium praedicatorem, per interpretem instruerentur de fide, creatione mundi et lapsu primi hominis Adae, unus Samagittharum sufferre sermonem praedicantis non valens in haec verba prorumpit: „Mentitur, inquit, illustrissime rex, iste sacerdos: asserit mundum creatum fore, cum sit homo non longevae aetatis. Sunt etenim inter nos plures annorum numero seniores eo, centenarium numerum supergressi, qui creationem nullam recordantur, sed solem et lunam caeteraque sidera semper eisdem motibus luxisse refferunt“. Rex autem Vuladislaus iubens eum silere declaravit magistrum Vęzyk creationem mundi non asseruisse in diebus suis incepisse, sed longe ante, puta ante sex milia annorum et paulo plus, ordinatione divina provenisse.

---

[a] Изд. 1517 и 1518 г. г.: Vazik.

Contulit autem rex Vuladislaus Magnum ducatum Lithuaniae et Samagitthiae Alexandro Vitoldo, fratri suo patrueli. Is quia acer et animosus erat pugnando, adiecit Lithuaniae ducatum Pskow, quem Pleskouiam appellant, deinde alterum ducatum Nouogrodiensem, qui Nugardia agnominatur. Tercium ducatum Smolnensem suo dominio apposuit. Factaque in circuitu pace in orientem penetravit et incidens in hordam Thartarorum multitudinem eorum in Lithuaniam appulit ac in certo territorio Lithuaniae locavit, usque in hanc diem permanentem. Congestoque fortiori exercitu iterum in Thartariam perrexit et superatis fluminibus in planiciem diffuse porrectam circa flumen Vorzskla 14 die augusti pervenit. Ibi occurrente ei imperatore Zauolhensi Temir Kutlu, quem scriptores Temerlanem nuncupant, cum infinita ac innumerabili Thartarorum multitudine de treugis et pace utrinque tractabant, concordia tamen nequaquam a Thartaris acceptabatur. Vitoldus igitur a suis persuasus cum custodibus corporis sui retrorsum abiit et in Lithuaniam fugitive rediit, exercitus vero ipsius ab infinita multitudine Thartarorum obrutus in toto deletus est.

Praeterea Sigismundus, rex Romanorum, iaciendo inter Vitoldum et Vladislaum, fratrem eius regem Poloniae, fomitem discordiarum, coronam Vitoldo promisit et in regem Lithuanorum sublimari persuasit. Verum cum afferretur corona per loca tutiora Marchiae et Prussiae, nobiles Maioris Poloniae sese opposuerunt et cum exploratoribus in custodia permanendo in loco, qui Turzagora vocatur, legatos imperatoris Romanorum operiebantur et expectarunt. Illi vero rem infectam cognoscentes terrore perculsi retrocesserunt. Vitoldus autem de hoc certior factus prae tristicia ab antrace inter scapulas orto vitam cum principatu finivit anno domini 1430. Post mortem Vitoldi Vuladislaus Iagello, rex Poloniae, Switrigellum, fratrem suum, in ducem Lithuaniae anulo suo investivit et substituit. Qui, immemor beneficii, contra Vladislaum Iagellonem tumultuavit et bella gessit, propter quod rex Vladislaus principi Sigismundo de Starodup suggessit et commisit, ut ducatum Lithuaniae sub Switrigello surriperet. Apparente igitur comete exili supra illum ducatum dux Sigismundus de Starodup Switrigal expulit et ducatum Magnum Lithuaniae possedit. Hunc Sigismundum Iwan, dux Czartoriensis, genere et secta Rutenus, post aliquos dies occidit. Ingrediebatur siquidem ex consuetudine ursa ad

tabernaculum ducis Sigismundi. Ruteni itaque more ursae hostium tabernaculi fricabant et movebant. Quo audito dux Sigismundus ursam advenisse putando hostia aperuit et a Rutenis vulneribus concisus occubuit. Aeneas de Picolominibus scripsit non hunc Sigismundum, sed Vitoldum, sicut praemissum est, per suos in forma ursae delusum interfectum, sed insciis relatoribus credidit et erronee scripsit. Quemadmodum simili errore ductus plurima de Lithuanis, plurima de Polonis conficta litteris tradidit, posterique historiographi errantem erronee sequentes ipsius Aeueae absurditates et loca atque mores illarum nationum nunquam visa aliter, quam fuit et quam est, tanquam vera, litteris demandare non erubuerunt, cum experientia praeteritorum atque praesentium ipsum et ipsos inexpertes et aliter, quam res habeat, scribentes redarguat.

Successit duci Sigismundo de Starodup Kazimirus, Vladuslai Iagellonis tercius natus, in Magno ducatu Lihuaniae, quem fere quinquaginta annis gubernavit. Sub cuius extremis et ultimis annis Iwan,[a] dux Moskorum, avulsit et sibi appropriavit ducatum Nouogrodiensem, alias Nugardiam seu Nouogardiam nuncupatum. Post Kazimirum in Lithuania dominatus est Alexander, filius eius quartogenitus, cuius temporibus praefatus Iwan, dux Moskorum, principatum Mozaisensem, longitudinis septuaginta, latitudinis totidem miliarium, et castra quadraginta subripuit. Alexandro vita functo Sigismundus modernus in Magno ducatu Lithuaniae suffectus est, sub cuius dominio Vasylo, Moskouiae dux, et principatum Pskow, quem Pleskouiam appellant, et ducatum Smolnensem expugnavit et possedit.

Capitulum tercium. De amplitudine et contentis Magni ducatus Lithuaniae.

Amplitudo Magni ducatus Lithuaniae est talis: a mari Balteo seu Prutenico ad Vilnam, capitalem civitatem Lithuaniae, 60 miliaria, a Riga vero ad Vilnam recto itinere 70 miliaria, eundo vero super Poloczko, ut communiter vadunt, erunt a Riga in Vilnam centum miliaria. Deinde a Vilna in Kiow sunt centum miliaria, a Kiow usque ad confluentia, ubi iunguntur fluvii Dinepr et Boh, quos Graeci Boristenem Maiorem et Minorem appellant,

[a] Изд. 1517 и 1518 гг.: Iuan.

sunt decem diete, quae faciunt 70 miliaria. Ibi steterat castrum Dzassow, quod destructum est, et ibi est finis dominii Lithuanorum, cum prius protendebatur ad Bialg rod, quod Latini Album Castrum nuncupant, et ipsum Thurci expugnarunt et possident, circum circa vero Thartari in campis degunt. Ista est computatio versus meridiem, quinimo verius dicam inter oriens et meridiem. Iterum ex transverso computando: a Parczow et metis Lithuaniae in Vilnam sunt 80 miliaria, sed a Cracouia per eandem viam usque in Vilnam sunt centum et viginti miliaria. A Vilna in Smolensko centum miliaria, a Smolensko in Moskouiam,[a] civitatem Moskorum, centum miliaria, et sunt miliaria Germanica magna.

Prima autem et capitalis civitas in Lithuania est Vilna et est tanta, quanta Cracouia cum Kazimiria, Clepardia et omnibus suburbiis, verum domus non sunt coherehtes, sicut in nostris civitatibus, sed ut saepe mediant orti et pomaria[b]. Habet Vilna duo castra murata, superum in monte, inferum in basso.

Nowygrod vero, quam Latini Nugardiam vel Nouogardiam vocant, fuit de possessione Magni ducatus Lithuaniae, per ducem Vitoldum armis conquisita. Et est Nouogrod in amplitudine paulo maior, quam Roma, in ambitu continet triginta duo miliaria Italica, quae faciunt sex miliaria Germanica, et duo miliaria Italica supersunt. Nowygrod autem continet integra septem miliaria, alias 35 miliaria Italica. Item Nouogrod lignea habet edificia, Roma vero murata. Distat Nowygrod a mari Balteo duobus vel quasi tribus miliariis. Et fuerunt adhucque sunt in ea ditissimi mercatores, intantum quod apud quemlibet mercatorem iuxta refectorium est k r a n c z[c], id est reservaculum loco testudinis, in quod argentum, aurum et res praeciosae conquisitae proiiciebantur absque numero. Unde Iwan, quod sonat Ioannes, princeps Moskorum, anno domini 1479 surripiendo Nowygrod de manibus Kazimiri, Magni ducis Lithaniae, huiusce modi thesauros Nouogrodiensium exhausit et tricentos currus ad summum implendo dumtaxat de auro, argento et unionibus praeciosis in Moskouiam abduxit.

Et quia in eadem Nowygrod perniciosa consuetudo inole-

---

[a] Изд. 1517 и 1518 гг.: in Moskwam. [b] Изд. 1517 и 1521 гг.: pomoria. [c] Изд. 1517 и 1518 гг.: crancz.

verat siccariorum et raptorum saepeque aliquo reo invento vel designato pulsabatur campana praetorii, ubi centum senatores tanquam iudices sedebant, omnes more illius patriae barbam protensam nutrientes; vulgus autem audito sono campanae concurrebat de tota civitate, ita quod quilibet hospes duos accepit lapides sub brachio et filii hospitum similiter. Cumque reus per senatores condempnaretur, lapidibus astantes obruebant et interficiebant eum tumultuoseque ad domum condempnati currentes diripiebant omnia bona occisi et area domus postea vendebatur et pecunia exinde pro republica confiscabatur. Iccirco Iwan, dux Moskorum praefatus, apprehensa et possessa Nowygrod in quinque famosioribus plateis quinque capitaneos cum armigeris constituit ad sedandum et prohibendum solitos tumultus, invasiones et spolia.

Est in Nouogrod castrum, Deczen nuncupatum, in eo principalis ecclesia est sancti Sophiae, id est Saluatoris, et est tecta aureis laminis splendescentibus. Suntque in eadem Nouogrod septem monasteria czyrnkorum, id est nigrorum monachorum de regula sancti Basilii et distant a se invicem fere vel prope per medium miliare. In primo monasterio beatae Mariae virginis sunt mille monachi, in altero sancti Georgii septingenti, in tercio sexingenti, in quarto quadringenti, sic consequenter in aliis monasteriis. Sunt et ecclesiae sanctorum plurimae et solius sancti Nicolai, quem Ruteni inter alios sanctos plus colunt, ecclesiae sunt tot, quot sunt dies in anno.

Habet elevationem poli Nowygrod sexaginta sex graduum et in aestate circa solsticium aestivale post occasum solis apparet lux coeli usque in ortum solis, ut artifices, sartores, sutores et caeteri mechanici suere et laborare possint. Post Nugardiam ad septemtrionem est Suecia et Filandia usque in oceanum septemtrionis.

Pskow, urbs notabilis murata et magna, minor tamen, quam Nowygrod, adiacet Moskouiae et Lithuaniae; hanc Latini Pleskouiam appellant. Inhabitatores ipsius omnes sunt lingua et ritu Ruteni, barbam non radunt et crines capitis non tondunt, habitum vero in toto deferunt Almanicum. Habet terra Pleskouiae triginta castra murata et sunt versus Liuoniam et non sunt tam bona castra in Moskouia neque in Lithuania. Tota autem terra Pleskouiae sexaginta miliaria in longitudinem et quadraginta in latitudinem continet. Vassilo, modernus prin-

ceps Moskouiae, per compositionem et tradimentum seniorum adeptus est et possidet Pskow deposuitque campanam, ad cuius pulsum tota civitas confluebat et iniuriantes opprimebat. Contra pactum quoque et promissa sua abegit wladicam, id est episcopum loci, et plures nobiles ac cives Pleskouiae et locavit in civitate Moskwa et in aliis locis Moskouiae.

Deinceps versus orientem est Poloczko[a] castrum et civitas magna et pertinet ad ducatum Smolnensem,[b] possidet eam Magnus dux Lithuaniae. Post hanc ad orientem est Smolensko castrum et civitas ex roboribus structa et fossis profundis munita. Ipsa autem terra seu ducatus Smolensko continet in longum sexaginta aut septuaginta miliaria Germanica.

Praeterea linguagium Lithuanicum est quadripartitum. Primum linguagium est Iaczwingorum,[c] ut horum, qui circa castrum Drohyczyn[d] inhabitarunt et pauci supersunt. Alterum est Lithuanorum et Samagittharum, tercium Prutenicum, quartum in Lothwa seu Lothihola, id est Liuonia circa fluvium Dzwina et Rigam civitatem. Et horum quamquam eadem sit lingua, unus tamen non plene alterum intelligit, nisi cursivus et qui vagatus est per illas terras. Habuit hoc linguagium quadripartitum tempore idolatriae pontificem maximum unum, quem Criue appellabant, morantem in civitate Romouae a Roma dicta, quoniam hoc linguagium de Italia iactat sese advenisse, et habent nonnulla vocabula Italica in suo sermone. De isto Criue et civitate Romouae in legenda sancti Adalberti, pontificis et martyris legitur. Et scias, quod in Prussia iam pauci proferunt Prutenicum, subintravit siquidem lingua Polonorum et Almanorum, sic et in Lothwa pauci villani profitentur hanc linguam, quia subintravit Almanicum. In Samagitthia autem, quae est longitudinis 50 miliariorum, et in Lithuania, quae in longum triginta miliaria continet, in villis Lithuanicum loquuntur et in magna parte Polonicum profitentur, nam et sermone Polonico sacerdotes eis praedicant in ecclesiis. Insuper scito, quod hoc linguagium quadripartitum totum est de obedientia et fide Romanae ecclesiae, in aliis autem provinciis circumiacentibus, ut in Nowygrod, in Pleskouia, in Smolensko et in meridiem

---

a Изд. 1517 г.: Polocko. b Изд. 1517 и 1518 гг.: Smolensem. c Ibid.: Iaczuingorum. d Изд. 1517 г.: Drohicin; изд. 1518 г.: Drohiczin.

usque post Kiow Ruteni sunt omnes et Ruthenicum seu Slauonicum loquuntur ritumque Graecorum observant et obedientiam Constantinopolitano patriarchae praestant. Amplius sunt in ducatu Lithuaniae Thartari circum Vilnam et habent proprias villas, colunt agros more nostro, laborant et vehunt merces ad mandatumque Magni ducis Lithuaniae omnes ad bellum assurgunt; loquuntur Thartaricum et colunt Machometem, quia Saracenorum sectam profitentur. Insuper sunt Hebrei in Lithuania, praesertim in civitate Troki. Hi laborant et mercantur, thelonea et officia publica tenent de usurisque non vivunt.

Post hoc de fluminibus dicamus. A parte orientali dominium Lithuanorum terminant fluvii Oskol, Iugra, Doniecz, id est parvus Don, et est parvus Tanais; hi et plurimi alii in Tanaim decurrunt. Item ex dominio Lithuanorum post castrum Vesnija, [a] quod dux Moskouiae modernus Vassilo occupavit, ortus est Dinepr seu Boristenes ex terra plana, lutosa ex stagnis in densis silvis et fluit sub Smolensko et sub Kiow tandem emensis quasi tricentis miliariis Germanicis in mare Ponti incidit. Item Vilia alius fluvius triginta miliariis ad orientem Vilnae civitatis ortum coepit et sub castro Vilnensi cum alio fluvio minori, Vilna dicto, (et initium eius duobus miliariis a praefata civitate Vilna computatur) commiscetur unaque ad magnum fluvium Niemen influit. Niemen autem fluvius valde flexuose decurrit, naves defert et merces et post castrum Kowno in mare Prutenicum cadit. Item Dzwina [b] magnus fluvius fontes habet in Moskouia et in dominio Lithuanorum fluit sub castro Vitepsk, deinde sub Poloczko, [c] hostia eius circa Rigam, civitatem Liuoniae, ubi in mare cadit. Et scias, quod quemadmodum in superioribus praemisi, tria magna flumina prope se invicem oriuntur, scilicet Dinepr, Dzwina et Volha; oriuntur, inquam, in locis planis, nemorosis, palustribus, non ex montibus Hyperboreis, non Ripheis, nec aliquibus montibus, qui in natura minime sunt, dumtaxat figmento olim Graecorum, tanquam in rei veritate existerent, gloriose et ampulose praedicati sunt, et quod praefata flumina ex ipsis erumperent ac orirentur per sequaces historicos, cosmographos et poetas inexperte descripti decantatique sunt, cum nusquam compareant, plana

---

[a] Изд. 1517—1518 гг.: Vesnya. [b] Изд. 1517 г.: Dzuina.
[c] Ibid.: Polocko.

siquidem est terra per totum, unde illa ortum ducunt. Et Dinepr, qui est Boristenes, ad meridiem fluit usque in mare Ponti incidens. Dzwina grande flumen ex Moskouia erumpens ad occasum solis per dominia Lithuanorum et per Liuoniam labens iuxta civitatem Rigam in mare Balteum descendit. Volha, maximus fluminum, etiam ex Moskouia oriens, in septemtrionem tendit reversusque in orientem longinque circuit Tanaim, tandem conversus in meridiem per Scythiam seu Sarmatiam Asianam et campos planissimos Thartarorum pervagatus in viginti quinque flumina magna partitus mare Euxinum ingreditur. Distat Tanais a Volha in Thartaria itinere sex hebdomadarum, adminus tribus aut quatuor velocissime currentibus. Sunt et alia in Lithuania et Moskouia multa flumina et stagna magna, parva vero flumina et rivi sine numero in maiora defluunt. Omnia piscosa abundanter, ita quod in illis terris, ubi aqua, ibi et pisces. Et sunt pisces sapidiores et delectabilioris gustus, quam in regionibus nostris; piscinae et fodinae pro aquis et impiscationibus, tanquam inutiles, illic non fiunt.

Amplius in ducatu Lithuaniae panis rusticorum nigerrimus est, non cribratus, ex siligine aut ordeo una cum furfuribus, dominorum vero et potentum panis delectabilis de pura similagine tritici albissimus pinsitur et habetur. Vino carent, nisi quod aliunde ducitur, praecipue vinum Rinense et ex occidentalibus regionibus per mare Germanicum et Balteum adductum alicubi reperitur. Medone et spisso et tenui et vario modo cocto abundant et illo refeciuntur et inebriantur. Cerevisias coquunt diversimode et ex variis granis, puta frumento, siligine, ordeo, avena, milio etc, et non sunt sapidae; vulgus autem ut semper aquam bibit.

Olivae et fructus dulces ac delicati illic non crescunt, algida etenim et frigida est provincia. Armenta habent omnis generis et feras silvarum plus quam in orbe christianorum reperiantur. Saltus, deserta et silvae sunt magnae, decem, aliquando quindecim miliariorum, nonnunquam et viginti quinque miliariorum. Ad latera desertorum et silvarum villae et habitatores inveniuntur. Et iccirco quia magna nemora sunt, magnae ferae et multae abundantissime visuntur et capiuntur: uri et boves silvestres, quos lingua ipsorum thuri et zumbrones vocant, onagri et equi silvestres, cervi, damae, dorcae, capreae, apri, ursi,

mardures, scismi et caetera genera ferarum. Insuper aves abundant et ficedulae, quamvis illic vineae non sunt, advolant et impinguantur atque cum suavitate eduntur. Estque in Lithuania et Moskouia animal voracissimum et inutile, quod alibi non comparet, rossomaka nominatum, quantitatis canis, faciei catti, corporis et caudae, ut vulpis, colore nigrum, cadaveribus vescitur. Inventoque cadavere intantum vorat, ut extendatur et infletur, tanquam timpanum, repertaque angustia stricta inter arbores intrat et intrudit se cum violentia premendo, ut violenter comesta violentius egerat. Sicque extenuatum denuo cadaveri accurrit et ad summum impletur cum vicissitudine expressionis et ad morticinium reversionis, donec totum absumat et devoret. Et forsan natura tam insaciabile animal in illis regionibus producit, ut homines simili voracitate laborantes redarguat. Quoniam potentes, cum convivare coeperint, sedent a meridie in medium noctis continuo cibo et potu sese opplendo et a mensa quotiens natura propellit assurgendo et egerendo, iterum et iterum vorant usque ad vomitum et amissionem discretionis et sensus, tuncque inguinis et capitis quae sunt discrimina nesciunt. Estque illa consuetudo perniciosa in Lithuania et Moskouia, magis vero et absque rubore in Thartaria.

Est etiam in illis terris Lithuaniae, Moskouiae et Thartariae ab origine consuetudo venditionis hominum: servi namque [a] venduntur a dominis suis, tanquam pecora, puerique eorum et uxores, quinimo pauperes homines, libero ventre nati, victu carentes vendunt filios et filias suas, interdum et semet ipsos, ut apud patronos siliquis et grossis cibis saturarentur.

Tractatus secundus libri secundi.

Capitulum primum. De Moskouia.

Moskouia est regio longissima latissimaque. Nam a Smolensko usque ad Mockwam civitatem sunt centum miliaria, a Moskwa ad Volochda centum miliaria, et Volochda est pro-

---

[a] Изд. 1517 и 1518 гг.: servi natura.

vincia, et fluvius per ipsam labens eodem nomine vocatur; a Volochda ad Vsczuga centum miliaria, ab Vsczuga ad Viatka [a] centum miliaria, et ista quadringenta miliaria sunt de regione Moskouiae, er sermo per totum est Rutenicus seu Slauonicus. Ultra praedicta a Viatka ad regionem Permska centum miliaria, inde ad terram Vahulczka triginta miliaria et haec cum Scythia confinat. Et istae provinciae subiectae sunt duci Moskouiae additisque terris ad septemtrionem et orientem ab eodem duce Moskouiae possessis, Iuhra et Corela, quae sunt in Scythia, erunt quingenta miliaria Germanica magna; verum Moskouitae non per miliaria nostra computant, sed per verst et verst est quinta pars miliaris Germanici. Numerant itaque a civitate Moskwa ad Vlodimiriam civitatem decemseptem miliaria Germanica, abinde ad Vsczuh quingenta verst, iterum ab Vsczuh ad Iuhram quingenta verst.

Intra Moskouiam autem sunt multi ducatus. Est ducatus seu terra Moskouiae, de qua triginta milia pugnatorum nobilium ad bellum eggrediuntur, agrestium vero sexaginta milia. Est et ducatus seu terra Twerczka, de qua quadraginta milia armatorum nobilium dumtaxat ad bellum prodeunt. In hoc ducatu capitalis civitas Twerd nuncupatur et est civitas grandis lignea, de lignis edificata. In ea sunt ecclesiae ligneae centum et sexaginta, castrum etiam ligneum est et sunt in ipso novem oracula seu ecclesiae. Principalis est sancti Saluatoris et illa dumtaxat est murata. Sub hac civitate et castro amplissimus fluvius Volha labitur. Ducatus Chelmski, de quo septem milia pugnatorum exeunt, ducatus Zubczowski, de quo quatuor milia armatorum, ducatus Klinski [b], de quo duo milia bellatorum prodeunt, ad terram Twerdensem annumerantur. Item ducatus Kubensis triginta miliaria in longum continens, ducatus Iaroslauiensis quadraginta miliaria de terra habens, ducatus Szuhersiensis viginti miliaria terrae habens, ducatus Szachouiensis triginta miliaria in longum continens, omnes sunt in miliariis Moskouiae in longum computatis. Insuper ducatus Rzezensis, de quo quindecim milia boiarorum seu nobilium armatorum evadunt et fluvius nominatissimus Tanais de ipso oritur. Item ducatus Susdalorum et plures ei adiacentes desolati et destructi sunt per Thartaros. Est et terra Thartarorum,

---

[a] Изд. 1517 и 1518 гг.: Viathka. [b] Изд. 1521 г.: Glinski.

Kozanska horda nominata, triginta [a] milia pugnatorum producens, principi Moskouiae subiecta in campis [a] iuxta castrum Kozan, quod dux Moskouiae possidet et alluitur magno flumine Volha, degens.

Moskwa est civitas principalis satis magna, bis maior, quam Florentia Tusciae, aut bis maior, quam Praga, Bohemiae urbs: Praga dico, quae extat et quam tu vidisti, non Praga, quam quidam novus historicus ficte astruit longissimam trium dierum itinere civitatem, quod fabula est. Verum Moskwa lignea est, non murata, plurimas habens plateas, et ubi una platea finitur, altera non statim incipit, sed campus mediat. Inter domos quoque sepes mediant, ita ut domus subinvicem non cohereant. Nobilium domus sunt maiores, plebeorum vero humiles. Fluit per medium civitatis et sub castro ipsius fluvius eiusdem nominis cum civitate, Moskwa appellatus, et est tantus, quantus Multaua in Praga aut Arnus in Florentia. Castrum autem, quod est in medio civitatis in plano, est castrum bonum, muratum, tantae amplitudinis, ut Buda in Hungaria, habet tria propugnacula et cum his turres magnae simul computatae sunt decem et septem, tegulis latericiis tectae, sed unus murus. In eo castro ecclesiae sunt sedecim; tres muratae, scilicet sanctae Mariae, sancti Michaelis et sancti Nicolai, reliquae sunt de ligno. Palacium ducis in praefato castro est muratum adinstar Italicum, novum, non amplum nec magnum; tres curiae nobilium sunt muratae, aliae domus ligno constructae, stubae omnes nigrae.

Aliae civitates Moskorum sunt minores et castra minora omnia de lignis fabrefacta.

Praeterea terra Moskouiae plana est, boscis ac silvis aquis quoque fluminibus, piscibus et feris, quemadmodum Lithuania, refferta, sed frigidior et septemtrionalior, unde pecudes et pecora parva sunt et mutila absque cornibus quasi semper propter frigus, homines vero procerae, altae et robustae staturae sunt. Bibunt aquam, medonem · et kwassecz, id est fermentatos liquores. Arant et sulcant ligno sine ferramento et arpicant frondibus arborum supra seminata equis tractis; raroque propter intensa et longa gelua segetes maturescunt, ideo messis et sectis frugibus in stubis desicant, maturant et triturant.

---

a—a Изд. 1521 г.: отсутствует.

Saepenumero autem utuntur calefacientibus aromatibus, saepe et sublimatis de aromatibus de melle vel alio calefactorio, ita ut et de avena aquam ardentem sive sublimatum faciant et bibant ad effugandum et repellendum algorem et frigus, aliter ex frigore congelarent. Carent vino et oleo et, ne ebriarentur, princeps terrae prohibet, ne medo aut liquor inebrians in aliqua domo reperiatur sub privatione vitae, nisi bis aut ter in anno ex admissione principis.

Monetam habent argenteam puri argenti, d z i n g i s nominatam, maiorem et minorem, formae oblongae quadrangularem non orbicularem, non politam nec bene planatam. Estque terra dives argento et custodia undique clausa, ut nedum servi et captivi, sed et liberi indigenae et advenae exire absque litteris ducis nequeant. Et haec hactenus.

Flumina in Moskouia sunt plurima, aliqua autem maiora scitu digna enumerabo. Tanais, nominatissimus fluvius, a Thartaris et Moskouitis Don nuncupatus, fontes et originem habet in Moskouia, proprie in ducatu Rzezensi, consurgit de terra plana, sterili, limosa, paludinosa et nemorosa, cumque ad orientem solis processisset usque ad metas Scythiae et Thartariae, declinat ad meridiem et perveniens ad Paludes Meotidas illic hostia tenet et ingreditur. Est tantus Tanais, quantum dicerem triplatum Tiberim post Romam in mare Tyrennum decurrentem, aut quantum Danubium in duplo circa Budam. Et doctrina astrologorum tenet, quod Tanais sit eius longitudinis, cuius Nilus, fluvius Aegypti, puta circa sexaginta gradus longitudinis, et sicut Nilus a meridie ad mare Alexandriae descendit, sic Tanais a septemtrione in Meotidas et mare Ponti defluit. Nec piget repetere, quod supra dixi, alia magna flumina ex Moskouia esse orta, videlicet Dzwina, Volha et Dinepr seu Boristenes. Et cum Moskouia sit regio plana, non montosa, praedicta flumina in distantia non valde longinqua a se invicem ex terra plana, nemorosa et paludinosa oriuntur. Maximusque fluminum ille Volha, in Thartarico dictus Edel, tendens in septemtrionem procedit ducentis miliariis usque ad Nizni Nowygrod[a], quod sonat Inferius Nouum Castrum, et est terra Moskouiae, et illic accurrit et coniungitur magnus fluvius ex media Moskouia procedens, Occa cognominatus. Deinde octuaginta miliariis

---

[a] Изд. 1517 и 1518 гг.: N i s n i N o u i g r o d.

Germanicis Volha sub castrum Kosan, quod dux Moskouiae possidet, tandem sub castrum Sarai, quod Thartari tenent, fluit. Deinceps versus meridiem viginti quinque fluminibus, tantis, ut est Tyberis in Roma, et in aliis multo maioribus influit in mare Euxinum.

Accipiat itaque Reverentia Tua et contra omnes adversantes tueatur et dicat, quod praelibata flumina non de montibus nec de radicibus montium, quoniam ibi montes sunt nulli, oriuntur et fluunt.

Accipiat secundo, quod montes Hyperborei et Riphei, de quibus emanasse ista flumina ab aliquibus fabulose scripta suut, nec in Moskouia neque in aliis partibus septemtrionis sunt. Recteque dicetur confictos fore et nusquam existere, nisi forte in libro scripti aut picti et non in terra reperiri affirmarentur.

Accipiat tercio, quod in dominio Moskorum, quemadmodum et in terris Thurcorum, homines de loco in locum et de territorio in territorium ad incolendum transferuntur et alii pro his commutatim mittuntur et locantur.

Accipiat quarto in Moskouia unam linguam et unum sermonem fore, scilicet Rutenicum seu Slauonicum in omnibus satrapiis et principatibus, sicque etiam Ohulci et qui in Viatka degunt Ruteni sunt et Rutenicum loquuntur, unamque sectam et religionem instar Graecorum tenent, omnesque wladicae, id est episcopi, qui plurimi sunt, patriarchae Constantinopolitano subsunt et confirmationem ab ipso postulantes obedientiam promittunt. Praeter Thartaros Kosanenses, qui ducem Moskorum recognoscentes Machometum una cum Sarracenis venerantur et linguagium Thartaricum loquuntur. Etiam praeter alienigenas ad septemtrionem in Scythia commorantes, qui sermone et linguis propriis loquuntur et idola colunt, prout in sequenti capitulo dicetur.

Accipiat quinto, quod post terram Viatka nuncupatam in Scythiam penetrando iacet magnum idolum Z l o t a b a b a, quod interpretatum sonat a u r e a a n u s seu vetula, quod gentes vicinae colunt et venerantur, nec aliquis in proximo gradiens aut feras agitando et in venatione sectando vacuus et sine oblatione pertransit, quinimo si munus nobile deest, pellem aut saltem de veste extractum pilum in offertorium idolo proicit et inclinando se cum reverentia pertransit.

Capitulum secundum. De regionibus Scythiae: Perm, Baskird, Iuhra et Corela per ducem Moskouiae subiugatis.

Post Moskouiam sunt gentes et regiones inter septemtrionem et orientem in fine Asiae septemtrionalis, quae proprie Scythia dicitur, principi Moskouiae subiectae, per Iwan, ducem Moskouiae, principaliter subiugatae, scilicet Perm, Baskird, Cziremissa, Iuhra, Corela. Perm monosyllabum est: inde terra Permska bissyllabe — Permska pronunciando. Et fuit regio idola colens, quam Iwan, dux Moskorum, citra annos viginti baptisma percipere coegit more Rutenorum seu Graecorum et posuit eis wladicam, id est episcopum, nomine Stephanum, quem barbari post discessum ducis vivum excoriaverunt et necaverunt. Reversusque dux afflixit eos et alium denuo praesulem constituit, sub quo, tanquam novi christicolae, Rutenorum scisma et ritum profitentes permanent. Aliae vero regiones praeexpressae in infidelitate et idolatria persistunt, colunt solem, lunam, stellas, bestias silvarum et quod eis occurrit; habent propria linguagia et idiomata. In terra Permska proprium idioma, in terra Baskirdorum proprium, in Iuhra proprium et in Corela etiam proprium.

In his regionibus non arant, non seminant, panes non habent nec pecunias; feris silvarum, quae apud eos abundant, vescuntur et non nisi aquam bibunt. Morantur in densis silvis, in tuguriis ex virgultis factis. Et quia silvae illas terras contexerunt, homines silvestres et ferinos effecerunt: sunt velut bestiae rationem non utentes, vestimenta de lana non habent, pellibus teguntur rude et grosse consuentes varias pelles insimul, ex lupo, cervo, urso, sabellis et scismis et caeteris, prout fors obtulerit. Et quia ipsorum terrae mineras non noverunt, pro omagio duci Moskouiae mineras non pendunt, sed pelles animalium silvestrium, quibus abundant. Proximiores oceano septemtrionis, ut Iuhri et Coreli, piscantur et capiunt balenas seu vitulos et canes marinos, quos ipsi vorvol appellant, et ex cute eorum parant redas, bursas et caletas,[a] axungiam autem pro impinguatione servant et vendunt.

---

[a] Изд. 1517 и 1518 гг.: kaletas.

In Iuhra et Corela sunt aliqui montes mediocris tumoris, non altissimae elevationis, prout quidam putaverunt et scripserunt. Supra montes autem oceani, qui mediocres sunt per totum septemtrionem oceano adiacentes, scandunt ex mari pisces m o r s s nuncupati dente sese supra montem continendo, fricando et ascensum promovendo. Dumque ad summitatem montis pervenerint, ad ulteriora gressum promovendo ad alteram partem montium volutando decidunt. Hos illae gentes colligendo dentes eorum, satis magnos, latos et albos, pondere gravissimos capiunt et Moskouitis pendunt atque vendunt. Moskouitae vero his utuntur, ad Thartariam quoque et Thurciam mittunt ad parandum manubria gladiorum, framearum et cultrorum, quoniam gravitate sui maiorem ac fortiorem impressionem impegunt et praebent impellentibus, laborantibns, preliantibus et occidentibus.

Et memineris, quod supra dixi, hanc esse illam Iuhram regionem Scythiae, de qua egressi sunt Iuhri, a posterioribus Hugni et Hungari dicti, [a] qui ad mare Euxinum ascendentes [a] vehementer multiplicati transierunt maxima flumina circa Paludes Meotidas intraveruntque Pannoniam et secundo regressu eam occupaveruut, possederunt et in hanc diem tenent. Suntque eiusdem sermonis et loquelae precisae, nisi quod addiderunt nostri Hungari aliqua vocabula ex Slauonico idiomate earum rerum, quae in Scythia et Iuhra non reperiuntur. Verum in Pannonia Iuhri sunt christicolae, in Iuhra vero patres eorum idolatrae; politioresque et cultiores sunt Hungari in Pannonia, omnibus deliciis pleni (quamvis in toto ferocitatem nondum deposuerunt), quam Iuhri septemtrionalissimi in Iuhra, qui in toto silvestres sunt, bestiales et in frigidissima regione miserrime degentes.

Insuper memineris in his regionibus Scythiae ad oceanum septemtrionis non esse magna [b] cacumina montium, [b] sed esse quasdam rupes et montes mediocris molis et non excellentissimae celsitudinis inaccessibilesque, velut aliqui historici antiquiores protulerunt et scripserunt. Potius itaque secundum experientiam dixissent de nemoribus et densis silvis eos exivisse, quam de inaccessibilibus montibus.

---

a—a Изд. 1517 и 1518 гг.: q u i a d G o t h i a m a s c e n d e n t e s.
b—b Изд. 1517 и 1518 гг.: f l u m i n a.

Spectabili ac famoso domino

Ioanni Haller, viro consulari Cracouiensi,
Mathias de Miechuow, artium et medicinae doctor,
salutem dicit.

Spectabilis ac industriose domine Ioannes!

In collatione nuper habita interrogantibus aliquibus de accidentibus et contingentiis septemtrionalium post Sarmatias sitorum locorum subortae sunt opiniones et allegationes priscorum historicorum, Herodoti Halicarnasei, Solini — De memorabilibus mundi, Pomponii Melae, Plinii et caeterorum veteranorum scriptorum, qui varia protulerunt illarum regionum velut somniando accidentia, quae experientia quottidiana nulla penitus reperit nullaque in rei veritate approbat aut videt. Et ideo te certiorem de hoc reddendo aliqua eorum conscribo breviuscule in hunc, qui sequitur, modum.

In regionibus septemtrionalibus multum et prope oceano septemtrionis adiacentibus longissimi sunt dies in aestate et noctes brevissimae et fere nullae. Sol girat super emisperium et in occasu parumper et prope nihil absconditur et occidit. Itaque lucem non subducit legere aut laborare volentibus; et quanto magis prope solsticium aestivale girat, tanto magis continuis diebus lucet, solusque ipse sol splendet omnibus stellis occultatis et non apparentibus. Nam a die sanctorum Philipi et Iacobi, quae est prima mensis maii, usque ad Iacobi apostoli in calce mensis iulii stellae non apparent, et ex adverso, circa solsticium hiemale noctes sunt profundissimae et caligine mersae, dies vero prope nulli, vixque, quando nubilositas non impedit, sol ad unam horam comparet et lucet et is iuxta terram repere videtur et altius a terra non surgit. Propter quod in terris illis omnia ad lucernas et ignes circa solsticium hiemis peragunt et in provinciis christianorum Filandia, Gotthia et Noruegia divina officia, missas sic et vesperas ad candelas decantant et perficiunt.

Exinde corollarie elicitur, quod septemtrionalissimae regiones Perm, Iuhra et Ciremissa, Suecia, Filandia et Noruegia intensissimo frigore premuntur: nisi pellibus et foderatis ac subductis vestibus ignibusque, stubis ac specubus subterraneis foverentur, a frigore consumerentur et perirent.

Exinde corollarie secundo accipitur, quod in illis regionibus non sunt vites, ficus et caeterae arbores fructusque delectabiles, quinimo nec fructus agrestes et silvestres visuntur, poma dico, pira et reliqua agrestia, in campis nostris germinantia.

Ex praemissis et tercio corollarie apparet, quod hiems illarmu provinciarum a Kalendis septembris ut saepe incipit et non resolvuntur nivesusque ad primam maii vel circa.

Et scias, quod praefati historici dixerunt in illis regionibus pennas in aere continuo pendere aspicientibus, quoniam, inquiunt, pruinae et nives in similitudine pennarum continuo et semper ibi descendunt et opplent contuentem, ut perspici non possit longius. Quod non esse verum experientia docet. Non enim semper illic ningit: dico non semper, sed interdum nives descendentes, sicut in caeteris regionibus, videntur, quamquam in comparatione aliarum regionum illic frequentius.

Nota hic miraculum de nivibus. Reffert quidam historicus vetustissimus, scriptor adventus Hungarorum, quod Iuhri seu Hungari referebant se vidisse idolum glaciale in finibus Albae Russiae transeuntes de Iuhra ad Paludes Meotidas. Asserit siquidem, quod in die nativitatis Christi descendit grando glacialis et confecit imaginem virginis tenentis infantem coronatum, et imago infantis pedetentim defluebat et minorabatur, donec die circumcisionis Iesu Christi tota resoluta est. Imago vero virginis, quia glacialis videbatur, ignibus adunatis per accolas resolvi procurabatur, sed ignis penitus nihil de ea resolvit. Hanc imaginem est videre in metis regio nis dictae Viatka post Moskouiam et vocatur usque in hanc diem aurea vetula, alias Zlota baba, quemadmodum in Sarmatiarum descriptione olim dixi. Tu autem considera et iudica.

Praeterea praenominati historici affirmant, quod in terris septemtrionis ultra Sarmatias et Scythiam sit aurum et argentum copiosum, quod effodere et rapere prohibent griffes, sed te reddo certiorem, quod utrumque fabula est. Nam nec griffes neque aurum aut aliud metallum illic reperitur, nisi forsan

diceres in Suetia olim cuprum fuisse, nunquam tamen eiusdem bonitatis et copiae, sicut in Pannonia et superiori Almania circa Swotz.

Amplius plures antiqui historici presumptuose scripserunt in huiuscemodis longissimis provinciis septemtrionis esse homines monoculos, bicipites, duo capita habentes, alios monopedes, nonnullos canicephalos, id est canina capita habentes, et alios transformari in lupos. Quod in toto experientia approbante confictum est et fabulosum.

Sed ne taceam praetereundo vera contingentia illarum regionum. Accipe, quod in illis regionibus sunt plurimae illusiones malignorum spirituum, quemadmodum Hali Rodham super .II. Quadrupertiti Ptolomei scripsit et Conciliator differentia 67 confirmavit experientiaque quottidiana docet. Verba Hali Rodham: Hermes dixit in .LI. latitudinis, quod in fine septemtrionis et meridiei morantur spiritus maligni et diaboli et bestiae ledentes homines; et infra: et intrant in eos tales, quasi ipsi sunt, sicut turelli Curasmini, et caeteri tales ex his, qui morantur sub septem stellis, quae dictae sunt currus. Haec ille.

Ex hoc intellige primo experientia docente, quod in regionibus ad oceanum septemtrionis positis exurgunt clamores spirituum malignorum super transeuntes viam terrefacientes eos, praecipue versus occasum solis et occidente sole et magis circa nemora, circa silvas et lacus et inter colles et silvas. Et in terris christianorum in Noruegia, Suetia et Filandia solent opponere et ante se faciunt signum crucis, et illa vox demonum elongatur, et secundo se signantibus iterum remotior et submissior clamor auditur, sic tercio et quarto crucis signum opponentibus voces et clamores elongatissimae et parumper audibiles elabuntur et cessant.

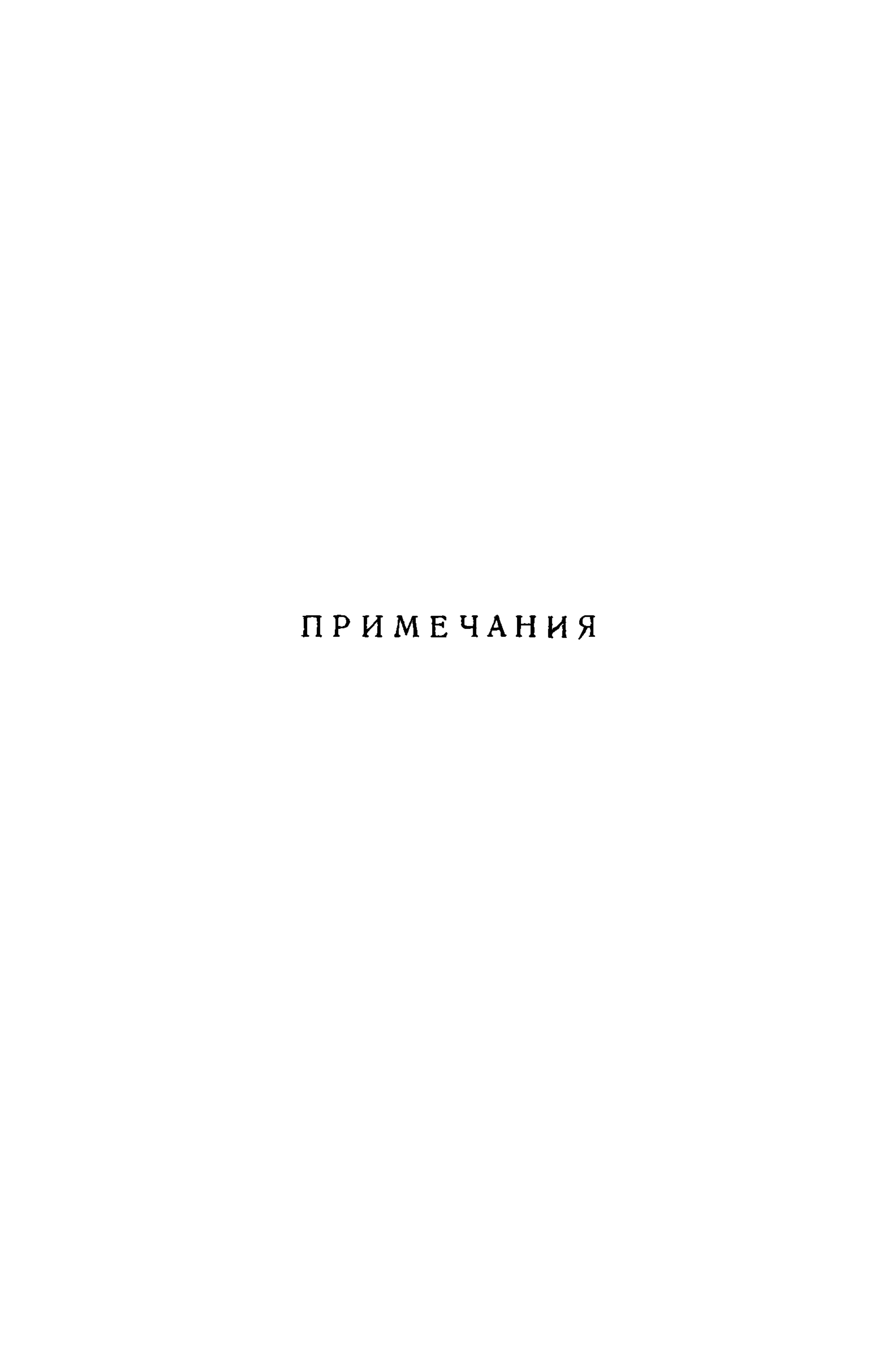
Item in praefatis regionibus, quando hospites in hostiariam et aliquam tabernam venturi sunt, tota nocte praecedente in illa domo fiunt pulsationes, strepitus, praeparationes et deportationes vasorum in celariis et habitaculis domus. Homines autem talis domus propter asuefactionem parum curant de illis fragoribns et deportationibus. Amplius turelli et larvae demonum deiiciunt dormientes de scamnis, alios de habitatione extrahunt et deportant, praecipue inebriatos et sensualiter viventes.

Praeterea circa aquas et navigationes ex suggestione spirituum incolae, praesertim tabernatores et molendinatores, vendunt precio ventum et pacatum transitum per aquas tribus, quatuor vel sex diebus, quibus sit tranquillitas navigantibus, donec emti dies expirabunt.

Et cum haec vera sint, experientia duce, septemtrionalissimi tamen ad nostras regiones ascendentes nolunt fateri eorum contingentias assiduas. Putant siquidem eis ignominiam et derisionem exinde oriri. Sed quod natura ingessit, difficile est negare, durum enim est contra ordinem mundi calcitrare.

Accipe et cognosce etiam, quod illae terrae in aestate sunt humidae, lubricae et lutosae, ut habitatores vehiculis et trabibilibus super terram utantur saepius, quam plaustris aut quadrigis.

Cracouiae apud dominum Ioannem Haller. 1521.

ПРИМЕЧАНИЯ

1

С т а н и с л а в Т у р с о н — Ольмюцский епископ с 1498 по 17 апр. 1540 г. (ум). См. Gams, Series episcoporum ecclesiae catholicae, стр. 297.

В первом у нас исследовании о Меховском, напечатанном, вместе с переводом некоторых мест Трактата, в Отеч. Записках за 1854 г., высказывается предположение, „что епископ этот исповедовал греческую веру" что, по мнению автора, „явствует" „из некоторых мест" книги Меховского. Утверждение это, противоречащее Gams'у, едва ли основательно, так как единственно, пожалуй, хоть сколько нибудь относящееся сюда место (стр. 62 — о хозарах греческой веры, которые „по словам в а ш е й м о р а в с к о й л е г е н д ы", говорит Меховский, „обращены были в веру христову святыми братьями Кириллом и Мефодием"), имеет в виду не православную только легенду и не святых „греческой веры".

В том же исследовании указывается, что отец Турсона был банкир, родом из Венгрии, поселившийся в Польше. См. Отеч. Записки, т. XCVII, СПб, 1854 г., Отд. II: Матвей Меховский и его сочинение „О двух Сармациях", стр. 118, примеч. 15. Эти сведения взяты, вероятно, из сочинения Юста Деция Vetustates Polonorum, изданного в 1521 году в одном томе с Хроникой Меховского (De Sigismundi regis temporibus, стр. 64).

2

Главный авторитет средневекового мироведения Клавдий Птолемей (см. ниже примеч. 75) в своей Географии именует С а р м а т и е й Е в р о п е й с к о й территорию, охватывающую, примерно, пространство прежней Европейской России до реки Дона на востоке, а земли к востоку от Дона — А з и а т с к о й С а р м а т и е й (кн. III, гл. 5, § 1 и кн. V, гл. 8, § 1). Это же наименование имеется у Маркиана (ок. 400 г. н. э.: кн. II — Объезд Европ. Сарматии), у Помпония Мэлы (см. ниже примеч. 207. Кн. III, 55) и др. Из ближайших к Меховскому Сарматии упоминаются, напр. у Иакопо из Бергамо (Bergomensis, см. прим. 94, Supplementum supplementi chronicarum... Venetiis 1513, лист 9) и у Энея Сильвия Пикколомини (см. прим. 168. Космография, гл. XXVII). Последний, однако, справедливо отмечает, что большинство и древних и позднейших географов предпочитали именовать эти страны Скифией (ibid.).

3

Эта сказка встречается у Плиния (см. прим. 90), кн. IV, § 89; Солина (см. прим. 207) — 16_1 ; Помпония Мэлы (II, 36 — 37) а из ближайших к нашему автору, напр. у Bergomensis (o. c., л. 11) и Энея Сильвия (Космография, гл. XIII, со ссылкой на Солина и замечанием: „Это — баснословно").

Наиболее уверенно передает ее Солин, начиная так: „Об Инербореях ходили басни..., но, когда вполне честные и достаточно достоверные писатели сообщают одинаковые сведения, никто не должен бояться лжи" (перев. у В. В. Латышева, Scythica et Caucasica, т. II, вып. 2, стр. 279).

Причинами возникновения такого верования можно считать — с одной стороны — неправильно истолкованное известие о беззакатном солнце северного лета, с другой — утопические искания „рая" на земле, имеющие множество отражений в фольклоре, литературе, историографии и науке вообще не только древности или средневековья, но и нового времени.

М. П. Алексеев (Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, т. I, Крайгиз, Иркутск, 1932; стр. LVI, прим. 57), комментируя это место, полагает, что „все это взято Меховским главным образом у Плиния". Мы предпочли бы уклониться от столь решительного утверждения, потому что о стране блаженства в очень сходных выражениях говорится во многих источниках Меховского, да и сам он полемизирует не с единичным мнением. Интересны приведенные М. П. Алексеевым: отрывок из Татищева о справедливости и беззавистном нраве остяков, тунгусов и вогуличей и записанная на Новой Земле сказка о счастливом крае, где нет вражды и злобы.

Перевод этого места Трактата у Дитмара (Землеведение, т. XXX, вып. IV: Б. Дитмар, Трактаты о двух Сарматиях Матвея Меховского, стр. 65), повторенный без изменения М. П. Алексеевым (о. с., стр. XXXIX) очень неточен: vita placidissima et perpetua omni amoenitate plena не значит „вечно спокойная жизнь", а значит „жизнь тишайшая (полная мира), вечная и полная всякой прелести"; multorum seculorum decursu значит „по истечении многих веков", а не „испокон веков"; ubi... displiceret не значит „жители ненавидят" а — „когда... надоест".

4

Старейшее упоминание об этом у Геродота (см. прим. 207) — III,16: „На севере Европы, несомненно, находится золото в огромном количестве... одноглазые люди, аримаспы, похищают его из под-грифов" (перев. у Латышева. о. с., т. I, вып. 1, стр. 9). Еще у него же: IV, 13 и 27 (с объяснением имени аримаспов из двух скифских слов). На Геродота ссылается Евстафий (XII в. н. э), комментатор Землеописания Дионисия. О том же сообщают: Плиний (VII, 10 ссылкой на Геродота и Аристея Проконнеского, как источник Геродота), Помпоний Мэла (II,1), Солин (15_{22} — о золоте и драгоценных камнях), бл. Августин (см. прим. 102) в трактате о 12 камнях Апокалипсиса (XXI, 19—20: не о золоте, а о смарагдах; грифы определяются, как „частью львы, частью орлы"). Кроме того у Иакопо из Бергамо о. с., лл. 10^v и 11), Энея Сильвия (Космография, гл. XIII, со ссылкой на Солина), Ioh. Thwrocz (Chronica Hungarorum ч. I, гл. VII, при чем дается и перечисление разных драгоценных камней, может быть, вслед за бл. Августином). Общим источником является Геродот.

В упомянутой книге М. П. Алексеева (о. с., стр. XXI—XXII и LII—LIII), *дан свод ученых* попыток уяснить реальную основу легенды — географически этнологически и лингвистически определить имена аримаспов и грифов. Приведены ссылки на Татищева (Ист. Российская, I, 106: аримаспы — самоеды,

жмурящие один глаз при стрельбе из лука), В. П. Клингера (Сказочные мотивы в истории Геродота, Университ. известия, Киев, 1902, n° 11, стр. 163 и сл.), А. И. Соболевского (Русско-скифские этюды, Изв. Отд. Русск. яз. и слов. Ак. Наук, 1921, XXVI, стр. 32—33), А. П. Чулошникова (Очерки по истории казак-киргизского народа, Оренбург, 1924, стр. 14: аримаспы — тюрки, грифы — чудь!), B. Laufer'a (Die Sage von den Goldgrabenden Ameisen в Лейденском журнале Toung Pao, vol. IX, стр. 452), R. Hennig'a (Ein Kapitel zur Klasstellung antiker Wirtschaftsgeographie, Reinisches Museum, 1930, Bd LXXII, стр. 328 и сл.).

Отметим забавную неточность в переводе этого отрывка у Б. Дитмара, повторенную М. П. Алексеевым: выражение aurum, quod letificat cor hominis, т. е. парафраза гораздо более ходкого изречения vinum, quod letificat... (Библия, псалом 104, ст. 15), переведено: „золото, которое умерщвляет. (Дитмар, о. с., стр. 65; Алексеев, о. с., стр. XXXIX).

5

Средневековая наука унаследовала от древности твердое убеждение в том, что на севере Скифии есть мощный горный кряж — Рифейских гор, откуда текут крупнейшие реки.

О Рифейских горах (в меньшей степени о Гиперборейских) упоминает множество древних писателей, историков и поэтов, начиная с Геродота, ссылающегося на Аристея Проконнесского. О них сообщают: Аристотель в Метеорологии (кн. I, гл. 13, § 20), Гиппократ (26), Евстафий в комментарии к Землеописанию Дионисия (32), Птолемей (III,5_5), Маркиан (II,39), Плиний (IV, 8; V, 98; VI, 15, 19, 33, 219), Солин (17_1, 38_{11}), Помпоний Мэла (I, 109, 115, 117; III, 1, 36) и многие другие.

Немудрено, что и непосредственные предшественники Меховского говорят о Рифейских горах со спокойной уверенностью точного знания, сравн. Иакопо из Бергамо (о. с., л. 11), Ioh. Thwrocz (о. с., ч. I, гл. VII).

Между тем именно точного знания о местоположении этих гор ни у древних, ни у позднейших писателей не было. Это местоположение определялось лишь относительно: „под самым севером, выше крайних пределов Скифии" (Аристотель, Гиппократ), „выше Аримаспов" (Евстафий, Плиний), „за аремфеями" (Помпоний Мэла); иногда по отношению к более или менее известным Кавказским горам (Солин, Плиний, Помпоний Мэла), что впрочем ничего не уясняло, так как одновременно сообщалось, что за Рифеями идет побережье северного океана. До какой степени сбивчивы бывали эти определения, показывает хотя бы то, что Маркиан (II,38) говорит о горах, „которые называются Рипэйскими... и лежат внутри материка между Меотийским озером и Сарматским океаном" (т. е. между Азовским и Балтийскими морями), а Атеней из Навкратиса (конец II — нач. III в. н. э.) считает, что древнее имя Рипэйских гор впоследствии изменилось так, что они стали именоваться Ольвийскими и, наконец, Альпийскими! (VI, 23).

Устойчивость неясных известий о Рифеях объясняется, повидимому, не только наличием кое-каких фактических данных о горах Восточной Европы, но и своего рода географическим постулатом, аксиомой, частью введенной, частью лишь укрепленной авторитетом Аристотеля. Предполагалось, что реки вообще (а следовательно и реки В. Европы, сравнительно

хорошо известные древним, по крайней мере, в нижнем течении) текут с гор, при том, чем крупнее реки, тем выше должны быть и горы, а так как, с другой стороны, полагали, что земля повышается к северу,[1] естественно было ожидать, что высокие Рифейские горы находятся где-то на севере.

Paul Bolchert, Aristoteles Erdkunde v. Asien und Lybien, Wittenberg, 1908, стр. 5—6; Osc. Brenner, Nord- und Mitteleuropa in den Schriften der Alten, München, 1877, стр. 22. Ср. М. П. Алексеев, о. с., стр. 26.

Попытки географически отождествить Рифейские горы древних то с Тянь-шанем, то с Алтаем, то, чаще всего, с Уралом, или филологически объяснить их наименование делались не раз в новейшей науке (см. М. П. Алексеев, о. с., стр. 26—27), что же касается науки XV—XVI вв., то в ней постепенно укореняется взгляд, отождествляющий Рифеи с Уралом (Р. Бэкон, Ю. П. Лэт и позднейшие).

В издании Santarem — Atlas composé de mappemondes et de cartes hydrographiques et historiques depuis le XI jusqu'au XVII siècle, Paris, 1842 — Гиперборейские горы значатся на следующих картах (до 1517 г.): 1) карта 1489 г.— рукоп. Брит. Музея, 2) карта Ruysch 1508 г. (Гипербореи, откуда берет начало Танаис).

В атласе В. Кордта (Материалы по истории русской картографии, вторая серия, вып. I, Киев, 1906, табл. I) имеется карта Вальдзеемиллера 1516 г. где, примерно, на месте Урала длинным хребтом изображены „Гиперборейские и Рифейские горы", причем южная часть их, приблизительно, на высоте Москвы загибается к юго-западу, пересекает Руссию и уходит куда-то на запад. Вместе с тем, восточнее этого хребта по всему северу изображен большой горный кряж с несколькими отрогами, тоже носящий надпись „Гиперборейские горы".

В вопросе о Рифейских и Гиперборейских горах Меховский занимает самую решительную позицию: он совершенно отрицает их существование в Московии и где бы то ни было, заявляя, что в Московии и вообще никаких гор нет.

Именно это категорическое отрицание, столько раз и с такой настойчивостью повторяемое в Трактате, произвело наибольшее впечатление на его читателей и вызвало больше всего и похвал и возражений, причем, за резкостью отрицательной части тезиса, от внимания большинства как-то ускользнула вторая, положительная его часть: признание наличия гор в Югре и по берегу Северного океана. Поэтому в числе оппонентов нашего автора оказались не только поклонники традиции, люди метафизического мировоззрения, но иногда и подобные ему новаторы, искатели научной истины в живом опыте.

Не будучи совершенно безупречной в своей конкретной части, с принципиальной стороны позиция Меховского была, несомненно, передовой научной позицией и вызвала большой сдвиг в землеведении его времени.

---

[1] Происхождение этого взгляда в Греции и Италии не требует объяснений. Замечательно, что сев.-итальянские акты X—XII веков, при определении границ земельных участков, почти всегда употребляют в смысле „с севера" — a monte.

Альберт Кампензе, Павел Иовий, Франческо да Колло, Герберштейн, Себастиан Мюнстер, читавшие и знавшие Трактат о двух Сарматиях и, по разному, использовавшие его в своих сочинениях, дают целую гамму мнений о Рифеях—от полного повторения тезиса Меховского до категорического отрицания.

Альберт Кампензе в письме к Клименту VII о делах Московии (1523 или 1524 г.), сплошь и рядом рабски следующий нашему автору (без ссылок однако), не может „надивиться дерзости географов, которые без стыда и совести рассказывают невероятные вещи о Рифейских и Гиперборейских горах...“ (См. В. Семенов, Библиотека иностранных писателей о России, т. I, СПб., 1836, разд. III, стр. 29).

Павел Иовий вводит в заглавие своей „Книги о посольстве Василия, великого государя московского к папе Клименту VII“ (1525) следующую фразу: „Кроме того указуется заблуждение Страбона, Птолемея и других, писавших о географии, там, где они упоминают про Рифейские горы, которые, как положительно известно в настоящее время, нигде не существуют“ (перев. А. И. Малеина, изд. вместе с Записками о Московитских делах Герберштейна, СПб, 1908, стр. 252). В тексте книги, сообщая об истоках Волги и других рек, Иовий говорит, что „болота, взамен гор, имеют в достаточной степени неиссякаемый источник влаги, тогда как, не смотря даже на неоднократные путешествия, в этой стране не найдено никаких гор; поэтому большинство из занимавшихся древней космографией признает совершенно баснословными Рифейские и Гиперборейские горы, которые столько раз прославляли древние (ibid., стр. 264). Несколько выше, однако, тот же Иовий указывает, что „до югричей и вогуличей надо добираться через крутые горы, которые в древности, вероятно, слыли Гиперборейскими (ibid., стр. 261).

Франческо да Колло, бывший послом Империи в Москве в 1518 г., полемизируя с Меховским, настаивает на существовании в Югре, Корелии и по берегу Ледовитого океана Рифейских и Гиперборейских гор, откуда будто бы с высочайшей в Рифеях горы Югориска (Jugorischa) берет начало Дон. Сохранился только итальянский перевод донесения да Колло, сделанный внуком его Латино да Колло и напечатанный в Падуе в 1603 г. под названием Trattamento di pace tra il serenissimo Sigismondo, re di Polonia, et gran Basilio, prencipe di Moscovia... con la relatione di quel viaggio et di quei paesi settentrionali, de monti Riphei et Hiperborei, della vera origine del fiume Tanai... (См. лл. 55, 55^{v}, 56).

Герберштейн рассказывает, что за Печорой „простираются до самых берегов ее высочайшие горы“..., они „совершенно лишены леса и почти даже травы. Хотя они в разных местах имеют разные имена, однако вообще называются Поясом мира...“ „И во владении государя Московского можно увидеть одни только эти горы, которые, вероятно, представлялись древним Рифейскими или Гиперборейскими“ (Записки о Московитских делах. Перев. А. И. Малеина, СПб, 1908, стр. 132—133).

На карте Мюнстера (Cosmographia, Basileae, 1552) ни Рифейских, ни Гиперборейских гор нет, как нет уже их и на большинстве других карт XVI в.: после Герберштейна либо вовсе не помещают гор на карте Московии, либо следуют Герберштейну.

6

Весь отрывок от „Так как это далеко...“ переведен Б. Дитмаром (о. с., стр. 65) так же неточно, как и все вступительное письмо. Мысль автора не понята переводчиком и в начальной фразе передана навыворот: вместо „далеко от истины“ — „не лишено правды“; вместо „нелишним будет опровергнуть“, „не нуждается в опровержении“. Отметим еще, что praefata flumina tria, m a g n a s i q u i d e m, Boristhenes... не значит: „три названные реки, Большой, т. е. о б и л ь н ы й в о д о й Борисфен“..., а значит: „три названные реки, действительно крупные, Борисфен“ и т. д.

7

Заслуги португальцев „века великих открытий“ общеизвестны: было бы напрасно перечислять их здесь. То, что Меховский приписывает честь открытий именно Португалии, а не Испании, например, совершенно естественно, так как и по количеству плаваний и по численности открытых земель и по известности мореплавателей Португалия XV—XVI в., без сомнения, стояла не рядом с Испанией, а впереди ее.

Говоря о таких же открытиях, сделанных польскими войсками, автор, видимо, разумеет войны в Литве, на Руси и Жмуди.

8

См. Страбон (VII, 3, § 12): Одни часть этого племени (Гетов) называют Даками, другую Гетами. Гетами называют тех, которые живут у Понта в восточной части страны. (Перев. у Латышева, о. с., т. I, в. 1, стр. 117).

9

Это было 17-е (из доныне известных) появление кометы Галлея, относимое в астрономических таблицах к 1222 году (см., напр., Н. М. Субботина, История кометы Галлея, СПб, 1910, стр. 120 и сл.). Эта комета отмечена последней в китайском каталоге комет Ма Туан Лина. Из наших летописей о ней упоминают: Лаврентьевская — под 1223 годом (ПСРЛ$^{2-е}$, I, 189—190), Новгородская 4-я — под 1224 годом (ПСРЛ^{2}, IV, 202) и Густинская — под 1222 годом (ПСРЛ^{1}, 11, 334).[1] Рассказ последней очень схож с текстом Меховского: „В сие лето месяця мая явися страшная звезда, светящи през 18 дней, лучи к востоку доволне простирающи, иже знаменова новую пагубу христианом, яже по двою лету сотворися нашествием новых враг, си есть безбожных татар, их же в сей стране нашей не знаяху“. Это сходство могло бы дать материал для кое-каких выводов, если бы цитированное место принадлежало не Густинской летописи, весьма поздней, написанной под польским влиянием и частью, очевидно, по польским источникам.

Последовательно ошибочную хронологию дальнейших событий Меховский заимствует у Длугоша (Historiae Poloniae, liber VI. Мы пользовались краковским изданием Opera omnia, 1873).

Альберт Кампензе (о. с., стр. 16) повторяет ошибку Меховского в начальной дате, округляя: „около 1210 года“.

---

[1] Следовательно, не под 1224 годом только, как утверждал автор статьи в Отеч. Записках (о. с., стр. 142).

10

Это место заимствовано из Speculum Historiale Винцентия из Бовэ (см. ниже примеч. 44), кн. XXX, гл. LXIX, где передается сообщение Плано Карпини: „В 1203 году, по мнению некоторых, татары, по умерщвлении своего государя, вышли на разорение народов. Живя до сего времени в земле своей, то есть Татарии, сопредельной с Индией, сделали они заговор против царя Давида, своего государя... и умертвили его злокозненным образом". (Перев. см. Д. Языков, Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях, I. Плано Карпини. II. Асцелин, СПБ, 1825, стр. 123).

Ср. у Альберта Кампензе (о. с., стр. 16): „прибыв от подошвы североиндийского хребта, заняли все земли выше Меотийских болот и Танаиса лежащие, вытеснив из них и почти совершенно истребив прежних обитателей, гетов или готов".

11

Евксинское море или Понт — Черное море; Меотидские болота — Азовское море.

12

Уже со времени Клапрота можно считать установленным, что половцы (команы Анны Комнэн, византийцев, Рубрука и др., по-татарски кипчак) были народом тюркского племени, той же его ветви, что печенеги и торки. Словарь половецкого языка, найденный в рукописи, принадлежавшей Петрарке, и изданный Клапротом, свидетельствует о непосредственной близости половецкого языка к тюркским.

Источники Меховского, в частности Иордан (через Сигеберта), Павел Диакон, Сигеберт и др., говоря о гораздо более раннем времени, помещают в половецких степях готов. Это и является причиной усвоенного нашим автором ошибочного отождествления половцев с готами. Герберштейн говорит: „Русские утверждают, будто половцы были готы, но я не присоединяюсь к их мнению" (о. с., стр. 138).

Появление половцев в степях южной России относят к X в. Наши летописи впервые упоминают о их приходе под 6569 годом (ПСРЛ[1], III, 2), а Длугош (о. с. кн. III, стр. 315) под 1058 г.

Значение слова половцы Меховский, видимо, производит от połowac, połowanie (русское полевать, заполевать зверя) и встречает тут красноречивого оппонента в лице Герберштейна (о. с., стр. 138). Ученый дипломат, пускаясь даже в специальные филологические рассуждения, впрочем, очень интересные для XVI в., производит половцы от поле и объясняет, что охотники (Меховский) по-русски ловцы (lowatzi), а половцы значит полевые (campestres).

13

Весь дальнейший рассказ (вплоть до событий, относимых к 1228 г.) заимствован целиком из Длугоша (о. с., VI, стр. 193—194), местами повторяя его даже фразеологически.

14

Несколько странное и отсутствующее у Длугоша выражение terra marique — „сушей и морем" — может быть, разумеется, и механическим повторением шаблонной формулы классических военных описаний, но может быть и отзвуком какого-то иного (помимо Длугоша) летописного источника. Ср. ПСРЛ[1], VII, 130 (Воскрес. лет.): „... приидоша же и выгонци Галичьские в лодьях по Днестру и выдоша в море, бе бо лодий 1000, и войдоша в реку Днепр и возведоша пороги и сташа у реки Хортици на броде на протолчьи"; ПСРЛ[1], I, 217 (Троицк.): „... и приидоша конми, а выгонци Галичьскыи приехаша в лодьях... и поидоша в море"... Так же ПСРЛ[1], II, 164; ПСРЛ[1], VI, 173.

15

Как и весь рассказ, имена князей взяты у Длугоша.

Мстислав Романович, сын Романа Ростиславича, князя Смоленского, с 1173 по 1175 г.—Киевского, князь Смоленский; с 1214 по 1224 г. занимает киевский стол, погиб в 1224 г. в битве при Калке.

Мстислав Мстиславич Удалой, сын Мстислава Ростиславича Храброго, князь Торопецкий, затем Новгородский, наконец Галицкий. Одна из самых ярких фигур своего поколения. Перед битвой при Калке, поссорясь с князьями, начал военные действия, не предупредив их: его неосторожность была одной из причин поражения.

Владимир-Димитрий Рюрикович, род. в 1187 г., сын Рюрика-Василия Ростиславича, князь Переяславский, затем Смоленский, наконец вел. князь Киевский. В 1215/16 и 1218 гг. соратник Мстислава Мстиславича Удалого в его борьбе на севере и с венграми. В 1224 г. Владимир Рюрикович был на Калке „со смолняны".

Черниговские князья, участвовавшие в битве при Калке, это — Мстислав Святославич, сын Святослава Всеволодовича, и племянник его Михаил Всеволодович, сын Всеволода Святославича Чермного, дважды князь Новгородский и кн. Черниговский. В 1264 г. замучен татарами. Канонизован русской церковью.

16

Ср. ПСРЛ[1], VII, 130; I, 217; II, 164: „... и сташа у реки Хортици на броде на протолчьи".

И. И. Срезневский (Материалы для словаря др.-русского языка, т. II, Л-П, СПб., 1902, стб. 1599) объясняет слово Протълчь-протолчь, как „сжатое речное русло, быстрину".

Меховский, считая Protolce соб. именем, следует тексту Длугоша (о. с., кн. VI, стр. 194).

17

Неудачно сокращенная фраза Длугоша: „одни верхом, другие — в лодках."

18

Имя князя Черниговского (Мстислава Святославича) отсутствует и у Длугоша — во всех списках (см. о. с., VI, стр. 194, прим. 7).

19

Место это несколько неясно: у Длугоша disrumpi, а не abrumpi, т. е. скорее „разрушить" (корабли), чем „обрубить причалы". У С. М. Соловьева соединены оба значения (История, изд. Общ. Польза, т. I, стб. 644). Так же в нашей летописи (ПСРЛ[1], VII, 132):... „князь же Мстислав Мстиславич... повеле ладии жещи а иные сещи и отринути от берега". Мы передаем буквальный смысл латинского слова.

20

Разорение Рязани относится к 1237 г.: 16 декабря татары осадили город, 21-го взяли и сожгли, истребив жителей. Князя Юрия Игоревича, сына Игоря Глебовича, убили, приведя под Пронск (ПСРЛ[1], I, 196, 221—222; II, 175—176; Соловьев, о. с., I, стб. 821).

Этого места и всего дальнейшего до конца главы у Длугоша нет: использован какой-то другой источник.

Предположение, что этим источником была русская летопись, нуждалось бы еще в некоторых подтверждениях (кроме упомянутого выше в примечаниях 9 и 14), а между тем именно таким образом легче всего было бы объяснить непонятное здесь употребление автором имени Руссия. Вообще он резко различает Руссию, т. е. южную и зап. Русь, и Московию — центральную и сев.-восточную. В главе о Московии он включает Рязань, естественно, в число московских областей. Между тем здесь по контексту Рязань оказывается в Руссии (как и могло быть в русском источнике). То, что в это время Московии еще не было (если даже Меховский и знал об этом), отнюдь не обязывало его упоминать здесь Руссию: как и часто делалось, он мог называть лишь княжества.

21

Суздальская земля разорена татарами в 1238 г. (ПСРЛ[1], I, 197, 198, 223; II, 176, 338; Соловьев, о. с., I, 822).

Юрий, сын Всеволода Юрьевича, с 1217 г. князь Суздальский, с 1218 — Владимирский, разбит и убит татарами на Сити 4 марта 1238 г.

Чернигов взят и сожжен в 1230 г. (ПСРЛ[1], I, 200, 225; II, 338—339; IV, 34—35). Князь Михаил Глебович, явившийся на помощь осажденным черниговцам, был разбит и бежал в Венгрию (Соловьев, о. с., I, 823—824).

22

Об этом упоминает и Длугош (о. с., II, стр. 243), сообщая, под 1035 годом, что Ярослав, князь Руссии, соорудил в Киеве много монастырей, церквей и золотые ворота.

23

Алтын, алтун — золото; бас, баш — голова.

24

О походе Пета в Польшу упоминает Рогерий Венгр (Rogerius Hungarus) в своей хронике, впервые изданной в 1488 г. вместе с хроникой

Ioh. Thwrocz'a (M. Rogerii Hungari, Varadiensis capituli canonici, Miserabile carmen seu historia super destructione regni Hungariae temporibus Belae IV regis per Tartaros facta, cap. XX. У нас везде, как и Thwrocz, по Ioh. Georg. Schwandtner, Scriptores rerum Hungaricarum, pars I, Vindobonae, 1766).

Весь дальнейший рассказ до конца главы заимствован у Длугоша (о. с., VII, стр. 265—279).

25

Копрживница или Покрживница — местечко в $3^1/_2$ км от Сандомира. Около 1185 г. Николай Богорыя, воевода Сандомирский, заложил там цистерцианское аббатство. В 1241 г. оно разорено татарами. (См. Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich, wyd. pod. red. Bronisł. Chlebowskiego, Warszawa, т. IV, 1883, стр. 384—385).

26

У Длугоша точнее: „у города Поланца при реке Чарне" (о. с., VII, стр. 267), откуда ясно, что здесь имеется в виду приток Вислы, берущий начало близ дер. Цизув б. Келецкого уезда (Słownik geograficzny... Chlebowskiego, т. I, стр. 737).

Большое Турско — деревня Wielkie Tursko в 32 км от Сандомира.

27

Кроме Длугоша, упоминается и Рогерием Венгром (о. с., гл. XIX).

28

Шидлов — город Стопницкого уезда, в 7 км к западу от р. Чарны Słownik Chlebowskiego. т. XII, стр. 95).

29

Болеслав Стыдливый — князь Лигницкий, Сандомирский и Краковский 1226—1279 гг., сын Лешка Белого и Гржимиславы Ингваревны луцкой.

30

Брацлав — б. уездный город Подольской губ. над рекой Бугом в 260 км от Каменца и прибл. в 4 км от ж.-дор. станции Рахны; с 1569 г. был столицей Брацлавского воеводства. В хрониках упомин. с XII в.

31

Генрик II Набожный (Pobożny), князь Силезский (1191—1241), сын и преемник Генрика Бородатого. Ядвига, жена Генрика Бородатого, мать Г. Набожного, ум. в 1241, канонизована в 1267 г.

Генрик был ее третьим сыном.

См. Wielka encyklopedya powszechna ilustrowana, т. XXVII—XVIII, Warszawa, 1901, стр. 729—730.

Также: Grünhagen, Geschichte Schlesiens, I; Strakosch-Grassman G., Der Einfall der Mongolen.

32

Гольтберг или Гольдберг — Злоторыя, уездн. город в скруге Лигницы.

Длугош (о. с., IV, стр. 450) уже под 1105 г. упоминает о Гольтберге как об известном богатством городе.

33

Длугош поясняет: „названное так либо по плодородности почвы, либо потому, что оно широко простиралось во все стороны" (о. с., VII, стр. 274; перев. наш).

34

Рассказ Длугоша несколько выгораживает поляков. Он говорит: „...некто из рядов татар, но неизвестно, русский или татарин... кричал... а татар на татарском языке уговаривал стойко биться" (о. с., VII, стр. 275; перев. наш).

35

У Длугоша: „... nunc laeva, nunc sinistra (!)... dimicat... Verum dum manu dextra elevata... (о. с., VII, стр. 276).

36

Слово framea (см. еще стр. 62, 84, 118 русского текста и стр. 135, 143, 194 латинского) Меховский явно употребляет не в обычном смысле „копье, дротик", а в значении „сабля".

Так и у Герберштейна (о. с., стр. 67).

37

Вся эта глава заимствована у Рогерия Венгра (о. с., гл. XIV, стр. 377; гл. XVI, стр. 378—379; XXII, 382; XXIII, 382; XXVIII, 386—387; XXIX, 388; XXXII, 391; XXXVIII—XXXIX, 399—401) и лишь отчасти у Длугоша (о. с., VII, стр. 280—281, 283, 290—291), который и сам зависит от Рогерия

38

Рогерий Венгр (о. с., гл. XIV, стр. 377; перев. наш): „... ворота Руссии называемые горными, через которые открывался доступ в Венгрию".

39

Бела IV, сын Андрея II, король Венгрии (1235—1270).

Борьба его с феодальной знатью в начале царствования вызвала возмущение части дворянства и приглашение в Венгрию герцога Фридриха II Австрийского. Королевские войска нанесли ему поражение, но когда, после разгрома при Сайо, Бела IV бежал в Австрию, Фридрих принял его захвативши при этом всю его казну и три венгерских комитата.

40

Коломан, сын Андрея II, короля Венгерского, брат Белы IV. С 1219 г. (по уходе из Галича кн. Мстислава Мстиславича) король Галицкий, затем — с 1226 г. герцог Хорватский.

В битве при Сайо был тяжело ранен и, не добравшись до Пешта, умер.

41

Матфей архиеп. Стригонийский с 6 марта 1240 г. (ранее еп. Вации с 1238 по 29 ноября 1239 г.) по 1241 г. (Gams, о. с., стр. 380).

Угрин (Уголин, Угерин), архиеп. Колоцкий 1219—1241 (ibid., 371).

Грегорий, еп. Иаврийский 1223—1240 (ibid., 373).

Райнальд (Ринальд, Регинальд), еп. Трансильванский 1223—1241 (ibid., 381).

Адам, еп. Нитрийский — 1241 г. (ibid., 375).

42

Об этом так же кратко у Длугоша (о. с., VII, стр. 310). Дальнейший рассказ взят из Speculum Historiale Винцентия из Бовэ и основан на сообщении Плано Карпини, к которому и относится маршрут, ошибочно приписываемый Меховским Асцелину.

Этот последний ехал к хану через Сирию и Персию, а не через южную Русь.

Ср. Иоанн де Плано Карпини, История Монгалов, перев. А. И. Малеина, СПб., 1910, стр. 44—46.

43

Василько (Василий) Романович, сын Романа Мстиславича Галицкого, род. в 1203 г. В 1205—1206 князь Владимир-Волынский вместе с братом; в 1209 г. кн. Брестский; в 1209—1212 кн. Бельзский; с 1214 г. кн. Влад.-Вол. совместно с братом, а с 1237 года до кончины (1269)—единолично.

Он был не племянником, а зятем Гржимиславы: его 2-ая жена — княжна Елена польская, дочь Лешка Белого и кн. Гржимиславы Ингваревны луцкой (о браке Лешко см. Длугош, о. с., VI, стр. 209, под 1220 г.), сестра Болеслава Стыдливого. См. Г. А. Власьев, Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий, т. II, вып. 1, Пгр., 1918, стр. IX.

44

Винцентий из Бовэ (Vincentius Bellovacensis) ученый доминиканец, близкий ко двору Людовика IX, автор энциклопедии Speculum maius, одной из частей которой было Speculum historiale — Зеркало историческое. Ум. в 1264 г. О нем см. А. И. Малеин, Энциклопедия Винцентия из Бовэ. [Труды Института книги, документа, письма Акад. Наук СССР, т. II. Лгр., 1932, стр. 23—41]; Michel de Boüard, Encyclopédies médiévales. Sur la connaissance de la nature et du monde au moyen âge. [Revue des questions historiques 58A. n° 2 (1 avr. 1930)]; Histoire littéraire de la France, Paris, 1836 т. XVIII, стр. 449—519, статья Daunou).

Полных печатных изданий Зеркал было шесть: четыре — в XV в., одно в XVI в. и последнее в XVII в. (1624 г.). Speculum historiale издавалось отдельно дважды и вообще было наиболее известно. Сокращенные его издания начались с конца XIII в. на разных языках, иногда даже без упоминания автора. Читалось Зеркало историческое еще и в XVII—XVIII вв. (См. А. И. Малеин, о. с., стр. 38.)

Насколько ценилась книга Винцентия в XV—XVI вв., видно, например, из того, что Длугош так описывает драгоценную добычу, захваченную поляками в замке Броднице, после поражения прусских крестоносцев (1410): „много золотых и серебряных вещей, затем превосходные книги, в том числе, отметим особо, пять частей Зеркала Винцентия, затем замечательные картины в золоте и серебре...", а дальше, рассказывая о раздаче драгоценностей королем, опять отмечает, что Зеркало Винцентия досталось краковской церкви (Длугош, о. с., XI, стр. 79; перев. наш).

О баснословности некоторых сообщений Винцентия говорил не один Меховский уже и в XVI в. (См. А. И. Малеин, о. с., стр. 38—39). В нашем случае упрек относится собственно не к нему, а к Плано Карпини. Можно, однако, и самого Меховского тут упрекнуть, если не в баснословности, то в произвольном приукрашении проповеднических успехов миссии, в отличие от его источника, весьма скрытного в этом сюжете.

45

Эти и вышеприведенные арабские и турецкие слова переданы и фонетически и по смыслу почти правильно.

Арабская фраза „нет божества, кроме аллаха" точнее была бы в такой транскрипции: „лā иляха иллā ллāху; Э и с с а р о х о л л а значит „Иисус сын божий". Османское слово г я у р образовалось из арабского к ā ф и р, т. е. неверный, неблагодарный (Радлов II, 1545). Д и н-с ы з (dzincis Меховского) — тур., значит неверный (без веры).

В сообщении о праздниках и постах не все точно. Под именем к у и р а м'а, очевидно, разумеется курбан-байрам, действительно связанный с памятью жертвоприношения Авраама (по корану жертвою был не Исаак, а Измаил). Тридцатидневный пост предшествует празднику ураза-байрам (1-го числа месяца шавала), бывающему за два месяца до курбан-байрам.

С благодарностью отмечаем, что в данном случае и в ниже следующих лексических объяснениях мы пользовались любезной помощью сотрудника Академии Наук СССР проф. В. И. Беляева.

46

Заимствуя это место, Герберштейн так его передает: „... иногда, рассердившись на детей и призывая на них тяжкое несчастие, они обычно говорят им: «чтоб тебе, как христианину, оставаться всегда на одном месте и нюхать собственную вонь»" (о. с., стр. 143—144. Перев. А. И. Малеина).

47

Это ошибка: а р а к — виноградная или фруктовая водка.

48

Герберштейн, придерживаясь обычного у него полемического тона по адресу Меховского (но не называя его, как и часто), особенно подчер-

кивает вторую половину фразы, подвергая некоторому сомнению первую (о. с.. стр. 144).

49

Вероятно, то же, что упоминаемый Герберштейном сейгак (о. с., стр. 175) — antilope saiga. В Zoographia rosso-asiatica P. Pallas'a (Petropoli, 1811, I, 252—253) Antilope saiga определена так: „Rossis Saigak; Polonis — suhac vel barân polnii". (См. Е. Замысловский, Описание Литвы, Самогитии, Руссии и Московии Себастиана Мюнстера, Журн. М-ва Нар. Просв. 1880, сент., стр. 109, прим.).

На карте Московии в Космографии Мюнстера (напр. в изд. 1552 г.) западнее Дона, над юртами кочевников, изображено четвероногое животное с козлиной бородой и рогами, по предположению Е. Замысловского (о. с., стр. 108), тоже, что swak у Меховского и сейгак у Герберштейна.

50

Е. Замысловский (Герберштейн, стр. 276) почему-то предпочитает „литавры", тогда как ниже, в рассказе о россомахе (в Литве) вполне правильно переводит слово timpanum — барабан.

51

Албания упоминается у Птолемея, Плиния, Страбона и др.; граничит на востоке с Каспийским морем, на севере—с Кавказом, на западе—с Иберией, на юге—с Арменией (см. Bischoff und Möller, Vergleichendes Wörterbuch der alten, mittleren und neuen Geographie, Gotha, 1829, стр. 41. Ср. Замысловский, Герберштейн, стр. 344—345).

52

Древние считали моря заливами Океана, окружающего сушу. Страбон говорит: „... наша обитаемая земля, будучи окружена морем, принимает в себя из внешнего моря, что у океана, много заливов, а самых больших четыре: из них северный называется Каспийским морем, а некоторые называют его Ирканским" (кн. II, гл. 5, § 18; перев. у Латышева, о. с., т. I, в. 2-й, стр. 102). Почти то же о Каспийском море говорит Дионисий Периэгэт (соврем. Адриана) в стихах 47—50 своего Описания. Существовало, однако, и другое мнение именно о Каспийском море. Аристотель (Метеорология, кн. II, гл. 1, § 10) и Птолемей (кн. VIII, гл. 5, § 4) считали его как бы островом среди суши. Эти противоположные мнения пытался согласить Евстафий (XII в. н. э.), комментируя Описание Дионисия (718); он допускает, что проток из океана в Каспийское море где-то есть, но он неизвестен. Господствующим у географов XVI в. было первое из указанных мнений (см., напр., в общепринятом учебнике всеобщ. истории П. Орозия, кн. I, гл. 2: „Каспийское море на севере происходит от океана"); его-то и отрицает наш автор.

Перевод этой фразы Меховского у Б. Дитмара (о. с., стр. 67: „и оно не соединяется с океаном") неверен.

Известие о реках, скачущих с высокого берега в море, взято из Помпония Мэлы: рассказывая об Араксе, впадающем в Каспийское море, он говорит: „... где волнам приходится падать с крутизны вниз, они ... выносятся впе-

ред далее, чем простирается русло, и таким образом более чем на пространстве югера несутся, как бы вися в воздухе" (кн. II, 10; перевод у Латышева о с., II, 1, стр. 125).

53

Калмыки в XVI в., под именем элютов или ойратов занимали область, лежащую между Алтаем и Тянь-Шанем, между степью Гоби и оз. Балхашем, а также обитали во внутренних долинах Алтая в Бийском округе и на сев. склоне Саянского хребта, в южной части Енисейской губ. (Геогр-стат. словарь Росс. имп, II, 440; И. Г. Георги, Описание всех обитающих в Росс. госуд-ве народов. СПб., 1799, ч. IV, 3 и сл. Ср. Замысловский, Гербершт., стр. 351).

54

Павел Орозий (кн. I, гл. 2): Танаис „Maeotidas auget paludes".

Герберштейн повторяет эту мысль (о. с., стр. 105).

Альберт Кампензе — тоже (о. с., 28), заимствуя у нашего автора и все описание Дона.

55

Это Меховский дважды повторяет и ниже (см. стр. 110 и 115) странным образом противореча и фактам, о каких мог знать, и Птолемею (кн. V, гл. 8 § 12), которого не раз цитирует.

Ошибка Меховского отмечена Герберштейном (о. с., стр. 113), но повторена „немецким Страбоном" XVI века, Себастианом Мюнстером в его Космографии (см. изд. 1552 г., стр. 911: Volha ... influit in mare Euxinum). Впрочем, на карте Московии у Мюнстера этой ошибки нет.

Характерно, что Франческо да Колло (гордо противоставляющий точность своих сведений данным Меховского), критикуя известие последнего об истоках Волги, почему-то берется опровергать, как мнение Меховского, также и то, что Волга впадает в Каспийское море, и приводит курьезные соображения о невозможности этого (о. с., л. 56 и 56^{v}, перев. наш): „... он (Меховский, „Краковский автор") сверх того настаивает, что там (в княжестве Рязанском) берет начало река Волга, которая течет на восток через земли Московии и впадает в Каспийское море. Все это неверно и невозможно по нижесказанным основаниям. Волга не может впадать в Каспийское море, так как была бы в таком случае пересечена Танаисом и неизбежно должна была бы впадать туда, лишь слившись вместе с ним; или [надо было бы предполагать, что] Танаис течет выше Каспийских и Гирканских гор с их морем, а, следовательно, что эти две области и море их находятся в Европе, а это, как известно, опровергнуто. Затем, говорят, что Каспийское море, наподобие озера, окруженное теми самыми Каспийскими и Гирканскими горами, не имеет ни впадающих в него, ни вытекающих из него рек". Далее: „Известнейшая река Волга (и она, по полученным сведениям, берет начало в названных Рифейских горах), идя на запад, потом несколько на восток и на юг... проходя по странам Московии и Татарии, пересекается рекой Танаисом и, потеряв собственное имя, впадает вместе с Танаисом в Евксинское море" (ibid., л. 56^{v}).

На упоминавшейся уже карте Вальдзеемиллера 1516 года Волга, под именем Ра, впадает в Каспийское море, но истоки ее (два) находятся в Рифейских горах (Урал) и Гипербореях (восточнее Урала). Именем Volga там же названа река, текущая с юго-западного отрога Рифейских гор и впадающая в безымянное озеро у Вел. Новгорода (Волхов). См. Кордт, о. с., табл. I.

Надо признать, что если наш автор и делает грубую ошибку, направляя Волгу в Черное море, то в общем — его описание Волги весьма добросовестно, и гораздо правильнее, чем у некоторых его оппонентов.

В переводе Б. Дитмара (о. с., стр. 67) это место передано неправильно: „Она течет сначала на восток, а затем на юг и двадцатью устьями впадает в Евксинское море". Опущено таким образом „cum ad septemtrionem flueret longo Tanaim circuens intervallo"; с последовательной неточностью передано следующее затем слово deflectitur; после „двадцатью" пропущено „пятью" (viginti quinque).

56

Дитмар (о. с., стр. 67) неверно передает это место: „Меховский говорит... что 25 рек впадают в Волгу и что меньшая из них равна Тибру или Висле под Краковом".

57

А и р, acorus calamus, пахучий тростник; в корневище эфирное масло и горечь; желудочное лекарственное средство, имеет и другие применения.

Ч и н и р е в е н т — из двух слов: ч и н и (персид.) значит к и т а й с к и й (от Чин — Китай) и р е в е н д (перс.) значит р е в е н ь.

К у ч и л а б у г а напоминает два слова: к у ч а л à к (джагат.), т. е. коршун (Радл., II, 1009), и б у г'à, б о г'à (осм., куманск.) значит б ы к. Значение oculus cornicis, т. е. вороний глаз, нам отыскать не удалось.

58

В северном предгорьи Кавказа — горы: Бештау ишгва (большой Б.), Змеиная, Машук, Бештау - дикока (Б. верблюд) и Развал. Птолемей имел сведения о них и назвал τὰ ἱππικὰ ὄρη (Конские горы), очевидно уже в то время зная о прекрасных лошадях соседних мест.

59

Может быть, Абхазы, у Герберштейна (о. с., стр, 159) Афхазы. Замысловский (Герберштейн, 351) понимает Abgazari именно в этом смысле.

60

О том, что черкесы — христиане, говорит Интерниано (Giorgio Interiano, De Zychi altrimenti Circassi, Venezia, Aldus Manutius, 1502). К немецкому переводу Трактата Меховского (Аугсбург, 1518) прибавлен в конце и перевод Интериано.

61

Ошибка: Кубань впадает в Черное море.

62

Е. Замысловский (Герберштейн, стр. 343) правильно заметил, что „из иностранных сочинений о Московской Руси впервые в Трактате [Меховского] мы находим обстоятельный, по времени, перечень этих племен".

О границах заволжских татар см. выше стр. 61

Меховский смешивает Большую Золотую Орду с ордой Джагатайской. Эту же ошибку повторяет за ним и Альберт Кампензе (о. с., стр. 16). У Павла Иовия этого не видим (о. с., стр. 259): „... самые знаменитые из татар, загатайские. Они ... имеют царственный город Самарканд" ...)

Вместо Ир-тли-кси правильнее—и р к л й к к и ш й—собств. м о г у ч и й ч е л о в е к (и р к—власть, мощь; л и к—суффикс прилагательного; к и ш и—человек); в османск. и джагат. диалектах значит г о с у д а р ь (J. Zenker, Dict. turc-arabe-persan, Lpz., 1866, 145 s. v.)

У л у х а м[1]) — правильнее у л у х â н—великий государь.

К а н значит кровь.

Т а к - к с и нам не удалось определить.

О пяти ордах и главенстве Заволжской говорит и А. Кампензе, повторяя Меховского (о. с., стр. 16). У Герберштейна (о. с., стр, 140): „говорят, что все остальные орды получили начало от нее".

63

Ч и н г и с правил в 1206—1227 г. Излагаемая далее Меховским генеалогия Чингисидов основана, вероятно, главным образом на устных источниках и страдает крупными ошибками. Ср. С. Лэн-Пуль, Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. Перев., примеч. и дополн. В. Бартольда, СПб., 1899.

64

Сыном и преемником Чингиса был У г э д е й (1227—1248). Его и нужно разуметь под именем И о к у х а м, так же как у Гайтона (см. Ramusio, т. II) и других под именем Occota, Hoccolta и т. д.

Б а т ы й (1224—1255) был не сыном, а племянником Угэдэя, сыном его брата Джучи. См. С. Лэн-Пуль, о. с., табл. к стр. 199

65

В этом отрывке ошибочно почти все. Т а м е р л а н (Тимур-Лэнг, род. в 1336 г., ум. в 1405 г.) был в дальнем родстве с домом Чингиса; ни сыном Батыя ни четвертым ханом он не мог быть и по времени (разница в шесть поколений).

С Т е м и р-К у т л у (Тимур-Кутлуг) Тамерлан не имеет ничего общего. Тимур-Кутлуг происходил из дома Орды, брата Батыева, в восьмом поколении. Когда Тохтамыш, разгромленный Тамерланом, пытался вернуться в Сарай в 1398 г., он был вытеснен оттуда Тимур-Кутлугом, бежал в Литву к Витовту и вовлек последнего в войну с Тимур-Кутлугом (С. Лэн-Пуль,

---

[1]) Слово х а н у Меховского, и в сложных словах и отдельно, пишется везде cham.

о. с., стр. 189—190, табл. к стр. 199; стр. 225—226; Соловьев, о. с., I, 1033—1034).

Краткая история Тамерлана изложена у С. Лэн-Пуля (о. с., 225—226). Взятый им в плен Баязид — четвертый оттоманский султан Баязид I (1389), ibid, стр. 166. Битва при Ангоре, где был разбит Баязид, была в 1402 г.

В объяснении имени Темир Кутлу по значению Меховский путает: не второе, а первое слово — т а м и р — значит ж е л е з о (старо-турецкий, куманский — см. Радлов, III, 1133); к у т л ў — счастливый (джагат., см. Радлов, II, 997).

Альберт Кампензе в рассказе о Тамерлане (о. с., стр. 16—17) повторяет все ошибки Меховского.

66

В переводе слова к у т л ў тут та же ошибка, что выше (см. прим. 65).

Ж е л е з н ы й х р о м е ц было бы по татарски Темир-аксак. Это имя, не встречающееся у С. Лэн-Пуля (о. с.), носил, по Герберштейну о. с., стр. 140) второй преемник Тимур-Кутлуга в Сарае.

67

Участником в походе Витовта и Владислава против прусских крестоносцев Длугош (о. с., XI, стр. 15 и 221) называет Soltan Zeledin, т. е. Джелаль-ад-дина, а преемником Джелаль-ад-дина на ханстве — сына его Keremberden — т. е. Керим-берди (он был не сыном, а братом Джелаль-ад-дина — см. С. Лэн-Пуль, о. с., табл. к стр. 199).

Меховский называет, вместо Джелаль-ад-дина, Темира, а в последующих поколениях указывает: Махмета, Ахмета и Шиахмета.

Не смотря на полное разногласие, оба автора по своему правы. Дело в том, что они называют две разные ветви Чингисидов, соперничавшие за власть над Золотой Ордой после Тохтамыша.

Джелаль-ад-дин и Керим-берди — сыновья Тохтамыша. Тимур (Темир Меховского) действительно сын Тимур-Кутлуга, как и говорит Меховский (но только не Тамерлана!). Сыном Тимура был Кучук-Мухаммед, т. е. Махмет Меховского; вторым сыном Кучук-Мухаммеда был Ахмед, а третьим сыном последнего — Шейх-Ахмед (Шиахмет) — см. С. Лэн-Пуль, о. с., стр. 190, 193 и табл. к стр. 199. Об Ахмете, Темире и Шейх-Ахмете ср. Соловьев, о. с., I, стб. 1436—1437.

68

Нижеследующая история Ш е й х - А х м е д а рассказана полнее, чем в русских источниках (ср. Соловьев, о. с., I, 1437), но в общем им соответствует. Есть она и у Длугоша (о. с., XII [XIII], стр. 119 и 216), но вкратце, при чем соперником Шейх-Ахмеда называется не Менгли-Гирей, а Eczigeri, т. е. Хаджи-Гирей (Ази-Гирей у Соловьева, о. с. I, 1432), отец Менгли-Гирея и родоначальник крымских Гиреев (см. С. Лэн-Пуль, о. с., стр. 196).

Замечательно, что ниже в главе о татарах-уланах (стр. 91 и прим. 139) Меховский вновь говорит о Шейх-Ахмете, но сообщает уже ряд неверных и противоречащих его собственному изложению сведений.

Герберштейн (о. с., стр. 161) следует основному рассказу Меховского за исключением мелочей.

Значение имен едва ли правильно указано: ахмед значит (араб.) „более славный, самый славный"; шейх значит вождь (но с оттенком религиозным), глава суфийской секты. Толкование Меховского (religiosus, т. е. богобоязненный) более или менее подходит к имени Шиахмет, если считать его искажением имени Шейх-Ахмед. Со словом Сахмет, повидимому, недоразумение. Вероятнее всего, что собеседник автора (татарин?), рассказывая о Шейх-Ахмеде, допустил некоторую игру слов. Дело в том, что Ахмед-мученик, по татарски — Шейд-Ахмед (из Шагид-Ахмед, где шагид — погибший в борьбе за веру, мученик), т. е. звучит очень близко к Шейх-Ахмед и к Шиахмет. Не уловив этой игры слов, Меховский изобрел новое имя Сахмет.

69

Козак, Хозяк, Хозя (настоящее его имя Куджак) — брат Шейх-Ахмеда. См. В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч I, СПб., 1863, стр. 233-238 (ср. Замысловский, Герберштейн, стр. 344, прим. 1).

70

Вся глава основана на Длугоше. Рассказ о взятии Сандомира и Кракова у Длугоша — под 1259 г. (о. с., VII, стр. 373—375).

О Василько и Льве у Длугоша правильно: „князь Василько родной брат Даниила, а также Лев и Роман, сыновья Даниила, короля Руссии" (ibid., стр. 373, перев. наш).

Замечательно, что в Хронике Меховского, откуда непосредственно перенесен этот рассказ в Трактат, и дата 1259 и родство Василько указаны без ошибки (см. Chronica Polonorum, Cracoviae, 1521, кн. III, гл. XLIV, стр. 144).

71

См. Длугош, о. с., VII, стр. 436 — под 1275 годом. Дальнейшее до „Почти в то же время" — ibid., стр. 489—490 под 1287 годом.

72

Лешко Черный, сын кн. Куявского Казимира, с 1261 г. кн. Серадзский, с 1278 г. преемник Болеслава Стыдливого в Кракове и Сандомире, ум. в 1288 г.

73

Это и следующее известие см. у Длугоша, о. с., кн. VII, стр. 481.

74

Первое появление татар Меховский относит к 1211 г. (См. выше стр. 47), а писана книга о Сарматиях в 1517 г.

75

Клавдий Птолемей (II в. н. э.) величайший астроном и один из крупнейших географов древности; родился, как полагают, в Фиваиде, жил

и работал в Александрии. Прозвище Pelusiota или Feludianus — результат ошибки первых изданий или переводчиков с арабского текста Птолемея: достаточно было в арабской рукописи пропуска диакритической точки, чтобы прочесть Feloudieh, вместо Keloudieh (Клавдий).

География (Космография) Птолемея была одним из основных источников землеведения позднего средневековья. Латинский перевод ее, впервые изданный в 1462 году, выдержал 8 изданий до 1513 года (J. Ch. Brunet, Manuel de libraire... Paris, 1862, т. IV, стб. 952—955).

Астрономическая система Птолемея, нераздельно господствовавшая в науке вплоть до Коперника, в телеологическом уклоне средневекового мышления была главным основанием „научной" астрологии, связывавшей судьбы человечества, характеры народов и отдельных лиц с сочетанием и влиянием небесных светил.

Меховский разумеет и цитирует Τετράβιβλον—Четверокнижие Птолемея — сочинение по астрологической географии и этнографии, вышедшее в латинском переводе в Венеции в 1484 г. под наименованием Liber quatuor tractatuum (Quadripartitum) et centiloquium cum centiloquio Haly (о Haly см. прим. 210).

Небесная сфера, круг зодиака, по Птолемею, делится на 12 „домов", из которых составляются 4 треугольника (сектора круга), соответствующие четырем странам света. Одним из треугольников и является βορραπηλιωτικόν — северо-восточный (северного аквилона), находящийся под знаком м. пр. и Водолея.

Для каждого треугольника известная планета является „владыкой домов", образуемых его зодиаками (Tetrab., II, cap. 7). Для северо-востока это — Кронос или Сатурн.

Характеры людей, живущих в определенной части земного круга определяются взаимодействием знаков зодиака треугольника с их „владыкой домов" (ibid., III, 17). Треугольник, отмеченный знаком Водолея, обозначает страны Великой Азии, Армении, Гиркании, Бактрианы, Каспии, Сирии, Савроматии, Оксианы и Согдианы. Находясь под соединенными влияниями Водолея и Сатурна, народы этих мест (τὰ ἔθνη) бывают, по Птолемею, μᾶλλον ανήμερα καὶ αὐστηρὰ καὶ θηριώδη (цитируем по Базельскому, изд. 1553 г., стр. 67), т. е. отмечены чертами, указываемыми Меховским.

Об астрологической географии и энтографии см. Boll-Bezold, Sternglaube und Sterndeutung, Leipzig - Berlin, 1926, стр. 64—65 и 156—158.

76

Библия, Иеремия, гл. I, 14.

77

Существование а м а з о н о к не вызывало никаких сомнений у древних: сообщались подробности о их происхождении, быте, завоеваниях и т. д. По представлению древних — это были женщины-воительницы, жившие где-то в Скифии (по Птолемею — к сев.-вост. от Кавказских гор) особым женским государством без мужчин, с которыми они встречались лишь ненадолго — для продолжения рода. Назывались они амазонками будто бы

потому, что, ради боевых надобностей, выжигали себе правую грудь (греч. ἀ — отрицание и μαζός — грудь).

Старейшее сообщение Геродота об амазонках (кн. IV, 110—117) повторялось и украшалось позднее множеством греческих и латинских писателей, перешло в средневековое землеведение и историографию и держалось еще и в XVI в. См. Плиний (кн. VI, 19), Помпоний Мэла (II, 105, 116), Страбон (кн. XI, гл. 5, §§ 1—4; между прочим — об основании амазонками городов Эфеса, Смирны и др.). Павел Орозий посвящает 15 и частью 16 главы I-й книги своей Истории „Происхождению, нравам и деяниям амазонок". Иакопо из Бергамо упоминает о стране Амазонок в Скифии (о. с., л. 11). Эней Сильвий говорит о них в Космографии (гл. XX).

Ссылка Меховского на Птолемея имеет в виду, вероятно, Географическое руководство, кн. V, гл. 8, §§ 17—25.

78

Павел Орозий (История, кн. VII, гл. 34), говоря о победах имп. Феодосия: „...великие скифские племена, бывшие ужасом для всех наших предков". Ibid., кн. I, гл. 16: „а затем Геты, что ныне Готы..." Так же у Иордана, которого Меховский знал только в передаче Сигеберта (Migne, Patrologiae t. CLX, стр. 62).

Ср. у Страбона (VII, 3, § 12): „Я полагаю, что в древнее время они [Даки] назывались Даями; оттого у жителей Аттики были в ходу имена рабов — Геты и Даи (перевод у В. В. Латышева, о. с., т. I, вып., 1, стр. 117).

Servi и Sclavi (разумея сербов и славян), вероятно, собственная этимология нашего автора.

О готах, как и о других упоминаемых в этой главе народах, далее говорится подробнее.

79

Отождествление гуннов и унгаров-венгров постояннно у Ioh. Thwrocz'a, главного источника Меховского в этой области.

О тождестве югров с гуннами и венграми Меховский, кажется, первый говорит с полной определенностью. См. еще примеч. 109.

Имя гуннов в форме Hunni из всех источников Меховского имеется (и постоянно повторяется) только у Филиппа Каллимаха (Vita Attilae seu de gestis Attilae. См. A. Bonfinii, Rerum Hungaricarum decades quattuor cum dimidia, Hanoviae, 1606, стр. 856 и сл.).

80

Павел Орозий — церковный историк, родом испанец (м. б., из Тарраговы), род. ок. 380 г. н. э., год смерти не изв. Был пресвитером в Лузитании. Ок. 417 г., по совету Аврелия Августина, для защиты и прославления христианской церкви написал очерк всеобщей истории в 7 книгах: Historiarum adversus paganos (против язычников) libri VII.

Сочинение его страдает большими неточностями в фактах и хронологии, но очень читалось в средние века и было пособием при изучении всеобщей истории. A. Potthast указывает 11 изданий Орозия за время

с 1471 г. по 1517 г. (См. Wegweiser durch die Geschichtswerke des Europäischen Mittelalters bis 1500, Berlin, 1895, 2-er Bd., стр. 882).

Меховский имеет в виду главу 33 книги VII Истории Орозия, где сказано: „племя гуннов, отрезанное долгое время недоступными горами, проникшись внезапной яростью, бросилось на готов, привело их в смятение, рассеяло и выгнало из прежних мест". (См. Migne, Patrologiae latinae cursus completus... series prima... Tomus XXXI, стб. 1146; перевод наш).

То же сообщает (повторяя Иордана и Орозия) и другой постоянный источник Меховского, Сигеберт (Migne, Patrol. t. CLX, стб. 62).

81

О Рагазе (Радагазии) сообщает Орозий (о. с., кн. VIII, гл. 37) и Павел Диакон (Historia Miscella, кн. XIII — Migne, Patrol. t. XCV, стб. 950—951). Так как сообщение Павла Диакона весьма близко повторяет Орозия, трудно решить, откуда непосредственно заимствует Меховский.

Нашествие Радагазия оба автора помещают в ряду событий времени имп. Гонория (393—423), а Иордан (Romana, 321; см. Monum. Germ. Hist. Auctor. antiquissim. t. V, pars 1, Berol., 1882, стр. 41) прямо говорит: „в царствование императора Гонория".

Дальнейшее — о причерноморских готах рассказано по Павлу Диакону (о. с., кн. XII, стб. 952). Имена вождей там: Аталарик и Фридигерн.

82

Под Дакией здесь Меховский разумеет Данию (Ср. у Орозия, о. с., кн. I, гл. 2, стб. 686; у Энея Сильвия, Европа, гл. XXXIII), а под Готтией, вероятно, южную часть Швеции, разделявшуюся географами XVI в. на Вестроготию, Остроготию и Южную Готию.

83

Павел Диакон — историк и поэт VIII в.; родом из Фриули, сын лангобардов Варнефрида и Теодолинды; диакон патриарха Аквилеи. Был секретарем лангобардского короля Дезидерия, потом в 782—786 гг. — при дворе Карла Великого; затем сослан, бежал из ссылки и нашел приют при дворе герцогов Беневентских. С 787 г. монах на Монте-Кассино. Умер 13 апр. 797 г.

Его сочинения: Historia Romana (Historia Miscella или Gesta Romanorum) и De gestis Langobardorum, в особенности второе, представляют весьма ценный источник к истории раннего средневековья.

Меховский знает и цитирует Gesta Romanorum, Деяния римлян (иначе Historia miscella — см. Migne, Patrol. t. XCV, Paris, 1851). Это сочинение написано в 769—771 гг. по желанию Адельперги, герцогини Беневентской, и представляло собой дополнение (до 553 г.) из 6 книг к 10 книгам Римской истории Евтропия. В соединении с Евтропием (а иногда еще и со Светонием) оно большею частью встречается и в рукописях и в первопечатных изданиях (до 1517 г. 7 изданий, из них 5 за 1471—1490 гг.

См. Potthast, o. c., стр. 902—903), при чем число книг П. Диакона бывает то 6, то 8.

Павел Диакон не участвует в споре о праве датчан называться остготами или вестготами. Место, упоминаемое Меховским (см. Migne, Patrol. t. XCV, стб. 952), просто говорит о том, что готы, ушедшие с Фридигерном на запад, стали называться вестготами, а оставшиеся с Аталариком на месте — остготами.

Полемический тон Меховского объясняется тем, что он не допускает происхождения готов из Скандинавии, полагая, видимо, что пришли они в Европу откуда-то с востока (см. выше, стр. 69).

Иорданом, главным авторитетом в истории готов, Меховский не пользовался, хотя первое издание Getica вышло уже в 1515 г. (Iornandes. De rebus Gothorum. Paulus Diaconus Foroiuliensis. De gestis Langobardorum. Augustae Vindel., 1515).

Иордан так говорит о происхождении готов: „... И в этом самом безграничном море, в арктической, то есть северной его части есть обширный остров, по имени Сканца (Scandza), откуда нам и предстоит, с божией помощью, начать речь, так как из недр этого острова, как рой пчел, вылетел и явился в Европу тот народ, чье происхождение ты хочешь знать". (Monum. Germ. Hist., Auctor. antiquissim. t. V., p. 1. Iordanis Romana et Getica. Berolini, 1882: Getica, I, 9, стр. 55—56). Далее (ibid., IV, 25, стр. 60): „Итак, с этого острова Сканцы, как из некоей мастерской племен или общей родины (букв. vagina) народов, некогда вышли готы со своим королем Беригом" (перев. наш).

В числе народов Скандинавии Иордан называет и остроготов (ibid, III, 23, стр. 59).

Точка зрения Меховского в данном случае базируется не на каких-либо известных ему фактах или источниках, касающихся древнейшей истории готов, а отражает лишь его собственную априорную концепцию переселения народов с тенденцией возвеличения Польши. В своих выводах к этой главе он утверждает: 1) что вандалы, свевы и бургунды произошли из царства польского, а имена и язык у них польские; 2) что они — германцы, а не скифы и не сарматы; 3) что эти завоеватели Европы и Африки вышли не из Скандинавии, а из Польши; 4) что поляки и другие славяне — автохтоны своих земель.

Таким образом, не только подчеркивается генеалогическая, так сказать, равноправность поляков с народами Западной Европы, но даже в некотором роде примат поляков. Эта позиция естественна для человека, пишущего под впечатлением „побед короля польского", помня и о Грюнвальде, и о торнском договоре 1466 года, и о вассальной зависимости Тевтонского ордена от Польши, пишущего при том в годы относительной слабости скандинавских государств, накануне окончательного крушения кальмарской унии.

Что касается существа затронутого нашим автором „готского вопроса", то, не смотря на прочно укоренившееся в буржуазной науке преобладание пангерманской трактовки его, исходящей из Иордана, новейшие археологические исследования позволяют наметить иное решение. Мы имеем в виду насыщенную фактами работу В. И. Равдоникаса „Пещерные города

Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием северного Причерноморья" (Готский сборник, Известия ГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932, стр. 5—106).

Анализируя данные последних раскопок в Крыму и сопоставляя их с иными доныне известными материалами, В. И. Равдоникас решительно отрицает происхождение крымских готов из Скандинавии или Прибалтики, а вместе с тем ставит под сомнение и этническое единство готов вообще и старую методологию в решении готской проблемы в целом (о. с., стр. 39, 40, 86, 87 и др.).

Таким образом, тезис Меховского о готах, вытекший, как сказано, отнюдь не из научных предпосылок, оказывается случайно совпадающим с выводами нашей науки.

Кроме авторов, упоминаемых в исследовании В. И. Равдоникаса, укажем из старой литературы о готах: R. Pallmann, Die Geschichte der Völkerwanderungen, 1863—1864; Wietersheim, Geschichte der Völkerwanderung, 1881; Felix Dahn, Die Könige der Germanen, 1885; его же, Urgeschichte d. germanischen u. romanischen Völker (Allgem. Gesch., ed. Oncken, 1881); Aschbach, Geschichte der Westgoten, 1827; Manso, Geschichte des ostgotischen Reichs in Italien, 1824; Kohl, Zehn Jahre ostgotischer Geschichte, 526—536, Lpz., 1877; Hartmann, Geschichte Italiens in Mittelalter, 1897; Bradley, The Gots from the earlist times, 1898; Rappoport, Die Einfälle der Goten in das Römische Reich bis auf Konstantin, 1899.

84

См. П. Диакон, о. с., кн. XV (по амброзианской рукописи), стб. 968—969.

85

Мангуп, иначе Мангуп-кале, Манкоп, Мангут, Ман-кермен — крепость на вершине неприступной скалы в Крыму близ нынешнего Бахчисарая. Возникновение ее относили даже к VI веку н. э., но новейшие археологические работы устанавливают гораздо более позднюю дату (не ранее XI в. н. э.). С XI—XII в. Мангуп был столицей крымской Готии, резиденцией князя и епископа.

Когда готы были вытеснены гуннами из Причерноморья, в горах южного Крыма, в местности между Судаком и Балаклавой, удержалось небольшое готское поселение (по Прокопию, не более 3000 человек), сохранившее национальное своеобразие и язык по крайней мере до половины XVI в.

Крымские готы были вассалами Византии, а с 1204 г. Трапезундских императоров, но в разное время фактически подчинялись хазарам, печенегам, половцам и татарам. В 1475 году это маленькое государство было захвачено турками. См. Tomaschek, Die Goten in Taurien, В., 1881; J. Braun, Die letzten Schicksale der Krimgoten, Спб, 1890; Ph. Bruhn, Notices historiques et topographiques concernant les colonies italiennes en Gazarie, Mémoires de l'Acad. des Sciences, v. X, n° 9; В. В. Латышев, Сборник греческих надписей христианского времени из южной России, 1896; А. А. Васильев, Готы в Крыму (Изв. ГАИМК, тт. I и V). Итоговой для

данного момента является упомянутая работа В. И. Равдоникаса, содержащая и богатую библиографию вопроса о готах в Крыму. О Мангупе см. также: Н. И. Репников, Эски-кермен в свете археологических разведок 1928—29 г. (Изв. ГАИМК, т. XII, вып. 1—8).

Е. Замысловский (Герберштейн, стр. 347—348), цитируя описание Мангупа из Брониовского (конца XVI в.) и ссылаясь на Дела Крымские (1474 г.), полагает, что в Мангупе были не готские князья, а византийские. Приводимые им факты свидетельствуют, однако, лишь о связях Мангупа с Византией (см. выше).

86

Мухаммед II, восьмой по порядку оттоманский султан, завоеватель Константинополя. Крым он занял в 1574 году. Внук его Селим I, десятый султан (С. Лэн-Пуль., о. с., стр. 162 и 164).

87

П. Орозий, определяя границы Европы на востоке, говорит: „от Рифейских гор, реки Танаиса и Меотидских болот...“ и далее, перечисляя земли в этих границах: „на востоке Алания...“ (о. с., кн. I, гл. 2, ст. 686).

88

Цитата из соборного послания ап. Петра, гл. V, 8.

89

Казак на джагатайском, крымском и казанском наречиях значит: вольный, независимый человек, бродяга (Радлов, II, 264). Ср. И. И. Срезневский, Материалы для словаря др.-р. яз., т. I, СПб., 1893, стб. 1173—1174: „казак-козак — работник, наемный рабочий“ (со ссылками на грам. дел. о гран. Кирилл. м-ря 1395 г., уст. грам. Солов. м-ря 1548, Карамзина Ист. Гос. Росс., т. VI, 563 и Никоновскую летопись).

В пояснении к этому месту Замысловский приводит цитаты из Никоновской летописи об „ординских казаках“, акцентируя, таким образом, смысл слова по отношению к татарам. Нам кажется, Меховский мог иметь и другую мысль: ее мы и пытались передать в своем переводе. Слово servilis могло быть переводом польского chłop, niewolnik, с чем очень близко poddany, то есть stipendiarius. Что касается слов grassatorem seu reytteronem, то первое у Меховского значит бродяга (włoczęga) пеший, а второе — бродяга конный (reiten рыскать, włoczyć się).

90

Гай Плиний Секунд Старший (род. в 23 г. н. э., погиб, наблюдая вблизи извержение Везувия, 25 авг. 79 г.) знаменитый римский натуралист, автор Естественной истории в 37 книгах, единственно и дошедшей до нас из всех его сочинений. С армией Люция Помпония сделал поход в Германию, занимал крупные государственные должности в Германии, Испании и Риме. Написанная им История войны римлян в Германии в 20 книгах не сохранилась.

Naturalis historia ко времени написания Трактата Меховского имела уже 9 изданий за 1469—1510 годы (Brunet, o. c., т. IV, стб. 713—715).

Гай Светоний Транквилл — автор Vitae caesarum, сборника биографий первых двенадцати римских императоров, современник имп. Адриана.

Меховский мог пользоваться Светонием — в след. изданиях: Romae, 1470, 1471, 1472; Mediol., 1480; Bonon., 1488; Venet., 1490., и др. (Brunet, o. c., V, 579—580).

Публий Корнелий Тацит (54—118? г. н. э.) знаменитый римский историк, республиканец по мировоззрению в императорском Риме, проницательный и иронический наблюдатель, тонкий стилист, автор „Германии", „Истории", „Анналов" и др. Меховский мог знать следующие его издания: Venetiis, 1470; [Mediolani, 1475—1480]; Romae, 1515 (Brunet, o. c., т. V, стб. 632—633).

Вполне возможно, что не всех указанных выше писателей Меховский читал непосредственно, т. к. мог пользоваться и чужой цитацией или чужими упоминаниями, напр. у Энея Сильвия.

О том, что вандалы жили по Висле (Вандалу), говорит Иакопо из Бергамо (o. c., л. 155), но главный источник этого известия для Меховского — Длугош (o. c., I, стр. 10). По его словам, королева Ванда, отвергнув брак с Ритогаром, князем аламаннов, после победы над ним принесла себя в жертву богам, утопившись в Висле. Оттого и река получила имя, и поляки у многих писателей стали называться вандалами.

91

Разумеется Иосиф Флавий, еврейский историк (род. в Иерусалиме в 37 г., ум. между 97 и 100 г. н. э.), автор „Истории войн евреев против римлян и разрушения Иерусалима" в 7 книгах, „Иудейских древностей" и др. В этом последнем сочинении (кн. I, гл. 7) говорится о потомстве Ноя.

92

Рассказ о Лехе и Чехе взят у Длугоша (o. c., I, стр. 6—8) с незначительными изменениями.

93

Марка Бранденбургская, образовавшаяся уже в X веке, разделялась ко времени Меховского на Старую Марку — по Эльбе и Новую М., пересекаемую Одером, с городами Франкфуртом и Любеком (ср. Эней Сильвий, Европа, гл. XXX).

Любек и Росток, важнейшие центры ганзейской торговли. Первый — с XIII в. (и даже с конца XII) вольный имперский город, позднее — глава Ганзы, „Северный Карфаген"; после тридцатилетней войны значение его сильно падает. Росток — крупнейший город герцогства Мекленбург-Шверин.

Этимология имен (бургунды, древляне, травяне) — принадлежит Меховскому. Его источники (Орозий цитируемый Энеем Сильвием

в Epitome к кн. 1-й Блонда, стр. 147) производят имя бургундов не от brogi (польск. bróg — стог), а от burgos.

В Хронике (кн. I, гл. XIX, стр. 21) приводится это мнение Орозия, но в Трактате Меховский предпочел свое, более соответствующее всей его концепции.

94

Иакопо Филиппо Форести, более известный под именем Иакопо Филиппо из Бергамо, Iacobus Philippus Bergomensis (ум. в. 1520 г.), автор Supplementum chronicorum orbis ab initio mundi usque ad a. 1482. Libri XV.

Не смотря на шероховатый язык и некритический характер, Дополнение настолько ценилось, что уже при жизни автора выдержало 9 изданий (Венеция: 1483, 1486, 1490, 1492, 1503, 1506, 1513; Бреша, 1485; Нюренберг, 1503), не считая переводов (итальянский — Венеция — 1488, 1491, 1508). См. Potthast, o. c., 454—455. Мы пользовались академическим экземляром венец. издания 1513 г. Supplementum supplementi chronicarum ab ipso mundi exordio usque ad redemptionis nostrae annum .M. CCCCC.X. editum et novissime recognitum et castigatum a venerando patre Iacobo Philippo Bergomate ordinis Heremitarum f⁰, 10 ненумер. и 335 нумер. листов.

Ссылка Меховского относится к л. 124.

95

О бургундах и борьбе римлян с ними заимствовано из Павла Орозия (о. с., кн. VI, гл. 21, стб. 1056, и, особенно, кн. VII, гл. 32, стб. 1144). Сообщение Орозия повторено Энеем Сильвием (Epitome, кн. I, стр. 147).

Дальнейшее о Свевах — из Энея Сильвия (ibid. со ссылкой на Светония). У Светония (Caes. Oct. Aug., cap. XXI) говорится не о свевах, а об убиях и сикамбрах.

96

Martinus Oppaviensis (из Троппау), иначе Polonus, папский пенитенциарий и капеллан, с 1279 года архиепископ Гнезненский, умер в том же году. Автор Chronicon pontificum et imperatorum.

Его хроника, сухая и однообразная, почти лишена собственной ценности, но заслуживает внимания потому, что в течение не одного века была главным источником исторических сведений для богословов и канонистов.

Латинский текст хроники впервые напечатан в 1559 г. в Базеле, но уже в 1488 г. в Праге издан был чешский ее перевод под наименованием Martiniany t. g. Rymska kronika (до 1488 г.) См. Potthast, o. c., стр. 771; Gams, Series episcoporum eccl. cathol., стр. 347.

Мы пользовались акад. экземпл. антверпенского изд. 1574 г. и Monum. Germ. Hist., Scriptorum т. XXII.

Место, на которое ссылается Меховский, содержит известие о победе над даками и германцами и о переводе 40 тысяч пленных из Германии в Галлию на Рейн.

97

Орозий, о. с., кн. VII, гл. 32, и Bergomensis, о. с., 124—125.

98

Мекельсбург — Мекленбург.

Разумеется борьба со славянами императоров: Генриха I (919—936), Генриха II (1002—1024) и Генриха III (1039—1056).

99

По Bergomensis (о. с., л. 155), у которого заимствуется этот отрывок, аланы жили в Паннонии 40 лет.

100

Рассказываемая далее история вандалов в разной степени подробности и связности встречается во многих источниках нашего автора, но основными тут для него были: Сигеберт (см. прим. 104) и Павел Диакон.

В Хронике Сигеберта см. Migne, Patrol. t. CLX, стб. 61, 64, 74, 79—81, 86, 90—92, 94, 98. У Павла Диакона — о. с., кн. XIII, стб. 950; кн. XIV, стб. 957, 958, 971 (цифра изгнанных у Меховского — по П. Диакону: у Сигеберта 444), 972.

101

Hispalis — древнее имя Севильи в Испании.

102

Аврелий Августин — один из крупнейших мыслителей и писателей латинской церкви. Род. 13 окт. 354 г. в г. Тагасте в Нумидии; с 391 г. был пресвитером, а с 396 г. епископом в Гиппоне (Hippo Regius) в Африке. Умер 28 авг. 430 г. во время осады города вандалами. В ряду его многочисленных произведений наиболее значительны „Исповедь" и „О граде божьем".

Поссидоний — епископ Калама в Африке (ум. после 431 г.), ученик бл. Августина и автор его биографии.

103

Григорий I Великий, папа. Род. ок. 540, ум. в 604 г. Известен не только большой церковно-политической активностью в тяжелое время лангобардского нашествия, но и подчеркнутой ненавистью к языческой литературе и искусству.

„Диалоги" — одно из его многочисленных сочинений. Его сочинения читались и на Руси (см. Труды Киевской дух. академии, апр. — сент. 1875 г., Киев: Петров, О происхождении и составе славяно-русского печатного пролога). Говоря об этом (ниже, стр. 97), Меховский сообщает, что русские зовут папу Григория „беседник". Надо, очевидно, иметь в виду его Беседы на евангелия.

104

Sigebertus Gemblacensis — Сигеберт, род. ок. 1030 г. в Брабанте, с ранней юности стал монахом (бенедиктинцем) в Жамблу; после 1048 г. долго руководил школами в Метце и снискал большую известность. Около 1071 г. вернувшись в Жамблу, продолжал ту же работу и умер в 1112 г. Человек замечательного ума, большого беспристрастия и редкой учености. Самое позднее, но и самое лучшее его произведение Хроника (Chronographia). Это — синхронистический конспект всеобщей истории за 381—1112 годы, где с намеренной скупостью, сухо, но отнюдь не бесцветно, скорее отмечаются, чем рассказываются события, с выделением на первый план хронологии.

Хроника представляет собой настоящий клад исторических сведений; много переводилась и читалась. Первая часть ее, за годы 381—1023, представляет собой мозаику из отрывков разных историков, вторая часть — за 1024—1112 годы содержит столько собственных добавлений Сигеберта, что тут он и сам является первоисточником.

По своему историко-политическому мировоззрению Сигеберт склонялся к императорской партии в борьбе ее с папством. Ср. L. C. Bethmann, Prolegomena в изд. Migne, Patrol. t. CLX, стр. 9—23.

Меховский, мельком упоминающий Сигеберта, много им пользовался. К этому времени было уже и печатное изд. Хроники: Sigeberti Gemblacensis coenobitae Chronicon ab a. 381 ad 1113..., Parisiis, 1513 (Brunet, o. c., т. V, стб. 378). Наши ссылки сделаны по Migne, Patrolog., t. CLX.

Мнение Меховского о славянском происхождении географических имен разделяется и современными исследователями. См., напр., Ю. Мархлевский, Очерки истории Польши, М.-Л., 1931, стр. 32—33.

105

Сигеберт заимствует из Павла Диакона известие о том, что вандалы, „жившие в скифской Скандинавии, когда размножились настолько, что земля их не могла вместить, решили уменьшить населенность уходом третьей части жителей... и действительно третья часть вандалов... ушла с острова..." (о. с., стб. 61). Bergomensis (о. с., л. 124) говорит: „Галльский историограф Винцентий пишет, что зарождение в то время народа бургундов относится к кельтской Галлии, эти же народы, ясно, произошли из Скантании, то есть с острова Северного океана, расположенного против Дакии между Германией и Готией" (перев. наши).

Один из непосредственных источников Меховского Ioh. Thwrocz (о. с., ч. I, гл. VIII) прямо говорит: „Вандалы — скифское племя".

Современная наука считает вандалов, свевов и бургундов германскими племенами, но совершенно не подтверждает германского происхождения поляков, что стремится доказать Меховский.

106

Тацит, Германия, гл. II.

Вопрос об автохтонности польских племен решается Меховским не столько на основании научно проверенных сведений (их у него слишком

мало, хотя иные из них и вполне доброкачественны), сколько — под влиянием общей его националистической установки.

107

Флавий Блонд (Flavio Biondo) *из Форли* (1388 — 4 *июня* 1463) филолог, археолог (Roma instaurata, Italia illustrata) и историк. Его Декады Historiarum a declinatione Romanorum положили начало общей научной композиции в историческом изучении средневековья.

Знал ли его Меховский полностью или только в сокращении (epitome) Энея Сильвия, сказать трудно. Ко времени написания Трактата, Декады были уже изданы в Венеции в 1483 г. (Brunet, o. c., I, стб. 978).

108

Ср. у Энея Сильвия, Европа, гл. I: „... и далматы, которых называют склавами, и иллирийцы, которых зовут боснийцами, трибаллы или мизии которых называют то сервиями, то расцийцами"; в Истории Богемии (гл. VI): „Сервия, которую зовут Расцией" (перев. наш).

В этом перечне Меховский соединяет воедино и разные наименования одних и тех же народов и названия отдельных местностей, принадлежащих какому-либо из уже названных народов; последнее относится, напр., к нугардам, плесковитам и огулькам, т. е. новгородцам, псковичам и вогулам.

Мысль нашего автора о широком распространении славянской речи повторена Герберштейном (o. c., стр. 2) с несколько иным перечнем народов.

109

Главными источниками Меховского при составлении этой главы были Павел Диакон и Ioh. Thwrocz (Chronica Hungarorum — первое изд. 1488 г., у нас Ioh. G. Schwandtner, Scriptores rerum Hungaricarum veteres ac genuini... pars I, Vindobonae, 1766). Отчасти могли быть использованы постоянные спутники Меховского в его работе — Сигеберт и Bergomensis, а также, м. б., Эней Сильвий.

Однако, было бы напрасно искать в этих источниках доказательств или обоснований *главной идеи*, проводимой нашим автором в рассказе и излагаемой в виде выводов в конце. Мысль Меховского состоит из следующих положений: а) гунны — это югры из Югорской земли; б) венгры — это югры по языку; в) венгры — это те же гунны, вторично пришедшие в Паннонию; г) вывод: югры, гунны и венгры — один и тот же народ.

Подтверждают ли это источники нашего автора?

Павел Диакон, следуя П. Орозию (кн. VII, гл. 33), говорит: „Племя гуннов, долгое время остававшееся обособленным в своих недоступных горах, проникшись внезапной яростью, бросилось на готов"... (Hist. misc., кн. XII). Где эти родные горы гуннов, неизвестно. Ioh. Thwrocz (o. c., ч. I, гл. IX, стр. 68), ссылаясь на Орозия, Дионисия Александрийского, Антонина, архиепископа Флорентийского (пользующегося Сигебертом и Винцентием), считает доказанным, что гунны вышли из Аз. Скифии. Точнее о местности он не говорит и лишь приводит рядом два противоположных

взгляда, как бы не ощущая противоречия: „Да и ранние истории венгров (говорит он) не противоречат этому мнению (об Аз. Скифии — *С. А.*), так как сообщают, что гунны или унгары сначала жили в Персии (in Perside), а затем в Болотах Меотидских и вслед за ланью, как выше сказано, перешли в чужие земли". Далее (ibid., стр. 69): „А Пий, папа римский, в своей истории... говорит, что беседовал с уроженцем Вероны, который в наши дни проезжал через Скифские края, и тот будто бы подтвердил ему, что в Аз. Скифии, у истоков р. Танаиса он нашел людей, говоривших на том же языке, что и венгры, жители Паннонии".

Рассказывая о возвращении Хабы, сына Аттилы в Скифию, Thwrocz говорит (о. с., ч. I, гл. XXIII, стр. 95): „он, говорят, взял себе жену не из скифского народа, а из корозманов, соседнего с Скифией племени", живущего, как оказывается (ibid., гл. V и VI, стр. 61—62), где-то к юго-востоку от Скифии близ Эфиопии! Там же, в гл. VI он упоминает, что, по мнению Дионисия Александрийского, „гунны были соседями каспиев и альбанов (близ Кавказа)". Таким образом, если мнение П. Диакона по крайней мере не противоречит версии о Югре, то Thwrocz говорит о чем-то совсем ином (коротко: венгры — гунны, но не югры).

Сигеберт, пользуясь Иорданом и Павлом Диаконом, не дает ничего нового по интересующему нас вопросу.

Bergomensis (о. с., л. 169) сообщает: „Гунны... сначала жили в Рифейских горах, ближайших к Готии" (но в Югре ли?).

Эней Сильвий гораздо определеннее, но не в пользу нашего автора.

В гл. XXIX Космографии читаем: „Говорят, что и венгры (унгары), которые живут на берегах Дуная, принадлежат к скифскому племени — не потому, что произошли от гуннов, как, из-за сходства имен, думали некоторые, но от других унгаров, которых Иордан называет нотами.. Много после гуннов, готов и лангобардов унгары, выйдя из Скифии пришли на Дунай..." Далее известный рассказ о веронском монахе, выше приведенный нами в передаче Thwrocz'а.

Таким образом, тезис о тождестве гуннов с юграми — либо не находит подтверждения в источниках Меховского (за исключением сомнительного Bergom.), либо даже отрицается прямо (Эней Сильвий) или косвенно (Thwrocz). Ничего к этому не прибавляет и троекратное упоминание Великой Венгрии, т. е. Башкирии у Плано Карпини (Speculum Histor. Винцентия).

Откуда же у Меховского такая определенность и такое упорство в его позиции?

Ответить на это мы можем лишь весьма гипотетически.

В числе современников нашего автора можно назвать двух лиц, мнение которых о гуннах и юграх (если предположить, что Меховский знал его) служило бы ему поддержкой. Это, во первых, Юлий Помпоний Лэт (Сабин), глава первого поколения итальянских гуманистов (ум. 1498 г.), оставивший в своих комментариях к римским классикам немало оригинальных и ценных сведений о „Скифии". Во вторых — Петр Рансан (Petrus Ransanus), епископ Люцеры, автор хроники Rerum Hungaricarum, которую мы знаем в сокращении (epitome) — Иоанна Самбука, впервые изданном в 1558 г. (у нас по выше упомянутому изд. Schwandtner'а).

Ю. Помпоний Лэт называет уграми и венгров и жителей Югры. По его словам (цитируем по М. П. Алексееву, о. с., стр. 70), когда гунны, вместе с готами, разгромили Рим, „на обратном пути часть их осела в Паннонии и образовала там могущественное государство, часть вернулась на родину к Ледовитому океану...“ В другом месте он, говоря о Рифейских горах, отмечает: „В отдаленнейших пределах их живут югры“ (ibid., стр. 68).

P. Ransanus высказывается вполне определенно. В III главе epitome, стр. 43, читаем: „мы уже упоминали, что родина гуннов принадлежала к числу Сарматских областей и мест, ближайших к Рифейским горам... мы сообщали, как, из-за увеличения численности сарматов, занимавших местности, близкие к Рифейским горам, много тысяч их покинуло родину и присоединилось к войску готов, которые также за несколько лет до того вышли из мест своей оседлости...“ затем разбили и прогнали готов и по имени своего вождя стали называться гуннами.

Далее в рассказе о сыне Аттилы (ibid., гл. VI, стр. 436): „вернулся он в ту же область Сарматии, откуда, мы выше сообщали, вышел этот народ...“ О возвращении гуннов в Паннонию (ibid., стр. 437): „Итак в год от смерти Аттилы 101 (у Thwr. и Мех. 301 — *С. А.*), то есть в год от рождества Иисуса Христа 744 (у Thwr. и Мех. 704 — *С. А.*) огромная масса сарматов..., найдя себе человека немалой опытности в военном деле, называвшегося Унгар (не собственным именем, а по имени места, где родился)... вышла из родной земли. Вышли они, говорю я, из некоей части Европейской Сарматии, которую и ныне еще сами сарматы зовут Унгарией. Жители этой области, по утверждению многих, кто бывал среди этого народа, говорят на языке, употребляемом нашими венграми. Справедливость этого можно и тем подтвердить, что Иоанн, император Сарматии (Иоанн III — *С. А.*), которого они называют князем Московии, в числе прочих важных титулов своего княжеского сана, именует себя также князем Унгарии... Он, однако, называет себя князем не здешней нашей Венгрии, а той Сарматской, откуда, вышли венгры, владеющие Паннонией.“ (Перев. везде наш, кроме выше отмеч. — *С. А.*)

Казалось бы, слова Ю. Помпония Лэта и П. Рансана можно счесть основанием тезисов Меховского. Тут, однако, на нашем пути ряд сомнений. Лекции Лэта по Вергилию (и только они одни) напечатаны были в Бреше в 1487 и 1490 г. и, следовательно, Меховский мог знать их, но, во первых, в этих лекциях нет никаких сближений югров с гуннами, во вторых, у нас недостаточно оснований для предположения, что Меховский вообще знал Ю. Помпония Лэта, хотя бы в рукописи. Что касается Рансана, то, как сказано, epitome его хроники напечатано было только в 1558 г. а следовательно, если Меховский и мог знать Рансана, то лишь в рукописи. Это, разумеется, не исключено для эпохи инкунабулов, но при наличии очень обстоятельной печатной хроники Thwrocz'a, которой действительно пользовался Меховский, становится сомнительным.

Вероятнее, кажется, было бы предположение, что при том повышенном интересе к Московии, каким отличается конец XV — начало XVI в. на Западе, темы о Югре, только что завоеванной Иоанном III, о скифах, о гуннах и т. п., не раз трактовались в ученых кружках, в роде упоминаемого нашим автором в письме к Галлеру, и тут, в обмене мнений, Мехов-

ский и мог уловить недостававшую ему краткую формулу: гунны — югры, весьма подходящую к его логически систематизирующему историческому мировоззрению.

Точка зрения нынешней науки на происхождение венгров в общем ближе всего к выше приведенному мнению Энея Сильвия. Предками мадьяр с наибольшим вероятием считают жителей Баскирты Плано Карпини, т. е. Башкирии, появившихся в Приуралье в VIII—X в. н. э., а затем, под напором кочевников, перешедших в нынешнюю Венгрию.

Библиографию вопроса см. у М. П. Алексеева (о. с. стр. 10). Из новейших работ — E. Moór, Anschauungen von der Urheimat der Ungarn in Mittelalter und bei den Humanisten, „Ungar. Jahrbücher", 1928, VIII, стр. 422—429.

Эта точка зрения, обоснованная между прочим данными лингвистики, антропологии и энтографии, не мешает, повидимому, существованию и иного мнения, выразившегося, напр., в открытии 23 мая 1935 года в Будапеште памятника Аттиле с датами 435—1935. („Известия ЦИК" от 3 мая 1935 г., n° 129 (5682).

О гуннах, кочевом народе Вост. Азии, известном по китайским источникам уже с 3-го тысячел. до н. э. под именем хьюнну (Hiungnu), в третьей четв. IV в. н. э. занявшем пространство от Дона до Карпат, а в V в. — огромную территорию между Рейном, Дунаем и Волгой, см. Deguignes, Histoire générale des Huns, des Turcs etc, vol. I—V, Paris, 1756—1758; Zeuss J. K., Deutschen und ihre Nachbarstämme, München, 1837; Parker E. H., The Turko-Scythian Tribes, „China Review, vol. XX, p. 125; vol. XXI, p. 100, Hongkong, 1892—1893; его же Thousand years of the Tartars, Changai, 1895; Grooti de, Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens, 2 t., Berlin, 1921—1926.

110

О переходе гуннов в Европу и вытеснении готов см. Thwrocz, о. с., ч. I, гл. IX, стр. 68—69 (со ссылками на П. Орозия, Дионисия Александрийского, Антонина, архиепископа Флорентийского, который в свою очередь пользовался Сигебертом и Винцентием из Бовэ). О том же у Сигеберта (о. с., стр. 62).

Об охотниках и лани — Thwrocz, о. с., ч. I, гл. IV, стр. 59—60 (со ссылкой на Антонина, архиеп. Флорентийского). У Сигеберта (из Иордана) — о. с., стб. 64.

О покорении куманов и русских — Thwrocz, ibid., гл. X, стр. 69. Перечисление покоренных народов у Thworcz'а замечательно в том отношении, что вслед за бессами и белыми куманами, прежде рутенов (русских) упоминаются Susdali, в чем можно было бы видеть какое-то (искаженное) отражение известий о растущей государственной роли княжеств сев. вост. Руси (правда, для XV в. это, пожалуй, слишком поздно).

О Паннонии, борьбе с римлянами и избрании Аттилы — у Thwrocz'а, о. с., ч. I, гл. XI—XIII, стр. 71—76. Под именем Детрика надо разуметь Теодориха остготского.

О сборе войск Аттилой — Thwrocz, ibid., гл. XIV, стр. 76—77. Дальнейший рассказ (до взятия Реймса) — по Павлу Диакону (о. с., гл. XV,

стб. 964—965, следуя тексту амброзианской рукописи, приведенному у Migne'я в варианте, но служившему, очевидно, основой издания П. Диакона, каким пользовался Меховский). У Thwrocz'a (ibid., гл. XV, стр. 77—82) рассказ основан на том же источнике, но осложнен разными словесными и фактическими прикрасами.

О взятии Реймса, о Труа и св. Лупе — у Thwrocz'a, ibid., гл. XVI, стр. 82—83. О женщине с десятью дочерьми и о милосердии Аттилы заимствовано из „Аттилы" Филиппа Каллимаха (Буонаккорси). См. P. Callimachi Experientis Attila y A. Bonfinii, Rerum Hungaricarum decades quattuor cum dimidia, Hanoviae, 1606, стр. 859. Меховский мог знать „Аттилу" Каллимаха по изданию: Callimachus Experiens, Vita Attilae seu de gestis Attilae, s. l. et anno [Tarvisii, circa 1489]. См. Potthast. o. c., I, стр. 182—183.

111

Отсюда и далее об Аттиле см. у Павла Диакона, о. с., гл. XV (по тексту Амброзианы); у Thwrocz'a, o. c., гл. XVIII—XXII, стр. 87—94.

112

Лев I Великий род. ок. 390 г., избран папой в 440 г., ум. в 461 г.

113

Луп (lupus — по лат. волк), епископ Труа, и Лев, папа римский. Шутка в такой форме (именно о двух животных) заимствована из Ф. Каллимаха (о. с., стр. 861).

114

См. Thwrocz, o. c., ч. I, гл. XXIII—XXIV.

115

О событиях 744 г. у Thwrocz'a, o. c., ч. I, гл. I, и Bergomens., o. c., л. 196 (но под 905 годом), далее по Thwrocz'y, o. c., ч. II, гл. II—III.

Этот будто бы второй поход югров и был их единственным переходом в Венгрию.

116

Это известие повторяет, но с некоторым сомнением, Герберштейн (о. с., стр. 136).

Взято оно Меховским либо у Thwrocz'a (о. с., ч. I, гл. IX), либо непосредственно у Энея Сильвия, на которого и Thwrocz ссылается. Второе тем более вероятно, что следующее далее сравнение югров и венгров по степени культурности взято прямо у Энея Сильвия (Европа, гл. I).

В гл. XXIX Космографии читаем: „Наш веронец, достигший, как выше сказано, истоков Танаиса, сообщает о народе, живущем в Азиатской Скифии, недалеко от Танаиса: это дикие люди и идолопоклонники, а язык у них тот же, что у венгров, населяющих Паннонию. Далее он рассказывает, что вместе со многими проповедниками св. писания, монахами и францисканцами, знавшими местный язык, он хотел ехать туда проповедовать св. христово евангелие, но это было запрещено государем, которого

он назвал Московским (de Mosca). Этот последний, погрязший в греческом лжеучении, не желал допустить, чтобы азиатские венгры присоединились к латинской церкви и приняли наши обряды" (пер. наш).

117

Павел Орозий, о. с., кн. VII, гл. 33, стб. 1146: „... Племя гуннов, отделявшееся долгое время недоступными горами... бросилось на готов"

Bergom., о. с., л. 169: „Гунны... сначала жили в Рифейских горах, ближайших к Готии".

Свод мнений о местоположении Югры приведен у М. П. Алексеева (о. с., стр. 70—71).

118

Относя эту характеристику к Уралу, Е. Замысловский говорит, что „краткие заметки Меховского имеют одно преимущество: о высоте Урала они дают более верное понятие, чем Записки Герберштейна". (Замысловский, Герберштейн, стр. 142).

119

Еще раз о моржах у Меховского далее — во 2-й главе второго трактата кн. II, (стр. 118). Герберштейн повторяет это сообщение Меховского дважды (о. с., стр. 91 и 190—191), объясняет, что морж не рыба, хотя „наши земляки и считают эти зубы за рыбьи" и, не называя по имени, упрекает Меховского в неточности: ручки ножей делаются из моржовой кости для украшения, а не для тяжести, „как баснословил некто".

120

См. В. В. Латышев, Scythica et Caucasica, т. I, вып. I, стр. 58—61.

121

В латинском тексте всех изданий в этом месте и далее еще в двух местах (О Литве — гл. 3, конец, стр. 111 и о Югре, гл. 2, стр. 117) упоминается пушной зверь scismus (scismorum, scismi). В немногочисленных имеющихся переводах это слово или пропускается, как не находящее объяснения в словарях (так — в немецком переводе, изданном в 1518 г. в Аугсбурге, лл. 18^v, 29, 30, и в переводе Б. Дитмара — о. с., стр. 73) или переводится по догадке, совершенно невероятно: итальянский перевод Annibale Maggi дает scimmie, т. е. обезьяны (о. с., по изд. 1584 г., стр. 118; там же на стр. 73 и 130 слово пропущено).

Е. Замысловский (Описание, стр. 123, примеч. 19) для объяснения слова scismus приводит выдержку из сочинения Улисса Альдрованди De quadrupedibus digitatis viviparis (Bononiae, 1654, стр. 331—332) следующего содержания (перев. наш): „Матвей из Мехова в своей истории сообщает, что некие народы Европейской Сарматии, борясь с суровостью климата, сшивают шкуры соболей и сцисмов (scismorum); вследствие того некоторые под сцисмами разумели куниц (martes) и не без основания, так

как Иоанн Богемец (очевидно, Ioh. Thwrocz — *С. А.*) писал, что жители скифской Венгрии приносят в дань князю Московии не что иное, как шкуры сцисмов и соболей, а между тем именно соболя и куницы одеты в драгоценный мех".

Вероятно, на этом основании М. П. Алексеев (о. с., стр. 79), давая более верный, нам кажется, перевод „белок", помещает рядом в скобках вариант (куниц?).

Справка Замысловского показывает только, что и в XVII веке затрудняющее нас слово было необъяснимо, так как предлагаемое Альдрованди объяснение по многим основаниям несостоятельно: помимо всего прочего, отметим, что если бы scismi значило martes, то Меховский не называл бы в главе о Литве (кн. II, трактат I, гл. 3) рядом mardures et scismi.

Единственное, что можно, кажется, предположить, это ошибку переписчика, не исправленную и в типографии: вместо scismi следовало бы читать sciuri, т. е. белки.

122

О кречете есть у Thwrocz'a (о. с., ч. I, гл. V, стр. 62, перев. наш): „у северного моря с запада до Суздалии есть покрытая лесом пустыня... и там, в горах этой пустыни имеют гнезда грифоны и птицы legisfalk, называемые в просторечии kerecheth".

Герберштейн (о. с., стр. 211) опять с упреком отмечает, что кречет не так страшен, „как баснословил некто", но затем сам начинает баснословить по рассказам „достойных доверия и именитых людей".

Е. Замысловский (Герберштейн, стр. 281), цитируя естественно-научную литературу, дает описание кречета.

123

Упоминания о псоглавых людях встречаются и у древних (напр., у Симмия Родосского, см. В. В. Латышев, о. с., т. I, в. 2, стр. 391), но Меховский черпает его, вероятнее всего, из Speculum Historiale Винцентия или, что то же, из рассказа Плано Карпини (гл. XIX).

К этому же месту см. наше прим. 4 (о грифах и аримаспах).

Скептицизм Меховского далеко не всеми разделялся и в XVI веке. Такая читаемая книга, как Supplementum Иакопо из Бергамо, совершенно серьезно и очень логично оправдывает веру в существование чудовищных народов. Там сказано (о. с., л. 11, перев. наш): „Это не должно нам казаться нелепым: как в каждом отдельном народе бывают люди-чудовища (уроды), так и в целом роде людском бывают чудовищные народы".

124

Источники этой главы: Эней Сильвий (Космография, гл. С и Европа, гл. IV—VIII и др.), Bergomensis (о. с., л. 149), частью Длугош и Ioh. Thwrocz.

В свою очередь Эней Сильвий ссылается на письмо к нему о турках Николая Сагунтского (Космография, гл. XXIX), о котором в другом месте (Европа, гл. LIIII) говорит, как о превосходном знатоке греческого и латинского языков, прославившемся, как переводчик на Ферраро-Флорентийском соборе. Тот же источник упоминается и у Thwrocz'a (о. с., ч. IV, гл. VIII).

У Энея Сильвия история дома Османов заканчивается Мухаммедом II, у Thwrocz'a — смертью Баязида II.

Проверить точность сообщений нашего автора проще всего по уже упоминавшейся книге С. Лэн-Пуль, Мусульманские династии, перев. и примеч. В. Бартольда, СПб., 1899, стр. 159—166.

125

Осман, родоначальник династии, насчитывающей более 35 султанов, прямых его потомков по мужской линии. Род. в г. Сугуте (Thebaison — во Фригии Эпиктетской) в 1258 г.

Об Отумане, кроме указ. в прим. 124: Эней Сильвий, Космография, гл. XXIX.

126

Все эти, в общем верные, наблюдения отнюдь не обосновывают утверждения Меховского о происхождении турок от татар.

Его ложное утверждение буквально повторяет Альберт Кампензе (о. с., стр. 18), говоря об Оттомане.

Характерную татарскую и турецкую посадку верхом с укороченными стременами можно видеть на verso великолепной медали Мухаммеда II в мюнц-кабинете в Берлине.

127

Урхан — с 1326 г. У Энея Сильвия Orcanes, у Bergomensis — Orchanes.

128

Мурад I — третий султан из дома Османа; с 1359 г. он отнял у греков Фракию, Галлиполи и Адрианополь, покорил Македонию и Албанию. Одержал 37 побед, в том числе при Коссове в 1389 г.

В именах византийцев у Меховского тут несомненная путаница. Эней Сильвий имен не называет, а говорит: „когда двое христиан спорили за греческую империю". Разумеется борьба Иоанна VI Палеолога (род. 1332, ум. 1391), сына Андроника III, с его опекуном, тестем и соправителем, Иоанном Кантакузеном, в которой обе стороны искали помощи турок. Роль последних изображена нашим автором правильно. См. Историю императоров Иоанна Палеолога и Иоанна Кантакузена (за 1320—1360 гг.), написанную последним (Histoire de Constantinople... trad. sur les originaux grecs de m-r Cousin, t. VIII, Paris, 1685).

129

Баязид I (Эней Сильвий — Pazaitem, Bergomensis — Pacietem), прозв. Эль-Дерим, т. е. молния (1389—1402).

Императоры византийские Иоанн VI Палеолог и Мануил II, его сын и преемник, были уже почти вассалами Турции. Иоанн VI еще при Мураде I предпринял без всякого успеха две поездки в Зап. Европу, прося о помощи. При Мануиле II Константинополь в течение пяти лет терпел все тягости блокады со стороны Баязида. Пределы империи сократились

до границ города. В результате обращения Мануила II к государям Зап. Европы и очевидной для всех, с каждым шагом возраставшей турецкой опасности предпринят был „крестовый поход“ против Баязида. Соединенные силы европейских государей во главе с Сигизмундом, королем Венгрии, потерпели поражение при Никополе в 1396 г., и лишь нападение Тамерлана на Баязида несколько отсрочило окончательную гибель Византии.

Ср. Михаил Дука, История императоров Иоанна (VI), Мануила (VII), Иоанна (VII) и Константина (XII) — Histoire de Constantinople ... trad. de m-r Cousin, t. VIII, Paris, 1685.

130

Битва при Никополе (1396) была при Баязиде I. Имя Альпина ошибочно и заимствовано нашим автором из Энея Сильвия и Bergomensis (Calapinus). Длугош (о. с., кн. X, стр. 512) называет султана Beyzath alias Calapinus. Thwrocz (о. с., ч. IV, гл. VIII, перев. наш) говорит: „Императора турецкого старейшие у нас, как выше сказано, называют Баязидом, а Николай Сегундин (Сагунтский), в письме к Энею, е-пу Сиенны, о происхождении турок, устанавливает, что он же и был Калапином (Chalapinus)“.

Глава христианских войск в битве при Никополе, Сигизмунд (род. 1368, ум. 1437) в это время был королем Венгрии (с 1386 г.), императором он стал в 1410 г.

Баязид I был разбит Тимуром при Ангоре в 1402 г.

131

Преемником Баязида I, после кратковременного периода смут, был сын его, Мухаммед I (род. 1375, ум. 1421 г.). Сын Мухаммеда Мурад II Справедливый царствовал с 1421 по 1451.

Битва при Варне (см. Длугош, о. с., кн. XII, стр. 721—733) была в 1444 г. Владислав II Варненчик (так и прозванный по этой битве), сын Владислава Ягелло, род. в 1424 г.; с 1434 г. король Польский, с 1440 — король Венгрии, погиб в 1444 при Варне.

Иоанн Гуниади (1385—1456) венгерский полководец и политический деятель, родоначальник династии: его сын Матвей Корвин стал королем Венгрии в 1453 г. При короле Владиславе Иоанн был организатором обороны страны от турок. По смерти Владислава при малолетнем сыне его до 1453 г. был фактическим правителем Венгрии.

О разрушении стен Истма Коринфского — Эней Сильвий, Европа, гл. XII.

132

Мухаммед II Эль-Фӑти (Завоеватель), сын и преемник Мурада II, род. в 1430, вступил на престол в 1451, ум. в 1481 году.

О взятии Константинополя — Bergomens., о с., л. 293. Длугош, о. с., кн. XII [XIII], стр. 142—145.

О завоевании Булгарии и Расции (1459—1463) — Bergomens. ibid. О Смидерове упом. Длугош (не о завоевании: кн. XII, стр. 613) и Эней Сильвий, Европа, гл. IV (Synderonia). О Нигропонте (1470) — Длугош, кн. XII [XIII], стр. 545. Там же, стр. 629, о Каффе и Менгли-

гирее (1475). О Манкупе см. выше примеч. 85. О Гузакассане (Узун-Хассан — племени Ак-коюнлы, т. е. Белого барана, шах с 1466 г. в Азейбайджане и др. областях. См. С. Лэн-Пуль, о. с., стр. 215) у Длугоша, кн. XII [XIII] стр. 589.

133

Баязид II, сын Мухаммеда II, царств. с 1481 по 1512.

Белый замок — Аккерман. Модон — город в Морее на скалистом мысе.

Михаил Дука, историограф четырех последних императоров Византии, упоминает, что гор. Модон был последним пристанищем Мануила II перед бегством из Константинополя в Венецию (Histoire de Constantinople, т. VIII, стр. 240).

Борьба оттоманской Турции с Персией началась со времени Узун-Хассана, велась шахами династии Ак-коюнлы и продолжалась Сефевидами.

Софи — имя не лица, а династии. Родоначальником ее был Измаил I (с 1502); десять представителей ее правили с тех пор до 1736 г.

С Баязидом II воевал Измаил I Софи.

134

Селим I Жестокий, род. в 1467, ум. 1520.

Перечень оттоманских султанов Эней Сильвий кончает Мухаммедом II, Bergomensis — Баязидом II, наш автор — Селимом I, причем в первом издании трактата (1517 г.) еще нет известия о присоединении Египта (1517 г.).

Последним (до Оттоманов) султаном Египта был Аль-мелик-аль-Ашраф-Туман-бей. После жестокой борьбы с Селимом I он был побежден и повешен Селимом.

135

Улàн, ог'лан (казан.-тат.) значит дитя; кыз улàн — девушка (Радл. I, 1323).

В Золотой орде огланами назывались члены ханской семьи из линий, не вступавших на престол.

136

Хаджи-Гирей (ок. 1420) — сын Таш-Тимура, первый хан династии крымских Гиреев.

137

Перекоп — татарский город на перешейке, соединяющем Крым с материком (ср. Соловьев, о. с., I, стб. 1633; II, 92). Это же имя придавалось и перешейку. Первоначально оно, очевидно, относилось ко рву, которым татары перекопали перешеек, чтобы затруднить доступ неприятеля к своей крепости Ферх-Кермен или Ор-Капи, как называли ее турки.

Правильно понимая значение слова, Меховский неверно объясняет его происхождение.

138

Сообщение неверное. Тохтамыш в Крыму не царствовал: это хан Золотой Орды, при котором к ней в последний раз хотя бы отчасти вернулся ее прежний блеск. В 1380 г. он объединил Белую и Синюю Орды. К 1382 г. относится его поход на Русь и разгром Москвы. Концом этого недолгого расцвета было столкновение Тохтамыша с Тимуром: первый раз — в битве при Ур-Тепе 18 июня 1391 г. и второй раз — в битве у реки Терека, закончившейся непоправимым поражением Тохтамыша (см. С. Лэн-Пуль, о. с., стр. 189—190).

Об отношении Тохтамыша к Витовту и Тимур-Кутлугу см. выше, прим. 65.

Тимур Кутлуг не был братом Тохтамыша: этот последний был племянником Уруса (из дома Орды, внука Чингиса), если верно, что отец его был родным братом Уруса (в чем Бартольд сомневается), а Темир-Кутлуг — внук Уруса (см. С. Лэн-Пуль, о. с., табл. к стр. 199 и прим. Бартольда).

139

О Шейх-Ахмеде см. выше прим. 68.

Шейх-Ахмед не сын Тохтамыша. О столкновении Шейх-Ахмеда с Хаджи-Гиреем Длугош сообщает в кн. XII [XIII], стр. 118—119, но отнюдь не говорит о претензиях первого на ханство в Крыму. Вмешательство сыновей Ахмеда в крымские дела относится уже ко времени Менгли-Гирея (см. Соловьев, о. с., I, стб. 1436—37).

В дальнейшем сообщении о захвате Шейх-Ахмеда с семьей литовцами и о смерти его автор противоречит тому, что выше сам рассказывал об этом (см. стр. 65—66).

Возможно, что у этих двух версий разные источники (Длугош, о. с. кн. XII, стр. 216, говорит о заключении Шейх-Ахмеда с женой и детьми).

Известие о смерти Шейх-Ахмеда в дни Казимира III весьма сомнительно. Герберштейн (о. с., стр. 161 и 229) сообщает, что при возвращении из первого московского посольства, следовательно, весной 1517 г., он в г. Троках обедал вместе с Шейх-Ахмедом.

Под именем короля Казимира можно разуметь только Казимира Ягеллоновича (1445—1492).

140

Этот рассказ, повидимому, отражает смутные известия об усобицах в Крыму. Менгли-Гирей был изгнан Ахмедом и место его занял Джанибек-Гирей (1477), который в свою очередь был изгнан и сменен Менгли-Гиреем (1478). Все это, однако, происходило не тотчас вслед за Хаджи-Гиреем и не в начале царствования Менгли-Гирея.

Иван III дал приют бежавшим — Джанибеку и братьям Менгли-Гирея, Нур-Девлету и Хайдеру (ср. Соловьев, о. с., I, стб. 1435; С. Лен-Пуль, о. с., стр. 196). Что касается Ямурци, то в числе внуков Ахмеда (отца Шейх-Ахмеда) указывается и Ямгурчей (С. Лэн-Пуль, о. с., табл. к стр. 199).

Сравн. у Соловьева (о. с., I, стб. 1434) — царевич Ямгурей.

С. Лэн-Пуль (о. с., табл. к стр. 199) указывает четырех сыновей Менгли-Гирея: Мухаммеда, Сеадета, Сахиба и Мубарека.

В числе семи называемых Меховским, им соответствуют: Махмет-керей (Гирей), Садех и Мубарек. Одним из двух, неизвестных нашему автору по имени, мог быть Сахиб. Царевич Ахмат-Гирей, сын Менгли-Гирея, упоминается Соловьевым (о. с., I, стб. 1606).

Таким образом, три имени: Махмут-керей, Бети-керей (м. б., Батыр-Гирей) и Бурнас-керей остаются не уясненными. У С. Лэн-Пуля в генеалогической таблице их нет. У Соловьева (о. с., I, стб. 1615) упоминается с ы н М а г м е т - Г и р е я, царевич Богатырь, но — в рассказе о событиях 1516 г., тогда как Бети-керей (Батыр-Гирей), по Меховскому, умер в 1510 г.

Судя, однако, потому, что об одном из этих трех неизвестных (Батыр-Гирее) наш автор сообщает весьма индивидуальные биографические подробности (1 — утонул, 2 — в Валахии, 3 — в 1510 г.), а вообще, как мы видели, показания Трактата о татарах, если не всегда точны, то в большинстве добросовестны, можно думать, что и три последние имени не сочинены, а соответствуют чему-то реальному. Не исключена возможность, что эти сведения, сообщаемые Меховским, вероятно, на основания устных источников, в известной мере могли бы даже дополнить факты, установленные по материалам актовым, нумизматическим и т. п.

Меховский весьма часто прибавляет к именам ханов слово czar, как бы включая его в имя. Не лишним будет напомнить, что титул царя, по отношению к русскому великому князю, до Ивана III встречается лишь как реторически напыщенное исключение (ср. Соловьев, о. с., I, стб. 672) и то только в литературной речи: в юридическом языке, в документах оффициальных и международных отношений, на печатях и т. п. слово ц а р ь не встречается до конца XV в. (ср. Соловьев, о. с., I, стб. 1156, 1587).

Наоборот, по отношению к сюзерену Москвы, хану татарскому, этот титул употреблялся у нас в документах и литературе давно и постоянно (ср. И. И. Срезневский, Материалы для словаря др.-русск. языка, т. III, СПб., 1900, стб. 1433—1434, ссылки м. пр. на ярлык Менг. Темира 1267 г. и догов. грамоту 1349 г.).

Характерно, что в переписке 70-х годов XV в. Иоанна III с Менгли-Гиреем не только последний именует себя царем, а Ивана великим князем („Я Менгли-Гирей царь пожаловал, с братом своим великим князем взял любовь"), но и сам Иван пишет: „Государь еси великий... брат мой Менгли-Гирей царь". В наказах послам, т. е. в документах, вовсе не расчитанных на оглашение и писавшихся отнюдь не в формах оффициального величания чужеземного государя, хан всегда именуется царем (ibidem, стб. 1432—1434).

141

Вопросу астрологической географии о к л и м а т а х (широтах) и з о н а х (поясах), трактуемому Птолемеем в Tetrabibl. II и Географии, посвящена работа Ernst'a Honigman'a — Die sieben Klimata, Heidelberg, 1929.

Совмещение учений о климатах и поясах, как устанавливает Гонигман, впервые встречается у Нигидия Фигула (I в. до н. э.). Семь поясов нахо-

дятся в связи с семью небесами; каждому принадлежит одна из семи планет, народы же, живущие в этих поясах, по характеру соответствуют характерам планет.

Шестой климат Меховского (или шестой пояс неба) принадлежит Гермесу; люди, находящиеся под его влиянием, наклонны к интеллектуальным интересам. Живут эти люди в шестом географическом поясе — в областях Евксинского Понта и Каспии.

О последнем (географ. поясах) сравн. у Энея Сильвия, Космогр., гл. IV.

142

Е. Замысловский в своем исследовании о Герберштейне приводит ряд небольших отрывков из нашего автора и, чаще всего, в очень точном переводе. Это место переведено ошибочно: „Со стороны восточной их владения прилегают к Московии" (Е. Замысловский, Герберштейн, стр. 349).

143

Из всех иностранцев конца XV — нач. XVI в., писавших о России, Меховский с наибольшей определенностью и последовательностью отличает Руссию от Московии. У него Руссия — это только юго-западная Русь (отнюдь не подчиненная Московии и не входящая в ее состав) и даже не столько западная (Литва), сколько южная. Московия же — царство Ивана III — это центральные и сев.-восточные области В. Европы.

Альберт Кампензе, вообще опирающийся преимущественно на Меховского, повторяет его и в этом пункте, но с меньшей ясностью (о. с., стр. 19—20).

Павел Иовий, гораздо меньше зависящий от нашего автора, хотя и знавший его, называет царство Василия III Московией, упоминая впрочем, что „часть Литвы называется Нижней Руссией, а сама Московия Белой Руссией" (Книга о Московском посольстве Павла Иовия Новокомского. Перев. А. И. Малеина, изд. А. С. Суворина, СПб, 1908, стр. 259).

Герберштейн, как было уже отмечено Мейнерсом (C. Meiners, Vergleichung des ältern und neuern Russlandes... I-er Bd., Leipzig, 1798, S. 47) и Замысловским, придавал слову Руссия двойное значение: то называл так „страну, населенную народами, употребляющими язык славянский, и в состав ее включал, кроме Московии, и Литву и Польшу", то, в тесном смысле, „называл Руссией только одну Московию" (Замысловский, Герберштейн, стр. 127, прим. 1).

С. Мюнстер, почти целиком заимствующий в Космографии свои сведения о юго-зап. Руси (Руссии) у Меховского, называет Alba Russia область близ Танаиса и Меотидских болот, подвластную великому князю Московии.

Вообще же в XVI в. государство русское знали на западе под именем Московии,

По поводу наименования Роксолании надо заметить, что географы XVI века, во многом уже отступавшие от традиций античной географии, не только корректировавшие Птолемея и Страбона, но иногда их и отрицавшие, долгое время все же старались удержать внешнюю связь с вековым авторитетом, тщательно разыскивая у древних соответствия новым геогра-

фическим именам и фактам. Отождествление Руссии с Роксоланией — один из примеров этой тенденции.

144

Oczarkow — Очаков, б. Одесского уезда, 46° 37′ с. ш., 49° 13′ в. д. В 1492 г. Менгли-Гирей основал там крепость Кара-кермен или Узу-кале.

Bialygrod — Аккерман, б. Бессарабской губ., 46° 12′ с. ш., 48° в. д. Венецианцы называли его Монкастро (ср. Замысловский, Герберштейн, стр. 353).

Dzassow определению не поддается. Местоположение его дано у Меховского точно (от Очакова в двух милях к югу, от Аккермана — в шести милях), но не без странности, так как к югу от Очакова — непосредственно море.

Нельзя не отметить, что в атласе Кордта Дзассов показан на нескольких картах: 1) на карте Иакопо Гастальдо 1562 г. (Кордт, Материалы по истории русской картографии, вып. 1, Киев, 1899, табл. XXII: Dasou — в углу, образуемом Бугом, будто бы впадающим в Днепр); 2) на карте Андрея Пограбия 1570 г. (табл. XXIII: Dassow — примерно там же, но не во внутреннем углу, открытом к северу, а во внешнем, образованном Savran fl. и Днепром); 3) на карте Г. Меркатора 1594 г. (ibid., табл. XXIV: Dassow — там же, где у Гастальдо); 4) на карте из Theatrum Principum Orbis universi, Кельн, 1596 г. (ibidem, табл. XXI: Очакова нет, Dassow — между Бугом и Днепром, недалеко от устьев); 5) на карте неизвестного автора, которая, по заключению Кордта, составлена на основании карты Г. Меркатора 1554 года, но сама в заголовке называет своими источниками путешествия Дженкинсона и Герберштейна (ibid., вторая серия, вып. 1, Киев, 1909, табл. V, Dassou — при впадении Буга в море).

145

Замысловский (Герберштейн, стр. 253) переводит слово particam (perticam) шест. Правильнее, разумеется, в смысле меры длины — по нашему, примерно, сажень. Нельзя, впрочем, отрицать некоторой странности этого места, затрудняющей и перевод.

146

Коломыя — близ р. Прута к ю.-з. от Станиславова, 48°30′ с. ш.
Жыдачув — к ю.-в. от Львова: 49° 30′ с. ш., 41° 45′ в. д.
Снятин — к ю.-в. от Коломыи: 48° 30′ с. ш., 43° 15′ в. д.
Рогатынь — к ю.-в. от Львова: 49° 30′ с. ш., 42° 15′ в. д.
Буско — к вост. от Львова при р. Буге: 50° с. ш., 43° 45′ в. д.
См. Замысловский (Герберштейн, стр. 355).

147

Герберштейн (о. с., стр. 172), повторяя ошибку Меховского, считает Буг притоком Днепра.

Ту же ошибку содержат и некоторые карты XVI века (ср. Кордт, о. с., вып. 1, табл. XXII—XXIV).

148

Замысловский (Герберштейн, стр. 253) допускает в пересказе этого места до странности грубую ошибку, переводя Ienuam — „в Иену".

149

Это известие взято у Длугоша (о. с., кн. I, стр. 57), но там „in terra et regione Belzensi et Chelmensi".

150

На запад от Очакова по Черноморскому побережью известны по добыче соли два лимана — Хаджибейский (Качибейский у Меховского) и Куяльницкий. Хаджибейский в настоящее время не представляет выгодных условий для соледобывания, но может быть, в XVI в. эти условия были другими и самый лиман имел другой вид. См. Я. Першке. Обзор сол. промысла в России, СПб, 1871, стр. 81, 89—90; Горный журнал, 1862 г., ч. I, Описание русских соляных промыслов, стр. 523—526 (Замысловский, Герберштейн, стр. 313). Замысловский (Герберштейн, стр. 312) переводит отрывок „то иногда... тремястами возов" неверно: „(добытую в этом озере соль) захватывают татарские перевозчики соли и вывозят ее на двухстах..." (скобки Зам.).

151

Первый ряд — епископии католические. Conr. Eubel (Hierarchia catholica medii aevi, Monasterii, 1898) — дает о них следующие сведения: Киев — первый епископ с 1320 года, Каменец — с 1375 г.; Перемышль — в 1353 уже второй еп. (о первом—годы епископства неизв.); Холм — с 1359 г. Луцк — с 1257 г.; Медники — с 1416 (о. с., стр. 165, 190, 302, 328, 348, 429).

Второй ряд — православные епископии: Холмская — упоминается с XIII в., обращена в униатскую ок. 1650 г.; Владимиро-волынская упоминается с конца XI в., обращена в униатскую в нач. XVII в.; Пинская или Туровская (у Меховского явная ошибка писца или наборщика Mrowski) — упом. с пол. XII в., обращена в униатство в нач. XVII в.; Полоцкая (Plocensem — ошибка: Плоц не в Литве, а в Мазовии) — упом. в нач. XII в.[1] соединена с Могилевской в 1661 г.; Луцкая — упом. с XIV в., обращена в униатскую в 1711 г.; Смоленская учреждена в 1173 году (см. П. Строев, Списки иерархов и настоятелей монастырей Росс. империи, СПб, 1877, стр. 496, 589—590, 1037—1046).

152

Исидор — последний русский митрополит из греков и поставленный в Греции.

Уроженец Константинополя, гуманист по образованию и вкусам, игумен м-ря св. Димитрия, в 1436 г. поставлен в Константинополе митрополитом Киевским и русским; был представителем русской церкви на Ферраро-Флорентийском соборе 1438—1439 г. и подписал соборную буллу о соединении церквей. По возвращении в Москву был лишен сана, заключен в Чудовом монастыре, но до суда бежал. P. Pierling, La Russie et le St. Siège, I, Paris, 1896, стр. 7—59; Соловьев, о. с., I, стб. 1259—1260.

Известие об Исидоре имеется у Длугоша (о. с., кн. XII, стр. 624—625), но едва ли почерпнуто Меховским оттуда, т. к., по Длугошу, И. не был „предан смерти", а per fugam fuit solutus.

Выражение in centum equis iverat у Меховского может значить и „с сотней спутников", что соответствует действительности (ср. Pierling, о. с., стр. 22).

153

Аристотель Περὶ τὰ ζῶα ἱστορίαι (см. В. В. Латышев, о. с., т. I, вып. 2, стр. 376) или Περὶ ζώων μορίων, IV, 5, 45 (ibid., стр. 378).

154

Эта глава почти целиком основана на Длугоше (о. с., кн. IX и X).

155

См. Длугош, о. с., кн. X, стр. 470, 472—474. О дани в виде поясов и коры — ibid., стр. 474.

В Космография С. Мюнстера (базельское изд. 1552 г., стр. 906—907) вместо perizomata et subera — vilia.

Карамзин ИГР, III, 40, говоря, что литовцы платили дань „шкурами, даже лыками и вениками", ссылается (примеч. 65) на Стрыйковского.

156

Витень, кн. литовский, впервые упоминается в походах против Польши в 1292—94 г., с 1298 г. вел долгую борьбу с ливонскими рыцарями; с русскими землями соприкасался мало: лишь Полоцк был присоединен к Литве. Наследовал В. брат его Гедимин. См. ПСРЛ II, VII, XVII и др., Scriptores rerum Prussicarum, I—II (Dusburg, Jevoschin, Wigand), Длугош, Стрыйковский и др.

Конрад Мазовецкий (1187 или 1188—1247) — младший сын Казимира Справедливого и Елены, дочери Ростислава, кн. Киевского, родной брат Лешка Белого; по смерти отца, в дележе с братом Лешком, Конрад получил Мазовию и Куявы (земли по Висле, Бугу и Нареву). Для защиты страны от пруссов навел на них немецких рыцарей.

157

Длугош, о. с., кн. IX, стр. 285, кн. X, стр. 410 и 460. Дальнейший рассказ до описания Самогитии, ibid., кн. X, стр. 465—469.

О Витовте (1350—1430): А. Барбашев, Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы, СПб, 1885, и Очерки литовско-русской истории XV в. — Витовт. Последние двадцать лет княжения, СПб, 1891; М. Любавский, Очерк истории литовско-русского государства до Люблинской унии включит., М., 1910; М. Грушевський, Історія України Руси, т. V, Львов, 1905, и т. VI Кіив—Львов, 1907.

158

Бодзанта — 29-й архиепископ Гнезненский с 9 мая 1382 по день смерти 26 дек. 1389 (Gams, о. с., стр. 347).

Конрад князь Олесницкий — Конрад II (1338—1403) сын Конрада I, родоначальник Олесницких Пястов (Wielka encykłopedya powszechna, t. XXXVII, 655).

159

Andreas Wasilo — из дома Ястржембец, в 1386 г. перемещен с еп. кафедры в Серете на Виленскую, ум. в 1399 г. (Gams, o. c., стр. 360).

160

Указанные места — все в пределах Россиенского и Тельшевского уездов б. Ковенской губ.

Е. Замысловский (Герберштейн, стр. 359—360) дает нижеслед. пояснения: Эйрагола Ковенского уезда, на карте Тёппена n° 1 в „Preussen und die Nachbarländer vor den Zeiten der Ordenherrschaft“ (прилож. к его Historisch comparative Geographie von Preussen) – Eragola при р. Добезе: 55° 15′ с. ш., 41°, 10′ в. д.

Медники — Ков. губ. Тельшевского уезда: 52° 47′ с. ш., 40° 2′ в. д.

Хроссе — Россиенск. уезда: 55° 35′ с. ш., 40° 20′ в. д.

Розена — Россиены, уездн. гор. Ков. губ.: 55° 10′ с. ш., 40° 45′ в. д.

Видуки — Россиенск. уезда: 55° 25′ с. ш., 40° 34′ в. д.

Велюнь — Россиенск. уезда, у Тёппена — Wilona при р. Немане: 55° 5′ с. ш., 40° 57′ в. д.

Кельтини — Колтыняны, Россиенск. у.: 55° 35′ с. ш., 40° 7′ в. д.

Четра — м. б., Scheraki (Тёппен) к ю.-з. от Колтынян.

Рассказ о Самогитии до передачи в. княжения Витовту основан на след. местах Длугоша: кн. XI, стр. 159—160 и 162; кн. X, стр. 471 и 473.

161

Вергилий, Эклога II, ст. 60. Заимствовано из Длугоша, о. с., кн. XI, стр. 159.

162

Это не единственный пример того, что скептик и реалист Меховский все же остается человеком своего времени в смысле суеверия: хитрости демонов — его собственная прибавка.

У Герберштейна (о. с., стр. 180) передается тоже bona fide рассказ об одном конкретном случае такого рода „божеского наказания“.

163

Медницкая епископия, иначе Самогитская, утверждена в 1416 г. Констанцским собором.

Матфей поставлен еп—ом в 1421 г. (Gams, o. c., стр. 357).

164

Длугош (о. с., кн. XI, стр. 340—341 и 362—364) не говорит о завоевании, а лишь о победе и получении контрибуции.

165

Длугош, о. с., кн. X, ст. 523 (под 1397 г.). Заимствовано С. Мюнстером (о. с., стр. 907).

Е. Замысловский приводит в подтверждение факта переселения татар в Литву свидетельство турецкого историографа Мурада IV Пэчэви (кон. XVI — нач. XVII в.) со ссылкой на А. Мухлинского (Исследования о происхождении и состоянии литовских татар — Акт в имп. СПб. ун—те, СПб, 1857, стр. 122—126). См. Замысловский, Описание, стр. 73.

166

Тохтамыш, разгромленный Тамерланом, попытался вновь утвердиться в Зол. Орде, но был изгнан Тимур-Кутлугом и ушел к Витовту, который обещал вернуть ему Кипчак с тем, чтобы Тохтамыш потом помог ему овладеть Москвой.

В 1399 г. огромное войско Витовта, где были русские, литовцы и татары, встретилось с Тимур-Кутлугом в бою при р. Ворскле и понесло полное поражение. Витовт едва успел бежать с небольшой дружиной, преследуемый татарами до самого Киева (см. Соловьев, о. с., I, стр. 1033—1034).

167

Весь рассказ до упоминания Энея Сильвия Пикколомини — из Длугоша: о. с., кн. XI, стр. 368—375, 379—391, 400, 402—405, 414—415, 417—418, 479, 481; кн. XII, стр. 619—620.

168

Эней Сильвий из знатного сиеннского рода Пикколомини род. в Корсиньяно (Тоскана) в 1405 г., умер 14 авг. 1464 г.; знаменитый гуманист — историк, географ, поэт, дипломат, канонист, теолог и оратор, с 27 авг. 1458 г. папа под именем Пия II.

Высокая одаренность и отличное образование — с одной стороны, любознательность, общительность и гибкость характера (иногда, впрочем граничившая с беспринципностью) — с другой — сделали для него легким блестящий дипломатический путь, начатый уже в юности. Круг лиц, вещей, стран и событий, с какими успел познакомиться Эней Сильвий, очень широк. Базельский собор, дипломатические поручения в Германии, Савойе, Швейцарии, Вене, епископат в Тиесте, потом в Сиенне, нунциатуры в Австрии, Венгрии, Богемии, с 1456 г. кардиналат и папская тиара с 1458 г. — вот главные вехи биографии его, как политического деятеля.

Из многочисленных литературных, публицистических и научных произведений Энея Сильвия для нас наиболее интересны его историко-географические описания Азии и Европы. В разных изданиях они носили разные наименования, а ко времени Меховского появились, как: 1) Historia rerum ubique gestarum cum locorum descriptione... Venetiis, 1477 и позднее — то же под наименованием Cosmographia Pii papae in Asiae et Europae eleganti descriptione. Asiae historiam rerum ubique gestarum cum locorum descriptione complectitur. Europae temporum varias continet historias... Parisiis, 1509; 3) In Europam, scilicet de his, quae sub caesare Frid. III per Ger-

maniam gesta sunt, cum locorum descriptione, Memmingae (1490). См. Potthast, o. c., стр. 23.

Мы пользовались экземпляром Ак. Наук: Aeneae Sylvii Piccolomini Senensis... opera, quae extant omnia... Basileae, 1571.

Упоминаемое Меховским место находится в гл. XXVI Европы (De Europa), в рассказе о Литве. Эней Сильвий говорит следующее: „Преемник его (Витовта — *С. А.*), Свидригал, прикармливал медведицу, которая привыкла брать хлеб из его рук, но часто бродила и по лесу. Когда она вновь приходила к покою (thalamum) князя, ей были открыты все двери, а тут она имела привычку, проголодавшись, тереться о дверь и стучаться ногами: тогда князь открывал дверь и давал ей есть. Несколько знатных юношей составили заговор против князя и, взяв оружие, стали, по примеру медведицы, тереться о дверь княжеской спальни. Свидригал, думая, что там медведица, открыл дверь и тут тотчас пал под ударами бывших в засаде" (перев. наш).

Как видим, Эней говорит действительно не о Сигизмунде Стародубском, но и не о Витовте, как утверждает его обвинитель. Какие именно „нелепости" в сообщении Энея Сильвия о Литве и Польше имеет в виду Меховский дальше, трудно сказать.

Во всяком случае, ни упомянутая уже глава о Литве, ни глава XXV, посвященная Польше, как будто не дают оснований обличать их автора в невежестве.

Возможно, впрочем, что наш автор разумеет один из памфлетов, где Эней Сильвий отрицает королевское происхождение детей четвертой жены Ягелло, Софии, и между прочим короля Казимира III. Ср. Ю. Мархлевский, о. с., стр. 81.

169

Казимир Ягеллон король Польский и в. князь Литовский в 1445 — 1492 гг.

Окончательное подчинение Новгорода Иваном III относится к 1479 г. Ни формально, ни фактически Новгород в это время не принадлежал Литве, как думает Меховский (о совместном с Москвой владении некоторыми пограничными Новгородскими волостями см. Соловьев, о. с., I, стб. 1144; о литовских князьях в Новгороде — ibid., I, 924, 926, 927, 1039, 1356). Договор о покровительстве, заключенный Новгородом с Казимиром Литовским в 1470 г., не был реализован: когда в следующем 1471 г. Иван III пришел с войском к Новгороду, последний не получил от Казимира никакой помощи и после недолгой борьбы заключил новый договор, уже с Иваном III, где говорилось: „За короля и за в. князя литовского... не отдаться... князей... у в. князя литовского не просить и не принимать князей из Литвы в Великий Новгород". Борьба литовской и московской партий в Новгороде продолжалась и после того, когда положение московского правительства осложнилось угрозой соединенного нашествия татар и Литвы; начались даже вновь переговоры Новгорода с Казимиром, которые и вызвали поход Ивана III, но никаких актов, свидетельствующих о подчинении Новгорода Литве, совершено не было (Соловьев, о. с., I, стб. 1349—1378).

В суждении о зависимости Новгорода от Литвы Герберштейн ближе подходит к истине, чем Меховский. Он говорит: „От союза с подобными народами, содействием которых новгородцы пользовались для сохранения своей республики, выходило, что московиты хвастались, что они имеют там своих наместников, а литовцы в свою очередь утверждали, что новгородцы их данники“ (о. с., стр. 118, перев. А. И. Малеина).

Во втором издании Хроники Меховского, в рассказе о занятии Иваном III Новгорода, имеется вставленная правительственной цензурой фраза, настолько соответствующая сказанному Герберштейном, что можно было бы думать о заимствовании ее последним из Хроники.

170

Александр Ягеллон (1460—1506), четвертый сын Казимира Ягеллона, в. кн. Литовский с 1492 г., а с 1501 вместе с тем и король Польский. Женат был на дочери Ивана III — Елене.

Можайск занят Василием Темным в 1454 г. Иван, князь Можайский (б. удельный), с семьей и своими бежал в Литву (Соловьев, о. с., I, стб. 1079—1080). К позднейшему времени относятся жалобы Казимира Литовского Ивану III на захват русскими людьми литовских областей, в том числе и некоторых можайских (Тешинова и др.), на что Иван III отвечал, что те волости издавна тянут к Москве (ibid., стб. 1446).

В ноябре 1492 г. посол Александра Литовского вновь повторяет в Москве те же жалобы, упоминая и можайские волости (ibid., стб. 1450). Новое литовское посольство 1494 г. при переговорах уступило можайские, боровские и медынские волости Москве (ibid., стб. 1455). Таким образом, если Меховский неправ в отношении Можайска, то ошибка его легко объяснима и невелика.

А. Кампензе, как всегда, рабски копирует Меховского и в известии о Можайске (о. с., стр. 22).

171

Сигизмунд I, сын Казимира Ягеллона, король Польский и в. кн. Литовский в 1506—1548 гг.

Псков присоединен Василием III в 1510 г. (Соловьев, о. с., I, стб. 1598—1602). Пока Псков сохранял свою независимость, он самостоятельно сносился с Литвой, принимал к себе литовских князей и, по известию Новгородской летописи, на короткое время (при Александре тверском) даже подчинился Литве (Соловьев, о. с., I, 849, 926, 946). Казимир Ягеллон, без сомнения, рассчитывал на переход его к Литве (ibid., стб. 1448—1449); расчеты эти отнюдь не оправдались, но, повидимому, послужили причиной ошибки Меховского, повторенной и Альбертом Кампензе (о. с., стр. 21).

Смоленск, с 1386 г. действительно подчинявшийся Литве, в 1395 г. окончательно был присоединен Витовтом, но в 1514 г. после троекратной осады взят Василием III (ibid., стб. 1000, 1001, 1031 и сл.).

А. Кампензе заимствует у Меховского и данные о Смоленске (о. с., стр. 21)

172

Замысловский (Герберштейн, стр. 356—357) сопоставил эти цифры с картой Географич. общества и почт. словарем. Пользуясь его данными, но переводя все в версты, получим следующую таблицу:

	Меховский	Нынешние расчеты
От Балт. моря до Вильны	300	240
„ Риги „ „	350	238
Тоже через Полоцк	500	627
От Вильны до Киева	500	724
„ Киева до слияния Днепра и Буга	350	406
„ Парчова до Вильны	400	433
„ Кракова „ „ по той же дороге	600	639
„ Вильны до Смоленска	500	468

173

Из шести предместий Кракова — Казимирия и Клепардия (Kazmierz i Kleparz) до конца XVIII в. были отдельными городами.

Слова orti et pomoria можно перевести также „садами и выгонами". Мы предпочли понять pomoria, как pomaria (овощной сад, огород), а не как pomoeria (пустырь близ городской стены, выгон).

174

Известие ошибочное и вообще и по отношению к Витовту в частности.

Дальнейшее сравнение Новгорода с Римом повторено Альбертом Кампензе (о. с., стр. 22); расстояние от моря им определяется в 202 мили (ibid).

В Риме Меховский был в 1499 году, но уже из данного места видно, что в Новгороде он вообще не был. Известие о величине Рима могло быть взято у Bergomensis (о. с., л. 66^{v} — со ссылкой на Флавия Вописка: ко времени Марка Аврелия — 30 миль).

175

Сообщение о вывозе Иоанном III из Новгорода 300 возов золота и драгоценностей есть уже у Длугоша (о. с. XII [XIII], стр. 698). Со слов Меховского его повторяют Альберт Кампензе (о. с., стр. 22), меняя цифру 300 на 307, и Герберштейн (о. с., стр. 118), последний — со ссылкой на „некоторых писателей".

Отрывок о хранилищах драгоценностей переведен в „Отеч. Записках" (о. с., стр. 145) и истолкован, нам кажется, ошибочно: „... много очень богатых купцов, у которых существует обычай помещать вблизи стола сундук (krancz — вероятно скринка) черепаховидной формы..." Сходен с этим и немецкий перевод Ф. Экка 1518 г.: „... so das ain yegklicher kauffman hett neben seinen tisch ainen crantz das ist ain behalter darin er gold und silber warff"... (Traktat von baiden Sarmatien... Augspurg, 1518, л. 27^{v}).

В подлиннике iuxta refectorium, т. е. близ столовой; reservaculum loco testudinis может значить „хранилище вместо (или на

месте) свода", т. е., повидимому, подвал, подполье, наподобие сводчатых подвалов в каменных домах.

Итальянский переводчик Annibale Maggi правильно переводит refectorium и вовсе пропускает loco testudinis: „presso il luogo, dove separamente mangiano... vi è il Cranez, cioè il salva robba"... (Мы пользовались экземпляром Ак. Наук: Historia delle due Sarmatie... Venetia, 1584, стр. 110).

176

Переводы частей Трактата, данные в „Отеч. Записках" (т. XCVII, СПб, 1854, отд. II, стр. 141—151) подкупают читателя легкостью и прекрасным языком, но зачастую оказываются скорее пересказами, чем переводами.

Весь отрывок о новгородском суде типичен, как пример. Сопоставление перевода с подлинником показывает следующее. Перевод О. З.: В Новгороде (подл. „в этом же Новгороде") начала было распространяться вредная наклонность к грабежам и разбоям (подл., perniciosa consuetudo inoleverat, т. е „издавна укоренилась гибельная привычка к"... или „издавна стали постоянным несчастием убийства и грабежи"); Чтобы искоренить это зло, новгородцы ввели у себя следующий обычай (всего этого — от „чтобы" до „обычай" в подл. нет); Захваченный на деле или обвиняемый в воровстве либо разбое представлялся в преторию [„вече"] (в начале пропущено saepe — подл.; из следующего весь конец — от „в воровстве" до [„вече"] в подлиннике отсутствует; эта вставка изменяет рисуемую подл. картину, порядок судебных действий); Потом ударяли в вечевой колокол; по первому его звуку... („потом" нет и не может быть в подл., т. к., по Меховскому, в колокол начинали бить тотчас по обнаружении преступника; слов по первому его звуку в подл. нет; эпитета вечевой в подл. нет: Меховский, щеголяющий знанием местных слов, именно этого слова не приводит и, конечно, не случайно, так как речь идет не о вечевом суде, а о суде господ. Ср. В. О. Ключевский, Курс русской истории, ч. II, Москва, 1906, стр. 87).

Во избежание неясностей, выражение campana praetorii, что всетаки, думаем, значит вечевой колокол, мы переводим буквально — колокол, совета.

177

Deczen — Детинец. Этот отрывок переведен и в Отеч. зап. (ibidem, стр. 146) и у Замысловского (Герберштейн, стр. 371) — в первом случае — с обычными для переводчика От. Зап. украшениями и неточностями („которого позолоченная крыша горит, как огнем"); во втором — у Замысловского — с устранением характерного для Меховского слова czyrnkorum и ненужной вставкой „в количестве, постепенно уменьшающемся".

178

О числе новгородских церквей и в частности церквей св. Николая Альберт Кампензе сообщает со слов Меховского (о. с., стр. 63 итальянского текста).

Русский перевод Кампензе у Семенова (о. с., стр. 22) тут совершенно неверен: „для описания одной церкви св. Николая... потребуется не менее целого года".

В подл. говорится м. пр. о возможности suere et laborare белой ночью в Новгороде; слово suere пропускают и переводчик От. Зап. (стр. 146) и Замысловский (Герберштейн, стр. 371).

179

О немецкой внешности псковичей ср. у Герберштейна (о. с., стр. 121).

О числе пригородов Пскова („замков" Меховского) говорит Замысловский, цитируя И. Беляева „Рассказы из русской истории. История города Пскова и Псковской земли". Их было, по подсчету Беляева, двадцать, но одновременно едва ли бывало больше двенадцати (Замысловский, Герберштейн, стр. 373, прим. 26).

Альберт Кампензе целиком заимствует известие о Пскове из Меховского (о. с., стр. 21, итал. текст, стр. 63). Русский перевод (тридцати крепостях) неверен: переводчик грубо ошибся, отнеся к Пскову то, что говорится о Василии III: egli habbia nella Lituania et quasi in tutto'l resto della Moscovia.

О снятии колокола и уводе жителей см. также у Герберштейна (о. с., стр. 121).

О высылке псковичей в Москву (300 семей) ср. у Соловьева (о. с. I, стб. 1602).

Слово muratus в приложении к замку или городу Замысловский всегда переводит „окруженный стеной". Между тем Меховский, совершенно правильно следуя и античному смыслу слова, и обычному в его время употреблению, и аналогии польского murowany, явно понимает это слово в смысле „каменный" (murus не деревянная, а каменная стена). Особенно очевидна неверность иного понимания ниже, в описании московского Кремля (см. прим. 193). Вольность Замысловского тем менее понятна, что сам он очень суров к чужим переводам.

180

Сообщение о литовском языке заимствуется Меховским у Длугоша (о. с., кн. II, стр. 151) из главы „О происхождении литовцев и пруссов, о нравах их и т. д."

Длугош говорит: „(пруссы) имеют особый язык, несколько родственный латинскому, а кое в чем имеющий сходство и тождество с литовским... Одни и те же обычаи и язык, одно и то же общее родство у пруссов, литовцев и самагитов... И хотя эти народы в произношении и различаются так же, как поляки, богемы и русские, но во многом по языку схожи" (перев. наш).

В отличие от Меховского, Длугош подчеркивает скорее сходство языков, чем их различия. В цитируемом месте Длугош не упоминает ятвягов и Лотвы, как Меховский, но о ятвягах в сближении с литовцами и самогитами говорит в кн. X (стр. 473).

Мюнстер в „Космографии", говоря о литовском языке, повторяет Меховского (ср. Замысловский, Описание, стр. 72).

О ятвягах см. Н. П. Барсов, Очерки русской исторической географии, Варшава, 1873, стр. 33, стр. XVIII—XIX, прим. 53. Ср. Замысловский, Герберштейн, стр. 358, прим. 14.

181

Криве Кривейто, т. е. судья судей, по сообщению хрониста XIV в. Петра Дюсбургского (автора Chronicon terrae Prussiae), верховный жрец Литвы, избиравшийся жрецами из своей среды.

Возможно, однако, что это не нарицательное, а собственное имя какого-то неизвестного нам крупного жреца. Ср. М. К. Любавский, о. с., стр. 11—12; A. Merzynski, Zródta do mytologii litewskiej, cz. III, Warszawa, 1892, 1896; его же, Romowe, Poznań, 1900.

Именем Romowe, Romnowe, Rumnowe древние пруссы называли места жертвоприношений, места, где пребывают боги. Смысл слова — „место тишины". Таких мест было много, и розыски главного Romowe представляли предмет ряда исследований (Vogt, Geschichte Preussens, I и прибавл. 2; Narbut, Dzieje narodu litewskiego; Toeppen, Geographie v. Preussen. См. Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów słowianskich, wyd. pod red. Br. Chlebowskiego i Wlad. Walewskiego, t. IX, Warszawa, 1888, str. 737—738).

Весь отрывок заимствован у Длугоша (о. с., кн. II, стр. 151), но, в отличие от своего источника, Меховский относит ко всему „четвероязычному народу" то (о Криве и Ромове), что сам Длугош говорит об одних пруссах.

В той же главе у Длугоша говорится и об италийском происхождении пруссов, литовцев и самогитов; о том же еще в кн. X, стр. 473, но вместо пруссов там рядом с литовцами и самогитами названы ятвяги (Iaczwingi).

Адальберт (род. ок. 940 г.), епископ пражский, проповедник христианства в Пруссии, убит пруссами (997 г.) и канонизован, как мученик. В главе о происхождении литовцев и пруссов Длугош рассказывает и о том, „как св. Адальберт принял мученичество в Пруссии" (о. с. кн. X стр. 152—154).

182

Повторено Мюнстером в „Космографии (о. с., стр. 908). Ср. Замысловский, Описание, стр. 74.

183

Из названных рек только Донец — приток Дона; Оскол — левый приток Донца, а р. Югра неизвестна.

Vesnija, очевидно, ошибка писца или наборщика, вместо Vesma, т. е. Вязьма, как и переводит Замысловский (Герберштейн, стр. 164).

У Альберта Кампензе, который все описание рек берет из нашего автора, имя Вязьма изуродовано в Versura (о. с., стр. 27, итальянск. текста

стр. 67). Рамузио в Secondo volume delle navigazioni et viaggi... Venetia 1559, стр. 128, дает к этому месту текста Кампензе сноску на поле — Viesma.

О реке и городе Вязьме упоминает и Герберштейн (о. с., стр. 112).

184

Меховский и его современники обозначают мед словом mel, а питье из меда — словом medo.

185

На карте Московии в „Космографии" Мюнстера в лесной полосе по левому берегу С. Двины изображена россомаха Rossomata.

Подобный же рассказ о россомахе встречается у Олая Магна. Ср. Замысловский, Описание, стр. 108—109.

186

Ср. у Длугоша (кн. X, стр. 472, перев. наш): „У литовцев много рабов. Одни родились от рабов для той же участи, а иные обращены или проданы в рабство из свободных, потому что не могут уплатить либо податей, либо судебных штрафов, которые там чрезвычайно высоки. Так с каждым днем и растет количество рабов".

187

Себастиан Мюнстер для описания Московии в своей Космографии (о. с., стр. 911, 913) по преимуществу пользовался Меховским, в меньшей степени Иовием.

Ср. Замысловский, Описание, стр. 76, 78, 85 и сопоставление текстов Трактата и Космографии на стр. 114—121.

Еще в большей зависимости от Меховского находится в этом отношении Альберт Кампензе (о. с., стр. 14, 23—29), что явно недооценено В. О. Ключевским не раз цитирующим в „Сказаниях" под именем Кампензе данные Меховского в его изложении. (Ключевский, Сказания иностранцев о Моск. государстве, М., 1916, стр. 81, 174—175 и др.).

188

Пользуясь приведенными Замысловским данными карты Географического об-ва и почт. словаря, но переводя все цифры в версты, получим такую таблицу:

	Меховский	Нынешние данные
От Смоленска до Москвы	500	378
„ Москвы до Вологды	500	429
„ Вологды до Устюга	500	437
„ Устюга до Вятки	500	424
„ Москвы до Владимира	85	175
„ Владимира до Устюга	500	881

Альберт Кампензе, заимствуя цифры у Меховского, дает чрезвычайно сбивчивую картину, так как путает итальянские мили с немецкими (о. с., стр. 14).

Искаженные им названия Perusrani, Vahulsrani перешли затем и в карту Иакопо Гастальдо 1548 г. (в итальянском переводе Географии Птолемея, изд. в Венеции в 1561 г. Ср. Кордт, о. с., вып. 1, табл. V).

189

Замысловский (Герберштейн, стр. 363) отмечает, что у Меховского сведения о Твери „обстоятельнее других, и потому можно предполагать, что сообщены лицом, близко знакомым с положением этого княжества, которое, как известно, из всех княжеств сев.-вост. Руси находилось в ближайших сношениях с в. княжеством Литовским".

О составе Тверской области говорит Никоновская летопись (VI, 130), рассказывая, что в 1492 г. „князь великий Иван Васильевич послал Тверские земли писати по московски в сохи, а писал Тверь князь Федор Аслабыш, а Старицу — Борис Кудозов, а Зубцов да Опоки — Дмитрий Пешиков, а Клин — Петр Лобан Заболоцкий, а Холм и Новый городок — Андрей Коромышев, а Кашин — Василей Коромышев".

190

Княжество Кубенское находилось на побережьях Кубенского озера, в ю.-зап. части Вологодской губ. Упоминается в догов. грамоте Можайского князя Михаила Андреевича с в. кн. Василием Васильевичем 1447 г. июля 19 (Собр. гос. грам и догов. I, n° 64, стр. 141).

Княжества Szuhersiensis — Шугерского не было: название, очевидно, искажено. Замысловский (Герберштейн, стр. 366) думает, что имелось в виду название области, лежавшей по р. Шексне, которая в старину называлась Шехонью. Предположение это очень вероятно, т. к. скорописное написание, напр., Szuhoniensis легко было (переписчику или наборщику) прочесть хотя бы и Szuhersiensis. Волость князей Шехонских упомянута в завещании в. кн. Василия Васильевича 1462 г. (Собр. гос. грам. и договоров I, n° 86). Нам, однако, кажется более правильным сблизить Szuhersiensis с княжеством Сугорским, выделившимся с конца XIV в. в Белозерском уделе (восточная половина удела, за рекой Шексной). Ср. Соловьев, о. с., I, стб. 1008 — генеалог. таблица и примеч. 3-е; А. В. Экземплярский, Великие и удельные князья северной Руси в татарский период, т. II, СПб., 1891, стр. 167—169.

191

А. И. Малеин, комментирируя Герберштейна (о. с., стр. 145, примеч.) указывает, ссылаясь на Г. З. Кунцевича, что в „Истории о Казанском царстве" это число отнесено к злым черемисам.

Герберштейн, как известно, пользовался русскими памятниками, но в данном случае проще всего предположить заимствование из Меховского.

192

Переводчик Отеч. Записок опускает „а не каменная", добавляя ряд лишних слов (о. с., стр. 148). Замысловский, по принятому им обыкновению, переводит non murata „не обнесена стеной". Ср. наши примеч. 179 и 193

193

Это место во всех существующих русских переводах выражено с теми или другими неточностями".

Отеч. Зап. (о. с., стр. 148): „крепость... весьма хороша, обнесена стеною (muratum)... Стена же крепости сплошная".

Замысловский (Герберштейн, стр. 369): „Крепость... обнесена крепкой стеною..." (sed unus murus опущено).

Дитмар (о. с., стр. 70): „Кремль (см. наше примеч. 176 о слове „вече"), который находится посредине города (опущено in plano) представляет хорошую крепость, обнесенную стенами такой же высоты (!?), как в г. Буде в Венгрии... Стена же крепости сплошная".

Неверность перевода muratus словами „обнесенный стеною", о чем уже говорилось, особенно ясна здесь. Стена вокруг крепости — явление более обычное, чем отсутствие стены: скорее следовало бы упоминать о последнем, чем о первом. Меховский этого и не делает: несколькими строками ниже он говорит, что в Кремле три каменные (muratae) церкви, и никто не переводит „обнесенные стенами"; в этом же смысле он говорит и о крепостях. Слова Замысловского „обнесена крепкой стеной" по лат. звучали бы bene muratum, а не bonum, muratum; наконец, только это неправильное понимание слова muratum могло повести к странному переводу (в Отеч. Зап. и у Дитмара) простейшей последней фразы этого отрывка в смысле „стена же крепости сплошная", вместо „а стена там всего одна" (т. е. не три, напр., как бывало и как сообщал о Пскове Фабри: см. Rerum Moscoviticarum auctores varii, Francofurti, 1600, стр. 132; ср. Герберштейн, о. с., стр. 121).

Переводя propugnacula в смысле „стрельницы", Замысловский обосновывает это рядом справок (число их можно было бы и увеличить, добавив, напр.: Срезневский, Материалы для сл. др.-р. яз., т. III, в. 2, стр. 569—570), но они, к сожалению, не вполне убедительны, так как остается неясным, чем же башни-стрельницы отличались от всяких других стенных башен. Позволим себе предположить, судя просто по составу латинского слова, что это должны были быть башни, несколько выступающие вперед из стены, дающие возможностъ флангового обстрела подошедшего к стене врага.

Перевод propugnacula словом „бойницы" (Отеч. Зап. и Дитмар) здесь едва ли удобен, и Замысловский прав, упрекая переводчика Отеч. Записок, но нельзя не упомянуть, что Дюканж дает следующее толкование этому слову (перев. наш): „Propugnacula — довольно узкое и длинное оконце в городской или крепостной стене, через которое стреляли из лука или балисты в осаждающих".

194

Герберштейн (о. с., стр. 101) упоминает только две каменные церкви в Кремле — св. Марии и св. Михаила. О числе церквей в Москве конца XV в. Замысловский приводит данные из Никоновской летописи, VI, стр. 61, а также (о каменных церквах в 1476—1508) стр. 70, 107, 108, 118, 119, 121, 128, 138- 150, 176—177 и 180 (Замысловский, Герберштейн стр. 370, примеч. 19).

В переводе Отеч. Зап., вместо 16, дано 17 церквей (отмечено и Замысловским). У Дитмара, вместо „по итальянскому образцу", — „выстроенный итальянцами"; tres curiae nobilium — Замысловский переводит „три дома, принадлежащие людям благородного сословия", забывая, что curia вовсе не просто дом: переводчик Отеч. Зап., давая тот же перевод, что Замысловский, высказывает вполне основательную догадку: „может быть, три общественных здания или приказа"; Дитмар пропускает слово nobilium (o. c., стр. 70).

Фраза stubae omnes nigrae смелее всех переведена в Отеч. Зап.: „а избы черные". Дитмар (ibid.) пропускает stubae и смягчает nigrae— „мрачные". Замысловский (ibid.) переводит „комнаты (stubae) в них темные".

Так как трудно предполагать, чтобы Меховский, при самой неточной информации, мог считать деревянные дома в Кремле курными избами (черные избы), мы решаемся понять nigrae в смысле „не парадные", „обыкновенные жилые": этот смысл выражения „черная изба" и доныне бытует в центральных областях РСФСР.

195

Геродот, рассказывая о холоде в Скифии, говорит: „Мне кажется, что так называемая комолая порода быков по той же причине не имеет там рогов" и далее: „Совершенно верно сказано, что в теплых странах быстро вырастают рога, а в очень холодных местностях у скота или вовсе не растут рога или едва вырастают" (кн. IV, гл. 29. Перевод у В. В. Латышева, o. c., т. I, вып. 1, стр. 20).

Аристотель в Περὶ τὰ ζῷα ἱστορίαι (кн. VIII, гл. 28) сообщает, что „У Понта в Скифии... рога у них (у баранов) совсем не растут" (Латышев, o. c., т. I, в. 2, стр. 378).

У Страбона сказано о тех же местностях: „быки одни родятся безрогими, а у других отпиливают рога (ибо эта часть тела также не выносит холода)" — кн. VII, гл. 3, § 18; перевод у В. В. Латышева, o. c., т. I, вып. 1, стр. 121.

Мюнстер заимствует это сообщение у Меховского (o. c., стр. 911).

Герберштейн говорит: „животные (в Моск. обл.) гораздо мельче наших, но не лишены все же рогов, как сообщил один писатель" (o. c., стр. 99, перев. А. И. Малеина).

Выражение boscis ac silvis aquis quoque fluminibus... (terra Moscovie... refferta) переведено в Отеч. Зап. (o. c., стр. 148): „лугами и лесами... целительными источниками и реками", а у Дитмара (o. c., стр. 70): „рощами и лесами, целебными водами и реками", то есть в обоих случаях произвольно добавлен эпитет „целительными, целебными", отсутствующий и не предполагаемый в подлиннике.

196

Вслед за предыдущим отрывком, и этот заимствован Мюнстером (o. c., стр. 911).

О пахоте без железных орудий Герберштейн говорит, описывая Самогитию (o. c., стр. 178).

Переводы этого места и в Отеч. Зап. (о. с., стр. 149) и у Дитмара (о. с., стр. 70—71) представляют собою скорее пересказы, чем переводы.

197

О напитках, деньгах и богатстве серебром повторено Мюнстером (о. с., стр. 911).

О продолговатой форме московской монеты, но не четыреугольной, а овальной говорит и Герберштейн в своем гораздо более подробном сообщении (о. с., стр. 88—89).

Выражение „non politam nec bene planatam" точно переведено только Замысловским (Описание, стр. 80). В Отеч. Зап.: „грубого чекана и без полировки" (о. с., стр. 149). У Дитмара nec bene planatam не переведено.

198

Описание Дона и Волги повторено у Мюнстера (о. с., стр. 911).

Герберштейн, рядом с сообщением о 25 рукавах Волги, приводит и другое мнение — о 70 рукавах (о. с., стр. 113).

О татарском названии Волги (Эдель, Идель, Итель, Атиль) см. у Замысловского (Герберштейн, стр. 181 и примеч.) со ссылками на: Шафарика, Слав. Древн., т. I, кн. 2, стр. 361—362; Peschel, Geschichte d. Erdkunde, München, 1865, стр. 6, прим. 2; Forbiger, Handbuch der alten Geographie, B. II, Leipzig, 1844, стр. 75; Г. Ф. Миллера, Описание живущих в Казан. губ. языч. народов, СПб., 1791, стр. 35—36; А. Я. Гаркави, Сказания мусульман. писателей о славянах и русских, стр. 85, 191, 195, 197, 218, 228.

Отрывок о Волге сравнительно точно переведен у Замысловского: неудачна лишь фраза: „Далее Волга течет на протяжении восьмидесяти немецких миль, мимо города Казани ... и мимо города Сарая". И в Отеч. Зап. (о. с., стр. 150) и у Дитмара (о. с., стр. 71) неверно переведено Edel tendens in septemtrionem: „направляясь с севера" (О. З.) и „начинается с севера" (Д.).

199

К этому месту Замысловский делает такое пояснение: „В той же части своего Трактата, в которой автор указывает на единство языка и веры, как на одну из выдающихся особенностей быта Московии, он причисляет к этим особенностям и подвижность населения. Как в землях турецких, пишет он, так и в Московии переселяются из одной области в другую, (места же покинутые) бывают занимаемы другими. Так рано давала знать о себе та особенность русского быта, важное и глубокое значение которой могло быть оценено только путем исторического изучения нашего прошлого" (Замысл., Герберштейн, стр. 368).

Так же понят отрывок о переселениях и в переводе Отеч. Зап. (о. с., стр. 150: „люди очень часто переселяются для обитания из одной области в другую; земли же, принадлежавшие прежним владельцам, переходят в собственность других") и у Б. Дитмара (о. с., стр. 72: „Люди часто переселяются с места на место, из одной области в другую, оставляют свои земли и поселяются на других").

Не говоря уже о мелких неточностях (особенно у Дитмара), надо признать, что самое существо мысли Меховского, совершенно непонято пере-

водчиками. Так как два из указанных переводов вышли много позднее работы В. О. Ключевского „Сказания иностранцев о московском государстве" (первое изд. 1866 г.), где между прочим интересующее нас место передано иначе и вполне правильно (см. „Сказания"... М., 1916, стр. 179—180), мы считаем нелишним дать несколько пояснений.

Если слово transferuntur еще можно, пожалуй, понять в смысле se ipsos transferunt, то alii pro his commutatim mittuntur et locantur никак нельзя понять в активном смысле. Наш автор говорит не о добровольном, а о принудительном переселении, примеры чего сам приводил выше (ведь здесь только вывод из ранее сказанного), в рассказе о взятии Пскова (см. стр. 108). Именно в этом смысле понимали факты и в XVI в. Альберт Кампензе повторяет слова Меховского о переселении Василием III псковичей в Москву, а московитов во Псков (о. с., стр. 21). Герберштейн не раз говорит о таких же мероприятиях, в частности, кроме Новгорода и Пскова, упоминает и о Рязани (о. с., стр. 105). Франческо Тьеполо в своем Рассуждении о делах московских (пол. XVI в.) многократно упоминает о переселении в. князем людей в военных целях (военные колонии для охраны границ: Historiae Russiae Monimenta, t. I, Petropoli, 1841, стр. 166, 170, 172).

Сравнивая все это с фактами, имеющимися у Карамзина (ИГР, т. VII, стр. 42—43), у Соловьева (о. с., I, стб. 1377—1378, 1602 и др.), мы находим полное подтверждение нашей мысли и склонны считать более вероятным то, что Замысловский и Дитмар не знали толкования Ключевского, чем то, что они игнорировали его.

Во всяком случае цитированный выше любопытный вывод Замысловского оказывается висящим в воздухе.

200

Известие о золотой бабе, впервые приводимое Меховским, приобрело широкую известность, повторялось и варьировалось многими писателями XVI и нач. XVII в., попало даже на географические карты (Вида, Дженкинсона) в виде изображений на дальнем с.-в. Европы женской статуи.

Герберштейн говорит о золотой бабе подробнее (о. с., стр. 130—131); о ней упоминают Климент Адамс (1556), Гваньини и др.

Библиографию исследований вопроса о золотой бабе дает М. П. Алексеев (о. с., стр. 114—119).

Замечательно, что сам Меховский, повидимому, считает первым, сообщающим о золотой бабе, не себя, а какого-то „старейшего историка, описавшего приход венгров" (см. ниже письмо к Галлеру, стр. 120). Кто этот историк, нам установить не удалось, но судя по тексту рассказа, надо думать, что отождествление ледяной статуи „в пределах Белой Руссии" с золотой бабой все же принадлежит Меховскому, а не тому „старейшему".

201

Этот отрывок и следующий (о Перми, но без упоминания имени Стефана) повторен у Альб. Кампензе (о. с., стр. 26). Все начало главы до слов о горах заимствовано Мюнстером (о. с., стр. 913).

202

Стефан Храп (ироническое прозвище, полученное им от москвичей)— первый пермский епископ (1383—1396).

Убит вогулами был не он, а третий преемник его, епископ Питирим ум. 19 авг. 1456 г.). См. П. Строев, Списки иерархов и настоятелей монастырей Росс. империи, СПб., 1877, стр. 729.

Герберштейн (о. с., стр. 135) относит описываемый факт к одному из предшественников Стефана.

С. Мюнстер (о. с., стр. 913) повторяет Меховского.

203

Большая часть этой главы наново и весьма точно переведена у М. П. Алексеева (о. с., стр. 79—80). Отметим только пропуск (без указания) рассказа о крещении Перми и неправильное: „эти области", вместо „другие вышеупомянутые области".

В переводе Б. Дитмара (о. с., стр. 72) пропущены: фраза Меховского о слове Пермь, затем вся мотивировка дикости северян (Et quia silvae... effecerunt) и перечень пушных зверей. Совершенно неправильно переведено sunt velut bestiae rationem non utentes: „зверей используют неразумно" (!?).

Замысловский ошибочно переводит feris... vescuntur: „одеваются в шкуры лесных животных", приняв vescuntur за vestiuntur. (Замыслов., Гербершт., стр. 374). О слове scismus см. наше примеч. 121.

204

В объяснение этого места Замысловский приводит следующие соображения (Герберштейн, стр. 265): „В издании 1518 г. canes marinos переведено Mörkelber. Mörkalb или Meerkalb то же, что Seehund, но название это и родовое и видовое. Оно означает и тюленя, в смысле имени родового, и морского зайца (phoca barbata), который составляет один из видов семейства тюленей. См. Исследования о состоянии рыболовства в России, изд. м-ва гос. имущ., т. VI, СПб., 1862, стр. 83". Далее, ссылаясь на те же Исследования, стр. 83, Замысловский приравнивает vitulus к нерпе. Сообщение о ловле китов тот же автор не считает правдоподобным, ссылаясь на наблюдения путешественников о невыгодности там китового промысла и полагая, что речь может итти лишь об использовании выброшенных на берег трупов китов (ibid, 267—268).

Слово vorvol Замысловский, Дитмар и Алексеев понимают, как искаженное ворвань.

Последняя фраза „et ex cute eorum..." вызвала и вызывает больше всего сомнений. Замысловский переводит: „кожу их употребляют на повозки, мешки и одежды, жир же сберегают и продают вместо масла". Переводчик считает вероятным (ibid, стр. 266), „что Меховский неверно передал или не понял то, что ему говорили об изделиях из кож морских верей. Не из этих кож, употребляемых на ремни, а обыкновенно из оленьих

шкур самоеды шьют себе малицу и совик и, по всей вероятности, которую-либо из этих одежд (род мешка с двумя рукавами, с отверстием внизу и вверху, чтобы просунуть голову), и следует разуметь под словом caletae у Меховского (см. Дневник Латкина, II, стр. 4), Исследования о состоянии рыболовства в России, VI, 93, 159".

Дитмар (о. с., стр. 79) переводит несколько странно: „из шкур их делают мешки и калиты (?!), наполняют их (?!) жиром и продают".

М. П. Алексеев (о. с., стр. 80), повторяя сначала перевод Замысловского, заканчивает так: „а жир, если заблагорассудится, хранят и продают", так как в издании Старчевского, им использованном, вместо inpinguatione, стояло ошибочное imaginatione.

В итальянском переводе Анн. Маджи (о. с., стр. 130) читаем: „della pelle de'quali fanno carrette, borsaggi e kollette; la sugna poi la salvano et la vendono per far grassi i cibi"; в последних словах напрасная точность, т. к. inpinguatio значит примерно „умащение", но не обязательно в применении к пище.

Немецкий перевод 1518 г. (о. с., л. 30) дает: und ir heut brauchen zu vil dingen und das schmär verkauffen sy". По указанию Замысловского (Описание, стр. 123, прим. 20), это же буквально сказано и в немецком тексте Космографии Мюнстера, изд. 1558 г.

Мы можем сделать следующие замечания: 1) у Дюканжа в числе значений reda указано между прочим flagellum, т. е. бич, что и подходит к сказанному Замысловским о ремнях; 2) слово inpinguatio, вызвавшее у Замысловского специальную справку с дополнением И. В. Помяловского, едва ли в данном контексте сколько-нибудь веско, но во всяком случае отнюдь не значит масло для еды, а всего лишь — „умащение, смазка" и т. п.; 3) объяснение Замысловского к слову caletae, вероятно, правильно, но вполне допустим и буквальный перевод.

205

О происхождении венгров из Югры, следуя Меховскому, кратко говорит Герберштейн (о. с., стр. 135). Он передает также известие о сходстве языков Венгрии и Югры, но лишь как слух, им лично не проверенный.

Сравнение венгров с юграми по языку и культурности заимствовано Меховским из Энея Сильвия, но не только из рассказа Веронца (см. выше прим. 116), а может быть, также из описания Венгрии (Европа, гл. I, перев. наш), где между прочим сказано: „До сих пор недалеко от истоков Танаиса существует другая Венгрия, мать нашей, о которой идет речь. Они почти вполне сходны по языку и нравам, но наша более культурна и чтит Христа, а та, живя дикой жизнью, поклоняется идолам".

В следующей далее фразе перевод Дитмара — „нет больших рек" следует тексту, идущему от какого-либо из двух первых изданий (1517 или 1518 г.), где, вместо cacumina montium (как в 3-м издании), читается flumina.

206

Иоанн Галлер — издатель сочинений Меховского: 1) Contra sevam pestem regimen, Краков, 1508, 1513, 1527, 1535; 2) De sanguinis missione, ibid, 1508; 3) Tractatus de duabus Sarmatiis, ibid., 1517, 1521.

207

Геродот — знаменитый греческий историк V в. до н. э., род. в 484 г. в Галикарнасе, ум. ок. 406 г., вероятно, в италийской Греции; автор Истории в 9 книгах, заслужившей ему уже у современников славу „отца истории". В путешествиях по Египту, Ливии, Финикии, Вавилонии, Македонии, Фракии, Скифии и т. д. Геродот сделал множество точных наблюдений и приобрел такое богатство исторических, географических и этнографических сведений, что чем более углубляется и уточняется осведомленность современной науки, тем большую ценность приобретают известия Геродота и тем отчетливее под бесхитростным изяществом его „сказок" вскрывается подлинная историческая правда. Ко времени Меховского Геродот был уже издан и по гречески (Venetiis, 1502), и в латинском переводе (Venetiis, 1474 и Romae, 1475). См. Brunet, о. с., т. III, стб. 122, 125, 126.

С именем Гая Юлия Солина дошло до нас землеописание, представляющее собою компиляцию, главным образом основанную на Естественной истории Плиния. По некоторым данным можно предполагать, что писал он в 1-й пол. III в. до н. э. См. Schanz, Geschichte der röm. Literatur, III, стр. 201 и сл. Ср. В. В. Латышев., о. с., т. II, вып. 1, стр. 273.

Сочинение Солина в первых изданиях называется либо Collectanea rerum memorabilium, либо De situ orbis. Эта своеобразная естественно-научная энциклопедия очень ценилась в средние века. Меховский мог знать ее в изданиях: Venetiis, 1473; [Paris., 1472—1475]; [Romae, 1473]; Mediolani, 1473; Parmae, 1480. Ср. Brunet, о. с., t. V, стб. 428—429.

Помпоний Мэла, уроженец испанской Тингентеры (в Гэтике), автор единственного известного нам в римской литературе цельного руководства по географии (писалось около 44 г. н. э.). Называлось его сочинение Chorographia, т. е. Землеописание; в первопечатных изданиях известно под именем De situ orbis или Cosmographia. Состоит из трех книг и дошло до нас целиком. Ср. В. И. Модестов, Лекции по ист. римской литературы, СПб., 1888, стр. 665. Меховский мог пользоваться изданиями: Mediolani, 1471; Venetiis, 1477, 1478 (два), 1482; 1502; Valentiae, 1482. См. Brunet, о. с., т. IV, стб. 799—800.

О Плинии см. наше примеч. 90.

208

Геродот (кн. IV, гл. 7): „В местностях, лежащих к северу (Скифии)... по словам скифов, нельзя смотреть вперед, ни пройти вследствие рассыпанных перьев: перьями де наполнена земля и воздух и они-то мешают

зрению" (перев. у В. В. Латышева, о. с., т. I, в. 1, стр. 12). О том же см. кн. IV, гл. 31.

Солин (15, 18): „За ... Хребтом Рифейским есть страна, покрытая вечными снегами. Ее называют Птерофором (Пероносной), потому что там постоянно падающий снег представляет собой что-то похожее на перья." (Перев. ibid., т. II, в. 2, стр. 278).

О том же — у Помпония Мэлы (кн. II, 1) и Плиния (кн. IV, § 88).

Ioh. Thwrocz (о. с., ч. I, гл. VII) говорит: „За Аримаспами и Рифейскими горами проклятая часть мира, где постоянно идет снег" (перевод наш).

209

См. наши примеч. 4 и 123. В дополнение укажем, что о людях-волках впервые пишет Геродот (IV, 105): „... по словам скифов ... каждый Невр ежегодно по разу на несколько дней становится волком ..." (перев. у В. В. Латышева, о. с., т. I, вып. 1, стр. 42).

Геродота повторяли многие, в том числе: Евстафий (310), Солин (15), а из ближайших к Меховскому — Bergomensis (о. с., л. 10^{v}): „Есть еще в Скифии Невры, чудовищные люди, которые в летнее время превращаются в волков" (пер. наш) и Thwrocz (о. с., ч. I, гл. VII) со ссылкой на Солина.

210

Haly Rodham Меховского — это один из арабских комментаторов Птолемея, 'Ali Ibn Ridwân. О нем: Zeitschrift für Mathematik und Physik, Leipz., 1900; C. Brockelmann, Geschichte der arabischen Literatur, I, 484. За это указание мы глубоко благодарны акад. И. Ю. Крачковскому.

В первом латинском издании четверокнижие Птолемея называется Liber quatuor tractatuum (Quadripartitum) et centiloquium cum centiloquio Haly (Venetiis, 1484). Упоминаемый centiloquium Haly и цитируется Меховским.

Согласитель (Conciliator) — сочинение ученого итальянского врача и алхимика Pietro d'Abano (напис. ок. 1303 г.): Conciliator differentiarum quae philosophorum et precipue medicorum ... Mantuae, 1472 (другие издания Venetiis, 1476, 1483, 1521, 1522 и т. д.). Пьетро д'Абано, обвиненный в занятиях магией, был схвачен инквизицией, но умер до суда.

211

Это сообщение, может быть, заимствовано из 15-й книги энциклопедического трактата Бартоломея Английского „О свойствах вещей" (Bartholomaeus Anglicus, De proprietatibus rerum).

Там в гл. 172 „О Финляндии" сказано: „Люди там варварские, грубые и дикие. Они занимаются волшебством и, когда корабли плывут по их берегам или, за отсутствием ветра, задерживаются у них, предлагают купить и продают морякам ветер: делают клубок из ниток, завязывают в нем разные узлы и велят вытянуть из клубка три узла или больше,

смотря по тому, какой силы требуется ветер. Вследствие их неверия демоны обманывают их, возмущают воздух и поднимают ветер, более или менее сильный, сообразно тому, больше или меньше вытянуто узлов из клубка. Иногда же поднимают такой ветер, что несчастные доверившиеся этому люди по заслугам тонут" (перевод наш).

Меховский мог знать трактат Бартоломея Английского по следующим изданиям: кельнскому — ок. 1470 г.; двум изданиям до 1480 г. (s. l. et a.); пистойскому — 1480 г.; лионскому — 1482 г. Ср. J.-Ch. Brunet, o. c., II, col. 1619—1623.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

(Цифры означают страницы русского текста Трактата)

Август, император — 74.
Августин, епископ гиппонский — 76.
Авраам — 58.
Адальберт, епископ пражский — 108.
Адам, „первый человек" — 103.
Адзикерей, царь Перекопский [Хаджи-Гирей], см. также Ацигери — 91.
Адриан, император — 75.
Аксак-Кутлу, татарский государь — 64.
Аларих, вождь готов — 70.
Александр VI, папа — 88
Александр, в. князь Литовский [и король Польский] — 65, 66, 105.
Александр-Витольд, в. кн. Литовский — 103.
Александра св., Феодора и Эвантия церковь в Медниках — 103.
Альберт, король Польский — 65.
Альберт, стригонийский архидиакон — 56.
Альбугерим-царь, дядя Шиахмета — 66.
Альпин, пятый султан оттоманский — 87.
Аммурат (Мурад I), третий султан оттоманский — 87.
Аммурат II (Мурад II), седьмой султан оттоманский — 87, 88.
Андрей-Василий, первый епископ виленский — 101.
Андрей из Пелцницы — 54.
Андрей, сын Стефана из Вирбны (пал при Легнице) — 54.
Андрея св. день — 66.
Андрея св. церковь в Кракове — 51.
Анна, княгиня, жена князя Генриха Набожного — 54.
Аристотель — 98.
Арпад, вождь югров — 83.
Архан [Урхан], второй оттоманский султан — 86.
Асцелин — 57.
Аттила — 70, 79, 80, 81, 82.
Ахмет-Керей, сын Менгли-Гирея — 92.
Ахмет-царь, сын Махмета, хан Заволжский — 65.
Ацигери [Хаджи-Гирей], хан Перекопский — 90.

Баиссет (и Баизет) [Баязид II], девятый оттоманский султан — 65, 88, 89.
Батый, хан татарский — 50, 55, 56, 64.
Баязид I (см. также Пезаит), четвертый оттоманский султан — 64, 87.
Бела IV, король Венгрии — 55, 56.
Белизарий — 77.

Bergomensis — 74.
Бети-Керей, сын Менгли-Гирея — 92.
Блонд [Флавий], историк — 78.
Бодзанта, архиепископ гнезненский — 100.
Болеслав, князь Силезский и Брацлавский — 57.
Болеслав Стыдливый, князь Краковский и Сандомирский — 51, 57.
Бонифаций, принцепс римский — 76.
Бурнас-Керей, сын Менгли-Гирея — 92.

Валентина св. день — 100.
Валентиниан, император — 74, 76.
Варфоломей, апостол — 97.
Василий Великий, — 97; устав его — 107.
Василий [III], князь Московии — 105, 108, 109.
Василько, князь Руссии — 57, 66.
Вензык Николай, проповедник Владислава Ягелло — 103.
Венцеслав, король Богемский — 55.
Вилий, вождь литовцев — 98.
Винцентий [из Бовэ] — 58, 77.
Витенен, вождь литовский — 99.
Витович Николай — пал в битве у дер. Хмелик — 51.
Витольд (Витавд), в. князь Литовский — 65, 91, 99, 103, 104, 105, 106.
Владимир, воевода краковский — 50, 51, 52, 53, 54.
Владимир Рюрикович, князь — 48.
Владислав (Ягелло), король Польский — 65, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105.
Владислав [Варненчик], король Польский и Венгерский — 87.

Гайдер, старший сын Адзи-Керея [Хаджи-Гирея], хана Перекопского — 91.
Гали Родгам ['Али-Ибн-Ридвâн] — 121.
Галлер Иоанн — 119.
Гедвига, мать кн. Генриха Набожного — 52.
Гедвига [Ядвига], жена Ягелло — 100.
Гензерик, король вандалов — 76.
Генрик Набожный, князь, сын св. Гедвиги — 51, 52, 53, 54.
Генрих III, император — 75.
Генрихи, императоры — 75.
Георгий, епископ иаврийский — 56.
Георгий, князь Суздальский — 49.
Георгия св. монастырь в Новгороде — 107.
Геродот Галикарнасский — 119.
Гилимер, король вандалов — 77.
Гильдерик, король вандалов, 76, 77.
Гиппократ — 84.
Гонорий, император — 75, 78.
Гонорик, король вандалов — 76.
Гостерно де, Помпо — магистр прусских крестоносцев — 52, 53, 54.
Грамбина пал при дер. Хмелик — 51.

Грациан, император — 76.
Гржимислава, мать Болеслава Стыдливого — 51, 57.
Григорий [I], папа, автор „Диалогов" — 76, 97.
Григорий Назианзин — 97.
Гриффина, жена Лешка Черного — 67.
Гузакассан [Узун-Гассан], король персов — 88.
Гундерик, король вандалов — 76.
Гуниад Иоаин — 87.
Гунтамунд, король вандалов — 76.

Давид, царь татарский — 47.
Даниил [Романович], король Русский — 66.
Депольд, маркграф Моравский — 52.
Детрик [Теодорих], „римский полководец" — 79.
Друз, пасынок имп. Августа — 74.

Евгений IV, папа — 97.
Евдоксия, императрица — 76.
Елизавета, королева Венгерская — 101
Евхерий, сын Стилихона — 75.

Заинхан, хан Заволжский — 64.
Захария, папа — 82.
Зелиаб, младший сын Мухаммеда II — 88.
Земента пал при дер. Хмелик — 51.
Зенон, император — 69.

Иаван, сын Иафета — 72.
Иакова апостола день — 119.
Иакова св. церковь в Брацлаве — 54.
Иафет, сын Ноя — 72.
Иван Васильевич [III], князь Московии — 91, 105, 106, 107, 117
Иеремия, пророк — 69.
Измаил (сын Авраама) — 58.
Иннокентий IV, папа — 57.
Иоанн Златоуст — 97.
Иоанн Иванович — 53, 54.
Иоанн, князь Мазовецкий — 100.
Иоанн Креститель — 75.
Иокухан, сын Цингиса, хан Заволжский — 64.
Иосиф [Флавий] — 72.
Исаак (сын Авраама) — 58.
Исидор, митрополит киевский — 97.

Кадан (Кайдан), вождь татарский — 50, 56, 57.
Казак Солтан, брат Шиахмета — 66.
Казимир III, король Польский и вел. князь Литовский — 91, 105, 106.

Карл [VIII], король Франции — 88.
Кейстут, князь Литовский — 99.
Кинга, жена Болеслава Стыдливого — 51.
Кирилл, креститель хазар — 62, 63.
Клемент св. — 63.
Клемент, воевода глоговский — 53, 54.
Клемент, кастеллан краковский — 51.
Клемент, сын Андрея из Пелцницы — 54.
Коломан, брат короля Венгерского, Белы IV — 56.
Конрад, князь Мазовецкий — 57, 99.
Конрад, князь Олесницкий — 100.
Конрат Конратович — 53, 54.
Константин Великий, император — 69.
Константин V, император — 82.
Криве, великий жрец литовцев — 108.
Кузид, посол югров — 82.
Куша Петр пал при Легнице — 54.

Лев I, папа — 81.
Лев, князь Русский — 66.
Лех, князь славов — 72, 73, 78.
Лешко Черный, князь — 67.
Луп, епископ Труа — 80.
Людовик, король Венгерский и Польский — 100.

Магомет — 57, 58, 116.
Магомет II (Махомет, Махмед), восьмой султан оттоманский — 71, 88, 89, 90, 91.
Магометов обряд — 61.
Магометова вера — 64, 65.
Манкуп, князья крымских готов — 71,91.
Марии св. монастырь в Новгороде — 107.
Марии св. церковь в Киеве — 49.
Марии св. церковь в Легнице — 52.
Марии св. церковь в Московском Кремле — 114.
Мартин Поляк — 74.
Марциан, император — 82.
Матвей из Мехова — 45, 119.
Матерн, римский полководец — 79.
Матфей, архиепископ стригонийский — 56.
Матфей, первый епископ медницкий — 103,
Махмет-Керей, сын Менгли-Гирея — 92.
Махмет-царь, сын Темира-царя, хан Заволжский — 65.
Махмут-Керей, сын Менгли-Гирея, — 92.
Махумет (Мухаммед I), шестой оттоманский султан — 87.
Мела Помпоний — 119.
Мендлигер [Менгли-Гирей], хан Перекопский — 65, 66, 88, 91, 92.

Мефодий, креститель хазар — 62, 63.
Мечислав Казимирович, князь Опольский — 52, 53.
Михаила св. церковь в Киеве — 49.
Михаила св. церковь в Московском Кремле — 114.
Михаил, император Константинопольский — 62.
Модигизил, король вандалов — 76.
Моисеево пятикнижие — 58.
Мстислав Мстиславич, князь Галицкий — 48.
Мстислав Романович, князь Киевский — 48.
Мубарек-Керей, сын Менгли-Гирея — 92.

Никазий реймсский епископ — 80.
Николай [I], папа — 63.
Николай, сцибинский настоятель — 56.
Николай, св., „наиболее чтимый русскими" — 107.
Николая св. церковь в Московском Кремле — 114.
Ногай — татарский вождь — 66, 67.
Ной — 72.

Одоакр, вождь герулов — 69, 71.
Оккас, родоначальник татар оккасов (ногайских) — 92, 93
Октавиан, император — 74.
Олесницкий князь Конрад — 100.
Ольгерд, князь Литовский — 99.
Орозий Павел — 69, 74.
Отуманн, родоначальник оттоманов — 86.

Павел Диакон — 70, 76.
Пакослав, воевода сандомирский — 51.
Паулин, епископ гор. Нолы — 76.
Пезаит [Баязид I], оттоманский султан — 64, 87.
Перкун, бог самагиттов — 102.
Пета, князь татарский — 50, 51, 53.
Пикколомини Эней Сильвий — 105.
Пиотркович Томас — пал при Легнице — 54.
Плиний [Старший] — 72, 119.
Поссидоний — 76.
Прандота, епископ краковский — 57.
Птолемей Фелудиан — 68, 69, 121.

Рагаз, царь готтов — 70.
Рациборович Яков, кастеллан сандомирский — 51.
Рейнальд, епископ трансильванский — 56.
Росцислав, придворный князя Генрика Набожного — 54.

Садех-Керей, сын Менгли-Гирея — 92.
Сатурн — 68, 69.
Светоний Транквилл — 72, 74.

Свитригелл, вел. князь Литовский — 104.
Святоплуг, король Паннонии — 82, 83.
Селямбек (Селембек, Селимсабег, Селин), десятый оттоманский султан [Селим I] — 71, 88, 89.
Семовит, князь Мазовецкий — 100.
Сепёлка Болеслав — 52, 53, 54.
Сигизмунд, император Римский, король Венгрии и Богемии — 87, 104.
Сигизмунд, вел. князь Литовский [Сигизмунд I, король Польский] — 105.
Сигизмунд Стародубский, в. князь Литовский — 104, 105.
Сигильберт [Сигеберт], хронист — 77.
Сим, сын Ноя — 72.
Солин — 119.
Софи, король персов — 89.
Станислав св., патрон Польши — 101.
Стампотич Альберт — пал при Хмелике — 51.
Стефан, епископ пермский — 117.
Стефан из Вирбны — пал при Легнице — 54.
Стилихон, комес римский — 75.
Сулислав — пал при Хмелике — 51.
Сулислав, брат Владимира, воеводы краковского — 52, 53, 54.
Сулькович Христин из Недзведзя—пал при Хмелике — 51.

Тахтамис [Тохтамыш], хан Перекопский — 91.
Тацит Корнелий — 72, 78,
Телебуга, татарский вождь — 66, 67.
Темерлан („Темир-Кутлу")—64, 87, 104.
Темир-Кутлу, хан Заволжский—64, 65, 87, 91, 104.
Темир-царь, сын Темир-Кутлу — 65.
Теодорик, король готтский — 71, 79, 80.
Торисмунд, сын Теодорика готтского — 80.
Тразамунд, король вандалов — 76, 77.
Турсон Станислав, епископ ольмюцский — 45.

Уголин, архиепископ колоцкий — 56.
Улан, завоеватель Таврики — 89, 91.

Фаддей, апостол — 97.
Филиппа св. и Иакова день (1 мая) — 119.
[Флавий] Иосиф — 72.
Фригидерн, князь готтов — 70.

Хаба, сын Аттилы — 82.
[Хаджи-Гирей] см. Ацигери и Адзикерей.
Хам, сын Ноя — 72.

Цингис (Цингос) [Чингис] — 64.

Чарторыйский Иван, князь — 104.
Чеслав, приор ордена предикаторов — 51.
Чех, князь славов — 72, 73, 78.
Чингис см. Цингис.

Шейх-Ахмед см. Шиахмет — 65, 66, 91.

Эвтропия, сестра Никазия, епископа реймсского — 80.
Элиз, сын Иавана — 72.
Эрадий, архидиакон бахийский — 56.
Этелэ (Аттила) — 79.
Этий, патриций, римский полководец — 79, 80, 81.

Юстиниан, император — 77.

Ягелло, сын Ольгерда — 99. См. Владислав Ягелло.
Ямурци, перекопский князь — 91.
Ястребов [Ястржембец] род — 101.

II. УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИМЕН

Абгазары или абгазели [хазары] — 62.
Августа Винделиков [Аугсбург], город — 74.
Австрийский герцог — 56.
Австрия — 56, 88.
Адриатическое море — 81.
Азиатская Сарматия — 46, 47, 68, 70, 71, 85, 110.
Азия — 47, 62, 64, 77, 87, 94, 117.
Азов, крепость — 71, 90, 91.
Аквилея, город — 71, 81.
Алания, область — 72.
Аланские горы — 46.
Аланы — 69, 72, 75, 77, 94.
Александрия египетская — 96, 115.
Альба [Эльба] река — 74.
Альбания — 61, 62.
Алькаир, город — 89, 96.
Альпы — 81, 83.
Альпы Паннонские — 67.
Амазонки — 69, 85.
Апулия — 76, 88.
Армяне — 96, 97.
Армянская вера — 96.
Армянские церкви — 98.
Армянский язык — 98.
Арно, река—114.
Аскарда, земля — 68.
Аттика — 87.
Аугсбуг см. Августа Винделиков.
Африка — 76, 77.

Балтийское море—66, 105, 106, 110.
Бахийский архидиакон, Эрадий — 56.
Башкирская земля — 117.
Башкирия — 117.
Белый Замок [Аккерман]—65, 88, 91, 106.
Бельзенский округ в Руссии — 95.
Беотия — 87.
Бергамо — 74.
Богемия — 57, 73, 74, 78, 113.
Богемская речь—86.
Богемская хроника — 78.

Богемский король Венцеслав — 55.
Богемы — 77, 78, 83.
Болешиско — 55.
Большое Турско, деревня — 50.
Борисфен Большой, река—46, 95, 98, 106, 109, 110, 115
Борисфен Малый, река — 46, 106.
Боснийцы — 78,
Босния — 56, 72.
Босфор — 78.
Брацлав — 51, 54, 57.
Брест — 66.
Брестский или владимирский епископ — 97.
Буг (Малый Борисфен), река—95, 98, 106.
Буда, замок в Венгрии — 114, 115.
Булгария — 56, 69, 72, 88.
Булгары — 78, 87.
Бургундия — 74.
Бургунды — 74, 77, 79.
Буско, город — 95.
Бялыгрод [Аккерман], город—65, 94, 106.

Валахия — 49, 68, 88, 92, 94, 95, 97.
Вандал, река (Висла) — 72, 73.
Вандалия (Польша) — 73, 76, 78.
Вандалы — 69, 72, 75, 76, 77, 78.
Варнское озеро — 87.
Вация, город — 55.
Великая Польша — 52, 73, 78, 104.
Велюня, округ в Самагиттии — 101.
Венгерская королева Елизавета — 101.
Венгерская хроника — 50.
Венгерский граф-палатин — 55.
Венгерский и Польский король Людовик — 100.
Венгрия — 49, 50, 51, 55, 56, 57, 64, 67, 68, 83, 114.
Венгры (унгары) — 55, 69, 71, 79, 82, 83, 87, 118, 120.
Венецианцы — 88.
Венеция — 81.
Вестфалия — 73.
Видуки, округ в Самагиттии — 101.
Византия — 89.
Виленская церковь — 101.
Виленский замок 109.
Вилия, река — 98, 109.
Вильно, город — 65, 66, 98, 100, 103, 105, 106, 109.
Вильна, река — 98, 109.
Винделики — 74, 75, 78, 79.
Винды — 75, 79.
Висла, река — 47, 62, 67, 72, 73.

Вислица — 50.
Виссиготты [вестготы] — 70.
Витебск — 110.
Вифиния — 86.
Владимир, город в Московии — 112.
Владимир, город в Руссии — 67.
Владимирский или брестский епископ — 97.
Догульская земля — 112.
Вогулы (огульки) — 79, 116.
Волга — 46, 60, 61, 62, 63, 66, 79, 84, 92, 110, 113, 115.
Вологда — 112.
Ворскла, река — 104.
Вязьма, замок — 109.
Вятка — 112, 116, 120.

Газары — 62.
Галицийский округ в Руссии — 95.
Галицкий князь Мстислав Мстиславич — 48.
Галич — 48.
Галлия — 70, 71, 74, 75, 78, 79, 87.
Галльские купцы в городе Стригонии — 56.
Геллеспонт — 87.
Генуэзская колония Каффа — 88.
Генуэзцы — 71, 90.
Генуя — 96.
Гепиды — 82.
Германия — 57, 78, 81, 121.
Германские мили — 60, 79, 95, 106, 108, 109, 112.
Германское (или Балтийское) море 73, 74, 77, 79, 111.
Германцы — 77, 78.
Герул (Одоакр)—69.
Геты — 47, 69.
Гипанис (Буг), река — 98.
Гиперборейские горы — 46, 84, 110, 116.
Гиппонский епископ, бл. Августин — 76.
Гирканское (Каспийское) море — 61.
Гиспал [Севилья] — 76.
Гистр (Дунай) — 97.
Гистрия — 81.
Глоговский воевода Клемент — 53, 54.
Гнезненский архиепископ Бодзанта — 100.
Гольтберг, город — 52.
Готтия — 64, 70, 79, 82, 85, 119.
Готты — 47, 65, 68, 69, 70, 71, 75, 77, 79, 80, 81, 88, 91.
Греки — 72, 87, 90, 97, 106, 110.
Греция — 95.
Греческая вера — 62, 116.
Греческие богословы — 97.

Греческий алфавит — 97.
Греческий обряд — 96, 97, 109, 117.
Греческое вино — 95.
Гугны [гунны] — 69, 77, 83, 85, 118.
Гугры — 83.

Дакийский государь — 77.
Дакия — 69, 70, 77.
Далматы — 78.
Далмация — 72, 78, 81, 88.
Двина [Западная] — 84, 108, 109, 110, 115.
Децен [Детинец], замок в Новгороде — 107.
Дзассов, замок — 94, 106.
Днепр — 95, 106, 109, 110, 115. См. также Борисфен Большой.
Днестр — 95.
Доброе Поле, место битвы при Легнице — 52.
Дон (Танаис)—47, 61, 62, 115.
Донец (Малый Дон) — 109.
Древяне, народ — 74.
Дрогичинский замок — 108.
Дрогобыч — 96.
Дунай — 49, 55, 56, 83, 87, 88, 97, 115.

Евреи — 72, 97, 109.
Еврейский язык — 98.
Еврейское письмо — 97.
Европа — 47, 57, 70, 79, 94.
Европейская Сарматия — 47, 72, 91, 94.
Египет — 62, 64, 89, 115.
Египетская Александрия — 96.
Египетский султан—88, 89.

Жыдачув, город — 95.

Завихост, город — 50,
Заволжская орда — 60, 63, 92.
Заволжские татары — 60, 61, 62, 63, 65, 79, 89, 92.
Заволжские ханы — 63, 64, 65.
Заволжский хан Темир Кутлу — 91, 104.
Западная Европа — 77.
Золотая баба — 116, 120.
Зубцовское княжество — 113.

Иаван — еврейское название ионийцев — 72.
Иаврийский епископ Георгий — 56.
Иаурин, город — 56.
Иберия — 61, 62.
Измаэлиты — 58.

Илирик — 78.
Иллирийцы — 87.
Индия — 46, 47, 96.
Ионийское море — 72.
Ионийцы — 72.
Ирагола, округ в Самагиттии — 101.
Испания — 71, 75, 76.
Испанская речь — 86.
Истм Коринфский — 88.
Истула (Висла) река — 72.
Италийские купцы — 56.
Италийские мили — 89, 106.
Италийские слова — 108.
Италийцы — 98.
Италия — 69, 70, 71, 81, 83, 87, 89, 98, 108.
Итальянская речь — 86.
Итальянские города, Генуя и Флоренция — 96.
Итальянцы — 90.
Иудеи — 96.
Иудейская вера — 96.
Иудейские синагоги — 98.

Казанская (Козанская) орда — 92, 113.
Казанские (козанские) татары — 63, 68, 86, 92, 116.
Казанское (Козанское) княжество — 91.
Казань (Козан), замок — 92, 113, 115.
Казимирия [Казьмерж] — 106.
Калка, река — 48.
Калмуки — 61.
Каменец, город — 96.
Каменецкий епископ — 97.
Кампания — 76.
Каппадокия — 86.
Капуя — 76.
Каринтия (Коритания) — 81.
Карны, народ — 78.
Карфаген — 76.
Каспийское море — 47, 59, 60, 61, 62, 63, 85.
Кассубия — 73.
Кассубы — 78.
Каталаунские поля — 79.
Каффа [Феодосия] — 71, 88, 90, 96.
Качибейское озеро — 96.
Кельтини, округ в Самагиттии — 101.
Киев — 48, 49. 57, 65, 95, 97, 106, 109.
Киевские князья — 99.
Киевский замок — 50.
Киевский князь Мстислав Романович — 48.

Киевский митрополит Исидор — 97.
Киевский правитель — 65.
Киликия — 86.
Килия — 88.
Кипр — 87.
Киркель, город в Крыму — 90.
Клепардия [Клепарж], предместье Кракова — 106.
Клинское княжество — 113.
Ковно — 66, 91, 109.
Коломыя, город — 95.
Колоцкий архиепископ Уголин — 56.
Константинополь — 77, 87, 88, 89, 96.
Константинопольская империя — 68, 69, 71.
Константинопольский император Константин Великий — 69.
Константинопольский имп. Константин V — 82.
" " [Мануил II] — 87.
" " Марциан — 82.
" " Михаил — 62.
" патриарх — 109, 116.
Корасмин, область — 121.
Корела, область — 112, 117, 118.
Корелы — 117.
Коритания см. Каринтия.
Краков — 51, 52, 57, 62, 67, 106.
Краковская область — 67.
Краковский воевода Владимир — 50, 51, 52, 53, 54.
Краковский кастеллан Клемент — 51.
Краковский князь Болеслав Стыдливый — 51, 57.
Краковский консул Иоанн Галлер — 119.
Кроаты — 78.
Кроация — 72, 78, 88.
Крупа, река — 78.
Кубань (Кобан), река — 63.
Крым — 90.
Крымский хан — 90.
Кубенское княжество — 113.
Куманы — 67.
Кумумедцар, город — 65.
Куявы — 50, 52.

Лабия [Эльба], река — 74.
Легница, город — 52, 54.
Ленчица — 50, 57.
Лехиты [поляки] — 73.
Ливония — 101, 108, 110.
Ливонский город Рига — 110.
Лионский собор — 57.
Литва — 66, 68, 91, 92, 95, 96, 98, 100, 101, 103, 104, 105, 106, 108, 109, 110, 111, 112, 114.

Литовская земля — 98.
Литовские владения — 94, 97, 106, 109, 110.
Литовские князья — 98.
Литовские князья Ольгерд и Кейстут — 99.
Литовский вел. князь — 98, 108, 109.
Литовский вел. князь Александр — 65, 66, 105.
" " " Александр-Витольд — 103.
" князь Витольд — 65, 91, 99, 103, 104, 105, 106.
" вел. князь Казимир — 91, 105, 106.
" " " Ольгерд — 99.
" " " Свитригелл — 104.
" " " Сигизмунд — 105.
" " " Сигизмунд Стародубский — 104, 105.
Литовский король — 104.
Литовский и русский митрополит — 97.
Литовскнй народ — 99, 100.
Литовский язык — 103, 108.
Литовское [вел.] княжество — 98, 103, 104, 105, 109, 110.
Литовское и самагиттское наречия — 108.
Литовцы — 47, 50, 66, 78, 91, 94, 97, 98, 99, 100.
Ломбардия — 81.
Лотва или Лотигола — 108.
Лубны — 54.
Луцкий епископ — 97.
Луцкий округ в Руссии — 95.
Львов, город — 97.
Львовская земля — 95.
Львовский округ — 96.
Любек, город — 73, 75.
Люблин, город — 60.
Люблинская область — 67.

Мазовецкая область — 67.
Мазовецкие князья Семовит и Иоанн — 100.
Мазовецкий князь Конард — 57, 99.
Мазовиты — 78.
Мазовия — 99.
Майнц (Могунция), город — 74.
Македония — 87.
Малая Азия — 69, 86.
Малая Польша — 78.
Малый Борисфен (Буг), река — 46, 106.
Манкуп, готтский замок в Крыму — 71, 88, 90, 91.
Марка [Бранденбургская] — 73, 75, 104.
Медники, округ в Самагиттии — 101.
Медники, город — 103.
Медницкая церковь — 103.
Медницкий, епископ Матфей — 103.

Мейсен (Мисна) — 74, 75.
Мекельсбург [Мекленбург] — 75.
Менгреллы — 63.
Меотидские болота — 47, 57, 61, 82, 90, 91, 94, 96, 115, 118, 120.
Мехов, город — 45, 119.
Мидяне — 61.
Мизии, жители Мизии — 78.
Мизия — 70, 72, 79.
Мисна [Мейсен] — 74, 75.
Могунция см. Майнц.
Модон, остров и город — 88.
Можайское княжество — 105.
Молдавия — 49, 88, 94, 95, 97.
Моравия — 50, 51, 55, 57, 63, 64, 73.
Моравская легенда о крещении хазар — 62.
Моравский маркграф Депольд — 52, 53, 54.
Моравы — 78.
Москва, город — 79, 106, 108, 112, 113, 114.
Москва, река — 114.
Моски (московиты) — 47, 79, 92, 97, 105, 106, 114, 116.
Московии князь — 61, 84, 92, 112, 113, 115, 116, 117.
Московии князь Василий [III] — 105, 108, 109.
" " Иван Васильевич [III] — 91, 106, 107, 117.
Московиты — 63, 68, 78, 85, 97, 115, 118.
Московия — 46, 49, 61, 62, 68, 79, 83, 84, 91, 92, 93, 95, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 115, 116, 117, 120.
Московская область — 114.
Московские мили (версты) — 112.
Мультава, река — 114.

Невяза, река — 102.
Неман, река — 109.
Немецкая одежда у псковичей — 108.
Немецкие купцы в гор. Стригонии — 56.
Немецкий язык — 109.
Нигропонт — 88.
Нижний Новгород — 115.
Нил, река — 115.
Нитрийской церкви епископ — 56.
Новгород (Нугардия) — 106, 107, 109.
Новгородское княжество — 103, 105.
Новгородцы (нугарды) — 78.
Ногайская орда — 60.
Ногайские (ногацкие) татары — 63, 68, 86, 92
Нола, город — 76.
Норвегия — 120, 121.
Нугардия см. Новгород.

Огульки [вогулы] — 78.
Ока, река — 115.
Оккасы или ногайские татары — 92.
Очарков [Очаков], замок — 94, 96.
Ольмюц, город — 55.
Ольмюцский епископ Станислав Турсон — 45.
Опольский князь Мечислав Казимирович — 52, 53.
Оскол, река — 109.
Остроготты [остготы] — 70.
Отмухов — 54.
Отуманы или турки — 86.

Памфилия — 86.
Паннония — 69, 70, 71, 72, 75, 79, 81, 82, 83, 89, 95, 118, 121.
Паннонцы — 78, 83.
Парчов, город — 106.
Пелопонес — 88.
Пера, город — 88.
Перекоп — 65, 91.
Перекопская орда — 60.
Перекопские татары (уланы) — 63, 65, 68, 71, 86, 92, 94.
Перекопский хан Ацигери — 90.
„ „ Мендлигер — 65, 66, 88, 91, 92.
Пермская область — 112.
„ земля — 117.
Пермь, область — 117, 120.
Персидское слово „чиниревент“ — 62.
Персы — 61, 88, 89.
Пешт, город — 55, 56, 68.
Пинский епископ — 97.
Плесковиты [псковичи] — 78.
Плесковия (Псков) — 103, 105, 107, 108.
Подолия — 50, 94.
Покрживницкий монастырь — 50.
Пола, город — 56.
Половцы — 47, 48, 68.
Полоцк — 105, 108, 109, 110.
Полоцкий епископ — 97.
Польская речь — 86.
Польская хроника — 78.
Польские имена — 75.
Польские местности — 77.
Польский король — 46.
Польский король Альберт — 65.
„ „ Александр — 65, 66, 103, 105.
„ „ Владислав Ягелло — 65, 99—105.
„ „ Владислав Варненчик — 87.
„ „ Казимир III — 91, 105, 106.

Польский и Венгерский король, Людовик — 100.
Польский язык — 77, 109.
Польское царство — 76, 77, 78.
Польша — 49, 50, 57, 64, 73, 75, 77, 78, 92, 95, 99, 101, 105.
Поляк — епископ Андрей Василий — 101.
Поляки — 50, 51, 53, 66, 67, 73, 74, 75, 78, 79, 83, 95, 98, 99, 100, 102.
Померания — 73.
Померанцы, народ — 78.
Понт (Эвксинский), Понтийское [Черное] море — 61, 63, 65, 69, 70, 91, 95, 109, 110, 115.
Понт область — 86.
Португалия — 46.
Прага — 113, 114.
Премысльская земля — 96.
Премысльский епископ — 97.
Премысльский округ в Руссии — 95.
Пруссия — 52, 53, 99, 101, 104.
Прусские крестоносцы — 65.
Прусское (Балтийское) море —
Прусское наречие — 108.
Псари замок — 73
Псков — 103, 105, 107, 108, 109.
Псковская земля — 108.
Псковские граждане — 108.
Псковичи (плесковиты) — 78.
Пьенини, замок в Венгрии — 51.
Пятигорские черкесы — 62.

Равенна — 71, 81.
Радом — 66.
Расции, жители Расции — 78.
Расция — 72, 88.
Ратиборский край — 55.
Реймс — 80.
Рейн — 74.
Рига — 105, 108, 110.
Рим — 63, 70, 71, 76, 81, 88, 89, 97, 106, 108, 115.
Римляне — 79, 82, 98.
Римская церковь — 97, 109.
Римский король [император] Сигизмунд — 87, 104.
Римский обряд — 98.
Римский первосвященник—96.
Римское государство — 75.
Рип (Rzip) гора—73.
Рифейские горы — 46, 84, 110, 116.
Роатин [Рогатынь] город — 95.
Родан [Рона] река — 74.
Родосский орден — 88.

Родосцы — 88.
Розена, округ в Самагиттии — 101.
Роксолания — 94.
Роксоланы — 69, 94.
Ромовэ, город — 108.
Ростов, замок в Суздальской земле — 49.
Росток, город — 73, 75.
Руссии князь Василько — 57, 66.
Руссии князь Лев — 66.
Руссия — 46, 47, 48, 49, 50, 55, 57, 64, 68, 78, 92, 94, 95, 96, 97, 98, 99.
Руссия Белая — 120.
Русская вера — 96.
Русская земля — 95, 96.
Русская речь — 112,
Русский язык — 116.
Русские — 48, 49, 62, 66, 67, 68, 69, 78, 79, 94, 97, 98, 99, 105, 108, 109, 116.
Русские князья — 48, 49, 99.
Русские церкви — 98.
Русский — 105.
Русский и литовский митрополит — 97.
Русский народ—95.
Русский или греческий обряд крещения — 117.
Русское ущелье в Сарматских горах—55,
Руссы или рутены — 47, 70, 78, 96.
Рязанская земля — 49.
Рязанское княжество — 61, 113, 115.

Самагиттия — 98, 101, 109.
Самагиттский язык — 102.
Самагиттское наречие — 108.
Самагитты — 102, 103.
Сандец, город — 51.
Сандомир, город — 50, 51, 67.
Сандомирия — 67.
Сандомирская земля — 66, 67.
Сандомирский воевод Пакослав — 51.
Сандомирский кастеллан, Яков Рациборович — 51.
Саноцкий округ в Руссии — 95.
Сарай, татарский замок—93, 115.
Сарацинская вера — 109.
Сарацины — 58, 116.
Сарбы — 75.
Сарматии — 45, 46, 47, 71, 119, 120.
Сарматия — 68, 79, 82, 102.
Сарматия Азиатская — 46, 47, 68, 70, 71, 85, 110.
» Европейская — 47, 72, 91, 94.
Сарматские горы — 55, 83, 95,
Сарматы — 77, 79.

С в е в а [Шпре] река — 74, 75.
С в е в ы — 72, 73, 74, 75, 77, 79.
С в о т ц в верхней Германии — 121.
С е в е р н о е море — 84.
С е в е р н ы й океан — 46, 79, 83, 107, 118, 119, 121.
С е в и л ь я см. Гиспал.
С е м и г р а д ь е — 82.
С е р а д з — 50.
С е р а д з с к а я область — 67.
С е р б и я — 56.
С е р б с к и й язык — 98.
С е р б ы — 78.
С е р в и я — 72.
С е р е т а епископ Андрей Василий — 101.
С и к у л ы (czakle) — 82.
С и л е з и й ц ы — 78.
С и л е з и я — 50, 64, 67, 73.
С и л е з с к и й и Брацлавский князь Болеслав — 57.
С и р и я — 89.
С и р м и й — 71.
С к а н д и н а в и я — 77.
С к а н д и я — 77.
С к а р б и м и р и я — 50.
С к в а д ы — 75.
С к и ф и я — 66, 68, 69, 70, 79, 83, 84, 85, 94, 110, 112, 115, 116, 117, 118, 120.
С к и ф с к а я земля — 79.
С к и ф с к а я область — 83.
С к и ф ы — 69, 77, 85.
С л а в о н и я — 56, 57, 72.
С л а в ы [славяне] — 68, 72, 74, 75, 78, 83, 89,
С л а в я н и н — 82.
С л а в я н с к а я земля — 82.
С л а в я н с к а я речь — 78, 112.
С л а в я н с к и е племена — 77.
С л а в я н с к и й язык — 98, 116.
С л а в я н с к о е наречие — 118.
С л а в я н с к о е население — 83.
С м и д е р о в, замок — 88.
С м о л е н с к — 95, 906, 108, 109, 112.
С м о л е н с к а я область—49.
С м о л е н с к и е князья — 48.
С м о л е н с к и й епископ — 97.
С м о л е н с к о е княжество — 103, 105, 108.
С н я т и н, город — 95;
С о л а т, город в Крыму — 90.
С о н ц и й, река—71.
С о ф и и св. храм в Константинополе — 89.
» » » в Новгороде — 107.

С п р е, Спрева [Шпре], река—74.
Стародуб — 104.
Стремех, лес—50.
Стригоний, город — 56.
Стригонийский архидиакон Альберт — 56.
Стригонийский архиепископ Матфей — 56.
Суздальская земля — 49.
Суздальское княжество — 113.
Сцибинский настоятель — 56.

Таврика — 70, 91,
Таврический остров — 70, 71, 88, 89, 90, 91, 94, 95.
Танаис (Дон), река — 46, 47, 61, 62, 71, 72, 77, 78, 79, 84, 91, 94, 95, 96, 109, 110, 113, 115.
Танаис Малый [Донец] — 109.
Татария — 56, 57, 66, 67, 68, 104, 110, 112 115 ,118.
Татарская земля в Московии — 113.
Татарская орда — 63, 66, 92, 103.
Татарские князья [государи] — 57.
Татарские племена — 47.
Татарские степи — 94, 106.
Татарский замок Очарков — 94, 96.
Татарский народ — 46.
Татарский хан (император) — 57, 58, 60, 61, 64.
Татарский хан Мендлигер — 65, 66, 88, 91, 92.
» » Темир-Кутлу—64, 65, 87, 91, 104.
Татарский язык — 116.
Татары — 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 71, 72, 83, 85, 86, 90, 92, 99, 104, 106, 113, 115.
Татары длинноволосые (калмуки) — 61.
Татары заволжские — 60, 61, 62, 63, 65, 79, 89, 92.
Татары казанские — 63, 68, 86, 92, 116,
Татары ногайские — 63, 68, 86, 92.
Татары оккасы (ногайские) — 92.
Татары перекопские (уланы) — 63, 65, 66, 68, 71, 86, 92, 94.
Татары уланы — 71, 89, 91.
Татары чагадайские (заволжские) — 79, 86.
Татары, поселенные в Литве — 103, 104, 109.
Тверское княжество (земля) — 113.
Тверь — 113.
Тевтонские племена — 75.
Тевтонский орден — 99.
Терек (Тирк), река — 63.
Тибр река — 62, 115.
Тирас (Днестр), река — 95.
Тирренское море — 115.
Тисса, река — 55.
Травяне, народ — 74.

Трансильвания — 82
Трансильванский епископ Рейнальд — 56.
Трапезундский император — 87.
Трибаллы, народ—87.
Троки, город — 109.
Труа, город — 80.
Тужагора, местность — 104.
Турецкие султаны (императоры) — 86, 87, 88, 89, 91.
Турки — 65, 78, 83, 85, 86, 87, 88, 89, 106, 116.
Туровский епископ — 97.
Турция — 118.

Уланы или перекопские татары — 71, 86, 89, 91.
Унгары [венгры] — 69, 83, 118.
Устюг, город — 112.

Фезуланские горы — 70.
Феодосия или Каффа, город — 71, 88, 90.
Фессалия — 87.
Фессалоника — 87.
Финляндия — 85, 107, 120, 121.
Флорентийский собор — 97.
Флоренция — 96, 113, 114.
Фокида — 87.
Фракия — 69, 70, 79.
Франция — 88.

Хазарские племена — 62.
Хваленское (Каспийское) море — 61.
Херсонес (Таврический) — 71, 88, 89.
Хмелик, деревня — 51, 52.
Хмельник, город — 95.
Холмский епископ — 97.
Холмский (Хелмский) округ в Руссии — 95, 96.
Хроссе, округ в Самагиттии — 101.

Царев дом [Царьград] — 89.

Чагадайская или Заволжская земля — 65, 66, 86.
Чагадайские или заволжские татары — 63, 79, 86, 92.
Чагадайские (заволжские) ханы — 65.
Чакле (сикулы) — имя гуннов в Трансильвании—82.
Чарна, река — 50.
Черкесы — 62, 94.
Черкесы Пятигорские — 62, 63.
Черниговская область — 49.
Черниговские князья — 48.
Черниговский князь — пал при Калке — 48.

Четра, округ в Самагиттии — 101.
Чиремисса, область — 117, 120.

Шаховское княжество — 113.
Швеция — 85, 107, 120, 121.
Шидлов, город — 51,
Шпре, река см. Свева, Спре.
Штирия — 81, 88.
Шугерское княжество — 113.

Эвксинское море — 47, 61, 63, 82, 110, 115, 118.
Эгейское море — 72.
Эдель (Волга), река — 61, 62, 84, 115.
Элладики или эолийцы — 78.
Эльба см. Альба.
Этолия — 87.
Эфес, город — 69.

Югра, область—69, 79, 83, 84, 85, 112, 117, 118, 120.
Югра, река — 109.
Югры — 69, 71, 79, 82, 83, 84, 85, 117, 118, 120.

Язиги — 82.
Ярославское княжество — 113.
Яцвингов [ятвягов] наречие — 108.